

ЛЮСЬЕН РЁБАТЕ, ПЬЕР-АНТУАН КУСТО

ДИАЛОГ «ПОБЕЖДЁННЫХ»

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2023

УДК 82-83
ББК 87.6(4Фра)
Р31

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с французского — Владимир Лорченков

Рёбате, Л., Кусто П.

Р31 Диалог «Побеждённых». — М.: Тотенбург, 2023. — 360 с.

«Диалог «Побеждённых» — книга французских коллаборационистов Пьера-Антуана Кусто (1906–1958) и Люсьена Рёбате (1903–1972). Один — хладнокровный спецназовец, регбист, заключённый III и IV Французских республик и III Рейха, лучший публицист своего поколения и просто старший любимый брат знаменитого океанографа. Другой — друг и коллега Кусто, выдающийся писатель и музыкальный критик. Осуждённые на смерть — Кусто за статьи, а Рёбате за книги — ждали расстрела в цепях 141 день, а после, помилованные на пожизненное заключение, отбывали его в тюрьме-аббатстве Клерво. Где, разговаривая в камерке тюремной бухгалтерии, и написали свою книгу, впервые изданную во Франции лишь 50 лет спустя, в 1999 году.

«Диалог «Побеждённых» — книга людей, которые не считали себя побеждёнными. Людей, способных и в промерзшей камере разговаривать (и как!) о Достоевском, Боге, Германии, Европе и её будущем, своих ошибках, победах, поражениях, «Опасных связях», Сартре, Северной Корее, Муссолини, любви, Христе, масонстве, жёнах, Ростиньяке, репрессиях, сексуальности, Наполеоне и Ричарде Храбром сердце, других королях и какой угодно капусте. Эта книга — праздник свободной мысли, мощный поток которой не в состоянии остановить никакие жизненные обстоятельства.

... В 2023 году в этом разговоре в тюремных стенах зазвучал третий голос. К двум желчным и талантливым собеседникам в тюрьме Клерво присоединился переводчик их книги на русский язык, писатель Владимир Лорченков. Присоединяйтесь к разговору и вы.

УДК 82-83
ББК 87.6(4Фра)

© Владимир Лорченков,
перевод с французского, 2023
© Издательство «Тотенбург», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.....	5
ДИАЛОГ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ.....	14
ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ: ЧЁРНЫЙ ФЛАГ И СВАСТИКА	25
ДИАЛОГ ВТОРОЙ: ПРАВО САМОГО СИЛЬНОГО	47
ДИАЛОГ ТРЕТИЙ: RULE BRITANNIA	59
ДИАЛОГ ЧЕТВЁРТЫЙ: АПОСТОЛ ПАВЕЛ-ДОМУШНИК	76
ДИАЛОГ ПЯТЫЙ: ОТ СОКРАТА К БУССЁЛЭРУ	86
ДИАЛОГ ШЕСТОЙ: ШЕСТАЯ ПЕЧАТЬ	106
ДИАЛОГ СЕДЬМОЙ: ПЕРЕД ВЕЧНОЙ ГЕРМАНИЕЙ.....	121
ДИАЛОГ ВОСЬМОЙ: ВЕРИТЬ И ПОНИМАТЬ.....	141
ДИАЛОГ ДЕВЯТЫЙ: ТРЕТИЙ ПОЛ	152
ДИАЛОГ ДЕСЯТЫЙ: ОБСКУРАНТИЗМ	165
ДИАЛОГ ОДИННАДЦАТЫЙ: ТЮРЕМНЫЙ КОМФОРТ	181
ДИАЛОГ ДВЕНАДЦАТЫЙ: РУЗВЕЛЬТ, МЫ ТУТА	200
ДИАЛОГ ТРИНАДЦАТЫЙ: НА ПОМОЩЬ КЛИО.....	216
ДИАЛОГ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ: СТУКАЧИ	236

ДИАЛОГ ПЯТНАДЦАТЫЙ:	
«ГРЯЗНЫЕ НОГИ» САРТРА.....	247
ДИАЛОГ ШЕСТНАДЦАТЫЙ:	
ВСЁ ПРОПАЛО	263
ДИАЛОГ СЕМНАДЦАТЫЙ:	
ЛИТЕРАТУРА	274
ДИАЛОГ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ:	
ПРОШЛОЕ УМА.....	310
ДИАЛОГ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ:	
БОЖИЙ БИЧ.....	325
ДИАЛОГ ДВАДЦАТЫЙ:	
СВЯЩЕННАЯ ЛЮБОВЬ РОДИНЫ... ..	341
СЛОВАРЬ.....	356

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Я с гордостью и радостью представляю читателю первый русский перевод «Диалога „побеждённых“». Но перед тем как вы приступите к чтению этой книги с, как принято говорить, непростой судьбой, я хочу кратко познакомить вас с историей её создания и её авторами.

«Диалог „побеждённых“» написан в тюрьме Клерво двумя блестящими французскими писателями, фашистами, полемистами и коллаборационистами — музыкальным критиком Люсьеном Рёбате и журналистом Пьером-Антуаном Кусто, старшим братом известного океанографа. Приговорённые к смерти за сотрудничество с немцами в годы Второй мировой войны, Рёбате и Кусто-старший были помилованы Де Голлем, получили новый приговор — пожизненное заключение, но в начале 50-х годов амнистированы. «Диалог» писатели составили в тюрьме Клерво, где работали сначала в бухгалтерии, а после — в библиотеке. Разумеется, ещё до своего издания на бумаге «Диалог» попал под цензуру, так что прочитать его в печатном виде французский читатель смог лишь в 1999 году, когда книга была опубликована ограниченным тиражом издательством Editeurs Berg International, принадлежавшим господину Роберу Бёло (Robert Belot, 1931–2006), кстати, сенатору Бельгии. А представил книгу, в серии «История идей», французский философ и публицист, интеллектуал, Пьер-Андре Тогиев (Taigiev). Сын русского и полячки, Пьер-Андре известен приверженностью к экстравагантным «левым» идеям, балансирующим на грани «правой» пропасти. Что, в общем, в духе героев и авторов нашей книги, ведь тот же Кусто-старший начинал как ярый «левак», разочарование которого в «левой» идее произошло во время пребывания Пьера-Антуана в США. Уверен, и Кусто-старшего, и Рё-

бате весьма позабавило бы то, что их труд готовил к печати русский француз, который, по его словам, «не будучи евреем, проявил с детства острый интерес к теме» и стал борцом с антисемитизмом, некоторое время женатым на певице идиш Талиле. Причем опубликовал его в той же серии, что и «Протоколы сионских мудрецов».

Отмечу, что, в отличие от диалогов Кусто-старшего и Рёбате, на которые уже не распространяется авторское право, я не могу перевести примечания издателя¹, чтобы не нарушить закон об авторском праве. Это, с одной стороны, затруднило задачу переводчика, потому что текст требует огромного числа справок и уточнений, а с другой — сыграло на пользу переводу.

Дело в том, что Бёло, будучи, совершенно очевидно, человеком «левых» убеждений — он состоял в партии социал-демократов, традиционно представляющей франкофонное население Бельгии, — очень пристрастен, чего не скрывает. Но вряд ли у него был выбор, ведь такую пристрастность подразумевают неписанные правила игры. Издание «правой» литературы, вроде антисемитских памфлетов Селина или Рёбате, после смерти авторов повторно увидевших свет лишь в XXI веке, требует в Европе чёткой позиции издателя и автора предисловия, под которой я подразумеваю осуждение фашизма, расизма, антисемитизма и прочих «-измов» и фобий, которые переводчик этой книги также решительно осуждает.

Приведу пример.

В «Диалоге предварительном», который вы будете читать сегодня, Рёбате и Кусто говорят о том, что успех издания *Je Suis Partout* и антисемитского памфлета Рёбате *Les Décombres* в годы войны — и годы дефицита бумаги! — обусловлен тем, что население *en masse* разделяло взгляды авторов этих «бестселлеров». Что, на наш взгляд,

---

¹ Таким образом, все примечания в тексте принадлежат В. Лорченкову, если это не оговорено особо.

логично. На это издатель в примечании, пытаясь выглядеть беспристрастно, возражает (что для беспристрастного комментатора само по себе странно), прибегая к следующему аргументу: «читатель интересовался художественным содержанием текста, но не идеологическим». Допустим, это можно, пусть и с натяжкой, сказать о романах, но какое художественное содержание можно найти в пропагандистском листке *Je Suis Partout* или памфлете?..

Так что дополнительная работа над источниками и справочным материалом стала для нас и, как мы думаем, для читателя, благодарной. Не отрицая заслуги Бёло в издании текста, долгие десятилетия бывшего под запретом, мы в то же время предпочитаем увидеть этот текст глазами своими, а не Бёло или Тогиева. Переводчик также хотел бы отметить, что, как публично говорил не раз, не придерживается ни «левых» взглядов, ни «правых» — и те и другие кажутся ему нелепыми, отвратительными и, что касается «левых», ещё и эстетически уродливыми.

В связи с комментариями переводчика у него самого, по ходу работы над текстом Кусто-старшего и Рёбате, возникал вопрос, точнее, комментарий к комментарию: а насколько это вообще этично? Думается, эту проблему решает сам «Диалог», написанный ярко, пристрастно, блестяще, порой несправедливо... короче говоря, написанный так, что с ним часто хочется спорить. Да и что такое «Диалог», как не пометки на полях великой истории великого континента, и что такое мой перевод, как не пометки на полях пометок Кусто-старшего и Рёбате?

О чём же эта книга и почему переводчик полюбил её? Судить будете вы, читая текст, в предисловии ограничусь самым существенным.

Формально «Диалог» — два десятка остроумных, глубоких, увлекательных бесед Рёбате и Кусто-старшего ни о чём (о Сартре и «великой» «французской» революции, например) и обо всём (о литературе, политике,

смертной казни, Франции, сексе, личной истории авторов, масонстве, Достоевском, роли Англии, России, Франции и Германии на континенте и т. д.). И, с учетом обстоятельств, это итог, который Рёбате и Кусто подводят во всём: в тюремной бухгалтерии, французской культуре, мировых религиях, европейской истории, политике, своей жизни... Эта книга влюбила в себя переводчика тем, что она — точный слепок французского гения, отпечаток лапы великого динозавра французской культуры, который производит литературу как живой организм — дышит. Закройте в камере сотню русских и получите сто исповедей, сделайте то же самое с французами — и вы услышите блистательный диалог. Но и в том и в другом случае вы прочитаете великие книги (недаром авторы так много рассуждают о Ф. М. Достоевском).

Изначально «Диалог „побеждённых“» насчитывал 23 главы, но две из них авторы не включили в текст, совершенно очевидно, опасаясь цензуры. У первого диалога нет номера, так как он предварительный, итого в книге — 21 диалог (1 предварительный и 20 пронумерованных). Еще один диалог, *Bagatelle pour un suicide*, состоявшийся раньше всех и посвященный Селину, был опубликован в *Bulletin célinien* за номером 379 в 2015 году, Марком Лодёлу. Здесь этот диалог не приводится.

Теперь мне бы хотелось сказать несколько слов об авторах книги. Я не буду расписывать их биографии в деталях, поскольку писатели сами много говорят о себе в книге, ограничусь лишь общими и главными штрихами. Итак, знакомьтесь...

Люсьен Рёбате (1903–1972) — выдающийся французский писатель, о величайшей книге которого французский президент Франсуа Миттеран сказал: «Есть те, кто читал „Два штандарта“ Рёбате, и остальные». Переводчик полностью солидарен с Миттераном в данном вопросе. Увы, «Два штандарта», написанные в тюрьме Клерво, не-

смотря на единодушное мнение критики и литераторов о значении этого труда, подверглись *damnatio memoriae* (лат. — «проклятие памяти») из-за другой книги Рёбате. Речь о «Бестселлере Оккупации», романе «Развалины» (*Les Décombres*, 1942), запрещённом во Франции до второго десятилетия XXI века (глава «Гетто» запрещена по сей день). Возможно, французское общество не простило Рёбате этот роман за то, что он оказался весьма популярен — только во Франции было продано 65 000 экземпляров этой яростной книги, и продали бы больше, не будь военного дефицита бумаги, как свидетельствовал издатель (издательство Denoël получило 200 тысяч *предоплаченных* заявок от читателей). Рёбате считается одним из лучших музыкальных и кинокритиков Франции своего времени, его монография по мировой истории музыки признана коллегами лучшим трудом в данной сфере. Интересно, что с фашизмом Рёбате познакомился в Бухаресте, увидев марш «Железной гвардии» (супруга Рёбате, Вероника Попович, была румынкой). В 1940 году Рёбате призывают в армию, и он станет свидетелем крушения III Республики, будучи её солдатом, что и опишет в «Развалинах». После поражения Франции Люсьен начнет сотрудничать с немцами. В 1944 году Рёбате, как и Селин, покидает Францию и скитается, а после поражения Германии его судят и приговаривают в 1946 году к смерти. Позже Рёбате помилует де Голль, казнь заменят на пожизненное заключение, но в 1952 году писатель выйдет из тюрьмы по амнистии. Он продолжит писать до самой смерти в 1972 году и издаст, помимо прочего, «Дневники фашиста» в нескольких томах.

Пьер-Антуан Кусто (1906–1958) — лучший полемист своего поколения, журналист и писатель, начинавший как крайне «левый», но пришедший к фашизму после нескольких лет жизни в США (по мнению Пьера-Антуана Кусто, они «негроизировались»). Убеждённый

«правый», с тех пор он сотрудничал с немцами до самого краха Третьего Рейха и не отказался от сказанного и сделанного на суде. Как и Рёбате, он писал до войны и во время Оккупации в газете *Je Suis Partout*, главном печатном органе коллаборационистов. Как и Рёбате, Кусто-старший служил в армии Третьей Республики, попал в плен и провёл год в немецких лагерях. После освобождения он проповедует фашизм и объединение Европы под руководством Германии, в 1944 году бежит с семьей из Франции. Некоторое время, до выдачи французским властям, Кусто-старший провёл в американском лагере для военнопленных в Австрии, где, будучи полиглотом и интеллектуалом, по просьбе американских офицеров выпускал газету на нескольких языках... кроме французского, чтобы скрыть своё происхождение. Увы, Кусто разоблачил бдительный соотечественник, — *«донос — национальный спорт французов»*, отметил по этому поводу сын литератора, кардиолог Жан-Пьер Кусто, в биографии отца, *«Другой Кусто»* (Via Romana, France, 2016) — после чего Пьера-Антуана отправили во Францию. Суд, смертный приговор, несколько месяцев в ожидании казни, замена её на пожизненное заключение, амнистия в 1953 году. К сожалению, черновик пьесы Кусто о Жанне д'Арк был украден французской милицией во время обыска, что произошло и с рукописями Селина, например. Но, как и рукописи Селина, возвращенные вдове писателя в 2018 году, изданные «Галлимаром» и ставшие литературным открытием в году 2022-м («Война», «Лондон», «Легенда о короле Крогольде»), «Жанна в темнице» не сгорела. Кусто-старший восстановил её по памяти и закончил в тюрьме, так что пьеса была опубликована в 2023 году в издательстве Editions Livr'arbitres.

...Интересно, что во время процесса над коллаборационистами Кусто-старший и Рёбате находились в одной клетке. И, по свидетельству либеральной журналист-

ки Мадлен Жакоб, которая освещала процессы «коллабо» и которую за постоянные требования ужесточать наказания сами «коллабо» прозвали «вязальщицей», *«во время показаний явно напуганного Рёбате на губах Кусто играла саркастическая улыбка»*.

Тем не менее и в тюрьме такие разные Кусто-старший (хладнокровный спецназовец, регбист, денди) и Рёбате (импульсивный, эгоистичный, истеричный, чрезмерно увлекающийся) продолжили дружбу и сотрудничество, прекрасным результатом чего стала книга «Диалог „побеждённых“». И это другу Рёбате умиравший от рака Кусто-старший доверил публикацию своего политического завещания, которое содержало слова: «Я умираю фашистом, и по сей день уверен в своей правоте». Впрочем, о своей подлинной дружбе Рёбате и Кусто-старший расскажут вам сами...

Возвращаясь к процессам, я бы хотел особо отметить, что французская интеллигенция в годы Второй мировой войны и после показала себя куда более зрелой, чем русская в годы Первой мировой (да и Второй мировой, да и вообще более зрелой). Не считая нескольких неизбежных жертв, в целом «правые» снисходительно отнеслись к своим «левым» коллегам, и наоборот. Луи Фердинанд Селин, при всей своей чудовищной антисемитской риторике, спас нескольких евреев-интеллигентов. А крайне «правый» Пьер Дриё Ла Рошель, тоже, кстати, заступившийся за нескольких знакомых французских евреев и спасший в годы Оккупации бывшую жену-еврейку, которую терпеть не мог, и ее сына от другого брака, перед самым концом войны неоднократно получал предложения от коллег, связанных с Сопротивлением, покинуть Францию, чтобы обосноваться в Швейцарии (Ла Рошель отказался лишь по личным мотивам и покончил с собой, будучи полностью разочарованным в жизни человеком). Иными словами, для «левых» и «правых»

французских интеллектуалов, за редкими исключениями, главным прилагательным в эти времена оставалось «французский». И это урок, который нужно вынести из французской истории нам, русским.

...Отмечу снова, и не устану повторять, что автор перевода категорически осуждает все формы ксенофобии, включая бич XX и XXI века — омерзительную и постыдную русофобию, которая ещё ждёт своего Нюрнберга.

И перед тем как вы приступите к чтению, мне остаётся добавить лишь несколько слов, которые я напишу с большим удовольствием.

Я от всего сердца благодарю подписчиков своего Патреона и Бусты за ту поддержку, которую они мне оказывали и оказывают. Я благодарю свою жену Ирину, сына Матвея и дочь Глафиру за снисходительное терпение к постоянно отсутствующему в доме — пусть и присутствующему физически — мужу и отцу. Я благодарю Марию Анатольевну Комарову за любезное согласие взять на себя первые редактуру и корректуру русского перевода «Диалога». Я благодарю издательство «Тотенбург» за возможность познакомить русского читателя с этой замечательной книгой. Благодарю Ларису Викторовну Болашину за вторую редактуру и корректуру. Я благодарю французский народ за его великий дар миру — французский язык. Я благодарю великий русский народ за его дар миру — великий русский язык. Я благодарю судьбу, по капризу которой получил оба этих дара и могу наводить мосты между двумя великими народами и культурами. Наконец, я благодарю своих сокамерников, Люсьена Рёбате и Пьера-Антуана, открывших мне целый мир французской литературы *entre deux guerres* и скрасивших несколько лет моего пожизненного заключения в этом мире, ибо что есть тело, как не тюрьма духа? Но ведь...

... Un esprit libre n'a besoin que la liberté de pensées (фр. — «свободному духу не нужно ничего, кроме свободы мысли»).

Перевод осуществлен по тексту книги Dialogue de "vaincus" (тюрьма Клерво, январь — декабрь 1950), Berg International, серия «История идей», Париж, 1999.

Познакомиться с переводами других книг Люсьена Рёбате, Пьера Дриё Ла Рошеля и других французских писателей, поддержать работу над этими переводами можно, подписавшись на Бусту и Патреон переводчика. Также на Ютуб-канале Владимира Лорченкова вы можете посмотреть цикл лекций о французских писателях Люсьене Рёбате, Пьере-Антуане Кусто, Шарле Моррасе, Робере Бразильяке, Поле Моране, Пьере Дриё Ла Рошеле, Луи Фердинанде Селине и др.

Владимир Лорченков —
эксклюзивный контент
на Boosty

Patreon

Серия лекций-стримов
о «правой» литературе
Франции — YouTube

ДИАЛОГ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ²

Кусто: Это был, между прочим, отличный способ провести время.

Рёбате: С того момента, как ты придумал это развлечение, мы могли быть уверены, что всё будет хорошо. Ты всегда умел играть много лучше меня.

Кусто: Давай не преувеличивать. У меня не было ничего, кроме хороших идей. Не без некоторого удовольствия мы составили перечень базовых истин, уцелевших в нашей катастрофе.

Рёбате: Да и потом, для людей, чей кругозор политического чтения ограничен «Пилигримом»³, «Людьми и Миром»⁴ и France-Illustration⁵, это было, конечно, известным утешением — по меньшей мере расставить точки над *i* и над своими уцелевшими истинами⁶.

Кусто: Ты произнёс названия машин, чей конформизм гарантирован счётом за их оплату. Но вспомни, когда нас громили листки Le Canard enchaîné⁷, Aspects de la France⁸ или Observateur⁹, оппозиционные листки — всё это было так же грубо, лишено уважения и полно низкоклонства перед¹⁰...

Рёбате: «Обозреватель» не так уж и раболепствовал...

---

² Этот диалог Кусто и Рёбате ведут перед тем, как передать записи своих бесед на волю, «Диалог предварительный» датируется концом 1950 года.

³ Le Pèlerin, католическое еженедельное издание.

⁴ Hommes et mondes, журнал о путешествиях, издавался в 40–50-х годах XX века.

⁵ Еженедельный журнал, выходивший до 1944 года.

⁶ Рёбате имеет в виду, что заключённые были лишены возможности получать и читать общественно-политические издания, и круг их чтения ограничивался «развлекательными» изданиями. В то же время существовала возможность получить что-то из политического чтения из-под полы, и речь об этом скоро пойдёт.

⁷ Сатирический карикатурный журнал, существует по сей день.

⁸ Роялистское издание, которое стало центром притяжения разгромленного «правого» движения, «Аксьон франсэз».

⁹ Первый новостной журнал Франции.

¹⁰ Кусто-старший подчёркивает, что даже оппозиционные новой власти издания участвовали в кампании шельмования заключённых «правых» интеллектуалов.

Кусто: Да, он не простёрся перед буржуазной республикой и капиталистами, но зато простёрся перед пролами, перед мифом о прогрессе. Эти леваки, которые верят в то, что так далеко продвинулись... они не меньше других скованы социальными табу.

Рёбате: А «Ривароль»¹¹?! Кусто: Я не забываю «Ривароль». Это дружественный журнал, единственный, кто нас действительно защищал. Частенько, читая его, я себя чувствовал отомщённым и буду всегда за это благодарен. «Ривароль» вёл, в невозможных финансовых условиях, великолепную битву.

Рёбате: Только не тогда, когда речь заходит о Церкви, — тогда конец свободе...

Кусто: Увы...

Рёбате: В целом, только *Scrapouillot* оставался действительно свободным изданием во всех сферах, без разбора уничтожая все гротески — будь то Соппротивление, Коллаборация, Папизм, Банки или Масонство¹²...

Кусто: Да, но *Scrapouillot* лишь изредка пересекал ворота тюрьмы, так что в отношении базовых истин мы были весьма ограничены...

Рёбате: Наконец, они опубликуют эти диалоги. Это всё же свидетельство того, что мир продолжал жить, пока мы были в тени. Но не в смысле триумфального утра республиканского процветания и великого демократического мира. Ох уж нет!

Кусто: Заметь, что мы всё ещё не можем сказать *всего*. Есть ещё целая куча правд, ужасающих и бого-

---

¹¹ Еженедельное «правое» издание, созданное в январе 1951 года по инициативе Рёне Маллиавина как «еженедельник национальной оппозиции», пользовался репутацией убежища уцелевших сторонников «вишистов» и коллаборационистов, и Кусто-старший, и Рёбате писали там в качестве приглашённых «звёзд».

¹² *Scrapouillot*, или «Миномёт» — ежемесячное издание, созданное на фронте в 1915 году Жаном Галтье-Буассер (Jean Galtier-Boissière), ориентированное на «левизну» и неконформизм. До войны близкий неосоциалистам, он среди прочих во время оккупации запустил коллаборационистский проект «Сегодня» (*Aujourd'hui*) перед тем, как вернуться к названию *Le Scrapouillot* после войны. В издании была опубликована, в частности, статья Рёбате, написанная после освобождения в июне 1953 года.

хульственных, которые, будь они спущены с цепи четыре года назад, высвободили бы светскую часть Универсального Сознания и которые сейчас обожаемы всеми как очевидные и банальные истины.

Рёбате: Зловредность Рузвельта, например...

Кусто: Другие темы, напротив, остаются табу.

Рёбате: Кстати, что мы делаем с «Диалогами о евреях»?

Кусто: Это не обсуждается. Мы отправляем их в самые дальние уголки наших архивов.

Рёбате: Жаль! Ведь единственный раз мы сказали что-то почти хорошее об избранном народе.

Кусто: Да, но мы сейчас не можем сказать даже что-то хорошее о евреях, поскольку раз и навсегда понятно, что евреев не существует и что они никогда не существовали, что они являются чисто воображаемым творением киноцефального антисемитизма и что сам факт произнесения слова «еврей» является презумпцией геноцида¹³. Рёбате: Ладно, тогда не говорим больше о евреях. Я не настолько хочу обратно в тюрьму. Другой вопрос: как насчёт нашего диалога о неграх?

---

¹³ Словосочетанием «презумпция геноцида» Кусто обыгрывает «презумпцию невиновности» и Холокост. Тут Рёбате и Кусто-старший вступают в полемику с Сартром, не называя его имени. Сартр в 1946 году написал и в 1954 году издал в «Галлимаре» книгу «Размышления о „еврейском вопросе“» (*Réflexions sur la question juive*). В этой книге Сартр создаёт психосоциальный портрет антисемита, и, с точки зрения этого автора, «ненависть» антисемита есть не что иное, как «глубокий и сексуальный интерес к евреям». Сартр также высказал гипотезу, которая критикуется сегодня, согласно которой Еврей существует лишь в оптике других, в частности, антисемитов. Иными словами, Еврей не существует, пока его не начинают искать, как корень всех зол. Сартр обвиняет также в этой книге Луи-Фердинанда Селина в том, что «тому платили». «Si Céline a pu soutenir les thèses socialistes des nazis c'est qu'il était payé» («Если Селин мог поддерживать социалистические тезисы нацистов, то потому, что ему платили»). После публикации этого труда Сартр становится лидером той части французской интеллигенции, которая очистила свои ряды от «правых» и коллаборационистов. В ответ Л. Ф. Селин посвятил Сартру небольшой памфлет, весьма энергично и жёстко написанный, — *A l'agité du bocal* (ноябрь 1948 года). Селин называет Жана-Поля Сартра Жаном-Батистом Сартром (Жан Батист — Иоанн Креститель на французском). Также Селин называет Сартра ленточным глистом, солитёром, который паразитирует на собственном теле.

Кусто: Мы его тоже отставим в сторонку. Это чересчур опасно. Слишком быстро ты становишься преступником, если обижаешь франко-бамбарский коитус¹⁴. Я как-то встретил весьма ортодоксальных взглядов даму, которая негодовала из-за того, что юная немка нашла в Париже место машинистки. *«Эти боши, значит, не могут оставаться у себя!»* — воскликнула она, отчаявшись. Ну и, пять минут спустя, я обратил внимание собеседницы на то, что на бульваре Миш¹⁵ прогуливается действительно много негров. Я бы хотел, чтобы ты видел, с каким высокомерием и превосходством она прикрыла мне пасть. *«Это французы, как и остальные!»* Так что не будем говорить и о неграх.

Рёбате: Именно я встал на сторону негров против имбецилов, против огурца Генно¹⁶. Они собираются заразить этих бедных негров ужасной оспой. Они объединяют их в профсоюзы. Они заставляют их голосовать. Это закончится ужасной резнёй негров. Я желаю им добра, неграм.

Кусто: Я тоже. Но мы не имеем права желать добра неграм, кроме как в демократической перспективе. Иначе ты сразу попадаешь в зону геноцида.

Рёбате: Ужасно! Сдаёмся, вычёркиваем негров!

Кусто: Ладно. Отходы в то же время не то чтобы огромны. И поскольку мы публикуем другие диалоги, может, следовало бы объяснить читателям, в каких условиях они велись¹⁷. Для начала позвольте заметить, что впервые в истории литературы диалоги составлены двумя разными авторами. До сих пор автор ограничивался диалогом с самим собой, диалогом-монологом, что, если вкратце, пред-

---

¹⁴ Бамбара — народность в центральной Африке, на чьём языке (бамбара) говорят сейчас в Мали, которая принадлежала Франции как колония.

¹⁵ Бульвар Святого Мишеля, одна из магистральных улиц Латинского Квартала в Париже.

¹⁶ Жан Гено/Guéhenno, 1890–1978, эссеист, писатель, в годы Оккупации отказался публиковаться, считая это «сотрудничеством», писал дневник. «Огурец» на аргос — «имбецил», «дурак».

¹⁷ На взгляд переводчика, игра смыслов. Под «отходами» Кусто-старший подразумевает негров и евреев, хотя формально это относится к диалогам об этих двух расах.

ставляет собой злоупотребление доверием, враньём на этикетке товара. Разве Платон, Тацит, Люсьен, Этьен, Фенелон, Монтескьё, Ренан — действовали по-другому?¹⁸ Нас действительно двое. Наши диалоги — это настоящие диалоги. Это революционное нововведение.

Рёбате: Ты невероятно претенциозен. Ты всегда будешь очень доволен собой.

Кусто: Нет. Я честен. И когда вы *first in the world*¹⁹ что-то делаете, это нужно знать. Посмотри на современную литературу. Пальма первенства достаётся не находкам стиля или психологизма, а писателю, который первым поднялся на гору или достиг подводной бездны²⁰.

---

¹⁸ Странно, что не упомянут Монтень, построивший, что признаёт открыто, свои «Опыты» на диалоге-монолог с древними авторами. Может быть, именно потому что признаёт честно, и не упомянут, ведь Кусто и Рёбате в шутливой форме претендуют на первенство и не желают соперничества.

¹⁹ Именно так в тексте, на английском, понятно, что Кусто иронизирует над мифическим «англо-саксонским миром».

²⁰ Не очень понятно, намекает ли здесь Кусто в том числе на своего брата, который сделал многое ради его освобождения. Переводчик предполагает, что да. Жак-Ив, в отличие от Пьера-Антуана, помогал союзникам в годы Второй мировой. По крайней мере, он утверждал, что помогал союзникам. Это оспаривают многие биографы Жака-Ива Кусто. Так, Бернар Виоле (Bernard Violet), автор жизнеописания изобретателя акваланга, утверждает, что Кусто-младший глумился о своих «операциях по помощи союзникам», и, более того, его первый фильм был наполовину снят нацистскими офицерами. Если это так, то понятна как фрустрация либеральных взглядов биографа, так и вполне стандартная для французского менталитета схема «один сын в католики, другой — в протестанты». Кстати, она сработала — смертная казнь для Пьера-Антуана была отменена Шарлем де Голлем по просьбе Жака-Ива Кусто. Кстати, Пьер-Антуан, издававший антисемитскую газету *Je Suis Partout*, был, как он утверждает, недругом Отто Абеца, посла Германии во Франции в годы войны. Секретная же миссия Жака-Ива Кусто в январе 1941 года, за которую он получил орден Почётного легиона в году 1946-м, была предпринята... по приказу правительства Виши. Остаётся добавить, что первый фильм Жака-Ива Кусто удостоился благожелательных отзывов в антисемитском издании *Je Suis Partout* и был презентован в Париже в 1943 году 10 апреля. На презентации присутствовали добрая сотня немецких офицеров, чиновники оккупационного правительства и представители киноиндустрии Третьего Рейха. Вообще, отношения Пьера-Антуана с младшим братом, отличные в юности, претерпевали изменения. Писатель признавал в письмах, что Жак-Ив помогал в самые тяжелые моменты жизни, от лагеря для военнопленных в Австрии, откуда пытался вытащить Пьера-Антуана и переправить в Испанию, до суда во Франции, куда явился, несмотря на запрет де Голля, в форме военного моряка, давать показания в пользу брата, назвав того «человеком слова и чести». Но позже отношения

Рёбате: Или пересёк Австралию на самокате.

Кусто: Дебилизм...

Рёбате: Для типа, который стажирруется у Монтескьё и Ренана, ты сегодня изрядно выражаешься...

Кусто: Тем хуже. Но я не нахожу других слов...

Итак, двухголовость наших диалогов — это наш способ сделать что-то небывалое²¹.

Рёбате: Достаточно о твоём самодовольстве. Пора просветить читателя...

Кусто: Прежде всего напомним ему, что мы в своё время наделали шума...

Рёбате: Опять это твоё самодовольство!

Кусто: Называй это как хочешь. Напоминаю читателю, что ты написал *Les Décombres*²², который, безусловно, стал бестселлером военных лет²³. Если уж так много людей купили эту книгу, то не из-за страха перед гестапо, а потому что, согласись, «небольшая горстка предателей» была, скорее, довольно многочисленной...

Рёбате: Да и 300 000 французов, которые только в северной зоне²⁴ покупали *Je Suis Partout* каждую неделю... их тоже никто не заставлял этого делать. Триста тысяч номеров — это миллион читателей. Это нашим чи-

---

охладились, потому что океанограф ничем не помог жене Пьера-Антуана, Фернанде, влачившей жалкое существование, и, как считал старший брат, не использовал свои связи, чтобы добиться помилования побыстрее. Как писал сам Кусто-старший жене, «...его поведение намного умнее моего, и он без смущения жмет руки, которые я бы побрезговал пожать», а позже упрекнул «собираателя ракушек и миллионера» в том, что тот пообещал ему теплую майку во время тюремного свидания и не прислал. Тем не менее именно Жак-Ив оплатил счета старшего брата за лечение от рака, пусть и не давшее результатов.

²¹ Кусто употребляет слово «двухголовость»/bisérialité дважды. Сначала как синоним идиотизма того мира, в котором писателю достаточно пересечь Австралию на самокате, чтобы прославиться, потом — в прямом смысле (управление из двух центров, двухголовость). Тем самым он иронизирует и над собой с Рёбате, не скатываясь в излишний пафос.

²² Антисемитский памфлет.

²³ Фактически было продано 65 000 копий книги — значительная цифра, учитывая обстоятельства и нехватку бумаги. По оценке издателя Денюзля, объём заказа составлял около 200 000 экземпляров.

²⁴ То есть под оккупацией Германии.

тателям мы продались. Если бы они «сопротивлялись»²⁵ удовольствию читать нас, мы бы просто исчезли.

И, любезность в обмен на любезность, моя очередь напомнить читателю, что это ты после ухода Бразильяка был политическим редактором этого бестселлера²⁶.

Кусто: В результате у нас были большие неприятности. Нас арестовали в 1945 году, приговорили к смертной казни 23 ноября 1946 года, помиловали на Пасху 1947 года.

Рёбате: Мы прибыли в тюрьму Клерво²⁷ отбывать пожизненное заключение в конце мая 1947 года, не могу вспомнить точный день.

Кусто: Это не имеет значения. Для понимания того, что читатель собирается узнать, уточним, что в этом пенитенциарном учреждении наши пункты назначения разошлись сначала.

Рёбате: Тебя сразу определили в бухгалтеры в бельевую.

Кусто: Знает ли читатель, что такое тюремный бухгалтер?

Рёбате: Тот парень, который распределяет зарплаты и другие финансовые поступления заключённым на бумаге, так как наличные в тюрьме не допускаются. Это самая желаемая работа, потому что у бухгалтера много привилегий: вы не работаете руками, у вас даже есть небольшой офис, в котором вы немного изолированы от отряда. И, к счастью, офис бухгалтера в бельевой был самым приятным во всем Доме²⁸.

---

²⁵ Игра слов, речь о Сопротивлении.

²⁶ Robert Brasillach, 1909–1945, журналист, публицист «Аксьон франсэз» (издание крайне «правых»), в годы войны стал главным редактором Je Suis Partout. В 1945 году осуждён и расстрелян.

²⁷ Тюрьма строгого режима на территории бывшего аббатства, основанного в 1115 году.

²⁸ То есть тюрьме. Сын Пьера-Антуана Кусто в книге «Другой Кусто» объясняет, каким образом отец и Рёбате попали в бельевую, «где не стирали никакого белья». Дело в том, что «бельевой» в тюрьме Клерво называлось хозяйственное помещение, где был организован склад, и не только белья. Кусто, по сути, был еще и интендантом столовой, где заключенные могли купить себе дополнительной еды, а позже, когда режим смягчили, и вина и сигарет. Как бухгалтер Рёбате отвечал за ежемесячный баланс столовой и тюремного мага-

Кусто: А вот тебе пришлось потрудиться, чтобы прорыть свою нору!

Рёбате: Я два года прожил в Квартале Незанятых²⁹. Там речь не шла о льготах, я опустился ниже прожиточного минимума осуждённого...

Кусто: Это твоя вина. Если бы у тебя не было такого длинного языка, если бы ты был немного дипломатичнее...

Рёбате: Не могу же я обрубить себе голосовые связки! Чтобы, значит, избежать проблем, которые мне всегда приносит моя излишне громкая глотка. Да и потом, Клерво часто вызывала у меня плохое настроение. Я испытывал необходимость выплеснуть его.

Кусто: Понятное дело, «стукачи» доносили твои малейшие слова, что не побуждало начальство тюрьмы предоставить тебе какое-то укрытие.

Рёбате: Наконец, я был освобождён³⁰ из Квартала Незанятых и стал помощником бухгалтера в твоём бюро в бельевой.

Кусто: И с этого дня началась наша неповторимая жизнь.

Рёбате: Ну, прилагательное «неповторимая» это чересчур, потому что мы говорим с читателем, который не обязан, как мы, оценивать всё в системе относительных координат³¹.

Кусто: Эта гавань бюро, где мы сидели на шатких стульях, перед изъеденным жучками столом, между зеленоватыми и пыльными ящиками... это был наш тюремный рай. Но хотел бы я видеть тех наших выдающихся собратьев, которые, собрав губки в куриную жопу, болтают о слабостях «чисток»³², доведись им в том бюро посидеть!

зинчика. По какой-то странной прихоти тюремной бюрократии, отмечает Жан-Пьер Кусто, бельевая и библиотека, куда позже перевели Рёбате, в тюрьме Клерво относились к департаменту столовой.

²⁹ Заключённые называют отделения тюрьмы кварталами.

³⁰ Звучит смешно с учетом контекста, но Рёбате использует именно глагол «освободиться».

³¹ То есть жизнь «неповторимая» лишь по тюремным меркам.

³² Процесс исправления «правых» посредством тюремного заключения в послевоенной Франции.

Рёбате: Они бы не вышли оттуда с диалогами! Не хочу нам хвалы воспевать, но всё-таки нам хватило силы характера.

Кусто: Видишь ли, после перечитывания наших текстов я боюсь, как бы читатель не сделал ложных выводов об атмосфере нашего искупления и не представил нашу тюрьму как своего рода санаторий для выдающихся интеллектуалов.

Рёбате: Будем надеяться, что читатель поймёт, что это не в наших привычках, да и не соответствует нашему темпераменту — стонать и жаловаться, — и что литература и идеи были нашим шансом, повседневной поддержкой, нашим бальзамом. Я бы никогда не потерпел публикаций о «квартале осуждённых на смерть во Френ»³³ в стиле нытья Груссара³⁴, который соседствовал со мной в Crapouillot. Но мы имеем право сказать читателю, что мы, в свою очередь, могли бы написать свои «Дни нашей жизни»³⁵. Нам бы хватило фактуры в избытке! Первые годы в Клерво, 141 день в цепях³⁶...

Кусто: Это факт, что жизнь французских заключённых в первые годы «чисток» была ужасной, такой же

---

³³ Тюрьма во Франции (Париж), где нацистами содержались приговорённые к смерти и длительным срокам заключения бойцы и участники Сопротивления, а также агенты британских спецслужб. Отделения тюрьмы сами заключённые называли «кварталами». Когда союзники вошли в Париж, немцы перебили заключённых.

³⁴ Полковник Жорж Груссар/Georges Groussard, 1891–1980, сотрудник секретной военной службы, организовывал при правительстве Виши антиголлистские репрессии. Пытался организовать Сопротивление, установить связи с англичанами без участия людей Де Голля, собирався убедить Черчилля подписать договор с правительством Виши. Арестован вишистами в 1942 году. Очевидно, что правительство Черчилля придерживало Груссара на всякий случай и чтобы оказывать давление на несговорчивого Де Голля.

³⁵ Роман, опубликованный в 1947 году Давидом Руссе/David Rousset, 1912–1997, лауреатом премии «Рёнодо». Выжил в Бухенвальде и первым во французской литературе употребил слово ГУЛАГ. Троцкист, выходец из семьи металлургического рабочего и священников, Руссе знал Троцкого, был выслан во время войны в Германию. Активно осуждал сталинизм, писал о репрессиях против инакомыслящих в СССР. Кусто хочет сказать, что мучения «правых» в тюрьмах голлистской Франции были ничуть не меньше, чем «левых» — при режиме Виши и оккупации.

³⁶ По законодательству того времени заключённые, приговорённые к смерти, носили цепи с момента вынесения приговора до самой казни или помилования.

ужасной, как и в любой другой тюрьме мира... Затем дисциплина несколько ослабла, и именно тогда мы смогли скооперироваться, чтобы получить доступ к определённому уровню тюремного комфорта. Но даже тогда ограничения оставались серьёзными. Как и ты, я не хочу скулить и предпочитаю оставить этот аспект нашего «искупления» в стороне.

Рёбате: Скажем ещё читателю, что в разгаре 1950 года — года наших диалогов — мы были переведены. Ты — в службу переводов, я — в библиотеку, чьи помещения располагались по соседству. Итак, мы можем признать это, к тому времени «Дни нашей смерти» остались позади. Но у нас уже было за плечами по пять лет тюрьмы, из них три года в куриных клетках³⁷ по двенадцать часов в сутки.

Кусто: Итак, всё же проинформируем читателя, что наши диалоги были написаны наполовину в бюро бельевой, а наполовину — в библиотеке тюрьмы. Мы начинали с того, что немного говорили о выбранной теме, обойдя, как все заключённые в мире, один из тюремных дворов. Затем мы садились за общий стол, и начиналась игра, в какой-то мере напоминавшая «бумажки» из нашего детства. Я написал предложение, передал тебе, ты мне ответил, и так далее....

Рёбате: Вскоре из-за этого образовалась куча ужасно компрометирующих бумаг. У нас были бы большие проблемы, если бы надсмотрщики изъяли эту рукопись во время обысков.

Кусто: К счастью, охранников намного больше интересовали искусственные кремни для зажигалок и обрывки кожи, украденные в мастерских.

Рёбате: Я оторвался от своих экзегетических³⁸ и богословских чтений, я оставил Оригена, чтобы найти Сталина, потому что это было для меня также временем великих бла-

---

³⁷ Камеры.

³⁸ Раздел богословия, занятый толкованием библейских текстов.

гочестивых занятий, мой схоластикат. Это потому, что я исправил религиозные уловки в «Двух штандартах»³⁹.

Кусто: О, у меня также было небольшое личное исследование, в результате которого я накопил ни много ни мало десять килограммов документов, о которых мы, возможно, поговорим в один прекрасный день. Но это уже другая история. Вернёмся к технике диалогов.

Рёбате: Помнишь, как мы вздохнули с облегчением, когда ты закончил печатать наш текст на печатной машинке бюро переводов, и как эта рукопись предприняла путь в свободный мир запрещёнными для того средствами...

Кусто: Остаётся узнать теперь, какой приём окажет свободный мир этим диалогам из тюрьмы. И найдётся ли у граждан, которые никогда не бывали в заключении, столько же силы духа для чтения наших текстов, сколько нам, заключённым, хватило, чтобы эти тексты написать.

---

³⁹ Deux Étendards, роман Рёбате, опубликован в Галлимаре в 1952 году. Считается шедевром французской литературы и, как и работа Пьера Дриё Ла Рошеля «Брешь», — портретом буржуазии Франции в годы между Первой и Второй мировыми войнами. При написании романа Рёбате вдохновлялся трудами Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов, и своей личной историей.

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ: ЧЁРНЫЙ ФЛАГ И СВАСТИКА

Людей всегда ведут двумя словами: «порядок» и «свобода», но порядок нацелен на деспотизм, а свобода — на анархию.

Устав от деспотизма, люди вопиют о свободе, оскорблённые же анархией, требуют порядка.

Ривароль⁴⁰, «О современной философии»

В этот день Рёбате погрузился в «Акты Апостолов» Луази, дьявольское, между прочим, чтение⁴¹. Кусто же был занят маникюром. Оба казались чрезвычайно поглощёнными своими занятиями. Рёбате сравнивал три рассказа об обращении Павла. Кусто исправлял овал ногтей с помощью специальной пилки, отодвигал кожицу, удалял небольшие наросты плоти⁴². Но как бы ни был каждый поглощён тем, что делал, он испытывал некоторое пренебрежение к легкомысленному занятию другого. Кусто первым нарушил молчание.

Кусто: Ну что, чудовище, ты когда-нибудь осознал всю иронию ситуации, в которой мы, встречаясь здесь, находимся?

Рёбате в ответ на это проворчал нечто невнятное, какое-то звукоподражание. Но его можно было растолковать как приглашение объясниться. Кусто так всё и воспринял.

---

⁴⁰ Антуан Ривароль/Antoine Rivarol, 1753–1801, ученик Вольтера, писатель, журналист, этот выходец из простой семьи в годы Великой французской революции встал на монархические позиции. В годы изгнания из Франции стал членом Академии наук Пруссии. Трактат о «Современной философии» был издан после смерти автора, как и «О суверенитете народа».

⁴¹ Альфред Луази/Alfred Firmin Loisy, 1857–1940, священник, теолог и проповедник, основатель движения обновленчества в Римской католической церкви. Критик традиционного толкования Библии, конфликтовал с папством, лишился в результате этого профессуры в Католическом университете Парижа. В 1908 году отлучён от Церкви. Известен работой «Иисус провозгласил пришествие Царства, и после этого пришла Церковь». Не примирился с Римом.

⁴² Напомню, что в первой главе, «Предварительной», соавторы рассказывали о чрезвычайно тяжёлых условиях заключения коллаборационистов в тюрьме Клерво.

Кусто: Пойми меня: наши слова, может быть, и не очень смешные, но то, что это мы их сочинили, всё же довольно забавно. Во всяком случае, там, снаружи⁴³ есть немало людей, которые были бы ошеломлены поворотом наших разговоров.

Рёбате освободился от «Деяний Апостолов» только наполовину. Его лицо всё ещё оставалось закрытым, взгляд отсутствовал... Кусто понимал, что должен настаивать.

Кусто: Нас заклеили «фашистами». Не без причин, между прочим. И мы сделали всё необходимое, чтобы оправдать эту репутацию...

Рёбате: Вплоть до смертного приговора.

Кусто: Но для среднего дурака — и даже для сверхдурака — что такое «фашист»? Это прежде всего принижающий всех и обманутый фанатик, проклятая душа самой мрачной реакции, последователь сабли и кропила⁴⁴. Это ожидание того же сорта, что мы испытываем в отношении нигилиста, у которого в кармане непременно должны быть бомбы, а у социалиста — грязные ноги, а у семинариста — прыщи. Так и нас нужно представлять оцепеневшими в вечном почётном карауле перед деруледянскими лубками⁴⁵.

Рёбате: Ну, я-то, чтоб далеко не ходить, знал не которых, кто стоит в почётном карауле 24 часа в сутки, но это не наш случай.

---

⁴³ На воле.

⁴⁴ «Последователь сабли и кропила» — здесь сторонник союза церкви и армии, авторитарного государства. Производное от выражения «Святой Альянс сабли и кропила» (*Sainte Alliance du sabre et du goupillon*), приписываемого Клемансо, премьер-министру Франции в годы Первой мировой, настоявшему на жёстких условиях капитуляции Германии. Подразумевается союз Армии (сабля) и Церкви (кропило).

⁴⁵ Деруледянская — от Поль Дерулед/*Paul Déroulède*, 1846–1914, французский поэт, милитарист, реваншист, один из основателей Лиги Патриотов. Требовал возврата Эльзаса и Лотарингии, потерянных в результате неудачных войн против бисмарковской Германии. Стал депутатом парламента. Высказывал крайние националистические взгляды. В деле Дрейфуса выступил против осуждённого офицера-еврея. Призывал Францию меньше заниматься колониями и больше — Эльзасом и Лотарингией, прославившись фразой «Я потерял двух сестёр, а вы предлагаете мне дюжину слуг». Похороны Деруледа в январе 1914 года собрали столько же народу, сколько и процессия национального героя, Виктора Гюго.

Кусто: Я даже верю, что мы достигли довольно сенсационного уровня анархии. Мы в гораздо большей степени анархисты, чем признанные анархисты, которые, на самом деле, представляют плохой тип болезненного конформизма. Потому что стоит избавиться от старых мифов и уступить мифу о прогрессе, мифу об обществе без государства.

Рёбате одобрительно кивает.

Рёбате: Нет сомнений, что мы продвинутое этих ребят. Наши даже самые малозначительные замечания это подтверждают.

Кусто: Итак, как ты объясняешь, что с таким темпераментом мы честно и сознательно оказались вовлечены в политическую систему, конформизм которой должен был нас оттолкнуть? И как ты объяснишь, что это противоречие не вызывает в нас ни малейшего смущения?

Рёбате вновь открыт для беседы.

Рёбате: Интересно, что ты это говоришь. На первый взгляд, это заставляет моё сердце кровоточить... всегда будет напоминать мне, кем в двадцать лет я был: маленьким хорошим парнем, намеревавшимся пересечь этот век без малейшего инцидента. У меня есть представления обо всём: о религии, этике, политике — я решил раз и навсегда, что никогда и мизинцем не коснусь этих выгребных ям. Самым отвратительным определением, которое я мог применить к существу или предмету, было «социальный»: социальный священник, социальная атмосфера...

При упоминании этого слова Кусто с отвращением надувает губы. Он также собирается попить социум. Но Рёбате не позволяет себя прервать.

Рёбате: Самым дебильным для меня занятием, которому мог предаться человек, всегда было апостольство, какую бы форму оно ни принимало. Постепенное заражение другими людьми хорошего парня, который изначально был совершенно здоровой жертвой предрассудков и приличий, — это вполне могла быть моя история... И послушай, я не без удовольствия бы её описал в такой

форме, как своего рода антисартрианскую сказку. Но на самом деле всё, конечно, не так просто и ужасно. По крайней мере, я на это надеюсь.

Кусто: Остановлю тебя, дорогой Люсьен. Это совсем не ужасно... Я не только ни о чём не жалею, но и каждый день поздравляю себя с тем, что пережил эту фашистскую авантюру...

Рёбате: Даже здесь, в тюрьме?

Кусто: Да, даже здесь. Это приключение было великолепным и увлекательным. Моя «помолвка», как говорят франкतिрёры⁴⁶ и сторонники Deux Magots⁴⁷, привела меня со своего рода фатальной неизбежностью к опыту... ощущениям... к удовлетворению гордостью, которое я всегда игнорировал бы без этого и которое более удачливые не могут себе позволить. Вспомни, что Стендаль заставил Матильду де ла Мошь сказать о смертной казни: «Только это нельзя купить»⁴⁸.

Рёбате: Ты спрашиваешь, помню ли я! Значит, ты не знаешь, что я написал это в своей камере, пока мы были в цепях...

Кусто: Возможно, но поскольку мы были вынуждены остаться каждый у себя⁴⁹, ты открываешь для меня что-то новое. В любом случае никаких сожалений относительно свой «помолвки»⁵⁰ я не испытываю. Но в то же время небольшой сюрприз. Потому что если ты, в возрасте двадцати лет, избавился от гражданских, моральных и религиозных условностей, то я, в этом же возрасте, также не очень-то уважал эти ценности. Впрочем, так, да не совсем так, как ты. Ты был бóльшим анархистом, чем я. Я дал крен — прошу прощения за это — в левизну.

---

⁴⁶ «Франкतिрёры» — вольные стрелки, намёк на бойцов Сопротивления.

⁴⁷ Здесь намёк на Жан-Поля Сартра, который намного чаще бывал во время Оккупации в кафе Deux Magots в Сен-Жермен-де-Пре, где он любил писать, чем среди маки. После войны Сартр стал певцом «очищения», — то есть процедуры денацификации интеллигенции Франции, — и большим приверженцем «левых» идей.

⁴⁸ Роман «Красное и чёрное».

⁴⁹ В камере.

⁵⁰ С фашизмом.

Рёбате: Это своего рода вовлечение тоже...

Кусто: Но отрицание во мне намного перевесило конструктивное рвение. Мой социализм оставался неопределённым. С другой стороны, я очень хорошо знал, что больше не хочу, чтобы меня обманывали, ни при каких обстоятельствах. Больше никаких *Sursum Corda*⁵¹ для нашей святой матери Церкви, Голубой линии Вогезов⁵² и Недвижимой Собственности. И раз уж мы говорим в доверительной обстановке, поделюсь, как я получил откровение: когда прочитал в шестнадцатилетнем возрасте «Остров пингвинов»⁵³ старины Анатоля Франса. Отбыть с «Острова пингвинов», чтобы причалить к «Майн Кампф», это довольно смешно...

Рёбате: Меня сделали анархистом священники и *L'Echo de Paris*⁵⁴ 1914–1918 годов. Когда я только начинал в журналистике и часто встречался с евреями и леваками, они сразу же нашли формулу, чтобы соотнести мои слова и мою принадлежность к «Альянс Франсэз» — я был для них правым анархистом. Несмотря ни на что, эта анархия во мне сосуществовала с очень живым преклонением перед Муссолини. Таким образом, я стал правым по той же причине, что и усачи...

Кусто снисходительно улыбнулся.

Кусто: Я знаю твою теорию: усачам и художникам для процветания нужен порядок.

Рёбате: Выраженная в такой форме, она выглядит чересчур классической, довольно плоской и всё же недос-

---

⁵¹ «Горе сердца». Возглас католического священника во время службы. Библия. Плач Иеремии 3.41.

⁵² Символическое название природной границы, за которой начинаются Эльзас и Лотарингия. Выражение появилось впервые в завещании депутата французского парламента Жюлья Ферри (1832–1893), где тот написал: «Я хочу быть похоронен в той же могиле, что мой отец и сестра, лицом к голубой линии Вог, куда до моего сердца долетают жалобы побеждённых...»

⁵³ Роман 1908 года.

⁵⁴ «Эхо Парижа», французское ежедневное издание, начавшее выходить при Третьей Республике с 1884 года. Придерживалось консервативных и патриотических взглядов. Перед Первой мировой войной неизбежно «правеет». В 30-е годы XX века издание сближается с Лигой Патриотов.

таточной для понимания. Мне кажется, что мы имеем право претендовать на то, чтобы представлять аристократию, отличительной чертой которой является прежде всего свобода разума, а затем страх эгалитарных мифов... то, что отличает нас от сентиментального анархиста, всегда более или менее назарянина. Определённая форма аристократии обязательно будет связана с анархией.

Кусто: Это очевидно. Но, честно говоря, я пришёл к этим очевидным фактам намного позже. Мое «обращение» — поскольку оно было обращением — происходило в довольно запутанных условиях. Это было скорее сентиментально, чем рационально, и решающее значение имела личная власть человека. Ты знаешь, как я попал в Je Suis Partout?

Рёбате: Подробностей не помню. Я знаю, что ты был уже в издательском доме, когда я сам туда приехал, ближе к концу 1932 года. Ты уже писал о «Кандиде»⁵⁵.

Кусто: Нет, «Кандид», это было позже. Улица Святого Готарда⁵⁶. Я начал с Je Suis Partout⁵⁷, в довольно забавных условиях. Не думаю, что когда-либо тебе о них рассказывал.

Рёбате: Валяй.

Кусто: В то время я работал в «Журнале»⁵⁸, где странно зарабатывал на жизнь, будучи секретарём редакции. И в то же время редактировал потихоньку — потихоньку, потому что, знай они об этом, непременно указали бы мне на дверь — новостную страницу «Мир» Барбюса. Кстати, это Жорж Альтман⁵⁹ принял меня в этом издательском доме, где мне почти не платили. Но я утешался тем, что поимел, таким образом, ограниченных

---

⁵⁵ *Candide* — литературное издание, принадлежавшее до 1936 года издательскому дому Fayard.

⁵⁶ Saint-Gothard.

⁵⁷ Располагавшемся по улице Saint-Gothard.

⁵⁸ Новостной ежедневник, публиковавшийся в формате А4, довольно маленьком и непопулярном для своей эпохи.

⁵⁹ Жорж Альтман/Georges Altman, 1901–1960, журналист, политик, участник Сопротивления. Выходец из русской семьи. Автор книги о советском кино.

людей и две сотни семей... И потом, чтобы немного заработать, я вёл юмористическую рубрику в *Coup de patte* Августина Мартини⁶⁰, подписывая её Альбер Лондон... Отсюда все неприятности! Однажды меня и авторов *Coup de patte* пригласили на банкет редакции, и, по воле случая, я нашёл себя справа от Гаксотта⁶¹, который вёл рубрику «Деревенский дурачок»⁶². Ни он, ни я не идентифицировали до тех пор наши псевдонимы с каким-то конкретным человеком. Мы познакомились. Гаксотт расхвалил меня, провозгласил мои записки отличными и пригласил сотрудничать в *Je Suis Partout*. Ты помнишь, что это было за издание в 1932 году...

Рёбате: Самое консервативное во Франции, полное рассуждений о финансах (!), своего рода ежедневник для использования полковников из «Альянс Франсэз», профессоров истории и банкиров-католиков.

Кусто: Итак, ты полагаешь, что когда Гаксотт предложил мне ввести туда свою прозу, я почти лишился чувств от удивления. Я было отказался с чувством некоторого превосходства, но меня посетила идея, что было бы смешно игнорировать поддержку реакции⁶³. Единственное, статья, которую я отнёс Гаксотту, была настоящей провокацией. По моим соображениям, эту статью, без каких-либо сомнений, должны были «завернуть».

Рёбате: Что ты там ещё придумал?

Кусто: Да ничего я не придумал! Я удовольствовался тем, что выудил из американских газет старую исто-

---

⁶⁰ Сатирический еженедельник. Августин Мартини — издатель.

⁶¹ Пьер Гаксотт/Pierre Gaxotte, 1895–1982, французский академик (с 1952 года), историк и журналист. Активный участник «Альянс Франсэз», придерживался крайне правых взглядов. Тем не менее отказался от сотрудничества с немцами во время оккупации. На суде предал Кусто, Рёбате и вообще всех своих учеников. Гаксотт был правым, но правым французом в первую очередь — так, он рассматривал Гитлера и сильную Германию как угрозу французским интересам. В годы оккупации бежал от гестапо с Митти Голдбергом, директором мюзик-холла АБС, евреем. После войны стал писать колонки в «левом» издании «Фигаро» (современный французский аналог «Известий» в СССР).

⁶² L'Idiot du Village.

⁶³ Т. к. Кусто предлагают работать в крайне консервативном издании.

рию, которая там всплывала на протяжении многих лет на первых полосах. Мутная история — вот случай это сказать — о семи неграх из Алабамы, приговорённых к смерти за изнасилование двух белых женщин. Защита настаивала на том, что эти белые были согласны⁶⁴, сверх того, являлись проститутками. Поверив, Высший суд отменил приговор. Но присяжные Алабамы рекомендовали казнить негров, и Верховный суд вновь отменил приговор. И присяжные Алабамы вновь рекомендовали смертную казнь. И Верховный суд... И не было никаких причин для того, чтобы это кончилось... И это была моя первая статья в *Je Suis Partout*. Я назвал её «Американское дело Дрейфуса, Погибнут ли семь невинных негров?».

Рёбате: Во имя Господа, ты крут. В издании, находящемся в вассальной зависимости от «Альянс Франсэз», не следовало сомневаться в виновности Дрейфуса.

Кусто: О, это ещё ничего. Видел бы ты текст! Я представил всё это дело, без малейших сомнений, в пользу *black boys*⁶⁵, так что мой дебют в *Je Suis Partout* стал настоящим гимном негритянству, таким бредовым, что даже сам Сартр нашёл бы его, без сомнения, излишним.

Рёбате: И Гаксотт принял твою рукопись?

Кусто: Без колебаний и жалоб! Со следующей недели моя негрофильская проза была опубликована в хорошем месте⁶⁶ с нетронутым заголовком. Я был потрясён.

Рёбате: И?

Кусто: Тогда Гаксотт просит у меня другие статьи, а я возвращаюсь на улицу Святого Готарда⁶⁷, знакомлюсь и с другими редакторами и беру в привычку опрокидывать стаканчик в грязном бистро, которое ты хорошо знаешь, на площади *Denfert-Rochereau*...

Рёбате: Там постоянно торчал завсегдатай, старик, похожий на Виктора Гюго...

---

⁶⁴ На половой акт, очевидно.

⁶⁵ Так в тексте.

⁶⁶ То есть на полосах, которые читаются больше всего.

⁶⁷ *Saint-Gothard* — первоначальный адрес редакции *Je Suis Partout*.

Кусто: Но наши слова ничуть не походили на те, что принадлежали покойному понтифику⁶⁸. Это потому, что Гаксотт полностью сменил команду.

Рёбате: Знаю. Он постепенно заменил всех восьмидесятилетних молодыми фанатиками, типа нас...

Кусто: Вначале я чувствовал себя слегка стеснённым среди этих кипящих геноцидов⁶⁹, которые попирали на полную катушку вселенское сознание. Потом привык. Я находился под влиянием Гаксотта. Я был очарован им, попал под его шарм! Достаточно было, что он атаковал какую-то проблему, и то, что накануне казалось мне недопустимым, сразу становилось приемлемым. Короче, если я стал фашистом, это благодаря обучению Гаксотта.

Рёбате: Если ты вошёл в *Je Suis Partout* посредством негров, я это сделал благодаря давлению еврея Левинсона⁷⁰.

Кусто: Поистине, мы были обречены.

Рёбате: Первый стаканчик, который мы опрокинули наедине на Монпарнасе в *Dôme* или *Rotonde*⁷¹... должно быть, это случилось в начале 1933-го. Годом позже мы оба были верными учениками Гаксотта. Никогда нагих воспоминаний не будет достаточно для его короткой вины перед нами.

Кусто: Да не говори. Мы — его угрызение совести на каждый день.

Рёбате: О! Ясное дело, не будь Гаксотта, мы бы нашли кого-то другого, потому что мы искали какого-

---

⁶⁸ Здесь обыгрываются огромное значение и роль Гюго в политическом устройстве Республики. Будучи масоном высокого ранга — причём масонство Гюго было вполне открытым — Гюго стал божеством республиканского пантеона. В Республике он занимался в том числе уничтожением региональных языков Франции. Авторитет Гюго, в том числе и литературный, никем не оспаривался. Похороны его стали всенародными.

⁶⁹ Так в тексте!

⁷⁰ Андрей Яковлевич Левинсон, 1887–1933, русский еврей, бежал от революции 1917 года, в которой не участвовал. Профессор романских языков университета Санкт-Петербурга, критик литературы, музыки и балета. Кавалер ордена Почётного легиона. Во Францию бежал в 1918 году через Литву. После смерти Андрея Яковлевича в 1933 году Рёбате заменил его в *Radio-Magazine* и *Je Suis Partout* как музыкальный критик.

⁷¹ Названия заведений в указанном месте Парижа.

нибудь Гаскотта. Что не опровергает тот факт, что мы были приговорены к смерти именно из-за Гаскотта!

Кусто: Чёрт побери, у меня всё ещё в ушах его тирады насчёт Гитлера и антирусского Крестового Похода... Мы, на самом деле, ничего такого не сделали, разве что продолжили дело Гаскотта.

Рёбате: И именно посредством него ты, левый анархист, и я, правый анархист, оказались под флагом Иерархии, фашизма, диктатуры. Два врага верований, мы нашли веру и распространили её... Но давай не будем объяснять постфактум, давай посмотрим, как всё произошло. Мы оба могли жить вне политических баталий. Но птичка увязла одним коготком, потом двумя...

Кусто: И после всё и случилось...

Рёбате: Потому что мы были слишком осведомлены с 1936 года. Мы знали, что всё было заморожено в политическом будущем нашего города и Европы. Точно не знаю, каково было у тебя на душе. Но я, в 25 лет, мог провести шесть месяцев в музее, на дискотеке⁷² или в комнате девушки — потому что, решительно, это три моих самых любимых занятия на свете — но, начиная с Front Popu⁷³, я не находил больше вкуса в живописи, выбросил мои музыкальные талмуды, перестал охотиться⁷⁴ и перестал быть способен прочитывать хотя бы одну книгу о любви. Ни ты, ни я, мы не можем точно определить дату нашего обращения.

Кусто: Редко когда мы можем сказать такое...

Рёбате: Точно знаю, что в 1938 году мы погрузились в это по самые брови, вовлечённые так сильно, что отречься, в тот момент, было глупо и позорно, а это не в нашем стиле.

Кусто: Почему это, между прочим, отречься? Может, мы ошиблись с выбором, но поскольку выбор был,

---

⁷² Так в тексте, не танцы.

⁷³ «Народный фронт», «левое» движение, включавшее в себя коммунистов, социалистов, прогрессистов. Требовало социальных реформ. Во время гражданской войны в Испании отказались поддержать республиканцев прямо. В 1938 году движение потерпело коллапс.

⁷⁴ Очевидно, на девушек.

наш оказался, как видно издалека⁷⁵, самым умным и самым достойным.

Рёбате: Каждый день появлялись новости, которые это подтверждали.

Кусто: И если фашизм нас охватил, то это не только лишь по причине личного обаяния Гаксотта. В конце концов фашизм был чем-то бóльшим, чем просто игрой разума.

Рёбате: Это было очень серьёзно. Речь не шла об интеллектуальной критике демократии, как у Морраса⁷⁶, но о полной, вызывающей доверие системе, надёжной, вполне реальной и уже реализованной Муссолини. После пятисот лет эгалитаристской болтовни восстанавливались порядок, иерархия, власть — без боязни называть всё это по имени и декларировать, что людьми не будут отныне править иначе. Наконец-то с этой великой задачей справлялись без участия церквей.

Кусто: Ну и это не должно было тебе не нравиться...

Рёбате: Подтверждались права на работу, лимиты и обязанности капитала... Я почти краснею, когда употребляю эти формулировки после того, как их подхватил генерал Каланча⁷⁷. Но эти слова, которые сейчас в его устах не больше, чем демагогическая шуточка, были наполнены конкретным смыслом в Риме в 1933 году.

Кусто: Существовали все необходимые элементы для полной перестройки общества... Была также возможность повернуть вспять то, что прогрессисты называют ходом истории.

Рёбате: Да, была надежда, которая прекрасно оправдывала наши действия. В то же время я не находил в драке того же удовлетворения, что и ты. Мои амбиции были в другом месте, даже успех *Les Décombres*⁷⁸ меня оставил достаточно равнодушным. После 6 февраля

---

⁷⁵ То есть сейчас, в тюрьме, когда ведётся диалог.

⁷⁶ Французский писатель, журналист, академик, националист, приговорён к пожизненному заключению после войны, в 1952 году помилован.

⁷⁷ Прозвище Де Голля, обладавшего высоким ростом.

⁷⁸ Антисемитский памфлет, продан тиражом 250 000 экземпляров во Франции в годы войны в условиях дефицита бумаги.

1934 года я — человек, который ждёт, чтобы планета успокоилась, дабы позволить ему, наконец, заняться чем-то другим. Я счастлив быть приговорённым к смерти ещё и потому, что я не обнаружил здесь никаких чувств, которых ожидал: ничего общего, как я писал другу Гальтеру, со знакомства с музыкой Вагнера или, например, с первой ночью с теми девушками, которых особо желал.

Кусто: Не говори мне, что ты будешь сожалеть!

Рёбате: Нет! Я не сожалею ни о чём. Я просто говорю себе это: я был прав, раздражая беглецов, буржуазных кротов, всех тех, кто прятался в своих домах во время тяжёлых ударов, и доволен, что не принадлежу к их роду. Но на более высоком уровне я сказал обществу «нет», когда мне было двадцать лет. Идеал стойкости и даже мужества... не было бы этим стойкое сопротивление вспышкам ярости, энтузиазма и отвращения, которые сделали нас сторонниками политической веры?

Кусто: Для этого следовало бы быть поистине сверхчеловеком.

Рёбате: В любом случае, что касается меня, я составил следующий отчёт: только за те четыре или пять лет, которые я прожил как настоящий анархист, я и накопил все знания, которые сделали меня тем, кто я есть. Если я действительно чего-то стою, то благодаря тому, что приобрёл за эти пять лет. Социальной жизни я обязан: пятью годами клерикальной тюрьмы, двумя годами в казармах, двумя годами капиталистической тюрьмы, десятью годами политической журналистики, ради которой я отказался от своей настоящей работы, той, для которой, как я чувствовал, я создан; наконец **141-м днём** в цепях и, теперь, пятью годами тюрьмы⁷⁹. Этот опыт позволяет мне повторять своё

---

⁷⁹ Рёбате слегка преувеличивает, как настоящий артист доводя себя до истерики, что и показано поведением Кусто. «Клерикальная тюрьма» — это обучение в религиозной и довольно престижной школе в Сен-Шамон, «два года в казарме» — это два года в составе оккупационных войск в разорённой после Первой мировой войны Германии, где французские войска отличились бесчинствами и беспричинно жестоким отношением к местному населению; «два года в капиталистической тюрьме» с 1928 по 1930 г. — время службы Рёбате в стра-

НЕТ любому обществу, любой совокупности людей, выть об этом, выплёвывать это до конца своих дней.

Кусто нашёл, что это было бы чересчур — противоречить Рёбате. Ему знакомо было легкомыслие торжественных клятв, расточаемых каторжниками, побеждёнными и пьяницами. Он сам частенько клялся, что его никуда не возьмут больше — для того, чтобы его взяли, — дабы проявить чрезмерную суровость. Так что с лёгкой улыбкой Кусто вернулся к теме разговора.

Кусто: Весьма мило, что мы вот так вот исповедуемся друг перед другом. Потому что в сумме, несмотря на то что ты практикуешь⁸⁰ вот уже семнадцать лет — и каких лет! — я не отдавал себе ещё отчёт так ясно, насколько разными были причины, приведшие нас к одной и той же политике. Ты занимался ею против воли, с внутренним протестом и осознанием того, что приносишь в жертву нечто главное во имя несущественного. Я... о, у меня всё было по-другому. Политика развлекала меня сама по себе и продолжает меня развлекать, насколько я могу претендовать на это в часы моей анафемы⁸¹. Без сомнения, потому что мне не выпало счастливого случая — как тебе — быть артистом, мудрым и деликатным.

Рёбате (покраснев, с невероятной скромностью): Ты меня достал, грязный ублюдок.

Кусто: Да не злился ты. Я знаю, о чём говорю. Ты сам объяснил мне, что не ценишь ничего выше удовольствия, которое доставляют тебе Вагнер, Рембрандт или Достоевский. В этом нет ничего бесчестного. Я тебя не упрекаю. И не утверждаю, что ты заблуждаешься. Не могу представить произведение искусства, которое бы вызвало во мне такую же экзальтацию, то же ощущение

ховых компаниях в Париже. Примечание В. Лорченкова, отсидевшего 25 лет в капиталистической тюрьме (стажёр в газете, криминальный репортёр, грузчик, установщик окон, водитель подпольного борделя, составитель путеводителей, подсобный рабочий на стройке, помощник библиотекаря и пр.) вместо того, чтобы писать книги и переводить.

⁸⁰ Придерживаешься нынешних взглядов.

⁸¹ В заключении.

полноты жизни, как, например... ммм... ладно, предположим, статья, названная «Ни одной вдовы и ни одной сироты для чехов»⁸², которую я написал в своё время в Мюнхене, между четырьмя и шестью часами утра, будучи в раже. Я, без сомнения, заставлю тебя подпрыгнуть, когда скажу, что мои лучшие воспоминания о моём бытии связаны, может быть, с нашим процессом⁸³.

Рёбате не подпрыгивает, но бросает на своего друга мрачный взгляд. Кусто продолжает.

Кусто: Прекрасно! Наш процесс. Шесть дней ходьбы по натянутому канату перед паяцами, между гордостью и самоуничтожением. Канат без страховочной сети под ним... с неизбежной смертью или бесчестьем в случае малейшего ложного шага. Ничего не отрицать и в то же время сдерживать все те оскорбления, которые я долго бормотал и которые моя мать и моя жена заставили меня дать слово не выплёвывать в президента⁸⁴. Быть твёрдым, сохранять достоинство и пытаться в то же время спасти свою голову. По сравнению с этими часами вся моя остальная жизнь кажется мне достойной сожаления мягкотелостью... Я как-то заметил, в своей тетрадке для афоризмов, что жизнь ничего не стоит, пока ею не рискуют. Политическое действие есть способ рисковать. В наши дни, по крайней мере.

Рёбате выглядит довольно едким.

Рёбате: Итак, ты занялся политикой для того, чтобы тебя приговорили к смерти?

Кусто: Не говори за меня глупости. Но, как ты вовремя заметил, когда мы встретили Гаксотта, мы вовлеклись. Я добавляю, что хоть я и пришёл с левого фланга, я к этому⁸⁵ был предрасположен куда больше, чем ты. Я не сказал «нет» обществу. Я сказал «нет» некоторым мифам. Это не одно и то же. Я не понял бессмысленности

---

⁸² Т. е. «ни одного французского солдата, павшего ради Чехословакии».

⁸³ Судебным.

⁸⁴ Ведущего процесс судью.

⁸⁵ Фашизму.

апостольского служения, я принимал как легитимное желание изменить структуру общества.

Рёбате: В таком случае, конечно, это не должно было быть для тебя слишком трудным⁸⁶. Уж куда более мудро бойцу перейти на сторону врага, чем скептику вмешаться в драку.

Кусто: Если уж знать, почему я предпочёл фашистов марксистам, я повторяюсь, что прежде всего было влияние Гаксотта. И я добавил бы к этому ещё кое-что, что повлияло. Ты помнишь книгу некоего Мольво⁸⁷, опубликованную примерно в 1937 году?

Рёбате: Довольно посредственная книжонка...

Кусто: Без сомнения, но она привела меня к довольно интересной идее. Это история одного испанца, который живёт во Франции и возвращается в свою страну после начала Movimiento⁸⁸ без каких-либо политических убеждений или пристрастий. У него не больше причин идти к белым, чем к красным. Просто он знает, что должен сражаться, потому что его сограждане сражаются. В конце концов, он присоединяется к Франко⁸⁹. И когда его спрашивают о причине, он отвечает: «Cuestion de estetica»⁹⁰. Есть что-то такое и в моём обращении к фашизму. Между вагнеровским великолепием конгресса в Нюрнберге и «кастрюльными» парадами⁹¹ «Народного фронта» от Бастилии до Площади Наций... нет никаких сомнений: эстетика — в лагере фашистов.

Рёбате: Ну, с этим я согласен, и даже очень согласен. Мне нравился определённый стиль... муссолиниевский... этот возрожденческий дух, который можно было найти в итальянской молодёжи. Но моё первое фашист-

---

⁸⁶ Переход от таких взглядов к, собственно, фашистским; в данном случае идёт речь о схожести противоположностей.

⁸⁷ Maulvault, El Requete.

⁸⁸ Правительство Франко.

⁸⁹ Очевидно, к франкистам, не самому лидеру реакции.

⁹⁰ «Вопрос эстетики, вкуса».

⁹¹ Во Франции популярно во время уличных манифестаций с социальными требованиями сопровождать их стуком в кастрюли.

ское чувство проявилось 30 июня 1934 года. Я был ещё весь липким от грязных заговоров февраля⁹², от нашего отверженного парижского фашизма, разделённого, стёртого, кастрированного стариками и проданного теоретиками. Я вижу себя на площади Denfert, читающим без устали в газетах о карательной экспедиции Фюрера⁹³. Перья⁹⁴ l'Intran⁹⁵ и другие газеты кричали от ужаса.

Кусто: Это представляло на самом деле вопиющее противоречие с демократическими репрессиями. Они тоже жёсткие, даже иногда и жёстче, но у них всегда есть юридическое алиби...

Рёбате: Я видел этого выплывающегося лидера как орла, парящего над виновными, действующего лишь по своей воле. И я слышал литавры Валькирий. До того момента усики Дюдюля⁹⁶ и пустые глаза Гимmlера вызывали у меня скорее лишь неприязнь. Но с того момента, когда возник гитлеровский вагнеризм, трудно было оставаться равнодушным. Первые последствия «Триумфа воли»⁹⁷ и лейтмотив Нюрнберга, когда белый самолёт Фюрера появляется из облаков над старыми крышами, которые сожгли американские негры⁹⁸... ах! Как я это любил! Вот что позволяет мне сказать, что это отчасти иезуиты сделали меня гитлеровцем, потому что это будущий иезуит познакомил меня с Вагнером в мои восемнадцать лет⁹⁹...

Кусто: В твоей жизни много иезуитов...

---

⁹² Попытка мятежа французских «правых» 6 февраля 1934 года, окончилась провалом, полиция застрелила 16 демонстрантов.

⁹³ Ночь длинных ножей, расправы с «коричневыми».

⁹⁴ Ведущие журналисты.

⁹⁵ L'Intransigeant, издание, основанное в 1880 году Анри Рошфором, изначально представляло «левую» оппозицию. В 1920 году стало «правым». Выступало против Дрейфуса.

⁹⁶ Семейное прозвище Гитлера в книге.

⁹⁷ Фильм Лени Рифеншталь о съезде в Нюрнберге.

⁹⁸ Намёк на бомбардировки союзников.

⁹⁹ Намёк на Франсуа Варийона/François Varillon, 1905–1978, друг детства Рёбате, должен был стать музыкантом, но обратился к Богу и ушёл в Орден Иезуитов. Участвовал в создании движения духовного сопротивления «Христианское Свидетельство», перед тем как написать несколько религиозных трактатов, которые пользовались большим спросом. Это значительная фигура христианского обновления.

Рёбате: Даже больше, чем ты можешь себе представить. Но, мне кажется, я пересказываю тебе *Les Décombres*¹⁰⁰. Думаю, я всё сказал насчёт Вагнера и Дюдюля¹⁰¹. Гитлеризм побудил меня участвовать, впервые в моей жизни, в том, что прогрессивные доминиканцы зовут «эстетикой сообщества». Я никогда не откажусь от этих чувств. Но «Рождение Венеры», *Kleine Nacht Musik* Моцарта¹⁰², Эль Греко в Эскориале, королевский портал в Шартре или Одетт дё Кресси¹⁰³, которая спускается по Авеню du Bois... всё это не менее красиво. Да и у Моцарта или Пруста мы не встречаем Топазов¹⁰⁴, Эрриоев¹⁰⁵, Бевинов¹⁰⁶, Трокеев¹⁰⁷.

Кусто: Когда занимаешься политикой, нужно смириться с тем, что немного запачкаешь руки. Есть моменты, когда оно того стоит. Не так уж было бесполезно помешать войне.

---

¹⁰⁰ Свой роман.

¹⁰¹ Гитлера.

¹⁰² Маленькая ночная серенада, *Eine kleine Nachtmusik*. — Прим. ред.

¹⁰³ Здесь — просто символ красавицы-незнакомки.

¹⁰⁴ *Toraze*. Вероятно, фильм 1933 года об учителе, который бескомпромиссно учит детей бороться с коррумпированностью власти в то время, как жадный аристократ с любовницей пытаются впутать его имя в мошенническую схему.

¹⁰⁵ Эдуар Эррио/*Édouard Herriot*, 1872–1957, член Радикальной партии, мэр Лиона до и после Второй мировой, сенатор, член Академии, симпатизировал коммунистам, посетил СССР в 1922 году — году разлухи, вызванной Гражданской войной и переворотами (февральским и октябрьским) — и называл большевиков «энциклопедистами». В 1942 году отправил свой орден Почётного легиона маршалу Петену в знак протеста против политики примиренчества с немцами. В 1947 году стал президентом Национальной Ассамблеи. Интересно, что Эррио родился в городке Труа (французское звучание всем нам привычной Трои), где в ходе 100-летней войны между Плантагенетами и Валуа был подписан договор, согласно которому Париж стал столицей объединённого королевства, подчинённого Плантагенетам (дофин Карл, лишённый прав на наследство, не признал этого договора и удалился в Шинон, где его нашла Жанна д'Арк).

¹⁰⁶ Сэр Эрнест Бевин/*Ernest Bevin* (1881–1951), член рабочей Партии Британии, антикоммунист, активно работал на Ближнем Востоке, причастен к отправке евреев в Палестину.

¹⁰⁷ Андре Троке/*André Trocquer*, 1884–1963, министр внутренних дел Франции во время процесса и заключения Рёбате и Кусто.

Рёбате: Наша драка, в сентябре 1938 года¹⁰⁸, без гроша, с гневом в сердце, за мир и за нашу страну, да, это было чудесно, ты мне вовремя напомнил. Это мое самое прекрасное воспоминание о политике, более волнующее даже, чем успех Les Décombres. Но какая клоака эта политика: шефы Р.Р.Ф.¹⁰⁹, двойные агенты, кабинет Маршала¹¹⁰, «мозговой трест» голлистов¹¹¹, Белый Дом... Заниматься политикой значит ступить в клоаку. Иначе останешься литератором, что, в общем, и было нашим случаем прежде всего: я говорю меньше о Робере¹¹², но, скорее, о нас двоих.

Кусто: Слово «политика», на самом деле, двойственно. Или, точнее, оно деградировало. Оно закончило тем, что определяет некое поведение — своего рода склонность к мутным схемам, уловкам, компромиссам, обманам... Поведение Лавалья¹¹³, например, причём с самой колыбели. Все признают, даже его худшие враги, что Лаваль был, *par excellence*, политическим существом.

Рёбате: После всего, что ты написал против него, мне нравится услышать прочитанное...

Кусто: Но в этом смысле мы... мы-то никогда политикой не занимались, потому что эффективность была нам безразлична, потому что мы отказывались идти на сделки и довольствовались тем, чтобы называть вещи

---

¹⁰⁸ Драка сентября 1938 года — полемика *Je Suis Partout* против сторонников силового давления на Германию в момент политического кризиса в Мюнхене.

¹⁰⁹ Р.Р.Ф. — Народная Партия Франции (*Parti populaire français*). Существовала с 1936 по 1945 год. Руководитель — Жак Дорио/*Jacques Doriot*. Создана по образцу фашистской партии Италии. Интересно, что важную роль в деятельности французского фашистского движения в НПФ сыграли «южные» кланы политиков из Марселя и Ниццы. Эти регионы намного ближе Испании и Италии и вошли в состав Франции лишь после многовековых завоеваний и политической ассимиляции, проводимой Парижем.

¹¹⁰ Петен.

¹¹¹ На английском, чтобы подчеркнуть зависимость Де Голля от союзников.

¹¹² Робер Бразильяк/*Robert Brasillach*, шеф-редактор *Je Suis Partout* в 1937. Отказался покинуть Францию и перебраться в Германию в 1944-м — в отличие от Кусто и Рёбате — стал узником Сопротивления и был расстрелян 6 февраля 1945 года.

¹¹³ Пьер Лаваль/*Pierre Jean Marie Laval*, 1883–1945, французский политик, начинал как «левый», потом «поправел». В годы Второй мировой играл важную роль в правительстве Виши. После победы союзников бежал в Испанию, потом вернулся. Заключён в тюрьму правительством Де Голля, пытался покончить с собой, но неудачно. Расстрелян в 1945 году.

их именами, и защищали не то, что могло стать предметом торга, но то, что *должно* быть. Если я так любил эту вонючую штуку, которая называется политикой, то это не из-за амбиций или пристрастия к клоаке, а из удовольствия сражаться. Но мы отделились от того, с чего начали наш спор, — от того, как примирить отрицание нашей юности с нашим принятием фашизма.

Рёбате: Ладно, объясни-ка!

Кусто: Для меня, повторюсь, это было более мудро, чем я представлял, потому что я был предрасположен к апостолату. Это не мешало мне, несмотря на всю мою преданность Гаксотту, чувствовать иногда некоторое стеснение. Я решил эту проблему, навсегда отказавшись из принципа отвлекаться на несущественные вопросы. Я решил рассматривать проблему в целом, остальное отставляя в сторону.

Рёбате: Я поступал так же, это типично для любой веры, религиозной или нет.

Кусто: Послушай, я вспоминаю довольно острую дискуссию, которую вёл в 1936–1937 с Тьерри Мольньё¹¹⁴. Этот бравый защитник силлогизмов атаковал меня из-за моих франкистских симпатий. Ну и поскольку я полностью покинул любые конфессии и был откровенно враждебен диктатуре попов, как я мог так серьёзно отнестись к делу Франко, чья победа будет, очевидно, победой пилеолуса и игрушечных солдатиков?¹¹⁵

Рёбате: На самом деле, это то, что и случилось. Увы, несчастливая Фаланга¹¹⁶, уничтоженная партией священников¹¹⁷.

---

¹¹⁴ Тьерри Мольньё/Thierry Maulnier, 1909–1988, настоящее имя — Жак Талагран/Jacques Talagrand, публицист, поддерживал вполне нормальные отношения с Бразильяком, придерживался Морраса и отрицал склонность к нацизму Рёбате. Писал блестящие статьи в издании «Аксён Франсэз», La Revue universelle.

¹¹⁵ Пилеолус — шапочка римско-католического священника, Кусто говорит о победе реакции, союзе Церкви с Армией, причём вместо пилеолуса употребляет более фамильярное слово calotte. А «солдатики» — именно в значении солдатиков из наборов для игр.

¹¹⁶ Движение Франко, близкое, по сути, штурмовикам Гитлера.

¹¹⁷ Здесь le parti-prêtre, «сообщество людей, объединённых одними политическими взглядами, в которых люди действуют вопреки интересам общества».

Кусто: В любом случае, в момент моего спора с Мольнёй, я взял на себя этот риск. Я отвечал ему с юмором, что мне было бы мучительно, попроси у меня кто исповедаться, но ещё более мучительным будет — попасть под власть ГПУ¹¹⁸, и что даже самая мягкотелая капиталистическая демократия мне противна больше, чем испанская теократия. Так что Франко был меньшим злом, и следовало его поддерживать.

Рёбате: Ты не упустил сути...

Кусто: Исходя из тех же побуждений с 22 июня 1941 года, с начала войны против России¹¹⁹, я был за Германию без остатка и без нюансов и велел себе закрыть глаза на всё то смехотворное или даже монструозное, что делали люди с нашей стороны.

Рёбате: Но всё это не объясняет, как, в твоём личном случае, ты мог совместить персональное «отрицалово» с нашими коллективными утверждениями. Например, с теми, кто с нашей стороны заладил, будто они защищают христианскую цивилизацию. Ты, ты вот защищал христианскую цивилизацию?

Кусто: Да, я её защищал, по необходимости, но в качестве дополнения, как нечто прилагающееся к чему-то гораздо большему. Так защищают часть целого. Для меня — очень маленькую часть того целого, что было мне по сердцу. Я, конечно, ошибался, но не мог воспринимать это¹²⁰ всерьёз. Мне это казалось лишённым всякой важности. У меня не было впечатления, что я себя сужу, когда я соседствовал с людьми, приправлявшими наш Крестовый поход христианскими словечками.

Рёбате: И патриотизм?

Кусто: А вот это было серьёзное препятствие. Фашизм был националистическим. Это меня очень стесняло. Это начало меня смущать намного меньше, когда прояснился повсюду, постыдно, этот белый интернационал,

---

¹¹⁸ В тексте не аббревиатура, а передача звучания, Guéréou.

¹¹⁹ Не СССР, в тексте — Россия.

¹²⁰ Аргументы о защите христианской цивилизации.

который Моррас изгонял ежедневно как пятую колонну. Думаю, я был гораздо более склонен к этому «правому интернационалу», чем наши другие товарищи из J.S.P.¹²¹, выращенные в узконаправленном шовинизме... Да и когда шла речь об отказе от франко-германской войны, я, конечно, был совершенно уверен в своей правоте, я нашёл себя двадцатилетним.

Рёбате: Но война против России?

Кусто: Я тебе отвечу, процитировав автора малоизвестного, но всё же весьма обогатившего нашу литературу ударными афоризмами. «Лицо, отказывающееся от военной службы по соображениям совести, — писал Жан Полан¹²², — это не человек, который отказывается сражаться, но человек, ожидающий войну, сторону в которой избрал». Ибо война против русских была войной не национальной, но гражданской.

Рёбате: Для человека, определённого левыми мыслителями, это единственная достойная война.

Кусто: Анатоль Франс блестяще сформулировал это, и, без сомнения, факт, что эта война меня устраивала идеально, если я могу так выразиться. Что касается других аспектов нашего Крестового похода, которые могли шокировать мои убеждения юности... я там не остановился. Кроличизм вишистов¹²³, патернализм Маршала¹²⁴, пуританство цензоров южной зоны¹²⁵, гангстеризм шефов банд зоны северной... — всё это было лишь дополнение.

---

¹²¹ Фамильярное сокращение *Je Suis Partout*, речь о коллегах по изданию.

¹²² Jean Paulhan, 1884–1968, журналист, издатель «Нового ревью», сын философа Фредерика Полана. Преподавал французский и латынь. В годы оккупации писательница и танцовщица Элиз Жуандо, супруга писателя Марселя Жуандо, доносит Гестапо на Полана как на еврея. Об этом жертву предупреждает сам Марсель Жуандо. Полан бежит буквально за минуты до прихода гестапо и прячется в Париже у знакомых до конца войны. После неё он резко выступает против тех представителей Сопротивления, которые пытаются ввести некого рода либеральную цензуру. Он осмеливается вновь публиковать Луи-Фердинанда Селина (!)

¹²³ Речь, очевидно, о стремлении избавиться от проблем, забравшись в нору, как кролик, речь о пассивности правительства Виши.

¹²⁴ Петена.

¹²⁵ То есть под номинальной властью Виши.

Мы защищали, со всеми её недостатками, некую форму аристократической цивилизации, единственную, которая давала шанс качественному анархизму. Мы защищали это против диктатуры хулиганов и головорезов. Вот что существенно. И это стоило того, чтобы попробовать. Мы оказались побеждены. Ладно. Но сегодня меня бы бесило, сдайся я тогда без боя.

Рёбате: Это не наш случай. Мы дрались десять лет. Мы предложили этому миру свои решения. Не утверждаю, что они были идеальными, но у них был масштаб побольше, чем у современного дерьма. Их не захотели, наши решения. Даже затеяли мировую войну, чтобы сделать их невозможными. Итак, теперь, что же!.. Всё кончено, у нас есть право сказать наше энергичное Scheiss¹²⁶ западному обществу!

Вновь Кусто воздерживается от того, чтобы вслух сомневаться в окончательном характере такого торжественного решения. Рёбате в то же время предался своему любимчику среди грехов, который заключается, каждый знает, в преображении малейших слов в поток рукописных листов.

Рёбате: Может быть, появится возможность, достаточно сенсационная, выразить этот Scheiss! Эта наша с тобой болтовня только что натолкнула меня на мысль. Раздражает, что все мои идеи возникают всегда в виде 3000 страниц. Но после всего мы не будем освобождены раньше 1965 года, и тюрьма — мать литературы. В любом случае, если я захочу родить в один прекрасный день эту книгу, ты напишешь к ней предисловие. Это будет меньшее, что ты сделаешь.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
бухгалтерия тюрьмы Клерво (Франция), 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек), 2021.*

---

¹²⁶ С нем. — «дерьмо».

ДИАЛОГ ВТОРОЙ: ПРАВО САМОГО СИЛЬНОГО

Не в силах сделать справедливость сильной,
мы сделали силу справедливой.

Паскаль, «Мысли»

То был один из прекрасных дней, которые позволяют счетоводам отдохнуть от рабского труда в конце месяца. Простые люди не знают, как редки эти дни. Только посвящённые познали деморализующую пластичность конца месяца... тиранию сводных отчётов, которые начинаются примерно в двадцатых числах и длятся до десятых. Между этими двумя бедствиями находится, собственно, месяц, расслабленный и сжатый до размеров всего-то маленькой недельки. Но какой! Неделя, освобождённая от всяких обязательств, богатая всеми возможностями почтенного досуга. Праздность — мать всех искусств, и, будучи праздными в это время, Кусто и Рёбате признали его подходящим для самых существенных умственных спекуляций. Кусто попытался воспользоваться перемирием, чтобы уколами спровоцировать Рёбате на некий спор, который оторвал бы их от посредственной обыденности тюремной жизни. Но Рёбате уклонился от приглашения. Похоже, он пережевывал старую проблему. И, наконец, решился:

Рёбате: Я прикидываю. Я спрашиваю себя, видишь ли, что мы могли сделать, чтобы не быть расстрелянными. Это вызывает беспокойство по моему, да и по твоему поводу. Мы никому не продались, они¹²⁷ сами это признали, что, кроме того, их грязно тревожило. Мы не сдали приятелей. Мы не сотрудничали правой рукой со шлеухами¹²⁸. Мы не рассказывали, что писали

---

¹²⁷ Враги литераторов, представители нового режима Франции.

¹²⁸ Chleuhs, презрительное обозначение немецких солдат. Изначально — народ с юга Марокко и язык, на котором говорят берберы (не арабское население Магриба). Во время Первой мировой войны слово значило «солдат из местных войск» на арго французских военнослужащих. Позже стало означать «житель

под воздействием алкоголя или эфира и что нас, мол, грызли трепонемы¹²⁹. У нас были смехотворно девственные юридические досье: ни тебе грабежа, ни мошенничества, ни даже маленького покушения на нравственность. Мы не *блатные*, к нашему несчастью.

Кусто: В то же время мы живы.

Рёбате: Не находишь ли ты это тяжким? Понятно, мы не плюнули им правду в лицо, в их суд присяжных, не давали отвод их жюри землекопов, и, между прочим, horribly сделали. Но этого недостаточно, чтобы объяснить тот факт, что мы выжили. Мы должны обладать несколькими позорными пятнами, которые они вынюхали. Ну, как те типы, что чувствуют вонь от своих ног, но единственные это игнорируют.

Пока Рёбате говорил, Кусто пришёл в ужас. Он нашёл в этих рассуждениях одну из тем для своих собственных медитаций.

Кусто: Всё, что ты говоришь, — ужасно. Этого достаточно, чтобы лишить меня сна.

Рёбате усмехнулся. У него был обычай ошеломлять Кусто резким сарказмом, издеваясь над потрясающей способностью друга отходить ко сну, которой, казалось, ничто не могло помешать.

Кусто: Но уж будь уверен, я не лишусь сна. Но, как и ты, я обеспокоен. Или наше помилование — инцидент (даже самые хорошие механизмы иногда дают осечки) или... Французский магистрат жестоко ошибся на наш счёт, надеясь отделить от нас одно из позорных пятен, что, в глазах магистрата, послужило единственным мыслимым смягчающим обстоятельством¹³⁰. Но я больше верю в случайность, инцидент!

приграничной территории, говорящий на одном из языков, кроме французского, — эльзасском или комтуа. Ко Второй мировой войне слово эволюционировало и стало обозначать немца, человека, говорящего на немецком, а позже и просто немецкого военного (с мая 1940 года), а левой рукой — с Интендженс Сервис (спецслужбы Великобритании).

¹²⁹ То есть сошли с ума от венерических заболеваний и не отвечают за написанное не в здравом уме.

¹³⁰ Кусто хочет сказать, что трибунал видит в них заблудших овец, а не злодеев, в то время как Кусто и Рёбате пытаются бравировать обратным.

Рёбате: Да ты оптимист!

Кусто: Когда наши досье положили на стол Ториолу¹³¹, он вступил в исполнение обязанностей. Мы были первыми приговорёнными к смерти. Он¹³² не хотел начинать свою работу¹³³ с резни. И потом, мы были три журналиста¹³⁴. Обычно мѣлуют 50 процентов приговорённых. Невозможно расстрелять одного с половиной человека! Трудно вырезать 100 процентов, особенно при пришествии¹³⁵. Итак, Ториоль помиловал нас троих. Но он должен сожалеть об этом. Чем больше я размышляю, тем больше убеждаюсь, что это всё же случайность, сбой в работе их юридической машины и что, спасибо Господу, наша честь тут не задета¹³⁶.

Рёбате: Не нужно забывать и наши многочисленные связи, которые были продемонстрированы на треть, а это довольно значительная пропорция¹³⁷. И это я не говорю о тех типах, которые нас не знали и всё равно требовали нашего помилования. На самом деле, нашлось множество людей, противостоящих нашей казни. Это представляло солидный повод для размышления для циклопа из Елисейского дворца¹³⁸. Но два месяца спустя циклоп весьма безмятежно отправил на смерть храброго маленького Радичи¹³⁹.

Кусто: В то же время, даже с их точки зрения, этот несчастный не был повинен и в четверти наших грехов.

---

¹³¹ Кусто коверкает фамилию президента Франции, Ориоля. Винсан Ориоль/Vincent Jules Auriol, 1884–1966, президент Франции с 1947 по 1954 г.

¹³² Президент.

¹³³ В тексте именно job.

¹³⁴ Кусто, Рёбате и Клод Жанте/Claude Jeantet, 1902–1982, правый журналист, генеральный секретарь студенческого крыла «Аксьон Франсэз», сотрудничал с изданиями «Кандид», «Маленький Парижанин» (стал редактором). К концу войны бежал в Германию, работал ведущим на радио «Родина». Коллаборационист. Приговорён в 1951 году к пожизненной каторге. В 1956 году помилован.

¹³⁵ Во власть.

¹³⁶ Кусто пытается убедить себя и читателя, что их помиловали случайно и им не пришлось отречься от своих убеждений, в то же время есть версия, что Пьера-Антуана помиловали благодаря личному заступничеству брата, Жака-Ива Кусто, перед генералом Шарлем де Голлем.

¹³⁷ То есть треть знакомых Кусто и Рёбате не побоялась поддержать их публично.

¹³⁸ Де Голля.

¹³⁹ Коллаборационист.

Рёбате: Но ему не хватало связей. Ну и где справедливость, мой друг?

Кусто: Справедливости нет. И нашего случая это тоже касается. Никогда нет справедливости. Никогда не было. И никогда не будет. По крайней мере, на этой Земле. И поскольку у нас нет инфантилизма верить в назарейские басни про справедливость-где-то-там, это потому что у нас есть причины. Право и Справедливость — метафизические конструкции. Если немного поковыряться в системе, то найдёшь всегда старый закон джунглей, то есть право сильного. Вот это — да, солидно. Организованное общество уничтожает своих врагов. Имущие защищают свой бифштекс. Правящие банды крушат индивидуумов или группы, которые эти банды беспокоят.

Рёбате: Но это законные действия!

Кусто: Но их проделывают с большей или меньшей долей лицемерия. В этом вся разница между произволом и законностью. С моей стороны... Я многое прощаю циникам, но ничего — лицемерам. Однако, в случае лицемерия, у нас нет причин жаловаться, нам вынесли хороший приговор.

Рёбате: Итак, ещё раз, я отдаю предпочтение коммунистам, которые никогда не меняли своего тезиса: нас, «правых», необходимо уничтожить, как бешеных собак. (В скобках — я верю, что коммунисты не так уж жаждали нашей смерти, иначе они бы добились этого.)

Кусто: Это правда, что они получают всегда то, чего хотят, даже сегодня, несмотря на все драки и впечатляющие оскорбления¹⁴⁰.

Рёбате: Вопрос: кому вручить звание самого чистого лицемера, магистрату¹⁴¹, который расстреливает своего ближнего, предоставив ему юре, или высшему магистрату, одноглазому¹⁴², который выступает принципиальным противником смертной казни?

---

¹⁴⁰ От буржуазной республики.

¹⁴¹ Намёк на президента Ориоля.

¹⁴² Де Голлю.

Кусто: Повторю тебе, что эти персонажи не вызывают у меня ужаса, только лишь тот, который я испытываю из-за отсутствия в них интеллектуальной смелости признать свою жестокость. Демократы и пушистые социалисты, что нацелились на нас и которые несут всю ответственность за чистку — потому что коммунисты, с другой стороны, удовлетворились лишь тем, что только кричали о смерти, но никто из них никогда не был президентом Совета или Хранителем печатей¹⁴³ — у этих людей были веские причины устранить нас. Что выглядит жалко, так это их претензии действовать во имя Господа.

Рёбате: Им мало быть самыми сильными, они хотели также быть самыми правыми...

Кусто: И заметь, что в какой-то мере им удалось выглядеть так, будто они правы. Конечная цель этой чистки состояла в том, чтобы добиться от почти всех обвиняемых признания.

Рёбате: Когда обвиняемые считают себя невиновными, они продолжают осуществлять Право. Потому что они основывают свою невиновность на виновности других. Или по меньшей мере пытаются соответствовать масштабу вынесенных приговоров. Осуждённый с чудесной лёгкостью отождествляет себя с решениями Юстиции, когда они благоприятны, по мотивам всегда достаточно мутным. Вот, Юстиция решила забыть, что А. написал примерно полторы сотни статей точно в том же духе, что и В., а осуждённый А. — полностью забыл сам о том, что был автором таких статей. Что позволяет ему отвечать тем, кого огорчает моя судьба: «Да, конечно, но со всем тем, что написал Рёбате...»

Кусто: Не говори мне об этой печальке! Худшая порода людей в тюрьме — невиновные. Потому что тут одно из двух: или они на самом деле невиновны, и тогда мне плевать на их судьбу, поскольку они нам не товарищи... или они фальшивые невиновные, что гораздо хуже.

---

¹⁴³ То есть не осуждал людей на смерть.

Потому что они участвуют в игре врага, они приняли правила и ценности врага и, провозглашая себя невинными, они косвенно соглашаются с тем, что остальные-то приговоры легитимны. Единственная достойная реакция в нашем случае — отвергнуть деградантский миф о виновности и невинности и не принимать ничего, кроме «побеждённые и победители». Всё остальное — розыгрыш и трескотня.

Рёбате: Да, нужно излечить французов от этой магии Права, религии юриспруденции. Все эти дебилы, которые постоянно изрекают: «У меня есть право на... Он не имеет права на...» Всякий раз, когда я это слышу, у меня колики! Всякий раз, даже здесь, обманутые парни, по которым прокатилась Несправедливость¹⁴⁴, убеждены, что я шучу, что я с ума сошёл.

Кусто: Не важно, что эти несчастные типы думают. Это¹⁴⁵ потребовало бы переделать всю систему образования, приступить к этой задаче у нас нет совершенно никакого желания.

Рёбате: Грёбанное нет!

Кусто: И так уже хорошо и эгоистично получить индивидуальный доступ к определённому числу правд, и, что касается меня, я переболел желанием разделить эти истины со своими современниками. Как бы то ни было, между прочим, я не верю, что массы возможно вырвать из юридического самозванства.

Рёбате: Массы нуждаются в иллюзиях.

Кусто: Им нужен юридический миф, как и метафизический, и массы злятся, когда ты претендуешь на то, чтобы вернуть их к реальности. Гигноли, которые осуществляют видимость правосудия, это прекрасно знают, кстати. Они играют на наивности плебса, и они уверенно играют. Главное в этом деле — не быть тупицей.

---

¹⁴⁴ В тексте игра слов — «несправедливость» — это «неюстиция», Юстиция и Справедливость на фр. одно и то же — justice.

¹⁴⁵ Заставить людей думать иначе.

Рёбате: Как это у нас получится после опыта последних лет?

Кусто: Признаюсь тебе, что перед тем, как отбыть с Восточного вокзала в наручниках, я имел лишь самые общие представления о юстиции... Но из принципа я отказался взять сторону плохих парней против магистрата, скатиться в *гюгошную* демагогию и нежные чувства Сарко¹⁴⁶... И когда я увидел, как магистрат с нами обращается, те самые магистраты, которые обычно судили похитителей куриц, я почувствовал вскоре, что мне следует пересмотреть свои представления о похитителях кур... И когда меня первый раз привезли по улице Буасси-д'Англа¹⁴⁷ и когда я вновь смог видеть сквозь прорези салатных корзин¹⁴⁸ свободных горожан на улицах Парижа, я заметил: «О! Грязные рожи честных людей!»

Рёбате: Я тоже плохо знал юстицию перед тем, как попасть в тюрьму, но недолго любил её без того, чтобы познакомиться. Это всё из-за моего ужаса перед правом и традиций «Альянс Франсэз». У меня также был живой ужас перед юриспруденцией, и я взял за принцип не попадать в ситуации, которые приведут меня в опасные лапы судей.

Кусто: Насколько я тебя знаю, этот принцип ты должен был нарушать куда чаще, чем ему следовать.

Рёбате: В целом я его попирал дважды в неделю, когда сидел перед чистым листом. Но я всегда при этом поддерживал справедливость против человеколюбивого нытья. Ты знаешь, что одна из моих шуток состояла в том, чтобы снять на ночь квартиру, лишь чтобы наутро увидеть себя с подписанным контрактом на жильё с видом на Санте¹⁴⁹.

---

¹⁴⁶ Francis Carco, популярный исполнитель романсов, богемный артист Монмартра.

¹⁴⁷ Boissy-d'Anglas.

¹⁴⁸ Так образно Кусто говорит о решётках «автозака».

¹⁴⁹ Тюрьма, расположенная на востоке Монпарнаса, 14-й округ Парижа. Одна из самых печально известных тюрем Франции, здесь содержат VIP-преступников и, по слухам, весьма высокий уровень подготовки охраны.

Кусто: Вот в чём ты меня превосходишь. Я не способен был даже сказать, где находится Санте, я проходил тысячи раз по дороге Орлеана перед Френ¹⁵⁰ без того, чтобы знать, о чём там речь. Ничего меня не готовило к тюремной жизни...

Рёбате: Хех, что касается меня, я два года прожил лицом к тюрьме. Это было в самом начале моего брака. Вероника, моя экс-супруга, адвокат, можно сказать, с рождения — в 1939 году в Бухаресте было примерно 6000 адвокатов, — часто беспокоилась о судьбе несчастных заключённых за этими ужасными стенами. Я часто посмеивался над этой сентиментальностью.

Кусто: Узнаю твоё каменное сердце!

Рёбате: Меня весьма удовлетворяло осознание того, что эти «несчастные» в темнице, а не копошатся сейчас в замке моей двери. Вот на чём я настаивал. Судьи полезны как мусоришки. Более того, я придерживаюсь этого мнения.

Кусто: Да, но при условии, что в этом нет смехотворного намерения применять «наказания». Хорошо организованное общество обязано истреблять вредных индивидуумов, асоциальные элементы... Но это общество становится бурлескным, когда переносит мифические представления о добре и зле на годы заключения.

Рёбате: В любом случае профессия судьи самая отвратительная из ремёсел, много отвратительнее занятия флика или тюремщика. Репутация подбострастной французской судебной системы складывалась веками. Было бы неплохо написать небольшой милый учебник на эту тему.

Кусто: Я не против, за исключением неприятных обобщений, которые можно сказать насчёт этих людей. Следовало бы настаивать на их концепции смягчающих обстоятельств. Вот где проявляется их уродливая природа. Вот где их характерная деградация. Можно сказать, что систематически свирепость приговоров была про-

---

¹⁵⁰ Fresnes — населённый пункт во Франции, в Val-de-Marne региона Île-de-France, где расположен один из самых важных тюремных центров страны.

порциональна порядчности, лояльности, благородству подсудимых и что судьи Чистки приберегли своё снисхождение только для некоторых запачкавшихся персонажей или, по крайней мере, для тех, чьи недостатки характера были очевидны.

Рёбате: Я вспоминаю мою первую встречу с Сариаком¹⁵¹ во Френ, в октябре 1945 года. Это был отличный друг, я волновался, увидев его снова. Он старался меня защищать сам, а я старался показать ему сверхтяжесть своего дела и невероятную уверенность в своей утренней прогулке в Монруже¹⁵². Нет, сказал он, ты не убил, не **украл**, ты никого не мучил. Ты никогда ни от кого не получал денег? Это точно? Тогда ты не будешь расстрелян. Мы спасём твою голову без труда, и через два года ты будешь свободен¹⁵³. Я ещё был юридической целкой в то время. Я не говорю, что поверил Сариаку на слово, но в тот вечер я спал с некоторым оптимизмом.

Кусто: У меня были те же иллюзии, что и у тебя. Моя честность укрепляла мою уверенность¹⁵⁴.

Рёбате: Какими балбесами мы были! И в сто раз большим балбесом был Бернар¹⁵⁵, который сам-то из этого бизнеса. Просветлённый сегодня, я знаю, что ответил бы ему:

«Несчастный! Но ты меня так абсолютно подводишь под расстрел! Настаивать на честности! С таким же успехом можно мне дать капсулу с цианидом. Со всем этим навозом¹⁵⁶ всё уже приготовлено. Не видишь, что ли, что для них единственный враг — это человек чистый? Старик, мне всё равно, что говорить и делать, я хотел бы написать ещё несколько фантазюшек и пару раз стрелкнуть¹⁵⁷. Итак, вот что ты сделаешь... Ты немедленно соз-

---

¹⁵¹ Sariaс, адвокат.

¹⁵² То есть смерти, форт Montrouge — место казни приговорённых коллаборационистов, например, там расстреляли Бразильяка и Лавала.

¹⁵³ Почти угадал — Рёбате провёл в тюрьме шесть лет, но это ничтожный срок с учётом тяжести обвинений.

¹⁵⁴ В том, что всё будет хорошо.

¹⁵⁵ Сариак.

¹⁵⁶ Судьями, системой.

¹⁵⁷ Намёк на секс.

дашь на меня поддельное досье головореза, как минимум сутенёра и налётчика. Ты говно будешь жрать, чтобы доказать, что я занимался эксгибиционизмом у дверей пансионата, что я изнашивал маленькую дочь моего бакалейщика, что я колотил свою мамашу с шестнадцати лет. Добавь газу, это необходимо сегодня. Затем ты составишь для меня ещё одно фальшивое досье: с 1943 года я сдавал людей в Интеллидженс Сервис и для Фифи¹⁵⁸ полсотни полицейских¹⁵⁹. И, само собой, я всё время продавался. Я продан в 1929 году “Альянсу Франсэз”, я под полой принимал деньги масонов. Также я брал деньги у Абеца¹⁶⁰, у Абвера, у Тодта¹⁶¹... Я принимал чеки с гигантскими суммами, которые тратил на оргии в “Тонтоне”¹⁶². Я ни одной строчки не написал задарма, без того, чтобы кого-то не подоить. Но я доил и англичан, потому что очевидно ведь, что мой излишний, чрезмерно хвалебный словарный запас в честь коллаборационизма мог только высмеивать коллаборационизм. Постарайся... убедись, что раздобыл для меня подтверждающие всё это документы. Если ты не способен сфабриковать фальшивые бумаги и вызывать лжесвидетелей, на что ты вообще тогда годен, адвокат?! Если ты делаешь своё дело правильно, нас вытащат отсюда через восемнадцать месяцев. Печально, что у меня нет двух-трех миллионов вложить в это дело, иначе мы могли бы получить условный срок».

Кусто: Да, только мы были молоды и не знали. Сейчас мы знаем, да уже поздно становится канальями. Между прочим, хорошо подумав, я боюсь, что не покаюсь.

Рёбате: Печально. Сегодня ты был бы снаружи со своими детками¹⁶³.

---

¹⁵⁸ F.F.I. — Французские внутренние силы — своего рода МВД Сопротивления, генерал Де Голль называл так всех бойцов этого Сопротивления.

¹⁵⁹ То есть тех, кто сотрудничал с немцами, аналог «полицая» на оккупированной русской территории.

¹⁶⁰ Посол Германии в Париже в годы оккупации.

¹⁶¹ Военно-строительная организация Третьего Рейха.

¹⁶² Ресторан.

¹⁶³ Девушки, в тексте на английском.

Кусто: По меньшей мере, конечно, я мог бы содержаться в тюрьме как «бандит-свидетель». Потому что в этой Чистке, направленной только против честных противников, отказавшихся сдаться и лечь, есть всё же среди преследуемых и индивидуумы с дурной репутацией, которые чокнулись. Не случайно они здесь. Из-за пропаганды. Потому что всегда можно сказать: «Взгляните на этих подлецов! Мы должны быть безжалостны к ним!»

И несмотря на персональные помилования, почти всегда пожалованные коллаборационистом с сомнительной репутацией — ты знаешь пропорцию «немедленного освобождения» последнего года... восемь из десяти! — остаётся ещё определённое число головорезов, которых Высший совет юстиции всё ещё держит в тюрьме. Бандиты, которые в других обстоятельствах уже бы воспользовались самыми большими скидками от милосердия, но которых держат за решёткой, чтобы оправдать нахождение за этой же решёткой Беро или Морраса¹⁶⁴. Бедные громилы! Им не повезло быть в такой плохой компании...

Рёбате впал в неистовый мятеж. Крайне неприятные образы проплывали перед его глазами.

Рёбате: Я спрашиваю себя, не стоило ли расположить девять адвокатов из десяти ниже судей? Добровольные помощники юстиции! Замаскированные судьи! А! Чёрт! К чему думать об этих говнюках?! Презрение к судебским старо как мир! Это не мешает миллионам буржуа выплёвывать из своих набитых ртов все эти «Магистрат... мой дядя из магистрата...» и тому, что адвокатов ставят на одну доску с литераторами, тогда как нет и двадцати юристов в Париже, способных на то, чтобы вести рубрику ежедневных происшествий¹⁶⁵ в «Либе Суар»¹⁶⁶. Подсабот-

---

¹⁶⁴ Видные деятели коллаборационизма, справки о них даны в первых главах.

¹⁶⁵ «Шьен экразе», «разбитая собака» — ироническое название подобной рубрики подчёркивает её незначительность.

¹⁶⁶ Libé-soir, ежедневник, основанный в 1940 году движением «Освобождение» в оккупированной Франции, очевидно, Рёбате весьма невысокого мнения об этом издании.

ники¹⁶⁷, которых сельские приставы не взяли бы к себе даже и писарями! Но какой смысл позволять крови кипеть из-за этих макак, адвокатов и судей. Люди, которые нуждаются в судьях, или те, кому плевать на это, всегда более многочисленны, чем те, кто получают пинки Юстиции.

...Два дня спустя после этого разговора двадцати полициям было отказано в помилованиях, тем самым полициям, чья вина состояла в том, что они охотились на коммунистов за пять лет до того, как это начал делать Жюль Мок¹⁶⁸. В помилованиях отказали отцам семейств, секретарю редакции... А вот вор в законе тюрьмы, где он пребывал восемь лет после совершённого убийства, за долго до войны, воспользовался удобной заменой приговора на досрочно условное освобождение. Этот тип, в та-туировках, убийца, вор... асоциальный персонаж, между прочим, был очень симпатичным человеком...

В Париже достаточно судей.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
бухгалтерия тюрьмы Клерво, февраль.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек), 2021*

---

¹⁶⁷ Обыгрывается подкаблучник, да ещё и под каблуком деревенщины — от «сабо», обувь крестьян.

¹⁶⁸ Жюль Сальвадор Мок/Jules Salvador Moch, 1893–1985, министр обороны в 1950–1951 гг., затем министр внутренних дел.

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ: RULE BRITANNIA

Каждый настоящий английский джентльмен ненавидит всё английское.
Мы — самая безнравственная нация в мире,
и наш успех — это моральный ужас.

Бернард Шоу

В этот день Кусто оторвал Рёбате от упражнений в чтении Святого Игнатия, положив перед глазами друга страницу из текста Хаксли.

Кусто: Жаль, что ты не читаешь свободно на английском. Здесь есть отсылка к менюэту Моцарта, которая должна быть, конечно, эпатирующей. Я говорю «которая должна», потому что я и музыка, как ты знаешь¹⁶⁹...

Распалившийся любопытством, Рёбате храбро вооружился словарём и начал вполне удовлетворительно продвигаться среди гениальных неологизмов и метафор «Шутовского хора»¹⁷⁰. Это волнующий и меланхолический текст. Хаксли говорил о Quintette en sol mineur Моцарта¹⁷¹. Рёбате слушал это произведение множество раз, кстати, в исполнении лучших музыкантов мира. Но он уже не помнил о темах, которые англичанин интерпретировал с такой справедливостью и таким вкусом... Ведь Рёбате отбывал наказание вот уже пять лет¹⁷².

«Пададь! Навозный дым! Никогда не прошу их, никогда!» — вскричал Рёбате.

И это прямо к тому моменту, когда он начал, может быть, после 25 лет меломании понимать, что такое музыка, и особо понимать, что такое музыка, как понимал это

---

¹⁶⁹ Кусто хочет сказать, что Рёбате — музыкальный критик, а он, Кусто, ничего не смыслит в музыке.

¹⁷⁰ Роман Хаксли.

¹⁷¹ Квинтет № 6 соль минор. Рондо. — Прим. ред.

¹⁷² Речь о государственной измене, за которую Рёбате получил всего шесть лет тюрьмы.

Хаксли. Наконец-то, несмотря на судью Дидье¹⁷³, несмотря на Ториоля¹⁷⁴, несмотря на бдительный Коллективный Разум, требующий всегда примерного заключения для фашистских монстров, мы могли вновь иметь дело с Хаксли или Прустом, и даже лучше, может быть, чем когда мы были свободны. Тюрьма не станет невыносимой до тех пор, пока не запрещена литература. К счастью, Хаксли был ничто¹⁷⁵ для надзирателя-эльзасца, который не понимал ни английского, ни немецкого, ни французского¹⁷⁶. Рёбате предложил Кусто свой приблизительный перевод двух страниц...

«...и из воды музыка превратилась в радугу...»¹⁷⁷.
Какие очаровательные и точные образы!

Рёбате: На этот раз решено. Не закончится этот год, как я всерьёз возьмусь за английский! Мне для этого хватит и четверти того времени, которое я за три года потратил на это у Отцов¹⁷⁸, и получу от этого немного больше удовольствия¹⁷⁹. Англия — это половина литературы. Мне нравится этот язык, который я не знаю. У меня в бумагах есть баллады Киплинга, есть кусочки Шелли, которые я скопировал во Френ¹⁸⁰ и в Ино¹⁸¹. Я не понимаю и слова через два, не знаю даже, каким звукам соответствуют эти слова, но я предполагаю, что это очень хорошо. Я чувствовал подобное только перед поэмами Ницше. Никто не писал по-немецки так, как Ницше. Каков размах

---

¹⁷³ Тайный коммунист, президент суда Парижа, приговорившего Рёбате и Кусто к смертной казни 23 ноября 1946 года.

¹⁷⁴ Оскорбительно переименованная фамилия президента Франции того периода.

¹⁷⁵ *Nihil obstat* — в тексте.

¹⁷⁶ В Эльзасе есть свой язык, лорэн, из группы языков «ой».

¹⁷⁷ В тексте на английском, and from water the music has modulated up into a rainbow.

¹⁷⁸ В колледже при монастыре.

¹⁷⁹ Кусто в примечаниях к книге после освобождения не без иронии замечает, что Рёбате по выходе из темницы знал английский ничуть не лучше, чем когда попал туда.

¹⁸⁰ Тюрьма.

¹⁸¹ *Quartier des Inoccupés*, Квартал Незанятых, крыло тюрьмы, где содержались неработающие заключённые, которых неблагоприятными условиями содержания вынуждали согласиться на какой-то труд. Рёбате там содержался два года из-за своего непростого характера.

у англичан! Это всё-таки странно. Я не знаю Англии, я не бывал даже в Лондоне, и всё же когда я зарываюсь носом в книги Шоу, Уайлда, Хаксли... даже для того, чтобы убогонько их перевести... я в то же время чувствую, что я *у себя дома*, среди своих¹⁸².

Кусто: Я испытываю точно такие чувства. Но хотя я знаю Англию лучше тебя, хотя я бывал там частенько, я не чувствую себя ближе, чем ты, к этому *герметичному* народу, хоть мне и совершенно комфортно среди больших писателей. Между англичанами и нами — полная несовместимость духа. Так называемая пропасть, которая отделяет нас от *фридолинов*¹⁸³, просто ничто в сравнении с той, что со стороны Канала¹⁸⁴.

Рёбате: Речь не только о несовместимости! Должно быть совершенно нормальным для всех без исключения европейцев ненавидеть англичан. Потому что если Европа никогда не совпадала со своими географическими границами, то происходило это исключительно по хотению Англии. Она применила всё своё могущество и свой гений для того, чтобы разделить континентальные нации.

Кусто: А ещё и для того, чтобы сделать их своими вассалами! Для англичан мы, с этой стороны Ла-Манша... мы остаёмся, что бы мы ни сделали, недочеловеками. А! Народ Господ, раса *Herrenvolk*, это не немцы, это англичане!

Рёбате: Конечно, мы можем оценить англичан как воображал, мнящих себя выше всей Вселенной, но что сказать тогда о дебилах с континента¹⁸⁵, которые с уважением склоняются перед образом, который создают им англичане?

Кусто: Можно предположить, что эти кретины час-то разделены, а ещё существенно убоги. Но мы-то не можем здесь ничего поделать, не так ли, старик?

---

¹⁸² Примерно те же чувства испытывает переводчик этого текста с французского языка, хотя владеет французским лучше, чем Рёбате — английским.

¹⁸³ Жаргонное обозначение немцев.

¹⁸⁴ Ла-Манш.

¹⁸⁵ Европа.

Рёбате: Мы сделали всё, что смогли. Но мы отдалились от литературы. Мы задавались вопросом, я полагаю, как это возможно, чтобы великие писатели народа, такого далекого от нас и такого ненавистного, были нам так близки...

Кусто: Это происходит, может быть — я говорю «может быть» потому что я не уверен, — из некоего сохранившегося аристократического климата Англии. Характеристика аристократии — быть интернациональной. Аристократ — это мерзавец, всегда и везде, шовинист. Английские писатели, даже те, которые кажутся патриотами, сознательно или нет, принимают участие в этом аристократическом универсализме. Они получили доступ к настоящему гуманизму, и это облегчает понимание их писаний остальному миру.

Рёбате: Я полагаю, Англия, на самом деле, последняя страна, которая сохранила элиты, без сомнения, потому что она была очень богата, ведь весь мир работал на Англию. И это позволило большому числу молодых англичан празднично проводить время, учиться, путешествовать... Но есть и ещё кое-что, другой аспект этой загадки. Я говорю о том, как сильно отличаются цивилизованные англичане от того, что мы знаем об английском народе в общем. Они открыты внешнему миру, великие психологи, скептики, нонконформисты. Я никогда не слышал, что можно найти эти черты, даже их признаки, у среднего англичанина, который, напротив, кажется более упорствующим в своих предрассудках, чем средний европеец.

Кусто: Ты прав. Если рассматривать каждого по отдельности, то англичане более тупы, чем европейцы, тупее даже немцев... сам понимаешь, как много это значит¹⁸⁶! И, конечно, англичане намного тупее французов, которые, если их изолировать от соотечественников, хотя бы способны произвести сбивающую с толку иллюзию интеллекта.

Рёбате: Иллюзию, конечно. Но в то же время это правда: у нас складывается впечатление, что француз ду-

---

¹⁸⁶ Кусто хочет сказать, что немцы совсем тупые.

мает, что у него есть идеи... иногда даже много идей от-
носительно множества вещей!

Кусто: Ну, есть по крайней мере один упрёк, кото-
рый мы никогда не выскажем англичанам. Англичанин
с улицы — ограниченный механикой рутины хулиган, он
не способен к инициативе, лишён любопытства. Но этот
народ, который не думает — не противоречит тем, что
думает за него. Во Франции, когда ради авантюры — та-
кое случается редко, но случается, — подходящие инди-
видуумы получают доступ в правительство, они вынуж-
дены в первую очередь править против Франции, жела-
ний и устремлений французов...

Рёбате: Тому полно примеров. От Людовика Один-
надцатого до Лавалья все государственные деятели, кото-
рые хоть чего-то стоили, были ненавидимы народом.

Кусто: И ничего похожего в Англии! Современники
королевы Елизаветы, Вильяма Питта и Дизраэли ни разу не
возмутились. Не потому, конечно, что они поняли намере-
ния своих руководителей, просто люди принимали, чаще
всего бессознательно, тот факт, что им просто недоступна
сфера высоких политических спекуляций. Эти вещи¹⁸⁷ лю-
дей не касались. Так самый тупой народ¹⁸⁸, по крайней мере
до последних лет, проводил самую умную политику.

Рёбате: Умную? Соглашусь насчёт внешней поли-
тики. Но Англия всё же была Матерью Парламента, ан-
гличане — первая нация, вписавшая в Хартию вольностей
демократические принципы, что дало образец всем демо-
кратам XVIII века. Это мне не кажется слишком весомым
вкладом в сокровищницу человеческого знания.

Кусто: Согласен. Демократия — отвратительный
бич. И я никогда не прощу англичан за то, что они приле-
пили на нас этот струп от оспенной язвы. Но есть те, кто
давно переболел, и чувствуют себя прекрасно¹⁸⁹, а вот те,
кого они заразили, умирают. Демократия не нанесла серь-

---

¹⁸⁷ Политика.

¹⁸⁸ Англичане.

¹⁸⁹ То есть англичане же.

ёзного ущерба английскому здоровью, потому что, по крайней мере до последнего времени, её функционирование постоянно фальсифицировалось. Ведь демократия оставалась, как в Афинах или Риме, развлечением элиты, привилегией касты.

Рёбате: В целом, фиктивная демократия.

Кусто: Настоящая традиция английской демократии — это «испорченные города», семнадцать выборщиков, отправляющих в Парламент столько же представителей, что и город Манчестер. Когда мошенничество достигает таких пропорций, закон чисел перестаёт быть действительно вредным.

Рёбате: В то же время ущерб ограничен. С одной стороны, он ограничен неспособностью английских выборщиков подняться до общих идей. С другой — волей настоящих правителей Великобритании (пять сотен нотаблей, может быть) не принимать во внимание никаких вольностей суверенной английской нации. Я процитирую тебе пример, который кажется мне весьма значительным. В 1935 году, ты, может быть, помнишь, я занимался электоральной кампанией, которая закончилась триумфом консерваторов. Без случайностей, обескураживающе правильно проведённая. По крайней мере для тех, кто привык к французским побоищам. Дамы-и-господа, весьма достойные, бомбардировали друг друга со сцены взаимными честованиями. Правильные выборщики, флегматичные, дисциплинированные, ждущие, пока оратор закончит свою речь, чтобы задать вопрос, подняв палец, как школьники, мудрые и говорящие только когда председатель собрания даст слово... Воздерживаясь от горлопанства и воплей «Заткнись! Ублюдок! Продался!» Короче говоря, впечатляющий спектакль.

Рёбате (воображающий, что он фашист с пелёнок, ухмыляется, вспоминая): А ты не пытался стать демократом?

Кусто: Я был предупреждён. Я знал, что это¹⁹⁰ не может быть **не чем** иным, как обманчивой дымкой. В то же время мне не удавалось ясно различать враньё и самозванство. Всё становилось понятным лишь на следующее после выборов утро. Вся кампания была проделана, как со стороны консерваторов, так и профсоюзов, с опорой на мир любой ценой, разоружение и Лигу Наций. Даже каннибал Дафф Купер¹⁹¹, чья воинственность немало поспособствовала последней войне... даже он спел свой куплет про разоружение. Я своими ушами слышал это во дворе школы Вестминстерского графства. И, между прочим, ни одной фальшивой ноты: разоружение!.. разоружение!.. разоружение!.. Но как только выборная кампания закончилась, через 15 дней, последовавших после воцарения правительства Болдуина¹⁹², первым решением этого свободно избранного из-за программы разоружения парламента стало... голосование в пользу 150 миллиардов франков на дополнительные военные кредиты.

Рёбате высокомерно надул губы. Сумма его не впечатлила. Его возможности финансовой оценки, и без того посредственные по своей природе, оказались ослаблены последовательным падением высвободившегося франка.

Рёбате: Не более того?

Кусто: Минутку, мил человек. Миллиарды франков в 1935 году. То есть 5 500 миллиардов тавриолей¹⁹³ на новое оружие. Когда член оппозиции спросил, почему консерваторы не сказали ни слова о таком проекте перед

---

¹⁹⁰ Демократия.

¹⁹¹ Duff Cooper, 1890–1954, консерватор, дипломат и военный историк (Великобритания). Алкоголик, «ястреб», посол Англии во Франции перед Второй мировой войной, резко осуждал Мюнхенский сговор, умер от цирроза печени, спровоцированного алкоголизмом.

¹⁹² Стэнли Блдуин/Stanley Baldwin, 1867–1947, консерватор, аристократ, лорд, трижды премьер-министр Великобритании между двумя мировыми войнами. Сыграл активную роль в дворцовом перевороте, известном как «отречение британского монарха Георга Шестого».

¹⁹³ Франков после Второй мировой войны, Кусто иронизирует над неспособностью новых властей справиться с инфляцией и заодно продолжает издеваться над помиловавшим его президентом Ориолем, коверкая его фамилию.

своими избирателями до выборов, Болдуин ответил очень просто: «*Это потому, что они не голосовали бы за нас!*» Фактически настоящие хозяева Англии с этого момента сделали выбор в пользу антигитлеровского крестового похода. Но это не волновало людей. И нельзя было более цинично, чем старый Болдуин, признать, насколько низкими должны быть демократические правила игры.

Рёбате: Резюмируя, Англия могла бы быть защищена на протяжении долгого времени безупречной тупостью своего гражданина. Мне нравится такая точка зрения. Для начала это небольшой реванш над британским моргом¹⁹⁴. Да и потом, это подтверждение того, что социальные добродетели всегда низкого сорта: конформизм, отсутствие критического взгляда на жизнь, трезвого суждения... Великие вещи в истории претворяются в жизнь со стадами убудков. Но сегодня совершенно ясно, что Англия летит кубарем с лестницы и могущество этой страны не более чем миф. Я этим чрезвычайно удовлетворён. Это не потому, конечно, что англичане стали меньшими животными.

Кусто: Нет, но это потому, что они участвуют всё больше и активнее в управлении своим островом (я не осмеливаюсь сказать «своей империей»). Это характеристика демократии, её особенность: здоровые организмы в конце концов уничтожаются. Независимо от того, что мы отлично нарушаем правила игры, повторяющееся подтверждение определённого числа глупостей рано или поздно приносит свои плоды. Самый безобидный избиратель начинает воспринимать всё всерьёз, желать исполнить свои права на самом деле. Он более не довольствуется фикцией, этот избиратель. Он требует правительства, которое бы удовлетворяло его представления об этом правительстве, и претендует на то, чтобы контролировать это правительство! Ну и погляди, к чему это всё привело сегодня в Англии!

Рёбате: На самом деле, это не так уж мило.

---

¹⁹⁴ Самой Британией.

Кусто: Они уродливы, эти парни с дряблыми животиками и штанах-штопорах, ребята, из которых состоит кабинет лейбористов. Ни одного настоящего джентльмена. Все — «маленькие человеки», выходцы из самой низшей страты среднего класса, пропитанные эгалитарными предрассудками, оживлённые ледяным фанатизмом, со всем как «круглоголовые» Кромвеля, и преследующие, безотносительно последствий, абсурдные химеры, которые представляют для этих людей национальный интерес... Я встретил Эттли¹⁹⁵ однажды в 1933 или 1934 году. Он был секретарём старого лидера лейбористов, Лэнсбери¹⁹⁶, которого я приехал интервьюировать. Это он меня проводил после нашей встречи на трибуну Палаты общин. Я его принял за клерка и чуть было не предложил ему чаевые. То, что Англия доведена до того, чтобы быть управляемой этим маленьким человеком, это объясняет многое... И политики-консерваторы стоят не больше. Они тоже заняты демагогией самого низкого пошиба.

Рёбате: Чертовски хорошо сказано! Английский народ так же недееспособен, как и французский, породить революционную партию; будет удивительно, если мы увидим явление Личности из уважаемой королевской фамилии.

При мысли, что нечто выдающееся может появиться из коллекции манекенов королевской семьи¹⁹⁷, Кусто заулыбался до ушей.

Рёбате: Итак, Англии предназначено с достоинством спускаться в дерьмо. Это плохо в некотором смысле для цивилизации, но единственная её, Англии, часть, которая меня ещё интересует, это то, что представляет наш друг Олдос Хаксли. Покончено с развлечениями, привилегиями, эстетическим капиталом, которые позволили

---

¹⁹⁵ Клемент Ричард Эттли/Clement Richard Attlee, 1883–1967, аристократ, лорд, впоследствии между 1945 и 1951 годами был премьер-министром Великобритании. Лидер партии лейбористов с 1935 по 1955 год.

¹⁹⁶ Джордж Лэнсбери/George Lansbury, 1859–1940, лидер партии лейбористов с 1932 по 1935 год. Выходец из многолетней семьи железнодорожного рабочего. Это традиционная для английской политики роль «работяги».

¹⁹⁷ В тексте на английском, royal family.

этой цивилизации существовать. Если, кстати, мои сведения точны, Хаксли обосновался в США.

Кусто: В Калифорнии.

Рёбате: Ему предшествовали библиотеки и картины великих английских коллекций, которые были до 1920 года богатейшими в мире и перешли в руки фабрикантов, владельцев Кока-Колы, консервных супов и Кайзер¹⁹⁸.

Кусто: Ну, прежде всего, это не географическое перемещение.

Рёбате: На самом деле, мы хорошо видим новые Афины в Санта-Монике¹⁹⁹. Природа там должна быть приятнее, чем в Йоркшире, и самые видные таланты всей планеты там, кажется, собираются. Есть в моём романе *Les Décombres* одна фраза, которая мне нравится. По существу, в ней говорится, что Англия отныне сведена до государства угольного и дымящего острова. Это было высказано помимо прочих пророчеств... достойных сожаления и долгосрочных (об апокалиптической части нам придется ещё поговорить!). По крайней мере, это предсказание²⁰⁰ находится в процессе реализации — и оно служило бы большим удовлетворением международной морали, существуй та. Англия в значительной части ответственна за две войны XX века. Однако и она понесла неисчислимые потери в этих двух бедствиях. Я был бы этому очень рад, понимай это Черчилль.

Кусто: Маловероятно...

Рёбате: Черчилль, вот ещё одна прекрасная загадка, знаменитая модель для историков XXI века, если ещё будут историки в XXI веке. Я в этом человеке не так сведущ, как ты. Могу лишь перечислить черты этой личности, которые мне кажутся очевидными: чудесная витальность, яркий темперамент человека войны, способность к недобросовестности, которая раздвигает все границы пристойности,

---

¹⁹⁸ Бренд международной компании-грузоперевозчика.

¹⁹⁹ Рёбате хочет сказать, что в США возникла новая империя, мировой гегемон, который свозит все ценности известного мира к себе.

²⁰⁰ Об Англии.

много воображения и, конечно, большое пренебрежение людьми. Но это не объясняет ни персонажа, ни его действий. Хотя в любом случае Черчилль обладает всеми существенными качествами большого политика.

Кусто: В то же время это он — первый ответственный за английский упадок.

Рёбате: Ты знаешь, что я разработал теорию предпочтений в смысле самом примитивном. Папа Ратти²⁰¹ был за демократию, потому что предпочитал демократических викариев и кардиналов-синдикалистов старому, реакционному, грамотному духовенству, в которое входили такие джентльмены, как Мерри дель Валь²⁰², например... так ты предпочитаешь красную капусту баклажанам, если ты тевтон, например²⁰³. Неудивительно, что Черчилль отказался иметь дело с Гитлером, ведь Черчилль предпочитает войну миру. Ему лучше живётся, когда он сражается, как нам лучше дышится в Санкт-Мориц²⁰⁴, чем в Обервилье²⁰⁵.

Кусто: Ну это всё же чересчур — упрощать Черчилля, если мы станем смотреть на него только под таким углом.

Рёбате: Очевидно, этот персонаж так же сложен, как и монструозен. Я прочитал первый том его мемуаров²⁰⁶. У меня аж голова задымилась от негодования, когда я в своей клетке²⁰⁷ ночью читал. Мы, кроме шуток, знаем, что Черчилль — великий смертный, и вдруг обнаруживаем себя перед воплощением нечестности. Я не против, чтобы

---

²⁰¹ В отличие от Пия XII (1939–1958), Папа Римский под именем Пий XI — в миру Ахилл Ратти (1922–1939) — осудил нацизм в своей энциклике *Mit brennender Sorge*.

²⁰² Кардинал Мерри дель Валь/Rafael Merry del Val y Zulueta, 1865–1930 — испанский кардинал, секретарь Папы Римского, Пия Десятого. Отстаивал интересы испаноговорящих стран при дворе Папы. Ошибочно считается автором литании Смирения. Канонизирован в 1950-х годах.

²⁰³ Намёк на шукрут, традиционное немецкое блюдо из капусты.

²⁰⁴ Saint-Moritz.

²⁰⁵ Aubervilliers. То есть на свободе, чем в тюрьме.

²⁰⁶ Воспоминания Черчилля о Второй мировой войне, четырёхтомник, издан на русском.

²⁰⁷ Камеры 2 на 2 метра, в которой заключённые спали.

Черчилль даже сам верил, что говорит правду. Но настолько?! И когда та эпопея, о которой он нам рассказывает, подходит к концу, и мы видим его сегодня... У меня два вопроса: умён ли Черчилль и патриот ли он?

Кусто чешет голову. Черчилль до войны фигурировал, к великому неудовольствию М. Бидо²⁰⁸, в «Галерее самых выдающихся кретинов Демократии»²⁰⁹. Всё это было знакомо Кусто. Слишком знакомо, может быть. Когда человек начинает заниматься каким-то предметом и набирается знаний, то начинает понимать, что не всё так просто, как кажется профанам.

Кусто: Ты прав, Люсьен, говоря о загадке. Черчилль — это живая загадка. Умный? Патриот? Когда как! Струящийся, истекающий умом, наполненный чудесными дарами, возносящими его над миром, и страстно настроенный служить своей стране. Но неспособный понять простейшие вещи, неспособный подчиниться элементарной дисциплине, губящий самые прекрасные возможности неуместными шутками или перепадами настроения и ответственный в любом случае, несмотря (или из-за) на свой патриотизм, за самые сумасшедшие английские ошибки этого века...

Рёбате: Да, он тайна, этот Черчилль...

Кусто: Столько способностей, столько хороших намерений — и всё это привело к такому концу... Будь Черчилль мёртв накануне этой войны, он не оставил бы никаких воспоминаний о себе, кроме как о неудачнике. Да, неудачник живописный, но всё же неудачник. Точно как Клемансо²¹⁰, который, без бойни 1914–1918 годов,

---

²⁰⁸ Жорж-Августин Бидо/Georges-Augustin Bidault, 1899–1983, французский политик, активный участник Сопротивления. Сооснователь левого издания «Рассвет», учитель истории. После войны — супруг первой французской дамы-дипломата Сюзан Борель.

²⁰⁹ Серия статей, опубликованных перед войной в Je Suis Partout. Главными персонажами этой серии стали Керенский, Бенеш, Титулеску, Рузвельт, Замора и пр. политики, которые, по мнению Кусто, сыграли отрицательную роль в истории своих стран.

²¹⁰ Премьер-министр Франции в годы Первой мировой войны.

остался бы в истории как агент-стипендиат Интеллидженс Сервис и один из самых оплачиваемых бенефициаров, чекочников²¹¹ Панамского дела²¹². В 1937 и в 1938 годах Черчилль не был так ненавидим, как Отец Победы²¹³, никто не ставил под вопрос его честь. Но ни один человек в Лондоне не воспринимал Черчилля всерьёз.

Рёбате: Ты мне когда-то объяснял, что в Лондоне его держали за клоуна.

Кусто: Черчилль всю свою жизнь играл роль клоуна. Лейтенант-гусар — он писал статьи; журналист — он стрелял из ружья; либерал — он голосовал с консерваторами; консерватор — голосовал с либералами. Всем надоела его экстравагантность. Англичанин с головы до ног, превосходный англичанин, насколько в его силах, он тем не менее вёл себя так, как англичан можно лишь шокировать. Его испытывали несколько раз, и всегда это приводило к самым разрушительным последствиям²¹⁴.

Рёбате: Высадка в Дарданеллах, произведённая по его приказу, оказалась одной из самых трагических ошибок 1914–1918 годов²¹⁵.

Кусто: В любом случае Черчилля больше не хотели. Он стал сгоревшим тостом. Политические журналисты отзывались о нём с некоторой снисходительностью, ни один премьер-министр не потрудился сесть в одну галеру с таким невыносимым типом²¹⁶. Такого лучше было иметь в противниках, чем в союзниках...

Рёбате: Война дала ему возможность вернуть свой престиж, между прочим.

---

²¹¹ От «взятка» и «чек».

²¹² Громкий финансовый скандал 1892 года, дело о коррупции, в котором оказались замешаны политики европейских стран.

²¹³ Клемансо.

²¹⁴ Кусто говорит о нескольких приходах Черчилля во власть.

²¹⁵ Речь о высадке в Дарданеллах, которая окончилась полным провалом и большими потерями, во многом предвосхитила высадку в Нормандии, но без успеха 1944 года.

²¹⁶ То есть не предложил Черчиллю пост министра в правительстве.

Кусто: Почему? Потому что к Мюнхену²¹⁷ он вместе с Даффом Купером²¹⁸ был одним из редких английских политиков, выступавших против разрядки. В то время это не привело ни к каким последствиям: ну подумаешь, ещё одна клоунада от старого анфан терибля. Но война 1939 года казалась обвинением мира года 1938-го. Для Черчилля эта война стала личным реваншем. Вот его заменили на старичка с зонтиком²¹⁹, и с тех пор он предвидел, что будет вести её, эту войну, тотальную, не дрогнув, до самого конца... Ради собственного достоинства, конечно (это была его войнушечка). Из бескорыстного, артистичного, можно сказать, интереса к войне²²⁰.

Рёбате: Ты не веришь, что он вёл эту войну и из соображений патриотизма?

Кусто: Ну почему нет, и тогда мы видим недостаток в его уме, таком большом и блестящем. Именно здесь старому клоуну начинает не хватать воображения. Черчилль набросился на Гитлера, убеждённый в необходимости следовать традициям великих предшественников и их уверенному инстинкту придерживаться европейского равновесия... набросился, как бросались последовательно на Франциска Первого, Карла Пятого, Филиппа Второго, Людовика XIV, Наполеона и Вильгельма Второго. Забить доминирующую на континенте нацию. Всё просто. Это классика. Да только вот Гитлер не был угрозой номер один для Англии. Такой угрозой была и остаётся Советская Россия. Черчилль уничтожил меньшее из зол.

Рёбате: Больше того, кажется, он как-то в кругу близких сделал признание, что «убил худшую свинью»²²¹.

---

²¹⁷ Время «Мюнхенского сговора».

²¹⁸ Альфред Дафф Купер/Alfred Duff Cooper, 1890–1954, первый виконт Норвич, политик Великобритании, «ястреб».

²¹⁹ Чемберлена, премьер-министра Англии, подписавшего Мюнхенский пакт.

²²⁰ Черчилль любит бойню, как другие любят музыку, и можно отдать ему должное и признать, что всю свою жизнь он никогда не упускал возможности поучаствовать там, где потрошат человеческий скот. — Прим. Кусто и Рёбате.

²²¹ Ошибся в выборе.

Кусто: Трагический ошибочный выбор. Он должен был понять, что нацистская Германия, направленная против большевизма, была необходима Англии так же, как независимость Бельгии во времена королевы Виктории. И понять, что для того чтобы законсервировать Империю, недостаточно пушек, нужна ещё и идеология, которая оправдывает и подтверждает примат белого человека... идеология, которую Фюрер предложил Западу. Вдохновительница крестового похода демократов, Англия — жертва тех же принципов, что послужили алиби для этого похода. Принципов, провозглашаемых, что последний зашедший обитатель Калькутты равен студенту Оксфорда. Ладно, а зачем тогда англичанам оставаться в Индиях?

Рёбате: Они там и не остались.

Кусто: И, во имя тех же принципов, их выгнали из Кении и с Золотого Берега. Возможно, неприятно для английской гордыни иметь дело с Гитлером, но это было бы намного менее катастрофично, чем потерять Империю и остаться лицом к лицу с авангардом Красной Армии. Этого Черчилль не понял и не заподозрил.

Рёбате: В то же время мы не можем даже представить, чтобы он себя вёл, как этот полный идиот Рузвельт в своих фантазиях об общественном сознании.

Кусто: Нет, конечно. Черчилль никогда не был настолько идиот, чтобы верить во всю эту деградантскую чушь. Его не вдохновляло ничто, кроме достойного уважения реализма. Только, повторюсь, он недооценил взрывное могущество идеологии, которой оказались отмечены участники этой религиозной войны. И особенно он ошибся с целью. *Ego delenda est*²²² не туда был направлен. *C delenda est Russia!*²²³ он бы стал действительно великим человеком и настоящим спасителем Англии. История скажет, что он оказался могильщиком Англии. Увы, бедный Йорик...

---

²²² Отсылка к *Carthago delenda est* (лат.) — «Карфаген должен быть разрушен».

²²³ С лат. — «Россия должна быть разрушена».

Рёбате: Вижу, ты мог бы написать новую монографию о Черчилле. Подводя итог, скажу, что старый пират закалился в двух-трёх идеях и традиционных чувствах. И это потому, что идеи эти и чувства были традиционно британскими, он получил за собой в июне 1940 года всю Англию. Но есть два тёмных пятна в поведении Гитлера относительно англичан после 1933 года. Были переговоры между гитлеровцами и британцами. Как они прошли? Какова ответственность англичан и Гитлера в провале этих переговоров, которые могли бы всё спасти?

Кусто: Этого, старик, мы никогда не узнаем, несмотря на откровения в змееподобных коридорах ООН. Тебе хорошо известно, что дипломатические документы все подделаны.

Рёбате: Другое тёмное пятно — это мнение Черчилля о России с 1939 по 1944 год. Невозможно, чтобы в этот период Черчилль был совершенно слеп. С июля 1945 года он завопил на антибольшевистские темы. Его мечта... состояла ли она в продолжении войны против России после того, как окажется повергнута Германия? В таком случае он был ненормальным. Это пикрохольская²²⁴ сторона великих воителей, таких как Александр Македонский, Карл Пятый, Вильгельм Второй, Гитлер... эта фатальная ошибка, которую не совершает Сталин.

Кусто: В любом случае, хотел Черчилль или нет возобновить войнушку в 1945 году против русских, единственное, что не неоспоримо, это то, что в Ялте он сознательно и хладнокровно предоставил большевикам половину Европы.

Рёбате: Да, и это преступление. И вот что скандальнее всего: Черчиллю сегодня 75 лет, ему нечего больше ждать от жизни, это человек воспоминаний и литератор, он посвятил всё свободное время как политике, так и своим книгам. Он должен чувствовать, что обязан сказать

---

²²⁴ Отсылка к Рабле, чей персонаж Пикрохоль строил планы покорения мира, кстати, прототип Пикрохоля — император Карл Пятый.

нам правду о том, что творилось за кулисами войны, времени, ей предшествовавшем, о личных переживаниях... обо всём, что положено прятать во время битвы, наконец, о совершённых ошибках, потому что нет человека, самого гениального, который бы не совершал ошибок...

Кусто: Очевидно, это была бы большая и полезная задача для такого сверхчеловека.

Рёбате: Вместо же этого — куча лжи, пропагандистские клише всех типов, упрямая апология против всякого правдоподобия, которая может впечатлить английского лавочника, но даже простого журналиста за нос не проведет... Нет, в конце концов, Черчилль — фанатик и мясник. История, подлинная, будет беспощадна к нему. Если к 2050 году останутся серьёзные историки, они вернутся к твоим «Торжествующим крестинам».

И Рёбате принялся насвистывать дорожную «европейскую» песню *Denn wir fahren Gegen England*²²⁵.

И было слышно иногда, как он бормочет сквозь зубы: «Да, но идиоты, они остались на дороге, как и все остальные...»²²⁶

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
тюрьма Клерво (Франция), 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек), 2021.*

---

²²⁵ Песня германских военных моряков времён Первой мировой войны.

²²⁶ Отсылка к тексту песни.

ДИАЛОГ ЧЕТВЁРТЫЙ: АПОСТОЛ ПАВЕЛ-ДОМУШНИК

Неудобства, которые испытывают внезапно арестованные люди, большей частью проистекают из их ложных манёвров по отношению к тюремщику.

Эрнст фон Саломон, «Опросник»

...Рёбате с отвращением оттолкнул дублированный вариант Згонда²²⁷, открытый перед ним посреди настоящей религиозной библиотеки. И повернулся к Кусто, который смотрел на него, смел надеяться Рёбате, дружелюбно.

Рёбате (с лёгким вздохом): В целом, ты очень терпим.

Кусто: Я? Терпимый? Не обижай меня, пожалуйста! Я этого не заслуживаю... И в любом случае я не виж...

Рёбате: Заткнись! Ты намного терпимее меня. Вот уже шесть месяцев, как ты видишь меня зарывшимся в беспорядок этих мрачных, ужасающих, отталкивающих книг, что ставят меня перед задачей, которая трудно понятна... и я перебиваю тебя, когда ты погружён в свои счета²²⁸, чтобы процитировать тебе Святого Августина или превознести Святого Игнатия. Если бы ты так поступал, когда я занят, я бы давно уже зарыл тебя в мусоре и поджёл вместе со всей твоей лавочкой.

Кусто: Знаешь, Люсьен, я готов простить тебе многое: и потому, что ты это ты, и потому, что мы немало вместе прошли, наделали шума... да и на двоих у нас с тобой — множество забавных воспоминаний. Да я готов простить тебе даже твой извращённый вкус и любовь к дурно пахнущим текстам Отцов Церкви. Но сколько от этого до терпимости!

---

²²⁷ Издание Библии, где каждое слово дублируется, написано на французском и на древнегреческом языках, переводчик — Луи Згонд/Louis Segond, 1810–1885, протестантский пастор из Швейцарии.

²²⁸ Кусто в тюрьме — счетовод.

Рёбате: Для меня всё же это и значит терпимость. Заткнись-ка и послушай. Я хочу кое-что сказать о Писаниях. Речь не о Христе-вестнике и не о пневматическом Христе. Так что это тебя заинтересует²²⁹.

Кусто: Вот уж удивительно.

Рёбате: Говорю же, заинтересует это тебя! Мы находим множество интересного в этих²³⁰ историях, когда мы в них не верим, понятное дело. Я хочу с тобой поделиться небольшим наблюдением о тюремной администрации Римской империи.

При этих словах недоверчивое настроение Кусто как ветром сдуло.

Кусто: Ну, если речь о римской тюремной администрации, то, конечно, это другое дело, это уж мне интересно.

Рёбате: Не думаю, что это кто-то когда-то замечал. Без сомнения, потому, что экзегеты²³¹ никогда не сидели в тюрьме. Я даже и не любитель-экзегет — для этого мне как минимум нужно выучить вновь греческий, я, может, это когда-нибудь сделаю — но я сижу в тюрьме. Так что у меня огромное преимущество перед Ренаном, Луази, Хамаком, и Лагранжем²³²! Я замечаю, что половина христианских текстов I и II веков нашей эры написана в тюрьмах, клетках, цепях и попала к нам контрабандой. Послание к Ефесеянам Павла, «узника Господня», Послания к Тимофею... Всё это доставлено тюремной почтой, жуликами, домушниками, сброшено из окон через решётки, спрятано в подошвы сандалий, когда узник обувался, чтобы выйти к своему адвокату... Есть также и те, которые Павел отсылал раньше, ещё не попав в тюрьму. Есть письма Игнатия Антиохийского, письма осуждённых Лиона, Иринея, Бландина. Это, в трёх случаях из четырёх, письма сенсационные: последние слова мучеников, завещания, записанные в ре-

---

²²⁹ Кусто — воинствующий антиклерикал и атеист.

²³⁰ Библейских.

²³¹ Богословы, толкующие библейские тексты.

²³² Известнейшие экзегеты.

естр прямо перед тем, как отправиться ко львам. Вопиющая аутентичность! Иногда даже товарищам, которые остаются в живых, оставлены предостережения:

«Александр-кузнец причинил мне много зла. Бог воздаст ему по его делам. Сторонись его, потому что он сильно настроен против нашего Слова. Во время моей первой защиты никто не присутствовал, все меня покинули».

Кусто: Можно подумать, мы слышим голоса клиентов Донсимони²³³.

Рёбате: Между тем это Второе послание к Тимофею. Он, между прочим, надут гордостью, этот еврей Саул, намного больше, чем идущий по его стопам Лопотка²³⁴.

«Я совершаю возлияние, и мой уход приближается. Я славню сражался, я закончил гонку, я сохранил веру». Послушай Игнатия Антиохийского, брошенного львам в Колизее в 107 году. *«Когда предстану я перед бестиями, которые меня ждут? При необходимости я начну льстить им... А если они станут молиться, я разозлю их... Пусть падут на меня самые лютые мучения Дьявола, раз благодаря этому я вхожу во владения Иисуса Христа».* Это письмо, по правде говоря, может быть и ложным. Сфабриковано много фальшивых писем мучеников. Но есть и достаточно настоящих, правдивых, и их столько, чтобы мы могли осудить римскую пенитенциарную систему. Судьи и тюремщики Рима делали свою работу очень плохо. Дирекция не применяла инструкции! Очевидно, что тюрьмы руководились самым плачевным образом. Задержанные обращали своих сокамерников в один момент. Результат — мы уничтожаем заключённых физически, самым неприятным для них и новатор-

---

²³³ Donsimoni, судья в Париже, специализировался на делах, связанных с гестапо.

²³⁴ Мацек Лопотка/Lopotka, еврей, служил в гестапо, родился в 1883 году в Варшаве, расстрелян в 1947 году; несёт ответственность за аресты сотен евреев, провоцировал их на признания; Лопотка был арестован бойцами Сопротивления после освобождения в Париже и содержался в тюрьме, которую организовали в резиденции Лавала, подробнее о судьбе Лопотки и его поведении в тюрьме — в главе VI.

ским образом, но... мы оставляем им возможность кричать на весь мир, что они герои.

Кусто ошарашен. Он никогда и не подозревал, что успех христианства — это следствие несовершенства тюремной администрации Рима. Вдруг он сообразил.

Кусто: А ведь это... И правда! Это действительно так... Это эпатаж! Ты только что совершил сенсационное открытие! Согласись, ради этого стоило совершить вояж в Клерво!

Рёбате похмыкал. Он не любил разговоров о пользе тюрьмы. Не обращая на это внимания, Кусто повторился.

Кусто: Недостаточно, чтобы мученик стал образцом только потому, что его преследовали. Нужно, чтобы у тех, кого подвергли пыткам, появилась возможность объясниться. Не важно, брошен тип, публично или нет, в пасти львов, или под пули Фифи²³⁵, всё это не имеет никакого смысла, если мы не сделаем так, чтобы этот тип заткнулся.

Рёбате: Пусть мученики заткнутся, верно!

Кусто: Взгляни на гениального Сталина. Он не производит мучеников. Ни Бухарин, ни Зиновьев, ни Каменев, ни другие крысы не отправляли *Посланий Москвитам*. Вот доказательство того, что тюремная администрация Советов функционирует как надо. Тогда как «мусора»²³⁶ Нерона утратили всякий профессионализм...

Рёбате: А! Мы начинаем понимать мир, пусть и после того как оказались изгнаны из него! Дорогой Сталин... он серьёзный тип. Но есть ещё одна организация, одного тоже весьма серьёзного типа. Церковь. Я, конечно, говорю о временах, когда она действительно существовала. Никто не читал последних гимнов Митре, записанных приговорёнными к смерти язычниками VI и VII веков. Еретики, ариане, несторианцы, монофизиты, докетисты...

---

²³⁵ Кусто так презрительно называет силы Сопротивления, проводя, вольно или невольно, аналогию мучеников христианства с коллаборационистами.

²³⁶ В тексте на арго, поэтому выбрано наиболее близкое по значению жаргонное русское слово.

Мы знаем о них не больше, чем сказали христианские епископы, сводящие с врагами счёты²³⁷.

Кусто: Ни из Лубянки, ни из тюрем Инквизиции ни одного тайного письма не вышло...

Рёбате: Мы закрываем глаза перед московскими процессами. Мы спрашиваем с ужасом, какие наркотики русские подсыпают своим заключённым, каким беспрецедентным образом выкручивают подсудимым яйца, чтобы получить кошмарные признания. Но все сожженные и повешенные Инквизицией пошли на костер и плаху, покayaвшись, потребовав для себя огня и верёвку как искупление от совершённых грехов. Церковь и Кремль — вот две образцовые модели. Кроме них... одни лишь судейские крючкотворы, законники, верующие в право, сентиментальные менты и правители, которые по ошибке милуют или казнят, в зависимости от того, болит у них сегодня печёнка или они хорошенько потрахались.

Кусто: Также нужно, между прочим, чтобы советские институты сумели — как, например, бывшая Церковь — достичь высшего градуса перфекционизма, дабы подняться до уровня тюремщика. Потому что существуют характеристики, и совершенно чёткие, надзирателя, которые мы находим во всех эпохах, странах и при всех режимах — само собой, не при Сталине и Торквемаде — и которые весьма отличаются от представлений простого народца. Для обычного Жака²³⁸, который никогда не бывал за решёткой, тюремщик — это своего рода монстр, пожиратель людей с гранитным сердцем...

Рёбате: Это, на самом деле, то, как сами тюремщики себя изображают.

Кусто: Да, но жестокость не длится долго. Она не может длиться. Человек всё же жалкое животное, неспособное поддерживать себя в состоянии постоянной жестокости. Рано или поздно, контактируя с заключённым,

---

²³⁷ В перечислении очень уместно смотрелись бы и так называемые катары, о которых мы знаем на 99 процентов только то, что сообщают нам реестры Инквизиции.

²³⁸ Иван, обыватель.

тюремщик начинает его очеловечивать. Необходима, на самом деле, система принуждения к неслыханной, утончённой жестокости — о таких ты говорил, — чтобы тюремщик попал в ситуацию, когда не может видеть в заключённом человека...

Рёбате: Вообще, он ДОЛЖЕН очеловечивать заключённого, по справедливости, тюремщик НЕ ДОЛЖЕН сопротивляться чарам своего заключённого...

Кусто: Когда я был «гетангом» в Тюрингии²³⁹, люди из командования Вермахта, которые отлично знали этот феномен, взяли на себя заботу менять наших тюремщиков ежемесячно. И каждый раз надо было всё начинать заново! Но, без исключений, свежеприбывший унтер-офицер приручался быстрее, чем за восемь дней. Натурально, он прибывал, вопя во всю глотку, этот унтер-офицер:

«Заправили кровати! Живо! Бегом! Живо, грязные свиньи, это Германия!»²⁴⁰.

«Конечно, мил человек», — улыбались в ответ парни, уверенные в себе благодаря опыту. И на завтра всё возвращалось в свою колею. Мы организовывали ритуальную постановку: мой друг Жан Пьер Вебер начинал рисовать портрет приятеля. Унтер-офицер, вернувшись, бросал на портрет поражённый взгляд. Но не говорил ни слова! Не снимал с себя маску зверя... Наутро — ещё одна постановка. На этот раз унтер-офицер останавливался на миг, смотрел... На третий раз он говорил «*schôn!*»²⁴¹. На четвёртый — требовал у Вебера свой портрет, чтобы отправить его своей Гретхен. И всё. Он был у нас в кармане. Больше никаких криков. Вась-вась. *Krieg sehr traurig... Bald zurück zu Hause mit Madame.*

Рёбате: Взгляни на охранников из Сопротивления и даже на тех, кто голосовал за коммунистов на прошедших выборах. У таких — все причины нас ненавидеть. Но,

---

²³⁹ «Гетанг» от немецкого «заключённый».

²⁴⁰ Sauber machen! Das ist nicht eine Schweinerei, das ist Deutschlan.

²⁴¹ «Ничего себе!»

за двумя-тремя исключениями, они как раз — среди самых терпимых.

Кусто: А ведь это правда...

Рёбате: С мая по октябрь 1945-го я прошёл с полдюжины лагерей и тюрем, охраняемый людьми из Сопротивления, которые начали уставать. И всё прошло не так уж плохо. Я появился во Френ 6 октября. Я был покрыт плевками пролетариев из Villette²⁴². Я сопротивлялся, готовился к худшему. Сказал себе: «До сих пор я имел дело с любителями. Сейчас я в лапах профессионалов. Скорей бы мне в Монруж²⁴³. Это, сказал я себе, единственная надежда. Но уже 8 октября я... подписывал экземпляр Les Décombres и пять-шесть блокнотиков для автографов надзирателям с моего этажа. И больше я не хотел бежать в Монруж.

Кусто: Как ни парадоксально это выглядит, правда в том, что лишь наши сограждане в массе своей хотят, чтобы нам было как можно хуже. А тюремная администрация — от директоров до последних надзирателей — приложила все усилия, чтобы ограничить понесённый нами ущерб, сделать его менее невыносимым. О нет, тюремщики, получается, лучше всех людей?!

Рёбате: Чёрт побери, нет!

Кусто: Но как я тебе говорил, невозможно жить постоянно бок о бок с заключённым без того, чтобы попытаться его понять и немного ему симпатизировать. Вспомни время, когда мы были закованы²⁴⁴, все надзиратели Френ проходили мимо наших камер, чтобы поддержать добрым словом. Они не ломали комедию. Я убеждён, что если бы нас расстреляли, это бы причинило им боль.

Рёбате: Мы бы отбыли в потоке слёз...

Кусто: Когда переживаешь подобный опыт, понимаешь, что и Апостол Павел, и Святой Ириней не так уж трудились, чтобы обратить своих тюремщиков перед тем, как пойти ко львам...

---

²⁴² Район Парижа, где было предварительное место заключения.

²⁴³ Форт, у которого расстреливали коллаборационистов, то есть Рёбате предпочитает умереть, чем терпеть издевательства надзирателей, которых ожидает.

²⁴⁴ Кандалы, первый год заключения.

Рёбате: Пенитенциарный инструмент Республики ужасает. Всё предусмотрено для того, чтобы мучить узника или погрузить его в грязь, промискуитет... эти клетки с людьми... жестокое сведение счётов... У тюремщиков всё в руках, чтобы заставить нас визжать до самой смерти. Если мы живы, если мы не ветошь ещё... это благодаря надзирателям и только им.

Негодование Рёбате прогрессировало.

Рёбате: Наше спасение... в любом случае мы не обязаны им адвокатам, которые ни на секундочку не беспокоились узнать, в каких условиях и в каком режиме содержатся их клиенты. И не благотворительным организациям! Ты их видел, этих дам из Красного Креста, конференции Святого Винсента-де-Поля²⁴⁵ с тех пор, как мы в тюрьме? А! Я закашляюсь, когда свободные граждане начнут мне болтать про квакеров, и про УМСН²⁴⁶, и про Малых Бедных Сестер²⁴⁷, «которые делают столько хорошего». Все эти женщины-попрошайки, которые заберутся на мои этажи, — если мне доведётся когда-нибудь ещё пожить в настоящем доме — о, они должны готовиться к спуску с лестницы! На свой жопе! Если мы не погибли в тюрьме, то обязаны этим лишь надсмотрщикам и их непосредственному начальству. Я буду воспевать тюремщиков до последнего вздоха!

Кусто: Ну а я, поскольку они совершенно неизвестны, я напишу книгу в честь тюремщиков, которую назову «Милосердия „мусорам“». Те, кто знает тюрьму только по «Герцогине Пармской» или «Чёрному тюльпану», воображают, что свирепость тюремщика сдерживается только его продажностью...

Рёбате: Всё же многие тюремщики Френ сводили концы с концами, закупая в городе провизию и всякую всячину для заключённых²⁴⁸...

---

²⁴⁵ Saint-Vincent-de-Paul.

²⁴⁶ Young Men Christian Association.

²⁴⁷ Монашеский орден.

²⁴⁸ То есть совершали для заключённых мелкие покупки, и сам факт того, что это вообще было возможно, несколько противоречит жалобам коллаборационистов на страшные условия содержания.

Кусто: Это вторичный аспект проблемы. В целом наши тюремщики свободно, осознанно приняли решение отстраниться от регламентируемой свирепости. Не будет преувеличением сказать, что действуя так, они предали желания магистратов, законодателей и патриотов. Их добрая воля проявлялась втихаря, обманом, постыдно. Иначе и не могло! Вспомни бесконечные предупредительные выстрелы журналистов из «Сопротивления», скандализированные²⁴⁹ статьи парижской прессы о «Френ-Палас»²⁵⁰.

Рёбате: Для этих шпагоглотателей невозможно быть достаточно жёстким с заключёнными коллаборационистами. Никогда не достаточно расстрелов, издевательств, злоупотреблений.

Кусто: Чтобы прикрыть себя, тюремной администрации приходилось подтверждать, что она так свирепа, как требует народ-суверен. И практически каждая статья прессы Фифи²⁵¹ переводилась на французский как ужесточение — которое и происходило в тюрьме, пусть никогда и не слишком затяжное, к счастью, — дисциплины. Если бы тюремщики решили развлечься, обрубив нам уши, никто бы их не упрекнул. Единственное, в чём их упрекали, так это в том, что они недостаточно злы.

Рёбате: Два года администрация тюрем управлялась Маделин Жакоб²⁵². Это два года inferнальной тюрьмы, спуска в ад с фанфарами, правление Анж Солей²⁵³, «право-лево» даже для стариков и инвалидов, голод для всех, цинга, как на английском флоте. Все французы об этом

---

²⁴⁹ Не скандальные, т. к. речь о том, что автор статьи находит ситуацию скандальной.

²⁵⁰ Кусто утверждает, что парижская пресса преподносила тюрьму Френ как дворец.

²⁵¹ Кусто называет так «Сопротивление».

²⁵² Madeline Jacob, 1896–1985, журналистка, ведущая юридической рубрики в издании «Франк Тирёр», перешла в «Либерасьон», издание «левых», каждый день в своих колонках требовала от юстиции безжалостности, а от дирекции тюрем — всё большей жёсткости, освещала Нюрнбергский процесс. В излишнем рвении Жакоб упрекали даже союзники. Выйдя на пенсию, Жакоб продолжала посещать парижский Дворец правосудия, где присутствовала на процессах.

²⁵³ Мулат-убийца, чей судебный процесс наделал много шума, после войны во время «чистки» стал «капо» в тюрьме Фонтрево и «принимал» первых коллаборационистов, обращаясь с ними с неслыханной жестокостью.

знали, их газеты были полны этим. И все они нашли это вполне нормальным.

Кусто: Нам могут возразить, что немецкие лагеря были намного хуже.

Рёбате: Без сомнения, только вот немецкая пресса об этом никогда не говорила. То, что происходило в Дахау и Бухенвальде, было окутано для немцев густой тайной.

Кусто: Может быть, немцы одобрили бы Бухенвальд и Дахау. Это вполне вероятно, просто мы уже никогда не узнаем. Им не представилось возможности выразить своё мнение. Напротив, все французы, ну или почти все, знали, что Анри Беро²⁵⁴, с выбритой головой и в сабо на босу ногу, клеил этикетки десять часов в день в аду тюрьмы Пуасси. Кто протестовал, кто восстал среди достойных французов против того, чтобы «чистка» проводилась таким образом?

Рёбате: Да ещё и официальный образ мучений, наложенных на еретиков Демократии, систематически затушёвывался, и это было заметно и ещё более ужасно, чем реальность (которая, к тому же, и не была хороша).

Кусто: Именно эту ретушь газеты-народа-с-духовностью нашли слишком сладенькой. Но... Пусть оставят нас в покое со своим нытьём об уважении к человеку. Ни у какого народа нет монополии на палачей.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
бельевая тюрьма Клерво (Франция), 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек), 2021.*

---

²⁵⁴ Henri Béraud, писатель и памфлетист Gringoire, за коллаборационизм приговорён к смерти, после помилован.

ДИАЛОГ ПЯТЫЙ: ОТ СОКРАТА К БУССЁЛЭРУ

Смертная казнь законна при условии, что мы приводим её
в исполнение не ради добродетели или справедливости,
но по необходимости или чтобы извлечь из неё какие-то выгоды.

Анатоль Франс

Дом, отданный на поток и разграбление, представляет собой разочаровывающий спектакль. Но есть кое-что похуже. Если место орды разрушителей занимает отряд честных штукатуров, ужас становится невыразимым. В тот день бельевую заняли штукатуры. С лёгкими, забитыми пылью, ресницами, окаймлёнными белым порошком, откинувшиеся назад с узелками, в которые завязали свои вещи, в постоянно находящемся под угрозой жизненным пространстве... Кусто и Рёбате мрачно созерцали бедствие. Рёбате в то же время взял себя в руки быстрее приятеля. Для проформы он приветствовал захватчиков очередью «блядских борделей», но беспорядка недостаточно было, чтобы огорчить Люсьена. На самом деле, это скорее тюрьма подорвала его душевный комфорт и он смог, довольно быстро, восстановить — по меньшей мере морально — зону личного пространства посреди завалов. Именно сюда Кусто, неспособный страдать в молчании, пришёл поговорить:

Кусто: Кстати, на чём ты сейчас остановился в своих штудиях насчёт политического убийства?

Рёбате (сдвинув очки на лоб): Кстати?

Кусто: Я говорю «кстати», потому что эти маляры вызывают во мне желание убийства. Простые ассоциации идей. Помнишь, как полгода-год назад (точно не помню, потому что здесь, в тюрьме, время не наблюдается) ты мне говорил о необходимости изучить, с безмятежностью, механизм политического убийства и найти в нём значительные закономерности? Это быстро меня заинтересовало.

Рёбате: О, ну это всё ещё запасной проект. Я об этом и не думал пока. Боюсь, что это превосходит мои силы. Я слишком мало знаю об истории, и в этом смысле, боюсь, что у меня появится та же тенденция, что и в «Жанне д'Арк» — сначала написать труд, а уже потом подкрепить его документальными источниками.

Кусто: Старая привычка журналиста...

Рёбате: Этот метод сработал для твоей «Жанны»²⁵⁵, но не подойдёт для моего дела. Тут речь о том, чтобы собрать и сравнить факты, довольно многочисленные, и попробовать понять, можем ли мы извлечь какие-то закономерности. Размеры работы обескураживают, как бы к ней ни подступиться... это как написать «От Сократа до Буссё́лэра», потому что нашего друга Буссё́лэра²⁵⁶ казнили. Причём казнён он «политически», по тем же мотивам, что и Мария-Антуанетта и герцог Энгиенский. Нужно точно знать, кого Святой Людовик и Бланка Кастильская велели убить, а эта глава истории не очень-то делает наших историков болтливыми.

Кусто: Совсем не болтливыми, на самом деле. Это просто потому, что они довольствуются признанием того факта, что этот милосердный монарх ввёл в список наказаний во Франции живописное новшество в виде клеймения богохульников раскалённым железом.

Рёбате: Вот ещё милая черта христианской благотворительности. Но мы говорим об убийствах, и в этой перспективе следует пересмотреть всю историю, в частности историю Античности, которую я ужасно плохо знаю. У тебя есть какое-то мнение насчёт убийства Гая Гракха?

Кусто почесал голову. С обстоятельствами этого убийства он был знаком.

---

²⁵⁵ «Жанна в темнице»/Jehanne au Trou — историческая пьеса Кусто-старшего, опубликованная лишь в 2023 году.

²⁵⁶ Буссё́лэр, бандит, выходец из низшего сословия, приспешник СС, живший на улице де Соссай, товарищ Кусто и Рёбате в камере смертников во Френ. Расстрелян в 1947 году за «разведку для противника».

Кусто: Мы не можем, конечно, броситься в такое дело, не побледнев, предварительно, над огромными компиляциями, ведь, на самом деле, для нашей цели необходимо пересмотреть всю историю человечества. Но вот тебе предварительное замечание: вся история человечества! Политическое убийство, которое историки часто представляют как случайность, есть, напротив, феномен экстрабальный, обычная и постоянная процедура в веках, при всех режимах, и чья частота ничуть не сократилась в ходе так называемого прогресса цивилизации. У самых добреньких с виду монархов руки покрыты кровью, и любой, кто прикоснулся к политической машине, становится соучастником, автоматически, определённого числа убийств.

Рёбате: Слово «политика» неотделимо от «убийство».

Кусто: Бесплезно по этому поводу возмущаться, закрывать лицо и делать вид что-мы-этого-не-хотели.

Рёбате: Таково устройство вещей!

Кусто: Вместо того чтобы плакаться, будет намного лучше, как ты предлагаешь, попробовать узнать, когда и как следует убивать. Вот что важно! Потому что убийство не обладает специфической ценностью. Недостаточно просто уничтожить, чтобы стать великим государственным человеком. Некоторые случаи резни были плачевными ошибками. Другие — необходимы. Я верю, например, что нас следовало бы расстрелять.

Рёбате: Я не останавлиюсь на этой очевидной констатации! Вижу, ты хорошо понял мою идею. Да, это был бы учебник убийства, практическое руководство для всякого, кто занят политикой, управлением себе подобных; в целом, примерно как инструкция по применению оружия — которое, кроме исключительных случаев, этот человек должен будет использовать — с советами использовать или, наоборот, не применять.

Кусто: Когда я думаю, что Школа политических наук есть, а вот профессора убийств там нет!..

Рёбате: Однако мы были бы избалованы выбором в нашем Совете министров среди ораторов, хорошо раз-

бирающихся в этом вопросе. Я зайду далеко, если скажу, что к этим курсам следует добавить практические упражнения. Мы могли бы дать нескольких уроков по определению цели убийцы, для тайных операций... Но давай серьёзно. Наш век *par excellence* — это век убийств. Поэтому необходим толковый учебник, составленный солидно. Я бы вычеркнул для начала понятное дело, убийц случайных, убийц таких людей, как Карно²⁵⁷, Думер²⁵⁸, Александр, монарх Югославии²⁵⁹, и других руководителей государств. Убийцы в Сараево вызвали фантастическую катастрофу, но этот феномен явно подпадает под философию Паскаля, как песчинка Кромвеля²⁶⁰

Кусто: В политическом смысле это не представляет интереса.

Рёбате: Мы также не занимаемся больше экзекуцией Христа, потому что она примерно из той же оперы. Пилат не мог действовать иначе, он не мог предусмотреть последствий этого распятия.

Кусто: Если бы каждый раз, когда мы рубим шею арабу, появлялась религия!²⁶¹

Рёбате: Есть уже три названия для глав: «кого должно убивать», «когда убивать» и «как убивать»?.. Один из ответов на этот последний вопрос — «как убивать» — должен быть, понятное дело, «быстро и не производя мучеников». Одно из руководящих правил — это обесчестить подозреваемого. Церковь и Сталин стали

---

²⁵⁷ Мари Сад Карно, 1837–1894, президент Франции, убит итальянским анархистом.

²⁵⁸ Doumer, президент Франции с 1931 по 1932 г., убит в 1932 году в результате покушения русским эмигрантом Павлом Горгуловым.

²⁵⁹ Король Сербии, убит с супругой в результате заговора офицером.

²⁶⁰ «Я люблю ссылаться на нос Клеопатры: будь он покороче — иное было бы лицо мира» — считал Паскаль. Под эту метафору подводят и другой пример: «Кромвель готов был опустошить весь христианский мир; королевская фамилия погибла бы, а его род стал бы навсегда владетельным, если бы не маленькая песчинка, попавшая в его мочеточник».

²⁶¹ Кусто использует слово *Sid* (от «Господин»), ставшее на Востоке *sidi* («мой Господин») или *sidna* («наш Господин»). Это деформированный титул *Sauid*, ставший уважительным обращением на Востоке, как «сир» от «сеньор» (то есть от «Господин»).

крупнейшими экспертами в этом деле, мы уже говорили... Другой вопрос, следствие второго: когда должно остановиться и перестать убивать? Но я полагаю, что сначала нужно установить кое-что более общее: убийство согласно цивилизации и убийство согласно варварству.

Кусто: Что ты хочешь сказать?

Рёбате: Я объясню. В определённом состоянии нравов и идей человек, представляющий правительство, может доказать необходимость сдерживания ущерба, разрушения только лишь посредством уничтожения врагов. Это, очевидно, самый интересный для изучения метод, потому что он принадлежит к искусству... несёт в себе все нюансы искусства! Самый большой артист этого искусства, но мой взгляд, был Ришельё. Вот виртуоз, мэтр техники!

Кусто: Он пугало для всех по-настоящему демократических историков.

Рёбате: Как и все другие пугала этих долдонов, Ришельё думает о безопасности и процветании народа, он — враг привилегированных, он хочет приструнить феодалов. Также, два года спустя после своего появления у власти, он рубит голову дракона, он заставляет пасть Шале²⁶², великого фаворита короля, одного из знати, который мог верить в то, что находится в надёжном укрытии. Вот это, вот власть, вот это польза! Искусство настолько отлично осуществлённое, что убийце не было необходимости даже пачкать свою жертву, потому что она убита не из-за своих убеждений.

Кусто: Нельзя работать с большей элегантностью.

Рёбате: Ришельё сделает это снова, потому что аристократы — это не пролетарии, которых вид одного повешенного приводит в чувство, но кардинал повторит всё очень мудро: заговор Сен-Мара²⁶³, заговор де Ту²⁶⁴ —

---

²⁶² Граф де Шале, любовник герцогини де Шеврез, участник заговора против Ришельё, выступал фиктивным главой заговора, которым руководили Анна Австрийская и Гастон Орлеанский, после раскрытия заговора казнён.

²⁶³ Анри Куаффье де Рюзе, маркиз де Сен-Мар, 1620–1642, фаворит Людовика Тринадцатого, организовал заговор против Ришельё, казнён.

двое, которые насмехались над эшафотами кардинала. Следовало бы составить полный список экзекуций, осуществленных по приказу Ришельё.

Кусто: Вот где был бы полезен молодой коллаборационист — лицензиат истории!

Рёбате: Мы бы пришли к выводу, конечно, что Ришельё пролил минимум крови при максимальном эффекте. И всегда — с ясностью и спокойствием сознания, достойными обожания. И мы бы противопоставили ему набожного и ограниченного Людовика Тринадцатого²⁶⁵.

Кусто: Ну, в то же время он хорошо начинает своё правление, приказав разделать Кончини²⁶⁶.

Рёбате: Но, как следствие, он окружён лишь кретинами, тупыми агитаторами, которых вынужден предавать и подписывать им смертные приговоры. Ты видишь, что я понимаю под цивилизацией. Варварство — это игнорирование искусства, зачистка, постоянная резня, метод Церкви, от её появления до уничтожения альбигойцев²⁶⁷, раскулачивание, проведённое большевиками.

Кусто: Конечно, но всё зависит от точки зрения. Ты и я, натурально, мы отдаём предпочтение артистам.

Рёбате: Беспорядок тоталитарной промывки мозгов утомляет.

Кусто: Остаётся узнать, оправдывает ли тоталитаризм его эффективность. Частичная, неполная, насколько она такой была, ночь Святого Варфоломея²⁶⁸ гарантировала всё же решительное доминирование католицизма во Франции и на два века затормозила латентные республи-

---

²⁶⁴ Сообщник Сен-Мара, Франсуа-Огюст де Ту, 1607–1642, которому тоже покровительствовал Людовик Тринадцатый...

²⁶⁵ Вопреки романтической популярной версии о Ришельё как сером кардинале короля Людовика, два этих правителя руководили Францией в согласии, и многие инициативы, приписываемые Ришельё, предприняты были по желанию короля.

²⁶⁶ Фаворит Марии Медичи, матери Людовика Тринадцатого, убит по приказу короля, когда тот повзрослел и решил править сам.

²⁶⁷ Христиане Окситании, рассматривались Римом как конкурирующая секта, уничтожены в результате Крестового похода под руководством Симона Монфора и последующих чисток населения и национальной церкви.

²⁶⁸ Резня протестантов в Париже.

канские надежды кальвинистов. С учётом всего, это была неплохая для Франции операция²⁶⁹. Вместо того чтобы начаться в 1789 году, декаданс мог состояться намного раньше. Но резня в ночь Святого Варфоломея — это тем не менее очень несовершенный пример варварского уничтожения. И так называемые лагеря смерти Дююля²⁷⁰ — тоже лишь черновики.

Рёбате: Вижу, куда ты клонишь. Ты собираешься воспеть единственный по-настоящему эффективный метод уничтожения, действительно достойный уважения, из-за своей монструозности... метод маленького отца Иосифа Виссарионовича...

Кусто: Конечно! Вот там, там нет ошибок, нет заусениц, нет сбоев. Составляем списки хладнокровно, без ненависти, с единственной заботой — бюрократической точностью — и вырезаем всех на свете, от первого до последнего, в алфавитном порядке. Вот метод Катынской операции. Из 15 000 польских офицеров-заключённых 3 или 4 тысячи могли быть упорными, представлять проблемы... Прибегнув к разумному отбору, можно было совершить ошибку. Уничтожив в индустриальном стиле всех польских офицеров, можно быть уверенным в том, что не совершил ошибки и что ни один подозрительный не избегнет казни.

Рёбате: И до того как возникнет новая польская националистическая интеллигенция, воды под мостами Вислы протекут не один раз²⁷¹....

Кусто: Напротив, если уничтожить лишь часть общества, можно вдохнуть в выживших энергию отчаяния, и вместо того чтобы окупиться, операция станет губительной. Правило кажется таким: не стоит начинать коллективную резню, если нет желания и средств довести её до конца. Иначе лучше воздержаться. Но какими бы

---

²⁶⁹ Варфоломеевская ночь в самом деле нанесла решающий удар по возможной организации на месте Франции республик по типу Голландской, проекты чего вынашивались адмиралом Колиньи.

²⁷⁰ Гитлера.

²⁷¹ До крушения коммунистического режима в Польше оставалось 43 года, очень мало по историческим меркам.

счастливыми²⁷² ни были результаты, эти массовые расправы тем не менее шокируют своей грубостью. Резюмируя, это можно назвать лёгким решением. Мы здесь далеко от изящества искусства. Индивидуальные убийства, напротив, возбуждают.

Рёбате: Ты перескакиваешь к последней главе! Ну, если это не будет первой главой... В таком случае, испытывая отвращение к Аушвицу, зачистке Германии фосфором²⁷³, сталинским чисткам... мы ищем способ спасти цивилизацию, то есть возвращаемся к методу Ришельё, экономии убийств²⁷⁴. Практически, есть выбор между двумя средствами: тайным устранением помехи или её наглядной экзекуцией. Второе средство предполагает большую власть, осознание действия и ценность примера, который выглядит поучительным в каком-то смысле.

Кусто: Точнее, это²⁷⁵ средство, которого стыдятся демократы и которое они осуждают во имя морали и человеческого достоинства.

Рёбате: Пуританские демократии предпочитают тайные убийства, совершённые Интеллидженс Сервис²⁷⁶. Это как, примерно, виноделы Бордо и шелкоделы Лиона, которые цепляют на себя накладные бороды, чтобы сходить в бордель.

Кусто: Это не причина, чтобы исключить априори тайное убийство.

Рёбате: Конечно, нет. Есть и преимущества. В определённых случаях следует отдать предпочтение именно тайному убийству. Шедевр жанра, на мой взгляд, отравление Ария²⁷⁷ католиками в тот день, когда он триумфально

---

²⁷² Так в тексте.

²⁷³ Речь о бомбардировках союзников, приведших, в частности, к уничтожению Дрездена в огненном вихре.

²⁷⁴ Иными словами, одно убийство предотвращает большие потрясения, это правило впервые оформлено задолго до Ришельё, оправдание убийства претендентов на трон обосновано ещё Мехмедом Фатихом, что интересно с учётом прочных исторических связей Османской Империи и Франции со времён Франциска Первого.

²⁷⁵ Демонстративная, публичная расправа.

²⁷⁶ Спецслужбы Британии.

²⁷⁷ Арий, основоположник «арианства», учения, на долгие годы расколовшего церковь.

вернулся в Константинополь. Убийство, из которого смогли сделать чудо. Сталин до такого не добрался ещё.

Кусто: Это, без сомнения, единственное очко в пользу Церкви против Сталина.

Рёбате: Но давай поговорим об убийствах, признанных своими авторами. Я очень смущён, ещё раз, своими скудными знаниями классической Античности. Я ничего не понимаю в греческой истории, у меня нет ключа... я спрашиваю себя, обладает ли им кто-то ещё сегодня. Мы можем следовать за этой историей с большим комфортом на протяжении многих веков, Олимпиада за Олимпиадой, но я спрашиваю себя — а что если каждый из нас выносит из неё лишь то, что ему нравится, поражает больше всего... ну, как с Евангелиями, потому что глубина греческого духа от нас ускользает.

Кусто: Я в своё время прочитал книгу, которая объясняла всё очень хорошо: вещь некоего Коэна, появившаяся в коллекции «Больших исторических исследований»²⁷⁸.

Рёбате: Я её тоже прочёл. Это должно называться «Афины, демократия»²⁷⁹. Очень умная книга. Единственная в любом случае нить, которую я нашёл до сих пор, чтобы немного разбираться в этом лабиринте. Для меня Греция — это чудесное войско артистов, атлетов, поэтов и мыслителей, живущих... с самыми дьявольскими политиками, загрязнёнными, между прочим, каждый момент своего существования политической тупостью. Греческая цивилизация не должна, без сомнения, своим процветанием ничему, кроме как красоте своей страны, богатству своей торговли, счастливому расовому смешению, несколькими поколениями отличных артистов, узким границам своей родины. Греческая политика — монструозна, никто не убивал способом более глупым, чем афинские правители: Фокион²⁸⁰, Сократ... это действительно умно!

---

²⁷⁸ Книга Робера Коэна «Афины: демократия от рождения до смерти», 1937 год, серия издательства Fayard.

²⁷⁹ Рёбате чуть ошибается, см. предыдущее примечание.

²⁸⁰ Политик и военный Афин, 398–318 гг. до н. э., казнён по обвинению в измене городу.

Кусто: Следует уточнить насчёт Фокиона: Малый Ларусс²⁸¹ говорит, что однажды прерванный во время своей речи аплодисментами народа, он вскричал: «Значит, я сказал глупость?!» Вот Человек!

Рёбате: Римская история кажется мне не менее неясной, я не схватываю смысл её многочисленных убийств. Следует ли выработать средиземноморское определение убийства, убийства импульсивного, из каприза, из вкуса к поножовщине, убийство корсиканское, сицилийское. Убийства Цезаря, Спуриуса, Кассиуса, Цицерона было бы аккумуляцией, в сумме, манеры сведения счётов...

Кусто: Это вульгарно!

Рёбате: Эти нравы не помешали в то же время основанию Римской империи, которая была чем-то серьёзным и намного большим. Видишь, загадки появляются на каждом шагу. В то же время вот черта, в которой ничего загадочного: снисходительность Августа. Почему он простил Цинну? Потому что он уничтожил всех конкурентов. Вот уже тридцать лет как я не читал Цинну, я сомневаюсь, что Корнель представляет вещи так же. И всё же это ослепляет. Снисходительность после хорошей резни может быть отличным способом управления.

Кусто: Вот цивилизованное средство, которого всегда избегал Иосиф Виссарионович. Пора возвращаться к главе «Когда следует остановиться и перестать убивать».

Рёбате: Но мы не можем быть на самом деле уверены ни в чём, кроме того что касается случаев, отмеченных в современной истории: я процитирую как примеры отлично оплаченные убийства того же Савонаролы. После него всё кончено... раз и навсегда покончено с итальянскими мистиками, Церковь только раз получила большие проблемы с чересчур аутентичными христианами²⁸². Вернёмся к убийствам. Мария Стюарт, Бирон (дело рук

---

²⁸¹ Ларусс Малый и Большой — словари, наподобие Большого и Малого толковых словарей Даля.

²⁸² Интересно, что Рёбате, сам француз, не упоминает катаров — прямых последователей итальянских мистиков — и проблемы с ними.

Генриха Четвёртого), Пётр Третий, муж Екатерины²⁸³... Столько провернато великолепных дел, которые ничуть не очерняют память об их авторах! Кто упрекнёт Александра Борджиа — в Церкви или за её пределами — сожжением Савонаролы, бывшего, конечно, святым, согласно критериям этих же людей²⁸⁴. Ты увидишь, что в нашем перечне нет Людовика Четырнадцатого. Этот деспот удовольствовался драконадами, главную ответственность за которые несёт Церковь²⁸⁵. Людовик любил бастилировать²⁸⁶, но гнушался кострами и эшафотами. На самом деле он в них не нуждался. Но... не иметь необходимости в убийстве своих соперников, после всего, не похвальный ли это идеал?²⁸⁷

Кусто: Внимание Людовика Четырнадцатого поглощали поля битв.

Рёбате: Как и Наполеона. Курьёзный итог: великие полководцы, такие разрушительные для бедных косточек своих современников, не любили убийства поштучно... Но вот, напротив, образец дебильной казни без малейшего технического мастерства: убийство герцога Энгиенского, маршала Нея и Лабедуайера²⁸⁸.

Но давай займёмся другим упражнением: убийством *полудоколлективным*. Размах современных боен обязывает нас, на самом деле, обратиться к ночи Святого Варфоломея, к его настоящим масштабам. Это²⁸⁹ не больше,

---

²⁸³ Императрицы России.

²⁸⁴ Верующих.

²⁸⁵ Драгонады — определение на постой в протестантские семьи драгун, причём многие из них происходили из угнетённых католических областей Британии — например, ирландцы. Драгонады отмечены постоянными насилиями в отношении протестантов и рассматривались как средство давления на гугенотов.

²⁸⁶ Глагол *bastiller* — буквально «отправлять в Бастилию», именно поэтому переводчик предпочёл перевести его буквально, а не «отправлять в тюрьму».

²⁸⁷ Рёбате имеет в виду, что «милостивый» диктатор, укрепивший свою власть настолько, что у него и серьёзных конкурентов нет, — просто тот, кто уже всех убил и запугал.

²⁸⁸ Шарль Франсуа Юше, 1786–1815, генерал французской армии, расстрелян за верность Наполеону.

²⁸⁹ В сравнении с XX веком.

чем детальная операция, немного суровая. Ты хорошо отметил её полный успех.

Кусто: Ну и следует изучить также — в главе о полуколлективных убийствах — террор великих предков в 93-м году²⁹⁰. Но здесь... Признаюсь тебе, я немного понимаю. Мы тут присутствуем при ужасающем беспорядке. Непонятно, что к чему, что с чем рифмуется. Нет общих взглядов, нет рассудительных описаний... Пьяная драка на деревенской свадьбе. С королём всё понятно. Мы делаем республику, значит, убиваем короля. И королеву. И маленького принца, на что бы там ни претендовали маньяки, приверженные легенде Неюндорфа²⁹¹. Для того чтобы операция была завершена полностью, следовало также известить двух братьев короля, но санкюлоты не наложили руку на братцев Людовика Шестнадцатого... Мы не можем не видеть эту лакуну. До тех пор — сказать нечего²⁹².

Рёбате: Да, но всё идёт гораздо хуже, когда эти уроды начинают укорачивать друг друга. Какая утрата...

Кусто: Нам хорошо объяснили, что эта лавина голов придала храбрости солдатам второго года революции, но для меня объяснение не прокатило. Оно чересчур упрощённое. Солдаты второго года революции победили по другим причинам, и, вместо того чтобы спасти революцию, сатурнизм Комитета общественного спасения поставил её на край пропасти. Видишь ли, чем больше я изучаю этот *национальный приступ эпилепсии*, тем больше я убеждён, что «гиганты» 1793 года были маленькими человечками, тупицами, неприятными маленькими неудачниками, которые *пытались в большую политику*, убивая налево и направо.

Рёбате: Эти парни всё-таки умели умереть подобающе.

---

²⁹⁰ Кусто имеет в виду 1793 год, но для французов «93-й» так же понятен, как для русских «в 17-м году».

²⁹¹ Человек, объявивший себя спасшимся принцем, сыном казнённых Людовика XVI и Марии Антуанетты, голландец, самозванец.

²⁹² Странно, что Кусто-старший не знает, что брат короля, Филипп Орлеанский, участвовал в перевороте, объявил себя Филиппом Эгалите, голосовал за казнь монарха и состоял в масонских ложах Франции.

Кусто: Я тебя умоляю, Люсьен! Заткнись! После того как мы прошли испытание цепями²⁹³, я не терплю больше, когда мне греют уши «отвагой приговорённых к смерти». Ты так же хорошо, как и я, знаешь, как легко умереть смело. Когда не можешь сделать ничего другого. Среди расстрелянных во Френ один только вырывался и одного только отнесли, с обоссанными кальсонами, на носилках к расстрельной яме — и это еврей Лопотка²⁹⁴. Среди гильотинированных во время Террора было всего двое, кто сдулся: Камиль Демулен²⁹⁵, который плакал, как маленькая девочка, и Дюбарри²⁹⁶, которая слегка чересчур показывала, что не любит *вот это вот всё*. Но все остальные шли на казнь заливхvatски, от короля до последней Дамы Хальв²⁹⁷. Будь это так сложно, потери были бы значительнее.

Рёбате: Всё верно. Скажем тогда: «Великие предки были храбры перед гильотиной, как все остальные. Чересчур много людей были осуждены на смерть за десять лет, чтобы такое поведение вызывало живое обожание». То, что ты сейчас заметил о революционном бардаке, это всё сказал бы и я сам. Никакой традиции. Достойные предшественники республиканцев в 1936, 1946 и 1950 годах. Я бы, пожалуй, сделал небольшую скидку Робеспьеру, у него был хотя бы эмбрион метода, но Робеспьер пришёл слишком поздно, он настаивал на убийстве в момент, когда следовало уже прекращать.

Кусто: Французская революция, конечно, представляет пример того, что и как не нужно делать... работа, в которой совершенно налажали.

---

²⁹³ Приговоренные к смерти носили кандалы до казни или помилования.

²⁹⁴ Активный помощник Гестапо в годы оккупации, втирался в доверие к евреям в укрытиях и выдавал их, подробнее см. справку в главе 4.

²⁹⁵ 1760–1794, адвокат и журналист, революционер, инициатор похода на Бастилию.

²⁹⁶ Аристократка Жанна Дюбарри, 1743–1793, на эшафоте просила у палача «ещё минуточку», за что подверглась осмеянию и травле, в том числе посмертной, об этом постыдном эпизоде французской истории упомянуто в романе Ф. М. Достоевского «Идиот», где князь Мышкин жалеет Дюбарри и не понимает, как можно быть такой жестокой, как французская толпа.

²⁹⁷ Выражение-аналог «бабушек, торгующих семечками».

Рёбате: Напротив, работа высшего класса — репрессии против Коммуны. Она обладает всеми необходимыми качествами: быстротой и контролируемым насилием. Может, ошиблись слегка, пощадив некоторых лидеров, но ценность примера невероятно высока. Тьер мог совершить множество глупостей в жизни, но все они искупаются вот этим²⁹⁸. Это не его ошибка, если «правые» после него оказались тупыми и трусливыми. Я бы, правда, не сказал такого про Гитлера. План уничтожения евреев был ошибкой. Такую резню не предпринимают без полной уверенности в своём будущем без крепкой базы. В этой бойне есть некоторый привкус одержимости катастрофой. Но политика не опера²⁹⁹.

Кусто: Позволь напомнить тебе ещё одно расовое уничтожение, которое было доведено до конца с полным успехом, но которым коллективное сознание предпочитает пренебрегать. Я хочу поговорить об уничтожении краснокожих милосердными демократами Северной Америки.

Рёбате: Верно! Никогда об этом никто не думает!

Кусто: Я не верю, что это уничтожение было предусмотрено, и именно это придает геноциду такую артистическую ценность. Никакой гений не придумывал планы этой операции. Она была совершена инстинктивно. Британские колонисты и голландцы чувствовали вместе, не осмеливаясь в этом признаться, конечно, что для жизни на просторах этого изобильного континента, нужно очистить место, избежать в любом случае фатальной ошибки метисажа³⁰⁰.

Рёбате: Если когда-нибудь и законно говорить о коллективной ответственности, то в этом конкретном случае.

---

²⁹⁸ Репрессиями коммунаров.

²⁹⁹ Тут Рёбате намекает на оперы Вагнера, любимого композитора Гитлера, и на «Гибель Нибелунгов», которая заканчивается грандиозной сценой гибели мира.

³⁰⁰ Кусто ошибается, утверждая про «не осмеливаясь признаться», по крайней мере, говоря о голландских переселенцах, которые открыто рассматривали Северную Америку как Палестину до прихода евреев, себя — новыми евреями, а аборигенов — как язычников, коих следует уничтожить, как было сделано в Палестине.

Кусто: В то же время мы воздерживаемся от того, чтобы сурово судить испанских конквистадоров, чья жестокость весьма посредственна и кто, в конце концов, смешался с побеждёнными, и воздерживаемся навешивать позорный ярлык на богобоязненных и законопослушных Отцов-Пилигримов³⁰¹. Это непоследовательность общественного мнения (по меньшей мере то, что мы называем так) в отношении человекоубийства.

Рёбате: Следует изучить этот аспект проблемы, попытаться и здесь извлечь общие правила.

Кусто: Я уже кое-какие вижу. Кажется, например, что неодобрение прямо пропорционально величину уничтоженных людей.

Рёбате: Это уж несомненно.

Кусто: Народ, с большой Н, конечно, безразличен к резне фонарщиков, но негодует, когда резня касается выдающихся персонажей. И это вразрез с приверженностью к эгалитаризму, приписываемой Народу. Вот почему Людовик Одиннадцатый и Ришельё, которые убивали скорее знатных сеньоров, были откровенно непопулярны и никогда не переставали быть непопулярны, несмотря на все попытки реабилитации. В то же время Генрих Четвёртый, который повесил множество бедняков и ладил с могущественными богачами, для вечности получил весьма лестную репутацию.

Другое общее правило: чем больше неясна, гипотетична и отдалена от нас гибель, которую мы якобы должны предотвратить, тем легче общественное сознание соглашается с необходимостью резни. В 1939 году, например, гибель от Гитлера не была неминуемой реальностью ни для кого, за исключением поляков и балканцев. Для французов и англичан это была долгосрочная угроза. Для американцев это вообще не было угрозой. И предполагая, что последствия гитлеровского успеха

---

³⁰¹ В тексте God fearing and law abiding Pilgrim Fathers...

будут разрушительны — как утверждали антифашисты, — мы можем задать вопрос, не было ли лекарство³⁰² хуже, чем эти возможные последствия?

Рёбате: Для тех, кто мёртв в любом случае или был подвергнут пыткам в фосфоре³⁰³, несомненно, война оказалась хуже, и, без сомнения, мир, в целом, чувствует себя хуже сегодня³⁰⁴, чем в 1939 году.

Кусто: Это не мешает всем хорошим гражданам этой планеты соглашаться с тем, что вполне законно и нормально заплатить цену в десятки миллионов трупов, чтобы устранить гипотетическую неприятную угрозу³⁰⁵. Дурачок не думает по-другому. Дурачок — это подставное лицо Всеобщего Сознания. Но когда не говорится о миллионах трупов и возможной отдалённой гибели... когда речь заходит о реальной угрозе, близкой по времени и в пространстве, которая предотвращается смертью одного или нескольких индивидуумов... тогда выскакивают моралисты и страдающие запором умники, которые размахивают с видом великого отвращения плакатиками с надписями «Не убий!». Но даже и в этих случаях иногда можно дискутировать... Что не обсуждается — ничуть! — что мы отвергаем — со священным ужасом, единогласно, полностью, без права обжалования — возможность единственной благой формы убийства, эвтаназию.

Рёбате: Это убийство, никто его не хочет. Ни кюре, ни медики, ни судьи, ни франк-масоны, ни военные, ни педагоги.

Кусто: При мысли, что можно убить человека, помешав ему страдать, покончить с мукой без надежды, все любители массовых бомбардировок³⁰⁶ и атомного распада прикрывают лицо от ужаса. Значит, верно, что утверждая,

---

³⁰² Последняя война.

³⁰³ Намёк на бомбардировки союзников.

³⁰⁴ В 1951 году.

³⁰⁵ То есть нацистский режим.

³⁰⁶ В тексте area bombing.

что человек по существу хорош, Жан-Жак³⁰⁷ ошибся лишь в одной букве³⁰⁸.

Рёбате: Да, восстание против эвтаназии — это последыш христианства. Более точно, это предлог без малейшей опасности продемонстрировать деликатность своего сознания, уважение, которое мы испытываем к Жизни с большой Ж, к персоне Человека.

Кусто: Это бесконечно менее компрометирующе, чем вмешиваться в защиту какого-нибудь приговорённого к расстрелу.

Рёбате: Сборище полишинелей! За рамками всякого апостольского духа и пропаганды было бы вполне весело заставить некоторых способных индивидуумов понять, что эти персонажи, враждебные эвтаназии, — полишинели. Но не оскорбляя! Мы не оскорбляем Полишинеля, мы показываем, что он марионетка.

Кусто: Очень надеюсь, что ты поставишь галочку напротив этого сюжета в своём труде.

Рёбате: Если он появится, этот труд... Уж само собой, я напишу обширную главу о моралистах-убийцах. Сто процентов, что отсутствие реальных мотивов и размах резни придаёт этой резне метафизическое достоинство. Случай из современных, самый фраппирующий, это сталинские чистки. Напомню тебе слова Сартра на этот случай: невозможно отрицать, говорит Сартр, что, по существу, Сталин убивает и пытается миллионы людей, не менее очевидно, что он это делает не ради счастья этих людей, и в особенности пролетариев. Но единственного факта, что он намерен «освободить» пролетариев, доста-

---

³⁰⁷ Руссо.

³⁰⁸ Рёбате не уточняет, что имеет в виду, у переводчика два предположения: первое, маловероятное, игра слов, bon — хороший, bombe — бомба; второе — в тексте Руссо идёт речь о том, что человек хорош от природы (naturellement), Рёбате же говорит «по существу» (essentiellement). В таком случае Рёбате хочет сказать, что Руссо ошибся в одном слове, а не в одной букве. Книга Кусто и Рёбате не редактировалась, поэтому ошибки и опечатки встречаются. Возможно и версия, что Руссо ошибся в одном письме (lettre), а не в букве (lettre).

точно, чтобы оправдать его резню³⁰⁹. И сартрианцы не единственные, кто так чувствует. Никто никогда не переубедит меня в том, что все демократы обладают ужасным комплексом неполноценности перед Сталиным.

Кусто: Бога ради, они веруют, что это Сталин этот комплекс испытывает.

Рёбате: Старый усач³¹⁰ это хорошо знает и использует с замечательной умелостью. Каждый его жест — это отрицание свободы, но он никогда не трогал никого во имя свободы, во имя Слова. Чем больше я смотрю, тем больше нахожу аналогов между Отцом Народов и Католической Церковью, точнее, Инквизицией. Опускаю тот факт, можно ли извлечь общие правила из артистического убийства, просто потому, что это искусство, и оно зависит прежде всего от качества артиста. Напротив, я буду обязан признать превосходство метода: «Кого надо убить? Всех. Когда? Всегда. Как? Всеми средствами». С тех пор как вы усаживаетесь на свои базы и ваши границы спокойны, уничтожайте всех своих врагов. Бесполезно вас останавливать, когда вы усвоите эту святую привычку. И вы распространите католицизм — сегодня большевизм — на половину человеческого рода.

Кусто: Церковь всё-таки упустила в целом свою операцию по искоренению протестантизма.

Рёбате: Да, потому что она ослабла в жестокости. Это же означает, что самые печально известные убийства, в которых упрекают Церковь, совершены на излёте — Джордано Бруно, Этьен Доле³¹¹. Вот выводы, может быть, весьма обескураживающие для человеческого вида. У нас сейчас хотя бы есть сатисфакция — спектакль, который

---

³⁰⁹ Рёбате цитирует Temps Modernes.

³¹⁰ Сталин.

³¹¹ Французский учёный и издатель, протестант, 1509–1546, сожжён по приговору инквизиции.

нам дарят наши чистильщики³¹². Жертвам хорошо проведённой чистки было бы весьма неприятно узнать себя среди этих жертв. Но вот вам некоторый источник сожаления, ради которого нас пощадила Четвёртая Республика.

Кусто: неприязненно улыбнулся.

Кусто: Нет никакой опасности, что чистка была проведена хорошо. Эти идиоты, как всегда, выбирали между двух методов: лимитированное убийство и коллективное убийство, уничтожать не только лидеров (пытаясь сплотить войска), но и извести всю побеждённую фракцию.

Рёбате: Они не сделали ни того ни другого.

Кусто: Они сдулись застрелить старого Петена, который был всё же их врагом, и они прикончили республиканца Лаваля, который был, как они утверждают, одним из них. Резня людишек поменьше обнаруживает ту же непоследовательность. На протяжении нескольких недель банды³¹³ вырезали, к своей вящей радости, десятки тысяч предполагаемых врагов³¹⁴. Это могло стать началом серьёзной уборки. Была возможность решительно покончить с реакцией, спустить её в могилу, отправить туда всё, что без республиканской сущности. Но операцию резко забросили и сменили на абсурдную лотерею судов.

Рёбате: Даже с таким оружием, даже ограничив бойню, можно провести серьёзную расправу.

Кусто: И они этого не сделали. Эти кретины забавлялись тем, что расстреляли десяток мусоров, которые не просили ничего, кроме как служить новым господам, и они

---

³¹² От «чистка», как вполне официально назывался процесс очищения Франции от коллаборационистов.

³¹³ Сопrotивление.

³¹⁴ По разным оценкам, число жертв внесудебных расправ во Франции в первые дни освобождения составляет от 8 до 80 тысяч человек, в зависимости от политической позиции оценщика.

даже не дали 20 лет тюрьмы Марселю Эме³¹⁵, который так же опасен для Республики, как и парни из S.P.A.C.³¹⁶.

Рёбате: Плакать хочется! Всё, что предпринимают эти люди, запоздало с самого начала! Они запоздали с чисткой, и они опоздают с амнистией!

Кусто: Ты меня вовремя заставил заметить, что это один из аспектов той же проблемы³¹⁷. Когда нужно убивать? Когда остановиться в расправах? Вот задача, по решению которой мы узнаём великих политиков. Недолюдишки Четвёртой³¹⁸ не умеют ни убивать, ни останавливаться в убийствах. Спросим себя, что же они умеют делать-то? Я... я даже не знаю. Без сомнения, у них есть какие-то скрытые таланты, поскольку недолюдишки всё ещё здесь. Но это другая история.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
тюрьма Клерво (Франция), март 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
август — сентябрь 2021.*

---

³¹⁵ 1902–1967, писатель, националист.

³¹⁶ Созданная в 1941 году Министерством внутренних дел служба Service de Police Anti-Communiste — Полицейская антикоммунистическая служба.

³¹⁷ Которую они обсуждают с начала — политическое убийство.

³¹⁸ Из презрения Кусто не добавляет «Республика», довольствуясь лишь номерным знаком.

ДИАЛОГ ШЕСТОЙ: ШЕСТАЯ ПЕЧАТЬ

Мужчины, более всего склонные к удовольствию, — самые незлые и меньше всех способны к ненависти.

*Марсель Жуандо (французский писатель-постмодернист, 1888–1979), *Eloge de la Volupté**

... В тот день Кусто, сжав зубы, искал ошибку на 22 франка, которая предательски скользнула куда-то между инжирной пастой и сладкими сухарями. Его карандаш сновал от севера к югу и от востока к западу квитанции столовой и губы его шептали приглушённое арифметическое заклинание. Можно было скорее прочесть по губам это заклинание, чем услышать: «Семь и четыре... одиннадцать... девятнадцать и шесть... двадцать пять...» Но то там, то здесь заклинание это обнаруживало собою тщетность предпринятых поисков — ошибка ускользнула. К счастью, срочности в этом деле не было, и Кусто решил немного развлечься. Для этого следовало оторвать Рёбате от третьего тома «Истории ранней Церкви», открытого на главе Послания Варнавы.

Кусто: Комично всё же, что тюремная администрация сделала из меня бухгалтера³¹⁹. Я мог бы пилить дрова или, в крайнем случае, шить тапочки. Не могу сказать, что я расположен к этим формам ремёсел. Но, точно, я был бы в этом намного менее некомпетентен. Тогда как счита...

Рёбате не отвечал, не удостоив сокамерника даже ворчанием. Послание Варнавы захватило его тем более, что этим утром Люсьен не подозревал о его существовании. Ничуть не обескураженный, Кусто продолжил.

Кусто: Я так не разбираюсь в математике, что те 4 балла, что я набрал из 20 для своего бакалавриата³²⁰,

---

³¹⁹ Речь идёт о синекуре, ведь Кусто мог клеить конверты или работать на тяжёлом производстве.

³²⁰ Аналог нашей «двойки» по пятибалльной системе.

произвели на меня эффект чуда... И когда я появился в этом убежище³²¹, то не подозревал, что можно считать иначе, чем на пальцах. Они научили меня, засранцы. Это, безо всяких сомнений так, это искупление...

Рёбате не отвечал и с усилием и нахмуренным видом подавил своё раздражение. Он открывал связь между посланием Варнавы и маркионитской ересью, которая дискредитирует Яхве самого по себе. Это молчание не переставало раздражать Кусто, который, твёрдо намереваясь завязать спор, быстро перешёл к сарказму.

Кусто: Это всё же не очень нормально, погружаться, как ты делаешь, по четырнадцать часов в день, в книжечку попов... Мы начинаем так и заканчиваем тем, что вкушаем Хорошего Бога под фанфары, в назидание неверным³²²!

Рёбате: Ты достал меня.

Это Рёбате сказал весьма учтиво, что не было хорошим знаком...

Кусто: Ладно, я не настаиваю.

После этого Кусто сделал вид, что вновь отправился на поиски запропастившейся где-то в счетах недостачи на 22 франка. Но вид колонок из цифр удручал его сердце. Где-то там, за чёрными решётками, первое солнышко года играло на стенах централи с той радостью и лёгкостью, которая из тюрьмы выглядит издевательством. Отказавшись от идеи оторвать Рёбате от отцов церкви, Кусто просто принялся рассуждать вслух.

Кусто: Я ошибался, когда говорил об искуплении насчёт этого Бога счётов... Делать это или ничего не делать... Нет. Искупление, единственное и настоящее, это целомудрие.

Рёбате насторожился. Прочитал ещё полстранички. Но маркионистское значение Послания Варнавы резко перестало его интересовать. Он вытащил из своих обветшалых штанов обычную с виду зажигалку, которая рассыпалась на несколько частей при первом же прикосновении.

---

³²¹ Тюрьме.

³²² Намёк на евхаристию.

Рёбате: О, этот божий бордель механической цивилизации. Каменный век... Я человек каменного века, уж относительно зажигаю, по меньшей мере. Дай-ка огоньку, старичок... Что ты сказал? Воздержание? Да, это прежде всего «кара». Настоящие приговоры должны выглядеть так: «Приговорён к десяти годам дочки... Пожизненное „в кулак“».

Кусто (поправляя): Дочка или гомосетина. Воображаемые дамы или ягодицы маленьких товарищей. На самом деле, это не то чтобы целомудрие, то, к чему мы приговорены. Мы осуждены на то, чтобы не «познать» больше женщину...

Рёбате: А, бляха, ты говоришь как Библия...

Кусто: Но если большинству парней удастся заменить запрещённую здесь женщину более-менее общепринятым способом, целомудрие — это то, что законодательство пытается нам навязать. Заметь, что речь идёт о заботе, которая не только лишь исключительно тюремная. Это доминирующая задача моралистов. Моралист — это в первую очередь человек, который хочет запретить себе подобным заниматься любовью.

Рёбате энергично ударил по «Ранней Церкви».

Рёбате: Это вот этой развилке мы обязаны! У нас был выбор между множеством тысяч богов, более-менее биологических. Но нужно было, чтобы человечество выбрало себе Бога без яиц! Вот тебе ещё одно доказательство всеобщего дебилизма! Когда думаешь, что были до их Иисуса мистерии или что первые инициации мальчишек представляли собой потерю девственности с пин-ап жрицами, не только красивыми, но и любящими это дело... А! Какое горе! Я никогда не восхвалял перед агностиками гений Иисуса-Христа, потому что Христос, гений или нет, это тот, кто научил людей ненавидеть тело, как они говорят в секте. Это меня отвращает настолько, что даже слово «тело» мне отвратительно употреблять из-за того

смысла, которое они³²³ в него вкладывают. Это даже, между прочим, одна из причин моей грубости...

Кусто отметил, с некоторым молчаливым скептицизмом, эту малоубедительную рационализацию врождённой склонности³²⁴. Но Рёбате уже вошел в раж, и не имело смысла даже и пытаться его прервать.

Рёбате: Христос был холоднокровной мерзотой, это тот редкий случай, когда мы уверены, что хоть что-то знаем о нём точно. Ханжа, возможно, с ноткой гомосетины, сладенький педик, который привлекает мужичков, но сам их никогда не трогает. И после Христа есть ещё Павел. Павел... настоящий патрон, хуже, инициатор и начинатель во всём, систематический враг женщин, первый законник в этой очереди, без сомнения, потому что он хорошо знал Библию со всеми её историями охотников на верблюдов и трахальщиков ослиц, на которых ездили их папашки и мамашки со времён Книги Бытия... Надеюсь, ты не скандализован, малыш? Блядский библейский бордель! Да ты издаваешься, когда об этом со мной заговариваешь!

Кусто поджал губы, как приличная дама, которая внезапно столкнулась с семьёй смертными грехами.

Кусто: Ты меня скандализируешь, когда предполагаешь, что я могу быть этим скандализирован... Но будь спокоен: поразятся другие, когда — и если! — эти диалоги напечатают. Мы увидим, как они заставят страдать торжественных и положительных людей, у которых всегда такой вид, словно они зонтик проглотили... Но не я... Хоть мне и претит твоя привычка грязно ругаться — мы таковы, каковы есть, я себя прощаю! — я испытываю инстинктивный и намного более сильный ужас перед стыдливостью. Телесной или словесной... Стыдливость — это говённое чувство по определению. Оно вызывает во мне такое же отвращение, как и другие непристойности.

---

³²³ Христиане.

³²⁴ Склонности Рёбате к ругани.

Рёбате мягко усмехнулся. Он знал наизусть ритуальные проклятия Кусто. Тот в то же время не переставал объяснять.

Кусто: Это возмущает моё сердце, это чувство абсурдно, потому что оно есть следствие монументальной затеи по девирилизации, уничтожению живого начала, систематической кастрации, о которой ты только что сказал³²⁵... Это всё же чересчур! Это христианство, которое так великолепно облажалось во всех своих попытках против всех форм зла, не справилось, не сумев отменить ни войну, ни убийства, ни кражу, ни эксплуатацию человека, ни рабское положение женщины... христианство, которое ни на йоту не изменило настоящее поведение так называемых верующих... оно всё же справилось, за двадцать веков, с одной ужасной вещью — чтобы люди чувствовали стыд, производя акт, в котором, в самом по себе, нет ничего постыдного. Христианство изобрело искусственный стыд. Как будто натурального стыда не хватало! Это отвратительно!

Рёбате прикинулся дурачком и с простодушным видом сказал сладким голосом: Ну, я не то чтобы полностью разделяю твою точку зрения. У стыдливости есть и свои преимущества. Она достойна похвалы, когда возбуждает... желательно, у милашек моложе двадцати одного года. Признаю, я питаю слабость к голубоглазкам или серозелёноглазкам, у которых, когда им представляешь младшего братца, всегда такой вид, как будто они спрашивают себя, отчего это господин вырост³²⁶.

Кусто поднял брови. Он решил было назвать Рёбате грязным старикашкой, но, раз уж он только что подтвердил свой сексуальный либерализм, то решил, что ему предпочтительнее не перечить самому себе.

---

³²⁵ Кусто говорит о христианстве.

³²⁶ Рёбате иносказательно говорит о половом акте, называя незарегистрированный член «маленьким братом», а зарегистрированный — «господином»; интересно, что Рёбате, использующий этот ханжеский словарь, только что утверждал, что предпочитает называть вещи прямо, и проклинал стыдливость.

Рёбате, поминая Иисуса, продолжил: Но, за исключением этого, требуется, очевидно, отменить стыдливость. Я начал говорить о жопах в четырнадцать лет. Это была моя первая победа над буржуазным и церковным образованием. Везде потом, где бы я ни был, я, из любви к предмету или рассуждая теоретически, говорил о сраке столько, скоро возможно, несколько раз даже перед монахинями-попечительницами. Они это обожали, кстати.

Кусто: Да я и не сомневался...

Рёбате: Везде, где говорят о сраке, Назореянин отступает. И мы никогда не перестанем чествовать четверых писателей, которым обязаны освобождением от пут тупого XIX века и которые позволили нам вернуться к изучению самой важной стороны человеческого феномена: я говорю о Прусте, Жиде, Селине и нашем Марселе Эме³²⁷. Нужно воздать, по справедливости, и сексологам англо-американской школы: Хэвлок Эллис³²⁸, например. Сегодня Кинси³²⁹, ну и, в равной степени, еврейско-австрийские психоаналитики. Это благодаря всем этим людям мы можем написать о ком-то, у кого встал: «у него встал».

Кусто откровенно возразил: Скажем, я не так освободился, как ты. Кажется, ты уделяешь чрезмерное внимание использованию, без запретов, словаря эротического аргю. Но его солдафонского и блатного оттенка достаточно, чтобы я испытывал отвращение к его употреблению.

Рёбате: А я... я настаиваю, старик, что, буквально, самые откровенные термины могут сочетаться с самыми деликатными и рафинированными выражениями, как в соборах, так и в пьесах Шекспира. Я всегда принадлежал к виду литераторов, скажем, готических литераторов... не из тех, что пишут на латыни только³³⁰, и всегда стеснённый в газетах³³¹.

---

³²⁷ Marcel Aymé, французский писатель, националист.

³²⁸ Havelock Ellis, 1859–1939.

³²⁹ Альфред Кинси, американский биолог и сексолог, 1894–1956.

³³⁰ То есть на литературном языке, в данном случае «латынь» — синоним литературной речи, как в Средневековье.

³³¹ То есть испытывая трудности в качестве журналиста из-за необходимости выбирать слова.

Кусто: Ну и будь. Скажем, что словарь — это дело вкуса. Но я не одобряю твой вкус. Я испытываю перед некоторыми словами буквально физическое недомогание. Перед словом «карга»³³², например. Или перед выражением «стрельнуть разок»³³³, которого достаточно, чтобы меня поразить сексуальной запретностью. На самом деле, не важно. Не важно, какие слова использовать, если мы говорим всё. Вот смотри, я только перечитал «Ярмарку тщеславия», книжку, которая претендует на то, чтобы представить полную картину английского общества прошедшего века, и я всё ещё под впечатлением от своего раздражения. Всё описано, и тщательно описано, но от головы до пояса. Ниже пояса — ничего. Персонажи «Ярмарки тщеславия» асексуальны. Без сомнения, они в капусте находят своих бэбиков³³⁴. Ну, если аисты им не приносят детишек...

Рёбате: То же молчание у Достоевского, который всё-таки более глубок, чем Теккерей³³⁵, и который чувствовал, без сомнения, важность темы — сам-то Фёдор Михайлович был сатир, — но не осмеливался её назвать.

Кусто: Это настоящая интеллектуальная нечестность. Обман, жульничество. Я читатель, и у меня складывается впечатление, что писатель меня за имбецила держит. Потому что всё же не нужно обладать таким уж большим опытом, чтобы знать об огромной важности сексуальной потребности в жизни мужчин и женщин.

Рёбате: Материально эта потребность занимает столько же места, сколько и пищевая, а психологически — намного больше.

Кусто: Однако, хотя я бегло рассматриваю этот вопрос во всех направлениях, я не могу ни понять, насколько эти вещи более «постыдны», чем другие формы челове-

---

³³² grognasse — уродливая и сварливая женщина, буквально «ворчунья» от «grognier», «ворчать».

³³³ «Совершить семяизвержение».

³³⁴ В тексте «бэбики» на английском.

³³⁵ Автор «Ярмарки тщеславия».

ской деятельности, ни найти смягчающие обстоятельства для тех, кто смехотворно заявляет, что подавляет половую потребность или игнорирует её. Обрати внимание на то, что для вдохновителей этого остракизма, то есть для христиан, подавление путем исключения является лишь крайней мерой. Если бы это было исключительно их дело, то это было бы уничтожено само по себе. Они ненавидят сексуальное удовлетворение, и эта ненависть, на самом деле, является ненавистью к жизни. Посмотри, с какой яростью Паскаль прилагает усилия, чтобы *плохо объяснить* либертинов. Бедняга зеленеет от мысли, что можно, без малейших угрызений совести, кувыраться с пастушками.

Рёбате: Я уже читал тебе, думаю, письмо Паскаля о свадьбе его племянницы. Это один из самых устрашающих текстов французской литературы. И ты произнёс сейчас справедливые слова, вечные, которые никогда не достаточно будет повторять и следует говорить снова и снова: эти люди — враги жизни.

Кусто: Видно, что их высшее призвание состоит в уничтожении вида...

Рёбате: Но Добрый Бог сказал: «Плодитесь и размножайтесь». Это не единственное противоречие в божьем слове. Стоило ему снизойти на Землю, как Бог не перестаёт заикаться. Более того, это характерно для всех богов...

Кусто (с жестом неискреннего ужаса, потому что теология его весьма развлекала): Избавь меня от урока теологии...

Рёбате: Ладно, в другой раз. Что я говорил? А, я хотел поговорить о браке. Даже брак — для абсолютного христианина, паскальца — это крайняя мера, состояние низшее, хорошее лишь для стад скота...

Кусто: Странная концепция аристократии.

Рёбате: Тексты, догма, настоящие верующие весьма формальны: католицизм ненавидит и дискредитирует всё, что имеет отношение к телу. Со времён Святого Августина Церковь не канонизировала ни одного святого, про которого можно сказать, что он был прежде хорошим

ебак-ой. Она канонизирует, без сомнения, Шарля Фуко³³⁶, который станет исключением из правил³³⁷. Ведь это потому, что Церкви срочно нужно добавить в когорту современных святых некую рельефную фигуру.

Вскоре лицо Рёбате посветлело. Радостные перспективы открылись ему.

Рёбате: Я прикалываюсь, думая о тех наших друзьях, которые всегда жили в двойных или тройных отношениях³³⁸ и готовы вновь так жить после своего освобождения, но которые глотают Хорошего Бога³³⁹ каждую неделю. Какими миленькими маленькими сознательными типчиками они себя выставляют! Глядя на них, мне хочется изобразить из себя обратившегося, чтобы пристыдить их за низость, угрожать их яйцам пламенем и клещами ада. Ах! Они не хотят знать, какая у них религия. Я сообщу им об этом, я!

Кусто: По правде говоря, мне интересно, существуют ли ещё настоящие христиане. Во всяком случае, я не знаю ни одного. Ради бога, когда я был воинствующим фашистом, мне не нравилось красться тайком, чтобы вдохновлять «маки»³⁴⁰. Я отнёсся к этому серьёзно. Я жил по своей вере. Это было «да-да или нет-нет!»... Видишь, я не совсем игнорирую Священное Писание...

Рёбате одобрил, с видом знатока, и щёлкнул языком.

Кусто: И я бы начал испытывать немного уважения к католикам в день, когда они стали такими католиками, каким фашистом был я.

Рёбате: Ну, это уж точно не завтра будет.

Кусто: Ты говорил о наших товарищах, которые афишируют здесь некоторую неоднозначность, которые каются, вешают на оборотной ткани пиджака талисманы

---

³³⁶ Charles de Foucauld, 1858–1916, исследователь Африки, монах, шпион, аналог Лоуренса Аравийского, только французский и в Африке.

³³⁷ Фуко сначала причислен к лику блаженных, и уже в мае 2022 года канонизирован.

³³⁸ Вы можете видеть, что так модные сейчас в СМИ «отношения», употребляемые вместо «брака», «сожителства» или «романа», это калька с иностранных языков.

³³⁹ То есть ходят на причастие.

³⁴⁰ То есть Кусто не прятался от Сопротивления.

Богородицы³⁴¹ и у кого в изголовье кровати висит крест... Однажды ты понимаешь, что среди этих назидательных негодяев люди вроде тебя и меня — у которых в сумме не больше одного гражданского брака... которые живут — живём! — в моногамии... не пишут каждое воскресенье одно письмо супруге, другое — сожительнице... не принимают в дни свидания бывших секретарш, превратившихся в фальшивых кузин... — такие люди, как мы с тобой, представляют довольно оригинальные фигуры.

Рёбате: Эти фальшивые христиане ответят тебе, что тело слабо.

Кусто: Я не отрицаю, но слабость тела объясняет случайные происшествия. И она не даёт вам право на постоянный второй брак — который проходит через все покаяния — и принятие таинств. Почему-то люди, которые себя ведут весьма открыто — я-то их за это не упрекаю, это их дело — в смысле педерастии, как интендант полиции Матюрин (Mathurin), они прям краснеют, когда под вопрос ставят их католицизм. Ну, я тут вообще не понимаю. Здесь ведь или одно, или другое?! Или они католики, или они полигамные. Но нельзя же быть и одним, и другим!

Рёбате: Да нет никаких христиан. Когда встречаешь одного, случайно, ему ставят статуи. Это, кстати, поклонение без метафизической ценности. Это было предсказано: «Будет много званых, но мало избранных». Но вот что мне кажется решающим, в историческом плане, так это факт, что христианство ничего не изменило. Теперь я записываюсь в противники универсальных клише христианской цивилизации, которые мы давным-давно приняли...

Кусто: И которые мы даже защищали...

Рёбате: Если и есть западная цивилизация, она, скорее, создана в стороне от христианства, иногда даже от противоположного ему. Говоря же о больших артистах и писателях, которые очень веровали... какая часть их творчества содержит эту веру?

---

³⁴¹ В тексте буквально «Григри», то есть талисман вуду.

Кусто: Чаще всего она кажется незначительной.

Рёбате: Эта цивилизация издыхает не только из-за своего язычества, но и из-за эгалитарной демократии, которая представляет собой выродившуюся форму христианства... Уж будьте покойны, люди такие же засранцы после первого пришествия Христа, как и до него. Христианство одарило их лишь гротескными угрызениями совести. Это один из тех фокусов, которые объясняют успех религии. Какая сила принуждения мыслящего двуногого — сделать из него грешника, самого грешного, согрешившего грехом против Духа одной из своих самых насущных потребностей³⁴². Это, между прочим, трюизм, но мы произносим его слишком часто. Нужно решительно написать сборник о ста общих местах человеческого бытия.

Кусто: Мы его напишем, если милосердие Ториоля нам оставит для этого время... Это будет, кстати, скандальная книга. Нет ничего более скандального, чем подтвердить, что два умножить на два равно четыре. Вот говоришь от имени Бога элементарные, очевидные, простые, общепринятые на практике большинством человечества вещи, и... одно словечко поперёк общепринятой Морали, какова бы она ни была, и сразу подводишь себя под угрозу преследований всех сортов, тюрьмы или остракизма... Это как верить, что цивилизация сводится к вербальному принятию определённого количества лжи.

Рёбате: Для сексуальных проблем, это точно!

Кусто: Что касается сексуальности, западный мир целиком купается в христианской лжи. И эта ложь распространяется вот уже двадцать веков с такой настойчивостью, что сегодня неверующие заражены ею не меньше верующих. Атеисты тоже совсем тупые, поглощённые телесным стыдом, который старые девы-методистки извлекают из чтения Библии. Это фарс.

---

³⁴² Сексом.

Рёбате: Линкольн³⁴³, Литтре³⁴⁴, Жорес³⁴⁵, маленький отец Комб³⁴⁶: мы не видим этих граждан, дающих кому-то в рот со всей атеистической свободой... Ты заставил меня подумать также и о протестантах, ну или либералах, которых отменили Бога, сохранив Иисуса Христа. Чрезвычайно убогие они, все эти парни. Многие атеисты тем более закрыты наглухо, что они ненавидят Бородача³⁴⁷.

Кусто: Что мне больше всего не нравится в этом христианском ужасе перед удовольствием тела, так это беспричинность. Другие табу, все, без исключения, обладают, в той или иной степени, социальным оправданием. «Не убий!» — не возникает никаких проблем. В организованном обществе не совсем удобно, чтобы граждане друг друга мочили ради маленького удовольствия. Предпочтительно также, чтобы они воздерживались воровать то, что им не принадлежит, и, если моногамия принята, можно даже издать закон, что спать с женщиной приятеля очень тупо. Всё это сводится к идее — довольно разумной в целом, — что нельзя вредить другому. Но сексуальные табу христиан — это нечто другое. Есть некоторая дьявольская, я бы даже сказал, настойчивость в желании лишить индивидуума радости, которая не вредит никому.

Рёбате: Ты хорошо знаешь, что можно вспомнить, дабы узаконить запреты: нежелательные беременности, венерические заболевания...

Кусто: В этом случае единственно разумным выходом будет учить подростков, объяснять, как избежать инцидентов. В конце концов, мы не говорим: «Не ешь!» — а просто объясняем вред неправильного питания. Но за-

---

³⁴³ Президент США.

³⁴⁴ Émile Maximilien Paul Littré, 1801–1881, французский мыслитель, масон, автор «Словаря французского языка».

³⁴⁵ Jean Jaurès, 1859–1914, французский политик, масон, марксист, застрелен перед Первой мировой войной.

³⁴⁶ Émile Justin Louis Combes, 1835–1921, французский политик, масон, председатель кабинета министров Франции с 1902 по 1905 год.

³⁴⁷ Иисуса.

конодатели христианства не вдохновляются разумными и практическими доводами. Что они ненавидят, так это не случайности, а удовольствие само по себе.

Рёбате: Ну а чего ты хочешь! Нужно начать неприятную жизнь, чтобы мечтать о царствии небесном.... Но мы до сих пор заняты обманщиками. Вернёмся к аутентичному христианину, такому редкому, который никогда не будет против любого существования, разве что в крайних и весьма экстравагантных случаях. Вернёмся к целомудрию как таковому. Перед ним мы снимаем шляпу. Для меня это высший ужас. В глубине души я испытываю перед теми, кто искренне верит, ужас не меньший, чем перед лицемерами. Целомудрие меняет саму суть человека. Целомудренный человек покрыт гнойниками морально, если не физически. Сперма, которая не вытекает, превращается в гной из абсцесса. Способы сублимации таких фанатиков весьма знамениты: это крайний эгоизм и злоба. Ты знал жирного Мертена³⁴⁸?

Кусто: Весьма мало, но я понимаю, к чему ты ведёшь. Толстый и радушный бельгиец, который поимел множество проблем в своей стране.

Рёбате: Я его знал много лучше, чем ты, в своё время. Стопроцентный католик... Он мне сказал как-то: «Здесь даже и не согрешить. Я и не дрочу. Разочек, и всё». Я убежден, на самом деле, что этот добрый толстяк счёл бы себя проклятым, разочек *погоняв лысого* или перепихнувшись с педиком. Результат: он был весьма злобно настроен к своему окружению, был бесчувственным, взрывался, легко приходил в недостойную ярость против самых несчастных педерастов... он грешил сто раз на дню против элементарного милосердия...

Кусто: Я знаю, что Мертен закончил тем, что стал ужасно непопулярен³⁴⁹.

---

³⁴⁸ Mertens, заключённый коллаборационист.

³⁴⁹ Для французов, как весьма социальных животных, очень важно отношение к ним в обществе, даже тюремном.

Рёбате: Вот что такое реальное целомудрие и вот какого усилия оно требует, фатально превращая человека в абсурдного героя, который требует невыносимых прав принуждать других. Какое сужение кругозора, даже если встать на их сторону, какое оскудение того, что они называют духовной жизнью. Есть проблемы предопределения, но нужно, чтобы сначала были проблемы члена. Я пару раз пошутил на эту тему. Она всегда мне будет близка.

Кусто: Немного посомневаемся...

Не обращая внимания на сарказм, Рёбате продолжил, распаляясь.

Рёбате: Возьмём идеальный случай: мистика. Я оставляю дело Святого Иоанна, которого мы не закончим изучать и который был, может быть, чистым, рафинированным интеллектуалом. Во всех остальных я нахожу эротическое брожение: разве недостаточно нам узнать от самих святых, что экстаз часто означает эякуляцию? Для святых это благодать. Жаль, что у меня здесь³⁵⁰ нет моих полных записей, которые легавые отобрали³⁵¹. Я бы тебе рассказал о жизни Анджели из Фолиньо³⁵² и Катерины из Генуи³⁵³, великих аббатис XVII века³⁵⁴. Это бесконечно более провокационно, чем вся литература с улицы Луны³⁵⁵. На днях начальник смены сказал, что поимел бы монахиню по случаю, и я почувствовал боль в сердце. Но, по размышлении, жизнь этих великих мистичек у меня, более или менее, вызывает стояк. Нет более сильного запаха междуножья, чем в этих рассказах о видениях, божественных снах... Да здравствует Бог! Вот вам и мокрые дырочки! Нет необходимости спрашивать себя, вагинально они предпочитали или клиторально. Всё хорошо для

---

³⁵⁰ В тюрьме.

³⁵¹ Во время обыска в 1944 году из квартиры Рёбате пропало множество записей.

³⁵² Итальянская святая.

³⁵³ Итальянская святая, 1447–1510.

³⁵⁴ Анджела из Фольино жила в XIII веке.

³⁵⁵ la rue de la Lune — улица второго округа Парижа, на которой продавали эротическую и порнографическую литературу.

этих дам! Не могу дождаться произнести имя Терезы Авильской³⁵⁶ без того, чтобы не увидеть чудесного испанского скачущего ebaŋ'ka, смуглого... и сочную pizdenku, которая сочится из самого нутра!

В этот момент вошел Лакассань³⁵⁷, весьма оживлённый, декламируя прямо как в театре: «К столу! Быстро! Паста с пылу с жару!» Рёбате уселся перед дымящейся тарелкой и загремел в полную силу.

Adoro te dévôte Latens Deitas
Quae sub his figuris Vere latitas

Он охотно выкрикивал гимны и церковные песни сразу после того, как проявлял неблагочестие. Вот почему, между прочим, этого человека часто не замечали.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
тюрьма Клерво (Франция), 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек), 2021.*

---

³⁵⁶ Thérèse d'Avila, 1515–1582, испанская святая.

³⁵⁷ Молодой заключённый из Нима, с чудовищным акцентом, который почти по-дружески поставил свои кулинарные таланты на службу нашим соавторам. — Прим. Кусто и Рёбате.

ДИАЛОГ СЕДЬМОЙ: ПЕРЕД ВЕЧНОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Союз Германии и Франции стал бы тормозом Англии
и России, спасением Европы и мира во всем мире.

Виктор Гюго, «Рейн»

В тот день ателье подняли по тревоге. Циклический феномен. Все заключённые знали этот закон резкого чередования беспокойства и безмятежности, а после — прогрессии спокойствия в тревогу. Коэффициент тюремной безопасности прямо пропорционален интенсивности внимания тех, кому принадлежит власть. Потому что регламент создан также и для того, чтобы каждый был виновен, более или менее, по умолчанию. В периоды затишья это не приводит ни к каким последствиям. Но тишина обманчива, и малейший инцидент преображает слабака в аиста³⁵⁸. Когда прозревают глаза, которые не видели ничего, тогда и совесть уголовников становится беспокойной, и тогда уж конец всякому интеллектуальному комфорту. По случайности двое самых конченных уголовников, которых когда-либо видели за тройным оцеплением тюремных стен (а эти стены повидали между тем немало), приземлились в самом центре Клерво, в камере. И неожиданно развернулись. Для начала, хоть их и связывали общие делишки, они взаимно друг на друга стучали. Просто из-за склонности к доносам, больше даже из интереса. Некоторые люди таковы. Потом, примирившись, они принялись «раскачивать» других, к своему маленькому счастью, обнаруживая массами небольшие нарушения и серьёзные провинности. Этого оказалось более чем достаточно, чтобы пошивочный цех стал объектом пристального внимания. Каждое утро начальство с бригадами и директор лично присутствовали при обысках,

---

³⁵⁸ Отсылка к басне Лафонтена, где Юпитер посылает лягушкам короля-слабака.

допрашивая подозреваемых. Две механические бритвы были уже изъяты. Шли по следу пары кожаных сандалий, сшитых сапожниками из кожи, украденной у администрации. Все тряслись, передвигались мелкими шажочками, авторы же этих строк сутулились...

Рёбате (покраснев): Это всё-таки чересчур, бя! Ни тебе, ни мне нечего бояться, и в то же время у нас виноватый вид. И всё же мы претерпеваем заражение паникой!

Кусто: Против этого есть только одно лекарство. Давай поговорим о чём-то другом. Так, как если бы то, что нас окружает, не существовало.

Рёбате скорчил недовольную гримасу.

Рёбате: Литература не имеет вкуса во время ненастья, как и табак, когда у тебя заложен нос. Я невероятно предан музыке, но ты... тебе-то по фигу. Мне нужно написать восемьдесят афоризмов о христианской религии, но это запрещённый сюжет для беседы: когда я пишу о чём-то, то никогда не говорю об этом³⁵⁹. Новостная повестка скучная. Наши великие генералы Реверс и Маст не получили и восьми дней ареста...³⁶⁰. Во время последнего выступления Аденауэра в Берлине немчура пела «Германия превыше всего». Это единственная хотя бы слегка галльская новость. Что ты об этом думаешь?

Кусто совершил уклоняющийся жест. Он упражнялся, предвидя свободную жизнь, в том, чтобы принимать лицемерно безразличный вид.

Рёбате: Что касается меня, то... меня это и раздражает, и радует одновременно. Раздражает, потому что это патриотическая манифестация, а патриотизм меня сейчас ужасает в любых формах и видах, под любым соусом. А радует потому, что беспокоит или бесит некоторое количество придурков.

Кусто: Хочу поговорить о немчуре. Это хороший сюжет. В худшем случае мы не рискуем сказать больше

---

³⁵⁹ Это суеверие разделяют многие литераторы, включая автора перевода.

³⁶⁰ Политический скандал с участием французских военных в Индокитае.

тупостей, чем Мадам де Сталь или Шарль Моррас. Только я, признаюсь тебе, слегка стеснён в теме. Германия, может быть, единственная страна, о которой я не могу говорить с полным безразличием. Это идиотничанье, я признаю, ведь когда уступаешь чувству, становишься дебилом. Но это сильнее меня.

Рёбате: Ага! Вот мы и дожили до спонтанных признаний...

Кусто: Если бы Германия выиграла войну, я знаю точно, что сказал бы тебе. Эх, так много старых безнадёжных, пережёванных, перетасованных ожиданий, которые нахлынули вдруг... Но только вот тебе — они проиграли. Это война, и в то же время наши идеи оказались проиграны.

Рёбате лукаво прищурился.

Рёбате: Ты не будешь мне сейчас давать уроки о патриотизме немчуры?

Кусто: Будь спокоен: никакого больше патриотизма ни в какой форме. Но, ты это знаешь, я страстно привержен проигравшим, я чувствую себя солидарным с Южными Штатами, «белыми» русскими и аристократами Киберона³⁶¹. И солидарен, по намного более веским причинам, с нацистами, которых пинает весь мир. Топтай их и я, хоть и совсем чуть-чуть, я бы чувствовал себя последней мразью, хуже даже патриотов одиннадцатого часа³⁶².

Рёбате одобритительно кивнул.

Рёбате: Я примерно так же размышлял в эти дни. Я обдумываю ещё один маленький проект сейчас... весьма расплывчато — максимум второй *Les Décombres*³⁶³, не больше, уверяю тебя! — который пришёл мне в голову во время одного из наших разговоров. Я подумал, если бы я поставил немцев в эту историю, это были бы идеальные

---

³⁶¹ Полуостров в Бретани, один из очагов сопротивления монархистов Франции, место высадки эмигрантов и союзных им англичан в 1795 году.

³⁶² Те, кто стал патриотом Франции к тому часу, когда понял, что Германия проигрывает.

³⁶³ «Бестселлер Оккупации», книга Рёбате, разошедшаяся огромным тиражом, антифранцузский, антисемитский, антилевый памфлет.

немцы, отличные артисты, люди как умные, так и воспитанные, и в то же время безупречные солдаты, и убеждённые национал-социалисты, конечно.

Кусто: Иначе, конечно, это не было бы забавно, это было бы клише «хороший немец противостоит жестокому наци».

Рёбате: Я не люблю говорить о Германии на публике в другом тоне, потому что нездоровые вещи, написанные, подуманные и сказанные о Германии с 1940 по 1948 год — я верю, что сейчас это уже немного закончилось, — делают французскую публику в целом неспособной судить о немецком вопросе. Вот, если ты хочешь, мои официальные мысли. Но, к счастью, мы официально больше не существуем и вряд ли скоро будем. Мне кажется, что между нами мы можем говорить о Германии в несколько другом стиле. Мы даже приобрели на это право.

Кусто: Мы единственные в любом случае, у кого есть это право... и я спрашиваю себя, пробовал ли я его использовать. В любом случае, если ты напишешь эту небольшую брошюрку на две тысячи страниц, я тебе предлагаю, в качестве двух анекдотов, не очень сенсационных, быть может, но правдивых... анекдоты, которые хорошо подводят черту под вечным диалогом между вечной Германией и вечной Францией.

Рёбате: Валяй, я тебя слушаю.

Кусто: Итак, первая история. Она восходит к 1931 году. Моя команда по регби поехала играть три пропагандистских матча в регион Дюссельдорфа против городской команды студентов, которые начинали в этом благородном спорте. Занятия задержали меня в Париже, и я смог присоединиться к товарищам лишь для участия в третьем и последнем матче турне. Значит, я появляюсь в отеле, где остановились французы, и спешу из комнаты в комнату, чтобы известить народ о прибытии. Все очень довольны. Довольны поездкой. Довольны приёмом местных властей. Только один звоночек прозвенел, и в этом мои товарищи по команде все были согласны: боши

из команды соперников играли как животные. Никакой fair play³⁶⁴. Дубинки, кастеты, все запрещённые удары. Это довольно противно... Тем же вечером я познакомился с нашими соперниками, потому что две команды ужинали вместе в ресторане отеля. Прикинь, с каким любопытством я изучал этих пожирателей маленьких детей. Блондины, розовощёкие, с бритыми затылками, улыбались, салютовали нам с радостью, кланялись поясным поклоном. Но помимо этих характеристик, которых недостаточно было, чтобы вызвать полицию, они все казались более-менее искалечены, облеплены пластырями. Тогда я обратил внимание на своих товарищей — ни один, ты меня слышишь, ни один не был даже поцарапан! И назавтра мы одержали, на обломках немецкой команды, впечатляющую победу. Перед нами очутились не больше чем хромающие инвалиды. Наши, напротив, чувствовали себя на поле, как в своих охотничьих угодьях. Двух тевтонов вынесли на носилках, и те из соперников, кто ещё держался на ногах до конца второго периода³⁶⁵, немного стоили... Очень свеженькие, удовлетворившие свою национальную гордость и невероятно искренние в своём негодовании, пятнадцать французов вернулись в раздевалку, заверяя, что никогда больше не станут играть в регби с подобными зверями и фанатиками.

Рёбате: Хорошая история! Я чувствую её подлинность так, что принял бы её за правду, даже если бы она была частью Деяний Апостолов... Что мне кажется самым смешным и в то же время правдивым, так это то, что ты говоришь о безупречной искренности твоих товарищей. Объяснение этого странного феномена должно быть здесь. Что сопровождается верой, приобретает силу удвоенной идеи. Идеи триумфально побеждают очевидность реальности. Когда подумаешь, что три четверти суждений в мире вынесены по подобному принципу! Расскажи вторую историю.

---

³⁶⁴ Так в тексте.

³⁶⁵ В регби, как в футболе, два периода.

Кусто: Она посвежее. Ты знаешь, что я был освобождён из своего «сталага»³⁶⁶ лишь в сентябре 1941 года... Значительно позже Рике³⁶⁷, Бидо³⁶⁸, Сартра и нашего судьи (уже в 1945 году) Зусмана... Ведь боши, намного менее проницательные, чем Кериллис³⁶⁹ и Эмиль Буре³⁷⁰, потратили четырнадцать месяцев на то, чтобы понять, что я из «пятой колонны»³⁷¹. Ну ладно, проехали... Итак, в сентябре 1941-го ошибка диспетчера привела меня из Bad-Sulza в Берлин, тогда как я должен был быть препровождён в Шалон³⁷². И в Берлине доктор Бран³⁷³ из бюро Риббентропа, узнав о моём переводе, неожиданно высадился в один день в квартиру, где меня содержали. Ты ещё помнишь этого дылду Брана?

Рёбате: Спрашиваешь! Это последний наци, которого я видел в Bregenz в апреле 1945 года. И первый тоже. Но ты там был тоже. В каком году?

Кусто: В 1937-м, кажется...

Рёбате: В «Двух окурках»³⁷⁴. Это Жорж Блон³⁷⁵ и Тьерри Мольнье³⁷⁶ нас ему, *Брану*, представили. Любимчик блондинок, превосходный Бран, совместные кемпинги, собрания франко-германской молодёжи... Когда я говорю, что это был первый наци, с которым я познакомился,

---

³⁶⁶ В отличие от многих французских «левых», Кусто не уклонялся от службы в армии и попал в лагерь военнопленных после разгрома Франции гитлеровской Германией.

³⁶⁷ Michel Riquet, 1898–1993, иезуит, награждён орденом Почётного легиона, участник Сопротивления, борец против антисемитизма.

³⁶⁸ Georges Bidault, 1899–1983, французский политик, один из основателей Народного фронта.

³⁶⁹ Henri Adrien Calloc'h de Kérillis, 1889–1958, республиканец, политик, журналист.

³⁷⁰ Emile Buré, 1876–1952, французский журналист, республиканец.

³⁷¹ Кусто иронизирует над «леваками», подчёркивая, что для «коллорабациониста» подвергся при немцах преследованиям не меньшим, чем участники Сопротивления.

³⁷² Chalons, город в Шампани.

³⁷³ Fritz Bran, перед войной редактор издания «Франко-немецкие тетради»/Cahiers Franco-Allemands.

³⁷⁴ Кафе в Париже.

³⁷⁵ Georges Blond, 1906–1989, писатель и журналист, «правый», основатель Общества друзей Бразильяка, издавшего все труды этого расстрелянного писателя.

³⁷⁶ Thierry Maulnier, он же Jacques Talagrand, 1909–1988, правый писатель и журналист.

то ошибаюсь. Я ещё раньше одного встречал, в 1934-м или 1935-м, один студент из Бонна, очаровательный и фанатичный. Но это тоже Блон нас познакомил! Какой говнюк, этот честный Бран! Такой же говнистый, как и честный, этот пуританин нацизма. Я терпел его три дня в Берлине в январе 1943 года. Это сама добродетель шла рядом со мною в чёрном пальто по большим, заброшенным и обледеневшим улицам, в разгар дня их зимы. Какие образы... Сколько дерьмовых вещей мы с собой сделали, старина!

Кусто: Моя встреча с Браном в 1941 году не была особенно скучной. Скорее, чудной. Мы находились в пустом кабинете дантиста, служившем — если можно так сказать — для наших командос проходом, и, с антифашистским воображением, можно представить, что кабинет этот служил Гестапо залом для пыток. Но Бран не испытывал ни малейшего желания меня мучить. Он, напротив, заставлял себя делать всё, чтобы я себя удобно чувствовал... заполнить пропасть, которую война создала между нами. Одним словом, пытался подавить свою победу! Что касается меня, я был смущён. Потому что — я это вспоминаю сейчас — в тот знаменитый вечер, когда Блон и Мольнье нас с немцем представили друг другу, я, из бравады, слишком болтал... Такова дань этому дебильному национализму, которым старая петушня нас надула! Я, должно быть, сказал Брану, что если он хочет колоний, ему ничего не остаётся, как попробовать прийти ко мне, чтобы забрать мои колонии! Мы покорили Камерун оружием. И мы уступим лишь силе оружия...

Рёбате: Жалость-то какая!

Кусто: Ничего больше я тогда не сказал, кроме сказанного тебе сейчас, но я уже чувствую, что краснею... В любом случае я сохранял хорошую мину при плохой игре в кабинете дантиста, обнаружив себя побеждённым, обезоруженным и униженным перед этим прусским гос-

подином, которого я так живенько ничтожил одним деруледианским словечком!³⁷⁷

Бран в то же время, казалось, забыл о моей бестактности. Он был полон доброй воли. Его намерения были чисты.

Рёбате: Я верю, что он был искренним франкофилом.

Кусто: Я думаю даже, что, несмотря на триумфы Вермахта, он испытывал комплекс неполноценности перед тем, что Франция ещё из себя представляла. «Я хотел бы...», сказал он, «как вы воспринимаете примирение между нашими двумя странами...» Я начал с того, что вспомнил своих товарищей в офлагах и сталагах³⁷⁸. Для начала освободить заключённых. Я знал, что говорю лишь, чтобы не молчать. Это было не в нашей компетенции. Бран, слегка грустно, дал мне это понять. Если бы это зависело лишь от него... Но если не касаться проблем государственных, оставаясь в культурном плане, не было бы возможно с этого момента³⁷⁹, не ожидая конца войны, работать над франко-немецким примирением, от которого зависела судьба Запада? Ты прекрасно понимаешь, что у меня было в достатке свободного времени подумать над этим вопросом с лопатой в руках, все четырнадцать месяцев моих земляных работ... Я ответил без сомнений, что следовало бы возобновить в Париже выпуск *Le Canard enchaîné*³⁸⁰. Бран тупо на меня глядел. *Le Canard*

---

³⁷⁷ Поль Дерулед/Paul Déroulède, доброволец войны 1870 года против Пруссии, герой французского национализма, поэт. Молодые французские фашисты с неприязнью относились к фигуре этого поэта-воина за его германофобию. Интересно, что Кусто использует не французское слово *vivement*, то есть «живо», а именно — *gaylard*, *galyarde*, *gaillard*. Что со средневекового английского переводится как «сильный, живенький». Это слово заимствовано из англо-французского, от *gaillard* («живенько», а на старофранцузском — «храбро») и происходит в свою очередь из галло-романского. Оно состоит из **galy* (от кельтского **gal* — «сильный, достойный в битве»), в свою очередь происходящее от индоевропейского **gelH* — «способный на» — и старофранцузского окончания *-ard*, то есть человек, которому принадлежит это качество... Надеюсь, читатели простят переводчика за эту справку, которая в малой мере демонстрирует удовольствие, которое можно испытать от чтения текста в оригинале и работы над его переводом.

³⁷⁸ Тут Кусто вспоминает лагерь для военнопленных в Германии.

³⁷⁹ Победы Германии.

³⁸⁰ Сатирический журнал, «Шарли» своего времени.

enchaîné!!! Я объяснил тогда этому чересчур большому и слишком светловолосому арийцу, что Франция была страной Вольтера до того, как стать страной Жозефа Приюдома³⁸¹, и что если позволить французам смеяться над немцами и печатать слово «бош», то будет намного проще заставить их принять наши первые истины. Бран впал в протрацию. Он ничего не понимал. «Какая досада», — сказал он мне, заканчивая, — «что вы не умеете петь в хоре. Следует, чтобы французы научились петь в хоре...» И лицо Брана преобразилось в скаутском предвкушении сотрудничества: убежища для молодёжи, ежедневные добрые дела, старики вокруг костерка в лагерях на природе, салют знамёнам, гимн моей прекрасной ёлке... Я ответил, что *Canard enchaîné*, освобождённый, конечно, от своей старой большевистской дирекции, но свободный в выражениях, будет первым условием культурного *Zusammenarbeit*³⁸². Бран оставался убеждён в том, что единение душ рождается в хоровом пении. Я припомнил словосочетание «натянуть намордник», что утешает³⁸³. Он ответил, что *O Tanenbaum* был неотразим³⁸⁴. Это обернулось диалогом двух психов. В течение часа мы говорили, каждый, перед стеной. И покинули друг друга весьма недовольные. Я был неисправимо фривольный француз. Он был неизлечимо немец.

Рёбате: И после этого, только появившись в Париже, ты прыгаешь в коллаборационизм и погружаешься в него до колен, до пупка, по самые уши!

Кусто: Конечно. Если бы речь шла о браке по любви, меня нельзя было бы простить, и мне бы ничего не оставалось, кроме как покрыть голову пеплом и бить себя

---

³⁸¹ Joseph Prudhomme, «Иван Иванович», собирательный образ мещанина, глупого буржуа, введён в литературу Анри Монье.

³⁸² «Примирения» с немецкого.

³⁸³ Дословно Кусто употребил выражение «положить в консервную банку», выражение 1910 года, означает, что человек, находящийся в стеснённом состоянии, не может отвечать свободно в споре.

³⁸⁴ Немецкая песня на Рождество.

в грудь до скончания веков. Но коллаборационизм — это всё же кое-что другое, чем к косметологу сходить.

Рёбате: Объясни мне, старичок. Ты начал, я слушаю.

Кусто: Я различаю в коллаборационизме два элемента, которые сначала дополняют друг друга, но, взятые по отдельности, достаточны для оправдания нашего выбора. Для начала была старая франко-немецкая ссора³⁸⁵, намного более старинная, чем франко-английская ссора, и ничуть не более неразрешимая.

Рёбате: И каковы бы ни были несоответствия сердечного согласия, они были намного меньше *страстотерпными*, чем Азенкур, Трафальгар или Фашода³⁸⁶.

Кусто: Вот в любом случае первый элемент, и для каждого, кто обладает здравым смыслом, этого должно быть достаточно. Но есть и другое. Германия была, со всеми её поражениями, с тем, что нас шокировало или приводило в отчаяние, нравилось это нам или нет, светской рукой фашистской идеи. Мне было бы так же нелепо отказываться от фашизма из-за немецких изъянов, как коммунисту — потерять свою веру из-за того, что русские невероятные чокнутые.

Рёбате: Это точно то, что я подумал, с тех пор, как начал выходить из беспорядка разгрома. Ты мне говорил когда-то, что главное и незабываемое качество немцев — это отрицать эгалитаристский миф, отвергать лёгкие пути, демократию болтовни. Это чудесный жест, на самом деле такой редкий, такой экстраординарный: социальный жест, который совершенно логичен и который — в общих интересах, один из тех жестов, который подтверждает величие нации.

Рёбате изобразил испуганную гримасу: Во имя Господа! Слово «величие» трудно произносить после

---

³⁸⁵ Дословно *querelle franco-allemande*; интересно, играл ли Кусто словами, ведь выражение *querelle allemande*/«немецкая ссора» значит во французском языке «пустячный конфликт, ничтожная ссора», первое упоминание выражения в таком контексте датируется 1671 годом.

³⁸⁶ Поражения Франции от Англии.

Де Голля. Эти птички обесценили даже наш язык... Это большая заслуга Деа³⁸⁷ — подтвердить всё это в Виши в июле 1940 года. Классическому немецкому оккупанту, роботу в шлеме, сапогах, Деа противопоставил национал-социалиста, солдата революции. Должен тебе сказать, что эта, такая соблазнительная, идея, оставалась для меня скорее теорией до 22 июня 1941 года. Потому что если немец — носитель революционного духа — так мало проявлялся в твоём Сталаге в Тюринге³⁸⁸, то он не больше показал себя и в Париже. Мы видели тевтонского солдата в верботен³⁸⁹, на тротуарах и в офисах... да, пожалуй, и всё, стоит сказать. 22 июня всё преобразило.

Кусто: Это, на самом деле, точнёхонько в этот день — день, когда началась война против большевизма — когда я почувствовал себя *тотальным коллаборационистом*... В этот день я начал желать, без малейшего сомнения, победы Германии. И я это вскоре сказал товарищам из командос.

Рёбате: 22 июня я принял убеждение, что Германия на самом деле наделена европейской, мировой, миссией. Я принялся искать революционеров. Я не говорю, что они не существовали. Кроме, может быть, одного, я никогда их не встречал.

Кусто: Не в Париже. Париж был столицей выжидающих.

Рёбате: Ясное дело. Но в революционном плане монументальной ошибкой стало отправить в Париж людей,

---

³⁸⁷ Марсель Деа/Marcel Déat, 1894–1955, бывший неосоциалист, глава Национального народного собрания, коллаборационистской партии, конкурирующей с «Народной партией» Жака Дорио. Ярый антивишист, он предложил модель строительства Европы под руководством нацистов, но всё-таки в обще-европейских интересах. Он убедил Рёбате летом 1940 года порвать с Моррасом, покинуть Виши и прибыть в Париж, чтобы готовить национал-социалистическую революцию под цветами французского флага.

³⁸⁸ Лагерь, где Кусто пребывал после разгрома Франции Германией на первом этапе войны и провёл там 14 месяцев на земляных работах.

³⁸⁹ Солдатские сапоги.

которые меньше всего представляли эту революцию³⁹⁰. Другая ошибка, ещё более тяжкая, — поведение на оккупированных русских территориях. С июня 1941 года я ждал, мы все ждали, провозглашения независимости республик Украина, Белая Русь, атаки освобождения. Вместо этого... колонизация без малейшей формы.

Кусто: Вот когда старая тема о расширяющейся Германии обретает свою ценность. Но ведь все страны, не расширяются ли они по возможности, когда эта возможность им предложена? И я признаю, что я более чувствителен к другим темам³⁹¹.

Рёбате: Я тоже, в каком-то смысле. Например, твой анекдот про *Canard enchaîné* касается одного из самых серьёзных упреков, который можно адресовать немцам. Я не шучу: неспособность немца к юмору заходит слишком далеко, эти песни Блохи и Крысы, когда Гёте, один из самых достойных немцев и самых открытых, хочет посмеяться... комикс о кастраторе свиней Вагнера... ужасающий комплекс неполноценности немцев перед всеми другими расами на земле, кроме, может быть, негров, что довольно забавно. Единственный немец, у которого есть доступ к определённому юмору — чёрному, — это Ницше.

Кусто: Но Ницше настолько выше Германии, выше наций...

Рёбате: Другой, обширный, упрёк, который я бросаю Германии, включая здесь и Гитлера, это то, что она не сумела понять, что половина роли, ей уготованной, состояла в том, что её национал-социализм смешался с её пангерманизмом. Это, без сомнения, оказалось фатальным, нужно было не знаю какое чудо, чтобы народ настолько смог пойти против своих инстинктов. Но мы, мы верили, мы хотели верить в Германию, способную на это чудо. Кто-то, следовательно, ошибался: или немецкий национал-социализм, или французский фашизм.

---

³⁹⁰ Рёбате критикует представителей немецкой оккупационной администрации Франции.

³⁹¹ То есть тема жизненного пространства для Германии Кусто не особо волнует.

Кусто: Без вопросов. Ошибался немецкий национал-социализм. Французский фашизм просто не обладал выбором. Не было альтернативы. Нас подтолкнула к коллаборационизму наша собственная логика. Мы были осуждены сотрудничать с немцами такими, какими они были: пангерманистами с расширяющейся Германией, раздражающими, неловкими, забытыми банальными истинами... немцами, которых какой-то фатализм удерживал вне их собственной системы и которые были в целом гораздо менее революционно настроены, чем мы сами.

Рёбате: Ну и?

Кусто: Ну и всё, что у нас оставалось, так это скрытый мотив для исправления ошибок, которые война позволяла списать больше на обстоятельства, чем на злую волю. Я был воодушевлён своим опытом военнопленного. В течение четырнадцати месяцев я мог наблюдать то, как комфортно чувствуют себя француз и немец, оставленные наедине, и когда уже речь не идёт о болтовне. Я понял, что ужасен по-настоящему шок с немцем, а не разговор...

Рёбате: Ты совершенно прав, но это точнѐхонько против официальной французской правды меж-двух-войн³⁹². Наши шишки хотели биться, они ни о чём, кроме этого, не думали, тратили своё время, воображая какие-то невероятные альянсы, заливая себя бетоном³⁹³, но их устрасали даже гипотетические прямые переговоры.

Кусто: Нужно было крушение 1940 года для того, чтобы некоторое количество французских политиков открыло, что не было полным идиотизмом *finassieren*³⁹⁴. Виши сделал это лишь через четыре года. И с каким успехом! Старик в звёздочках³⁹⁵ и Овернец³⁹⁶ сделали вклад в тысячу раз более эффективный, чем *Haut de Hurlevent* для того, чтобы подгрызть нацистскую победу. Ни один

---

³⁹² Первой и Второй мировых.

³⁹³ Намёк на линию Мажино.

³⁹⁴ Жульничать.

³⁹⁵ Маршал Петен.

³⁹⁶ Лаваль, уроженец Оверна.

немец не обладал достаточным величием для того, чтобы противостоять этим акробатам³⁹⁷.

Рёбате: Будь у Сопротивления чувство справедливости, в каждом городе Франции была бы улица Филиппа-Петена и площадь Пьера Лаваля.

Кусто: Ты на моей стороне. Итак, веришь ли ты, что было абсурдно надеяться, что мы могли бы, мы тоже, одержать победу над нашими победителями? И это настолько более легко, что наши намерения, для нас самих, были чисты, и мы не вели двойной игры и не лелеяли, как многие вишисты, планов восстановить на руинах Третьего Рейха миленькую парламентскую республику. Наши амбиции состояли не в том, чтобы подорвать немецкую победу, но — спасти её от загрязнения и сохранить её моральное значение, её фашистскую этику.

Рёбате: Такая немецкая победа была единственным шансом, который когда-либо бывал у Европы, и с нею у Франции, чтобы не потеряться окончательно в неразберихе...

Кусто: Но даже предполагая, что этот опыт был неправильным, предполагая, что он продемонстрировал, что нельзя ждать ничего другого от немцев, кроме насилия, жестокости и непонимания, мы всё равно не меньше были обречены на сотрудничество с немцами. Потому что худшие немцы намного лучше лучших из русских, и если Европа не смогла быть немецкой, она должна быть безнадежно казацкой.

Рёбате: Тебе скажут тем не менее, что, зная то, что мы знаем, мы могли бы не вмешиваться в драку.

Кусто: Да. Воздержаться — это, может, было мудростью... Но не в моём характере отправиться на рыбалку, пока другие берут Бастилию...

---

³⁹⁷ Только что Кусто рассуждал о единении немцев и французов, осуждая немцев за «чрезмерную закрытость для общей европейской идеи и нежелание сотрудничать с коллаборационистами», сейчас он прямо говорит о том, что коллаборационизм был просто способом отстоять французские интересы.

Рёбате изобразил на лице оживлённую гримасу меломана, который слушает пианиста, исполняющего понастоящему один из «Трансцендентных этюдов» Листа.

Рёбате: Bravo, старик! Серьёзно, ты должен нам «Эссе об истории Франции». Если ты согласен писать с прохладцей, без прилагательных, у тебя может получиться чудесно и исключительно полезно. Твой взгляд на истинное превосходство Франции перед Германией открывает удивительные перспективы на характер французов в особенности: они презирают свои достоинства, они хотят любой ценой состязаться не в своей категории. Это бегун на сто метров, который хочет стать чемпионом по поднятию тяжестей. Пересмотреть всё в этой перспективе после Хлодвиг и с несколькими главными идеями... о, это было бы сенсационно.

Кусто ничего не ответил, потому что не в его характере было противоречить, когда ему отвешивали комплименты, но глубоко внутри себя он хорошо знал, что, конечно, не способен ничего написать с безмятежностью и без мстительных эпитетов.

Рёбате продолжил: А! Ты меня возвращаешь к мечте о коллаборационизме. На самом деле, в ней французская гибкость могла бы найти себе честное, легитимное применение. Не было более желанного пути для нашей страны. Потому что мы обречены на сотрудничество с начала века, потому что все нации, кроме СССР, обречены сотрудничать, коллаборационизм — наиболее естественный, прибыльный... это коллаборационизм франко-германский.

Кусто: Все трюизмы, которые мы столько обсуждаем, были точны: два комплементарных народа, общие интересы, традиционный обмен культур, огромные преимущества, которые бы извлекла французская индустрия, работая в связке с немцами.

Рёбате: Что касается последнего пункта, сотрудничество случилось, и оно дало плоды. Гляди, ты говорил мне *finassiren*. У меня тоже есть пример. Первый франко-немецкий обед, на котором я присутствовал в конце

1940 года, был кинематографическим. То есть нас собралось тридцать режиссёров, журналистов и функционеров, среди которых отличный месье Бюрон³⁹⁸ перед тремя молчаливыми Гансами, включая ужасную сову в зелёном, которая подала нам на десерт речь на своём жаргоне, речь, которую очень легко перевести: французское кино было в говне — то, что в остальном большей частью было правдой, — и Рейх позволил ему исчезнуть. В то же время мы узнали о создании огромного немецкого общества «Континенталь», которое предназначено всосать в себя все продюсерские компании Франции³⁹⁹. Во главе компании стоял Гревен, двухметровый пруссак, членский билет партии номер 7 или 8⁴⁰⁰, с устрашающей репутацией зверя. Восемнадцать месяцев спустя «Континенталь», после того как его обхаяла, как никогда никакую другую компанию, парижская пресса, оказался практически в руках трёх-четырёх французских режиссёров, которые сделали пятнадцать лучших фильмов нашего кино. В 1944 году ситуация во французском кино была здоровой, цветущей, мы видели появление множества новых талантов. Ими мы обязаны, по существу, «Континенталю»...

Кусто: Конечно, плохо, что коллаборационизм не шёл никогда дальше, никогда он не был политическим.

Рёбате: Возможно, несправедливо обвинять в этом французов или немцев, или французов и немцев одновременно. Разрешённый коллаборационизм между двумя странами, возможно, невозможен для человека. Последнее средство познакомиться с другим народом — это, очевидно, появиться на его земле с танками, пушками и полудюжиной полицейских. Лояльный коллаборационизм с вооружённым оккупантом — это химера. С другой

---

³⁹⁸ Robert Buron, 1910–1973, уважаемый кинокритик, как и Рёбате, но ещё и политик, министр в Четвёртой и Пятой Республиках.

³⁹⁹ Обществом «Континенталь-фильм» руководил пруссак, Alfred Greven, 1897–1973, друг Геринга со времён Первой мировой войны. Общество сняло 33 фильма во время оккупации. Никаким преследованиям Гревен после войны не подвергался и продолжил продюсирование фильмов.

⁴⁰⁰ То есть у истоков нацистского движения.

стороны, было невозможно не зацепиться за эту химеру. В любом случае мы не были ещё достаточно старыми, чтобы отказаться от такого.

Кусто: Удивительно, что «другие» бросились сегодня в преследование той же химеры. После пятилетнего пожирания бошей, и изводя под корень всё подозрительное, даже намёки о добром согласии с Германией, оказывается, что сотрудничество с нашими соседями для Франции — жизненная необходимость.

Рёбате: Поздновато...

Кусто: В наше время было передовым ассоциировать себя с колоссом. Внушало уверенность то, что грохочущий Вермахт занимал аванпосты цивилизации на Украине и в Карелии. Сегодня, если я правильно понимаю, речь зашла о том, чтобы воссоздать все части Вермахта в половине Германии⁴⁰¹, чтобы защитить половину Европы. Психологически, этот коллаборационизм, без сомнения, так же болезнен, как наш. Побеждённые несравнимо хуже ведомы, в отличие от нас⁴⁰². Как немецкий народ, которого вся вселенная трактовала военным преступником, мог согласиться сражаться за компот своих разрушителей?

Рёбате открыл рот, но Кусто не дал ему начать.

Кусто: Я знаю, что ты собираешься мне сказать: что немцы неисправимы и что, если им разрешить надеть военную форму, маршировать строем и позволить себя убивать, они сразу начнут извиваться от радости. Согласен. Но умереть ради того, чтобы умереть, нужно хотя бы с минимумом абсурда. Будь я немцем, я бы хорошо знал, на кого обратить свою ненависть в первую очередь. Я знаю, что я простил бы охотнее русским их массовые изнасилования — это очень по-человечески, насиловать, прежде всего! — чем милосердных американцев с их монструозными ковравыми бомбардировками. И потом, будь я немцем, я бы начал потихонечку уставать всегда

---

⁴⁰¹ Речь о ФРГ.

⁴⁰² Французов под немецкой оккупацией.

быть битым. Потому что следующая война (по меньшей мере её начальная фаза) представляется, скорее, плохой для сателлитов Маршалла. Даже по мнению некоторых предсказателей Пентагона, у предполагаемой немецкой армии есть выбор между двумя видами операций: или прикрывать отступление джи-ай⁴⁰³, которые поспешат на высадку в каком-нибудь Дюнкерке, или сформировать авангард Красной армии, который за восемь дней дойдёт до Бордо и Бреста. Для бывших СС-овцев эта операция кажется мне заманчивой.

Рёбате надулся: Ты знаешь, я закончил со своими военными планами. Я всего раз в жизни занимался военной стратегией, и меня этим больше не заставишь заниматься. Всё, что ты говоришь, ясно и логично; с точки зрения формальной логики я подписываюсь полностью под твоими словами. Но всякая война включает в себе множество факторов, которые от нас ускользают. Они ускользают даже от великих полководцев, которые всегда гражданские. Понятное дело, я не говорю о генерал-майорах! Логика — это музыка, это математика. Там, по крайней мере, мы уверены в дедукции!

Кусто покраснел до самых ушей: Меа кульпа!⁴⁰⁴. Ты застал меня в момент совершения преступления. *Kriegspiel*. Официант! Спички, графин и карту Балкан! Это всё игры разума, самые презируемые, разочаровывающие и смехотворные. Не ворчи на меня, больше я так не поступлю. Между прочим, мне плевать на исход следующей войны. Хотя бы раз я совершенно беспристрастен. Я знаю, что в этой войне все удары будут нанесены, с одной стороны и другой, по вещам, системам и людям, против которых восстаёт моё сердце. Так что я в самом большом выигрыше! *Go on, gentlemen...*⁴⁰⁵ Только немцы, все вместе взятые,

---

⁴⁰³ Американские десантники.

⁴⁰⁴ Кусто в тексте дословно использует выражение *Pan sur le bec*, название рубрики в *Canard enchaîné*, где издание от имени утки каялось в своих ошибках (аналог «работы над ошибками»).

⁴⁰⁵ С англ. — «Вперёд, господа»

не могут так расслабиться. Вопрос их прямо касается. Они окажутся в центре этой войны и, возможно, от их поведения станет зависеть удача победителя.

Рёбате: Это возможно, вполне правдоподобно. Меня это больше не интересует. Мы предоставили этому веку несколько вполне почётных способов справиться. Он не захотел. Пусть век катится в дерьмо. Что касается фрицев, к какому бы лагерю они ни присоединились, они всегда останутся теми, кто они есть: глубокими, но лишёнными открытости; дисциплинированными, но лунатиками, более путаниками, чем кажутся, когда у них нет больше капрала, который бы поставил их в шеренгу; великие путешественники, но провинциалы; героические и щедрые, но невезучие, теряющие свои самые красивые победы и свои самые красивые жесты; неспособные к безбожию, обладающие болезненным вкусом к катастрофам... короче говоря, испытывающие все проблемы мира, пытаясь нагнать 150 лет цивилизации, которые заставило их потерять пруссачество. Германия — это живое доказательство того, что дважды два не всегда четыре.

Кусто уродливо ухмыльнулся. Предполагаемая неопределённость результата «дважды два» была нескончаемой темой противоречий двух друзей. Кусто был глубоко убеждён, что два на два, в любых обстоятельствах, всегда даёт четыре, и никогда не упускал возможности поспорить на эту тему, когда считал свою победу неоспоримой. Рёбате в то же время проигнорировал провокационную ухмылку и продолжил.

Рёбате: Германец сам по себе, какова бы ни была его культура — немцы — это самые культурные люди на свете, — не стоит и половины француза. Но десять немцев стоят пятьдесят французов. Немец *пар экселанс*, человек, который обладает социальными добродетелями, терпением, умением подчиняться, плодородностью, чистотой, верой, постоянством попыток...

Кусто: Несомненно, это доказательства индивидуальной неполноценности или, если хотите, худшего развития.

Рёбате: Но это формирует несравненный общественный комплекс. В глубине души я нежно люблю этих людей, будучи уверен, что я не смог бы жить среди них — я бы постоянно на них кричал — и что мы не сможем понять друг друга до конца. Но после того как я упрекнул их во всём, мы прощаем их за грандиозный жест, за идею, за великого человека, которого они дали миру⁴⁰⁶, как мы прощаем Вагнеру два часа адской скуки за тридцать минут гениальности. Германия — это страна разом и самая скучная, и самая восхищающая. Но я понимаю ужас, который может испытывать перед этой Германией мадридец, андалузец, флорентиец, неаполитанец. Ты, в котором латинского больше, чем во мне⁴⁰⁷, мне кажется, ты больше заслуживал коллаборационировать. Но мы знали оба, что на протяжении десяти лет Германия пыталась спасти Запад и бедного человека. Она с этим не справилась? Но ей остаётся почёт. Ты и я, мы не забудем никогда.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
тюрьма Клерво (Франция), март 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
ноябрь 2021.*

---

⁴⁰⁶ Гитлер.

⁴⁰⁷ То есть Рёбате верит, что принадлежит к северным народам Франции, считая бордосца Кусто южанином, германоязычные франки колонизировали латинский юг.

ДИАЛОГ ВОСЬМОЙ: ВЕРИТЬ И ПОНИМАТЬ

Нет существ более опасных, чем те, кто пострадал за веру:
великие гонители набираются из числа мучеников,
чья головы не были отрезаны.

Эмиль Чоран

Кусто продолжал поглощать тексты Олдоса Хаксли⁴⁰⁸ с нервностью неофита. Несколько месяцев ранее имя этого писателя немного говорило Пьеру-Антуану. Сам он путал Олдса с Джулианом⁴⁰⁹. Но *Contrepoint*⁴¹⁰ ошеломил его, и он сразу же решил прочитать ВСЕГО Анатоля Франса и, чуть позже, ВСЕГО Бернарда Шоу, ВСЕГО Оскара Уайльда и ВСЕГО Пруста. Ну и где, спрашивается, кроме тюрьмы, можно осуществлять такие довольно тоталитарные мероприятия?

В этот день Кусто поднял голову от книги, и, раз уж так получилось, что Рёбате отрёкся от Отцов Церкви, чтобы добавить табаку в самокрутку, Пьер-Антуан рассудил, что не будет некуртуазным прервать друга во время этого бесполезного занятия.

Кусто: Я нахожу здесь, говоря о *Crome Yellow*⁴¹¹, идею, которая, конечно, не так уж невероятно оригинальна, но которая меня привлекает... Тут говорится о классификации человеческого вида, которую установил старый и разочарованный господин, склонный к сентенциям⁴¹². О! Я хорошо знаю, насколько нелепо претендовать на то, чтобы втиснуть индивидуумов в строгие категории, и насколько это оценочно. Но классификация персонажа Хак-

---

⁴⁰⁸ Aldous Huxley, 1894–1963, писатель.

⁴⁰⁹ Julian Sorell Huxley, 1887–1975, первый директор ЮНЕСКО, брат писателя Олдоса Хаксли.

⁴¹⁰ Роман Хаксли от 1928 года.

⁴¹¹ Первый опубликованный роман Хаксли.

⁴¹² Игра слов, во французском слово *sentence* означает и сентенцию, и приговор.

ли достаточно удовлетворительна. Он выделяет три вида людей: для начала те, кто составляет собой стадо, то есть меньше, чем ничего. Затем люди, которые обладают верой. Наконец, люди, которые умны. Две категории, конечно, различные, несравнимые, несоприкасающиеся. Вот что меня восхищает. Мы умны ИЛИ веруем. Если мы умны, мы не можем веровать, если мы верующие, то не можем быть умными. Одно или другое... Натурально, персонаж Хаксли не ограничивает лишь религиозной верой неспособность к разуму. Он помещает в эту категорию *верящих*: тех, что глубоко верит во что-то — в Прогресс, Науку, Демократию, Фашизм, Любовь, в то, во что захотим. Это слишком соприкасается с одним из моих старых рассуждений, чтобы я не почувствовал себя польщённым. Я настаиваю, довольно долго, что скептицизм — это одно из первых условий разума, и мои долгие *концентрационные* медитации⁴¹³ помогли мне в этом убедиться.

Рёбате: Каждый день я всё больше ценю скептицизм. Кто такой скептик? Человек, у которого есть вкус к познанию — познанию, проклятому с первых страниц Библии, — но который познаёт лимиты познания. Бог знает что! Я говорю, как будто бы на конгрессе сорбонновцев! Для скептика «это всегда честь — видеть то, что есть», как сказал Монтерло⁴¹⁴. По меньшей мере я предпочитаю это определение «систематическому сомнению», которое понимаю плохо.

Кусто: Это не вопрос в том, чтобы сомневаться во всём из принципа, что тоже обскурантизм и блеф. Между прочим, склонность к вере — или, если ты предпочитаешь, к доверчивости — ускользает от воли, её нельзя аргументировать, поставить в зависимость от системы.

Рёбате: Это то, что мы сказали бы в другой раз об обскурантизме.

---

⁴¹³ Кусто обыгрывает значение слов «концентрация» и «концентрационный», подразумевая, что **концентрировал** своё внимание в **концентрационном** лагере.

⁴¹⁴ Henry Marie Joseph Frédéric Expédite Millon de Montherlant, 1895–1975, французский писатель, член Академии.

Кусто: Каждый индивидуум более или менее склонен к вере, в зависимости от нашего темперамента. Никто не ускользнёт полностью от этой странной необходимости, которую мы испытываем, постоянно ли, во время кризисов ли — заставить заткнуться всякую логику и благоразумие, чтобы «вовлечься», чтобы броситься на амбразуру убеждения, рабом которого мы вскоре становимся.

Рёбате: Это банальный феномен.

Кусто: Все мы его испытываем. Любовь с большой буквы Л есть не что иное, как приступ веры. Мы верим вдруг, что избранная женщина есть единственная желанная (что, вообще-то, абсурд) и что её потеря была бы самым ужасным из бедствий (что не меньший идиотизм). И, как следствие, мы действуем... Политический или религиозный энтузиазм обладает тем же механизмом.

Рёбате: Так что никто не может похвастаться тем, что никогда не уступал соблазну заняться подобными упражнениями.

Кусто: Мы — тому свидетельство. У тебя и меня, закованных в броню скептицизма, бывали часы воинствующей веры... И это производило немного шума... И это мы даже до середины не добирались... Более того, я априори воздерживаюсь от того, чтобы обвинять эти кризисы. Человек, расшатанный любовной страстью, получает доступ к такому богатству эмоций, какое не поймёт ни один человек с сухим сердцем. И политический милитант, мистик или, более просто, убеждённый христианин находят в своей вере неоспоримое удовлетворение. Кроме того, большая часть решающих событий, изменивших лицо этой планеты, совершены фанатиками.

Рёбате: Вера движет горами!

Кусто: Но не правота и разум? Я констатирую, что человек, подавляемый и ведомый только верой, это тот, кто вскоре теряет использование своего разума или, скорее, которому разум не служит ни для чего более, кроме как обрядить в софизмы то, что диктует его инстинкт и что этот человек заканчивает — по меньшей мере в тех

сферах, которые касаются его верования — тем, что ведёт себя как настоящий debil. Эта дебильность обладает, может быть, своим величием и своей привлекательностью. Вопрос лишь в том, чтобы понять, предпочтительнее ли она ясности. Исходя из своего темперамента, я предпочитаю ясность.

Рёбате присвистнул с восхищением.

Рёбате: Ебать⁴¹⁵! Как ты хорошо изъясняешься! Ты бы не говорил так ни десять, ни пять лет назад. И я тем более. Мы прогрессируем. Вдалеке от бесполезных фанфар мира мы постигаем вечные истины. Полагаю, ты исчерпывающе ответил на вопрос. Вера — это вид органа, который находится в человеке, как сердце или желудок. Нужно, чтобы этот орган функционировал, тем образом или иным...

Рёбате прервался, чтобы раскурить потухший окурок, он следовал за своей идеей.

Рёбате: У нас никогда не было религиозной веры. Я имею основания полагать, что мы определённо излечены от политической веры. Много воды всё-таки утекло с тех пор, как мы перестали делать глупости в основном из-за женщин. Раздеты ли мы, определённо, до костей? Или орган веры оставляет за собой ещё сюрпризы? Я спрашиваю себя о том, что он ещё может предпринять! Я не вижу больше ничего, кроме целок весьма нежного возраста... В сумме, вопрос возвращается к тому, чтобы спросить себя, каков сорт тех глупостей, которые мы предпримем в пятьдесят лет.

Кусто: Одно точно: поскольку нас оставили жить, мы совершим ещё многое. Что? Я ничего об этом не знаю... История человечества показывает достаточно ясно, что сброшенные идолы исчезают, лишь чтобы быть немедленно заменёнными другими идолами, что люди оставляют миф, лишь чтобы заменить его другим. Это, между прочим, весьма плачевно: единственные религии, которые можно терпеть — это те, использование которых

---

⁴¹⁵ Так в тексте.

испортилось и которые впали в простой формализм, в то время как молодые религии ревнивы, беспокойны, жестоки, разрушительны...

Рёбате: И личности, они как народы, забрасывают свои старые верования, лишь чтобы принять новые.

Кусто: Невозможно, таким образом, предсказать те шутики, которые мы станем вытворять в будущем. В моём случае всё же есть кое-что, вселяющее в меня уверенность. В разгар самых сильных политических драк, мне кажется, я никогда не терял ясности и никогда не обладал верой без нюансов в нашем собственном случае. Может быть, потому что моё чувство юмора всегда сдерживало меня от того, чтобы полностью игнорировать смешотворные аспекты наших слов и наших действий.

Рёбате: Это не помешало тебе пойти до самого края, мой телёночек!

Кусто: Это... это другое. Это потому, что я горделив. Что, кстати, другая форма веры — веры в себя самого. Мне не понравилось бы опорочить трусостью тот образ, что я себе создал⁴¹⁶.

Рёбате: В целом, вера в себя, которой ты обладал, представляла собой в каком-то смысле веру, которая служила поводом для твоего поведения?

Кусто: Я уступаю тебе в том, что этот вид веры не менее необоснован, чем другие, и доказательство этому то, что он привёл меня сюда⁴¹⁷... но он оставляет мне удовлетворение не быть совершенно трахнутым нашими бессмертными принципами. Что вовсе не означает — жажду добавить — что мне не хватало искренности или я был лжецом.

---

⁴¹⁶ Для разнообразия и развлечения переводчик позволил себе в рабочей версии перевода попробовать ввести в русский язык новый глагол **тернировать** на основании французского *ternir*, который переводится дословно как «опорочить», но уже в значении «надеть терновый венец» — на основании случайного созвучия «тёрнир» и «тёрн» и в надежде, что эта терновая колючка на древе нашего языка если и не приживётся, то хотя бы не нанесёт ему ран разовым использованием; увы, по настоянию супруги переводчика, русскому языку в данном случае ничто не угрожает.

⁴¹⁷ В тюрьму.

Рёбате: Ему не могло бы не хватать ничего большего, чем это⁴¹⁸!

Кусто: Я был глубоко убеждён, что наше дело было меньшим злом для Франции и для мира, оно было менее жалким, чем дело врага. Но я был менее убеждён в абсолютном совершенстве наших принципов, в гении и добродетели наших лидеров... в то время как настоящие верующие (с нашей стороны, по меньшей мере) ни в чём абсолютно не сомневались. Признаюсь тебе, что этот маленький нюанс меня утешает. Без этой мелочи я не осмелился бы смотреть на себя в зеркало и приговорил бы себя, без права обжалования, к званию последнего из идиотов.

Рёбате: То, что ты только что сказал, даёт мне ключи к пониманию короткого диалога, который у нас был в типографии *Je Suis Partout*⁴¹⁹, на улице Монмартр, должно быть, в конце 1942 года. Я принёс заметку в газету, я не знаю, насколько «стоять-до-конца»-шную. Она была, конечно, «подходящей», я хочу сказать, написанной в необходимом тоне.

Кусто: Окажу тебе такую услугу, соглашусь с тем, что ты всегда жертвовал нюансами во время драки.

Рёбате: Но как раз жертвоприношение нюансов начало обходиться мне дорого, я чувствовал, что мы начали спуск, я был разочарован. Я смотрел, как ты потихонечку черкаешь свою статью. Я тебе и говорю: «Ты не начинаешь уставать от этого ремесла?» Ты мне ответил: «Нисколько, это меня развлекает. Как спорт». Это мне показалось слегка легкомысленным... Но я понимаю сейчас: мы были совершенно искренни, но мы не были идиотами, ни один, ни другой. Вот что немного ужасает в подобных приключениях, так это то, что ты обращаешься к храбрым гражданам, чья наивность квази-абсолютна⁴²⁰.

---

⁴¹⁸ То есть Рёбате считает, что, напротив, Кусто был чересчур искренним в своих политических взглядах.

⁴¹⁹ Фашистское издание.

⁴²⁰ Если называть вещи своими именами, Кусто-старший и Рёбате издеваются над обывателями, которые до конца верили в ту пропаганду, которую люди вроде Кусто и Рёбате им предлагали, сами в неё не совсем веря.

Кусто: Это пугающий эффект... Взгляни на то, что пропаганда сделала из осуждённого Колина⁴²¹. Словарь этого отличного, честного человека — антология всех ключевых пунктов крайней правой прессы за последние двадцать лет. И эта антология для него служит своего рода Евангелием, открытая правда, вне подозрений, не обсуждаемая. Для заключённого Колина, Блюм⁴²² — это *Karfunkelstein*⁴²³. Достаточно ему было прочитать это однажды, за подписью Бери⁴²⁴, чтобы это отеческое имя стало аутентичным и печально известным. Когда говорят «Блюм», Колин издевается сразу же: «А, а, Карфункельштейн». Это закрывает всякую дискуссию и определённо подавляет покойного⁴²⁵.

Рёбате: Вот типичный, на самом деле, тип идиотского аргумента, но ещё и тип аргумента, у которого есть шансы убедить людей, предрасположенных к вере.

Кусто: О покойном господине Блюме можно сказать множество обидных вещей. Самые обидные были сказаны, между прочим, если не ошибаюсь, Андре Жидом в его «Дневнике», и множество уважаемых людей блестяще продемонстрировали злобредность этого персонажа. Без большого успеха, потому что причина и логика не дают эффекта в отношении масс. В то время как Карфункельштейн... вот вам и приём, который работает!

Рёбате: В то же время печально, что мы использовали подобное оружие.

---

⁴²¹ К сожалению, переводчик не нашел данных об этом осуждённом в открытых источниках, обнаружив информацию лишь о Поле Колине, театральном иллюстраторе и любовнике знаменитой танцовщицы Джозефин Бейкер, но этот Поль Колин был республиканцем, поддержавшим республиканцев в Испании во время Гражданской войны; и о бельгийском коллаборационисте Поле Колине, редакторе «Нового Журнала» и критике искусства, убитом в результате покушения в 1943 году и, стало быть, который никак не мог очутиться в тюрьме Клерво после войны.

⁴²² André Léon Blum, 1872–1950, французский политик, еврей, премьер-министр Третьей Республики, «правыми» обвинялся в неудачах Франции.

⁴²³ Обидное прозвище еврея на арго.

⁴²⁴ Henri Béraud, 1885–1958, французский блестящий полемист, автор множества бестселлеров, лауреат премии «Гонкур» за 1922 год.

⁴²⁵ Блюм как раз умер в 1950 году.

Кусто: Ну, а как иначе можно было поступать? С того момента, как мы впадаем в прозелитизм, с того часа, когда мы оживлены страстью убедить, мы становимся обязаны пасть невероятно низко... Вера, которая есть паралич ума, не может стимулироваться ничем, кроме как крайне грубыми стимуляторами. Нужно сказать в то же время в нашу честь, что в *Je Suis Partout* мы никогда не впадали в демагогию без некоторой доли неуклюжести и постоянного отвращения, в то время как наши враги совершенно свободно себя в демагогии чувствовали.

Рёбате: Отсюда и их успех...

Кусто: Но чтобы вернуться к тому, что ты мне говорил, я признаю совершенно добровольно, что я слегка потрясён, когда я кажусь — здесь⁴²⁶ это случается часто — одним из наших главных борцов, одним из верующих в наше дело. Девять случаев из десяти, парень⁴²⁷ ни черта не понял из уважительных причин в основе наших действий, а только лишь абсурдные слоганы такого... общего инфантилизма... Все настоящие верующие провоцируют во мне, между прочим, такое чувство беспокойства. Это люди, общение с которыми решительно выше моих сил.

Рёбате вздохнул: Вот в то же время слова, которые стоит приберечь для «молодых», как говорят попы. Но для тех, кто послушает! Это не отвратит от милитантизма, если осмелюсь сказать, одного только парня — того, у которого эта страсть к борьбе скрыта под кожей.

Кусто: Ничто, без сомнения, не было бы настолько разочаровывающим, как стать профессором скептицизма...

Рёбате: Напротив, есть идея Хаксли: аутентичный мозговой трест планеты⁴²⁸, совет людей, действительно предупреждённых, производящих Колинов поточным производством, Колинов того типа, который мы могли бы предусмотреть заранее. Все члены этого Совета должны уйти в заранее предусмотренную — за год минимум —

---

⁴²⁶ В тюрьме.

⁴²⁷ Тот самый Колин.

⁴²⁸ Brain's trust в тексте.

отставку, разделяя своё время в равной степени между «Духовными упражнениями» Святого Игнатия⁴²⁹ и медитацией над биографией нашего Учителя Иосифа Виссарионовича⁴³⁰. Это, вот это было бы работой, *это* было бы достойным прогрессом.

Кусто: Но это так же химерично, как и аббатство Телема⁴³¹.

Рёбате: Ты хорошо это объяснил, нужно обладать верой, чтобы осуществить что-то с успехом, и как только ты приобретаешь эту веру⁴³², предприятие становится немного ущербным, испорченным какой-то ерундой.

Кусто: Не будь тупости, зло было бы ограничено... Но есть и автоматизм катастрофы. Мы недостаточно доверяем этому, и если мы претендуем на то, чтобы стать учителями скептицизма, то должны настаивать на этом. Более того, без всякого успеха, поскольку, по самому определению, наш скептицизм не был бы достаточно пылким, чтобы вырвать из нас убеждения.

Рёбате: Да, но, между нами, это всё вещи, которые бы хорошо знать.

Рёбате: Верующий — не только несчастный придурак, но и потенциальная угроза нашему душевному спокойствию. Я говорю, конечно, об истинно верующих, а не о тех фальшивых верующих, которые поддаются терпимости и тем самым демонстрируют, что их вера поверхностна. Абсолютно убеждённый верующий не может мириться с тем, что отклоняется от его догмы или противоречит ей. И именно в расправе над противниками мы распознаём искренность убеждений. Когда мы говорим о «столетиях веры», мы имеем в виду столетия, в течение которых сожжение еретиков было нормальным.

Рёбате: Но мы всё ещё в веке веры.

---

⁴²⁹ Лойолы.

⁴³⁰ Сталина.

⁴³¹ Отсылка к аббатству из романа Рабле, где люди свободно изучают искусство и науки, свободно обмениваясь мнениями.

⁴³² «Ты в вере» — в тексте.

Кусто: Только, разве что, это не век религиозной веры. С момента, когда Морис Фельтен⁴³³ и пастор Бёнье⁴³⁴ не медитируют над тем, чтобы вырезать друг друга, как делали их великие предки XVI века⁴³⁵, я не могу воспринимать их мумии всерьёз.

Рёбате: Разрушительная вера сменила объект. Она — политическая. Те, кто в ретроспективе возмущаются казнью шевалье де Ла Барра⁴³⁶, находят совершенно легитимным, что мы покарали смертью ересь Бразильяка и Бассомпьера⁴³⁷.

Кусто: Что касается коммунистов, которые создали настоящую церковь, они приступают к уничтожению своих врагов (настоящих или предполагаемых) с твёрдостью, достойной обожания. Вот серьёзные люди, чья искренность не вызывает подозрений! Но, решительно, это всегда то же самое, всё тот же процесс, о котором говорилось в Средние века, Возрождение или в современности: как только человеческий коллектив поднят большим верованием, его, коллектива, первая забота — это мучить или убивать всё, что избежало заражения⁴³⁸. Самые жестокие деспоты пролили абсурдно малые ручейки крови и слёз в сравнении с потоками крови и реками слёз, которыми мы обязаны Иисусу Христу, Магомету, Лютеру, Жан-Жаку Руссо, Гитлеру и Ленину... Послушай, всё это чересчур тупо. Это вызывает во мне желание перечитать «Опасные связи»⁴³⁹, чтобы избежать все эти глупые века и вернуться в единственный более-менее достойный век

---

⁴³³ Maurice Feltin, 1983–1975, архиепископ Парижа, Бордо, один из лидеров католицизма во Франции в XX веке, получил кардинальскую шапку от Пия Двенадцатого в 1953 году.

⁴³⁴ Marc Voeagner, 1881–1970, один из лидеров французских протестантов и активный участник Соппротивления.

⁴³⁵ Отсылка к эпохе Религиозных войн во Франции.

⁴³⁶ Казнённый в 1766 году дворянин, вина которого состояла в том, что он не приветствовал религиозную процессию.

⁴³⁷ Казнённые после крушения нацистского режима коллаборационисты.

⁴³⁸ Общей верой.

⁴³⁹ Знаковый роман французской литературы, эпистолярный жанр, автор — Пьер дё Лакло, впервые опубликован в 1792 году.

нашей истории, единственный, который вряд ли можно назвать веком веры...

Рёбате принялся нагло смеяться.

Рёбате: Ты можешь так говорить о XVIII веке. Он миленько закончился! От Ватерлоо до Робеспьера⁴⁴⁰. Прекрасный результат. В этом веке было немного меньше веры, чем в других, понятное дело. Но этой веры хватило, чтобы всё испортить. Скептицизм Вольтера не причинил большого вреда «чёрным»⁴⁴¹. Напротив, его вера внесла ужасно великий вклад в установку демократии. С.Q.F.D.⁴⁴² Остаётся лишь сказать, что Вольтер был одним из изысканных артистов французского языка, и мы будем читать «Кандида» ещё три сотни лет. Последнее слово остаётся за литературой. Возделываем наш сад⁴⁴³.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
тюрьма Клерво (Франция), апрель 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
ноябрь 2021.*

---

⁴⁴⁰ Интересно, что так в тексте, хотя хронологически Робеспьера следовало поставить первым.

⁴⁴¹ То есть священству.

⁴⁴² Сокращённо — *ce qu'il fallait démontrer* — «что и следовало доказать» на французском.

⁴⁴³ Отсылка к Августину Блаженному.

ДИАЛОГ ДЕВЯТЫЙ: ТРЕТИЙ ПОЛ

Для перевертыша порок начинается не когда он завязывает отношения (потому что множество причин могут их вызвать), но когда начинает получать удовольствие с женщинами.

Пруст

Кусто и Рёбате «отходили» от тревожного периода. Их нимский повар, специалист по сочным буайбесам⁴⁴⁴ и триумфальным айоли⁴⁴⁵, едва не попался на крючок. То есть какой-то стукач обвинил его в педерастии, после чего парнишка очутился на самом дне; опасались, что к нему применят самые драконовские меры. В последнюю минуту всё же в зале суда доноситель дал задний ход. Было доказано, что нимский повар любил это не более, чем повар китайский. Что и вызвало в бюро цеха по пошиву белья огромное облегчение. Не то чтобы Рёбате и Кусто рассматривали дело как морализаторы. Им было маловажно, обосновано обвинение или нет. Но они впадали в ужас при мысли, что их друг попадёт в тюрьму из тюрьмы.

Рёбате (заклучил после излишеств, сопровождавших возвращение блудного повара): Ладно, всё хорошо, что хорошо кончается, но с этого момента оставьте меня в покое с этими историями о педиках. Я заткнул уши. Я больше не хочу об этом слышать.

Кусто (с твёрдостью ответил): Напротив, поговорим об этом.

Рёбате был так враждебен любой дискуссии на эту тему, что внезапно начал речь, тон которой возрастал от фразы к фразе.

Рёбате: Вы начинаете мне яйца выкручивать, вы все. Я живу в среде педиков с 14 лет. В моей первой

---

⁴⁴⁴ Густой рыбный суп.

⁴⁴⁵ Чесночный соус.

тюрьме, у попов на Сен-Шамон⁴⁴⁶, всё было испорчено. Студентом я репетиторствовал в католическом колледже, где все попы были...

Кусто: О! Люсьен, все?

Рёбате: Все! Я сказал, все! В этом колледже у меня учениками были маленькие хорошенькие мальчики, хорошенькие, как сердечки, которых кюре трепали без остановки и заставляли танцевать греческий балет с нимфами и фавнами. В полку, что в Германии, где все ебательные тёлочки были целочками, педерастия цвела... В тюрьме 150 был один анархист, который абсолютно желал, чтобы я надрачивал ему на протяжении десяти ночей, когда я спал по соседству⁴⁴⁷. Я звал тридцать педерастов, среди которых — один из моих лучших друзей, я пускал педиков пожить у себя... Даже в страховом бюро⁴⁴⁸ служил один английский педераст, который строил мне глазки и который бродил по бульварам ночами⁴⁴⁹. Я видел педерастическую клаку, я видел, как отличный театральный режиссёр обходит писсуары Монмартра⁴⁵⁰. Во Френ⁴⁵¹ я обитал на этаже педиков, прям целый гарем. Здесь... я и не говорю... Я прочитал Пруста в 19 лет, я видел педерастические рисунки Кокто, иллюстрированные издания *Hombres* Верлена, я читал «120 дней Содома» де Сада. Но никогда я не пал⁴⁵². Это меня не интересует...

Кусто: Да что ты говоришь!

Рёбате (*проскочив эту провокацию*): Да я никогда в жизни и кончиком пальца не трогал шланг ближнего своего. В десять лет я выскакивал из кровати, чтобы пойти посмотреть на то, как горничные раздеваются. В пятнадцать меня чуть не выкинули за двери колледжа

---

⁴⁴⁶ Напомню, речь о весьма престижном учебном заведении, то есть Рёбате несколько драматизирует, называя это «тюрьмой».

⁴⁴⁷ Рёбате не уточняет, уступил он настояниям своего соседа или нет.

⁴⁴⁸ Там Рёбате работал некоторое время.

⁴⁴⁹ В поисках романтических знакомств, очевидно.

⁴⁵⁰ Место встреч гомосексуалистов.

⁴⁵¹ Тюрьма.

⁴⁵² То есть не вступил в гомосексуальные отношения.

за тайную переписку с одной пансионаткой. Я посвятил шесть лет своей жизни эксклюзивно женщинам, не женщинам в общем, а двум-трём, что гораздо серьёзнее. Я сожалею, что не посвятил этому тридцать лет. Мне тысячу раз больше нравится с женщинами, чем с мужчинами, это им я обязан лучшими воспоминаниями в своей жизни. Вы меня бесите своими грязными разговорчиками о парочке яиц и глине⁴⁵³. Я знал самые милые ляжки в Париже, а вы хотите, чтобы я занялся бедными говнюками-педиками-зеками? И тебе не стыдно, ублюдок?!

Кусто сделал жест, долженствующий обозначать чистоту его намерений.

Рёбате: Я припоминаю, что когда был в цепях, среди библиотечных книг, которые нам принесли, были *Les Amitiés Particulières* Пейрефита⁴⁵⁴. Я попробовал тебе сказать, что это стоило бы прочитать, я даже написал свою первую статью в *Je Suis Partout* об этой книге. Какая досада, сударь! Какое крушение! И теперь ты меня убиваешь в течение дня историями про пожарных и дырки в жопе! В конце концов, ты даже не собираешься пасть⁴⁵⁵. Ты не сделаешь это со мной!

Кусто перенёс этот шквал, не вздрогнув.

Кусто: Любопытна, мой дорогой Люсьен, эта твоя нехватка безмятежности... Существуют сюжеты, наподобие этого, которые автоматически заставляют тебя терять хладнокровие. Церковь и педерастия, среди прочих. Особенно Церковь и педерастия... Трудно не видеть в этом механизма подавления... Кстати, Сариак прочитал между твоих строк, что ты закончишь с маленькими мальчиками. До твоего обращения или после?⁴⁵⁶

---

⁴⁵³ Грязный намёк на гомосексуальные контакты.

⁴⁵⁴ Alain Peyrefitte, 1925–1999, французский политик, приятель Де Голля, писатель, член Французской Академии, роман, о котором идёт речь, — экранизированная позже история любви двух мальчиков в католическом колледже.

⁴⁵⁵ То есть предаться педерастии.

⁴⁵⁶ Правые Франции ничуть не отличались от «добрых» «русских» людей первой четверти XXI века с их сварами. Так, идеологический наставник Рёбате, Моррас, прочитавший, без сомнения, талантливый бестселлер Рёбате «Развалины» и, без сомнения, приревновавший, назвал текст «проявлением еврейской

От стола Рёбате полетела череда сокрушительных оскорблений. Кусто и бровью не повёл.

Кусто: У тебя в этих делах — Церковь и педерастия — есть опыт, которого я совершенно лишён. Кстати, как я сужу после *Les Amitiés Particulières*, эти две вещи⁴⁵⁷ в некоторой степени совпадают. По крайней мере, вначале... Но ты-то знаешь, что я — сухой плод школы безбожников⁴⁵⁸, и лишь в старшей школе мои глаза могли открыться на суть сократовских привязанностей...

Рёбате: Итак, ни одного воспоминания о педерастии на протяжении всего детства?

Кусто: Ну почему, один разок всё же в метро Нью-Йорка, один старый господин — совсем не миловидный — разрешил себе гладить меня без опаски. Мне было четырнадцать, и моя невинность была полной: вот вам и результаты школы без Бога! Это намного позже я понял, чего хотел от меня старый уродливый господин... И мне потребовалось ещё много времени, чтобы признать, что педерастия — феномен невероятно банальный и полностью вне моей этики, то есть феномен, который я не могу рассматривать ни с положительной, ни с отрицательной точки зрения... феномен, не участвующий, согласно моей морали, ни в добре, ни во зле... Но я тебе повторяю, что оставался весьма наивен в этом вопросе до весьма взрослого возраста. Если совершенно точно, до нашего тюремного опыта. Ты говоришь мне, что знал огромное число гомосексуалистов. Не я. Или, если бы я и был знаком с кем-то из этих людей, то не знал бы об этом. Я знал, конечно, что «это» существует, но это казалось мне настолько чудовищным, что не могло быть не чем иным, кроме как исключением. Ты подозреваешь, что с тех пор, как Республика заставила меня платить по счетам, я потихонечку сменил точку зрения...

импульсивности» и «харчком в 600 с лишним страниц». Справедливости ради отметим, что книга Рёбате содержала множество нападок на Морраса.

⁴⁵⁷ Церковь и гомосексуализм.

⁴⁵⁸ Светская школа Франции.

Рёбате провыл: Дерьмо! Это ещё что за чушь?! Мало того, что ты только что решил меня сбрить историями про самцов, которые друг на друга лазают, так ещё нужно, чтобы я тебе объяснял что-то! Ты становишься злокой! Может, мне ещё нужно написать трактат для тебя о взаимном онанизме в католической школе-интернате? Для начала я, конечно, знал много больше педиков, чем ты, но и ты тем не менее знал немало. Только в наших бывших общих связях я вижу четверых по меньшей мере: А, В, С, и D. Что ты думал, например, об этих персонажах?

Кусто: Да ничего я о них не думал. Это чудовищно, но это также... Послушай, чтобы поговорить только об А, мне нужно было дожидаться его предательства, чтобы понять внезапно, что он был в связи с люксембургским танцовщиком. Между нами, помни: какими бы свободными мы ни были в своих словах, мы бы предпочли испариться со стыда, чем рискнули бы хоть малейшим намёком покуситься на манеры нашего великого человека. Анус А следует подозревать не больше, чем жену Цезаря... Однако мне следовало быть более просветлённым. Один из моих провинциальных кузенов, полубелый гусь⁴⁵⁹, проезжая через Париж, обедал с А и танцорами в доме общего друга. Там А вышел из тени. Он показал то, что скрывал от нас. Мой двоюродный брат воспользовался возможностью, чтобы пошутить над моими визитами к А. Конечно, я подавился возмущением. Я отказывался от очевидного. Так всегда бывает, когда у тебя есть вера. Я верил в А, и этого было достаточно, чтобы я не видел его таким, какой он есть ...

Рёбате: А другие? В? С? D?

Кусто: А вот с этими всё чуть по-другому. Князь В — русский, и как все русские — педерасты ли они, верущие, нигилисты, романисты ли — все они чудаки, и их аномалии не должны меня удивлять. С? Я завтракал разок с ним. Этого мало, чтобы вынести суждение. Мой приятель D?

---

⁴⁵⁹ Претенциозный.

Он отец четырёх детей. Это не мешает ничему, конечно, но в то же время это забавное алиби. В любом случае более чем достаточное, чтобы спрятать от меня реальность, знание о которой я приобрёл совсем недавно.

Рёбате: Ну, ты не строй из себя целку-то...

Кусто: Послушай-ка. Я никогда не делал вид, что есть индивидумы, чьё физическое состояние обрекает их вести себя, как если бы они принадлежали к другому полу. Это, если ты хочешь, аутентичные гомосексуалисты. Я ошибался, считая их невероятно редкими типами. Я также ошибался, игнорируя тот факт, что в массе этих аутентичных перевёртышей, которые не могут быть ничем иным и которые испытывают непреодолимое отвращение к женщинами, существует огромный процент нормально сложенных мужчин, которые готовы, при условии, что обстоятельства позволяют, стать естественно — осмелюсь сказать так — перевёртышами по случаю. Я знаю сейчас, что для молодёжи это биологический фатализм, и что — всё ещё если обстоятельства благоприятны — это гетеросексуализм, решительный отказ иметь дело со своим собственным полом, что становится исключением.

Рёбате слегка успокоился. Он издевался.

Рёбате: Я вижу, что наш разговор приобретает научный оборот. Мне так больше нравится. Повторяю тебе, что я буду настроен долго говорить о педиках снаружи⁴⁶⁰, на террасе приятного кафе, разглядывая проходящих мимо девчонок и женоподобных педиков, чувствуя, как по мне струится ткань приличного костюма, в среде, нравы которой я согласился бы изучать...

Кусто: Здесь, тем не менее...

Рёбате: Нет! Клерво⁴⁶¹ не интересует меня. Не потому, что это Клерво, а потому, что это деревушка. Быдло из моей родной деревушки всегда косо смотрело на меня, потому что я никогда не был способен слушать их исто-

---

⁴⁶⁰ Не в тюрьме.

⁴⁶¹ Тюрьма.

рии о вечеринках за стенами, помёрзших грушевых садах, рогносцах. И я думал их развлечь, со своей стороны, рассказывая о том, что видел в Будапеште и Риме, в Гааге! Фатальная ошибка! У меня не получается заинтересоваться в людях и вещах, которые не достигли определённого градуса цивилизации.

Кусто: Итак, здесь тебя обслуживают...

Рёбате: Верно. Тюремные содомиты далеки, насколько возможно, от этого уровня цивилизации. Может быть, я ошибаюсь: я думаю о том, каким кладом стала бы жизнь здесь для сказочника типа Мопассана. Когда думаешь, что Мопассан делал пять сотен строк о нормандском торговце лошадьми, сводящем концы с концами!

Кусто: Мы удаляемся от педерастов...

Рёбате (нахмурившись): Определённо, эта тема тебя держит... Ну, в конце концов, как хочешь. Но я повторяю, что тюремный гомосексуализм не учит меня ничему. Это в Сен-Шамоне⁴⁶² я получил своё образование. И в то же время я не могу тебе сказать, что я понял о жизни всё, что там происходило. Гомосексуальные феномены были спрятаны от меня слепым пятном — я, должно быть, тебе уже объяснил — из-за социального дефекта, потому что мой отец-демагог заставил меня провести два года в светской школе в родном городе. Я там видел парней, которые передёргивали себе, худшие хулиганы города, каналья: драгоценное табу, как все табу детства! Я не говорю, что нужно обобщать мой опыт, но в любом случае в том, что меня касается, это точно: школа светская была моральной, школа отцов-иезуитов — аморальной. На чём я остановился?

Кусто: Ты мне говорил, что не понимал всё, что происходило в Сен-Шамоне.

Рёбате: Да, но я запомнил и без труда интерпретировал факты, пусть немного позже. Потому что нет другого имени, кроме как гомосексуализм, для влечения, ко-

---

⁴⁶² Религиозный колледж.

торое объединяет двух мальчиков, которое приводит их к ревности, бросает их вскоре в трудности эротические, которое заставляет их потерять аппетит, вести себя вызывающе и выносить гнев священников... Но всё это заканчивается, забывается — разве что кроме как настоящими педиками — за дверьми колледжа. Пошли-ка поизучаем человечество в этих условиях!

Кусто: К счастью, есть, время от времени, наблюдатель, которого приличия не смущают...

Рёбате: Я был среди них, таких наблюдателей. Я не был удивлён, появившись здесь, когда увидел, например, нашего друга Нибелунгадо, до одури влюблённого в мальчика, без надежды на удовлетворение своей страсти, любовь, которая правила его жизнью, несмотря на стыд, который он испытывал до своего отбытия из этой тюрьмы. Я не удивился, но это вернуло меня на тридцать лет назад, это обескураживающее чувство⁴⁶³.

Кусто: Ба! Хорошенькое дельце...

Рёбате: В любом случае тот факт, что анальная копуляция довольна редка в интернатах, не меняет ничего. Она редка, потому что большая часть мальчиков — девственники, и не очень понимают в механике вопроса, и многие игнорируют существенное, а именно то, что дырка на заднице — эрогенная зона.

Кусто: Не всегда.

Рёбате: Почти всегда. И если я никогда публично не высказывался о педерастии, то, реши я, у меня бы это заняло одну строчку. *«Создатель желал, чтобы анальная дырка мужчины была главным центром чувствительности, абсурдно рассматривать содомистские практики как аномальные»*. Одно мнение, и это всё.

Кусто: Вот ты и становишься резонным. То, что ты говоришь, очевидно, абсолютно очевидно. И поскольку всё это очевидно, это опротестовывается всеми серьёзными господами и большей частью посредственных

---

⁴⁶³ Намёк на любовь в колледже?

идиотов. Ты придерживаешься твёрдого мнения, но нельзя ведь иметь практики нормальные или аномальные, мораль или отсутствие морали в сексуальных вещах.

Рёбате пожал плечами. Он развеселился тому, что можно задать подобный вопрос. Кусто настаивал.

Кусто: Нет ничего, кроме необходимости в сексе, удовлетворение которой есть один из редких приемлемых элементов в этой плохо скроенной Вселенной, одно из редких человеческих занятий, которые можно считать резонными и уважительными. Не важно, на какой манер эта необходимость удовлетворяется: с козой, с японкой или полковником жандармерии⁴⁶⁴. Каждому самому решать на свой счёт, что ему подходит лучше. И совершенно очевидно, что люди, чьё сексуальное желание распространяется, или вот-вот начнёт, на большое количество индивидуумов, имеют больше склонности к счастью, чем те, чьё вожделение ограничено. Вот что меня печалит, потому что я слишком хорошо осознаю границы, наложенные на меня...

Рёбате: Ты же не жалеешь, что ты не...

Кусто: ... ещё как. Я сожалею. Уже когда я был военнопленным, у меня было в обычае привлекать внимание товарищей к тому огромному несчастью, что мы не педерасты...

Рёбате: Ты их убедил?

Кусто: Всё было бы так легко, так намного приятнее, если бы вместо того, чтобы быть отвратительной, вся эта плоть, разложенная на этажах барачных, была желанна! Но увы, она не была...⁴⁶⁵ Среди 110 добрых людей моего командо⁴⁶⁶ был всего один педераст, нотариус из Авиньона, которого мы звали «похотливый нотариус», чтобы отличить его от другого нотариуса, добродетельного отца

---

⁴⁶⁴ Очень похоже на античный взгляд на секс.

⁴⁶⁵ Кусто имеет в виду, что его не возбуждает мужское тело.

⁴⁶⁶ Фашист Кусто сражался за Францию до её поражения во Второй мировой войне в составе спецназа и отсидел больше года в лагере в Германии, в отличие от множества «левых» интеллектуалов, которые позже судили его за пособничество немцам.

семейства. Этот несчастный похотливый нотариус мучился. Он безнадежно пытался жениться, но не пожал ничего, кроме пары пощёчин...⁴⁶⁷ Но это было в самом начале пленения. У биологических законов не нашлось времени проявить себя. Похотливый нотариус должен был закончить тем, чтобы найти любимого братца... И, решительно, это он был тот, кто жил по правде, это он среди нас обладал лучшим поведением для жизни в концентрационном лагере. Там парнишка был как рыба в воде.

Рёбате подпустил сарказма: Дружище, ты на опасном пути. Если не сойдёшь с него, я не удивлюсь, если однажды в свою очередь ты падёшь в этом смысле!

Кусто (грустно улыбнувшись): Увы, это всё воображаемо. В моём возрасте себя не переделаешь. У меня лишних пятнадцать лет. Моё либидо приняло ориентацию, которую невозможно изменить, я сдержан непреодолимым отвращением... В то же время это было единственное разумное решение, потому что — мы твёрдо констатировали этот факт — смысл наказания представляет для нас быть целомудренными... или, если ты предпочитаешь, страдать от нас самих, жить *manu militari*, в закрытой экономике. Нам не мешают есть, и даже хорошо есть. Нам не мешают читать и писать. Нам не мешают мыться. Не мешают играть в карты или разгадывать кроссворды. Не мешают заниматься спортом.

Рёбате: Но не позволяют заниматься любовью!

Кусто: Я задаю себе вопрос: в принципе, заключённый, у которого есть шанс и возможность любить одного из своих товарищей — со всеми последствиями, которые сюда включены⁴⁶⁸, — избегает ли он наказания по существу. Только нужно мочь это сделать. Я... я не могу. Это не добродетель. Это физиологическая невозможность, генитальная несовместимость, в каком-то смысле. Одного вида голого господина достаточно, чтобы уничтожить

---

⁴⁶⁷ То есть похотливый нотариус не нашёл пары в бараке.

⁴⁶⁸ То есть секс.

мою вирильность. Нужно, стало быть, смириться с тем, чтобы страдать на самом деле от моего заключения. Но я этим больше не горжусь.

...Важное примечание переводчика. После этого абзаца в книге есть примечание, написанное Кусто и Рёбате. Оно касается условий жизни заключённых в Клерво. Итак...

«Повторим, чтобы избежать всяких недомолвок и чтобы утихомирить негодование профессиональных «чистильщиков»⁴⁶⁹, что все эти преимущества⁴⁷⁰ администрация стала в конце концов терпеть. Но во время первых лет заключения жизнь политических узников Франции была адом».

Рёбате: Тренировка в гомосексуальности должна быть посоветована во всех политических катехизисах, потому что политик призван явиться в тюрьму. Гангстеры, они умнее. Мой бухгалтер во Френ, бородач, чудесный парень, полный власти и обладатель пяти-шести приговоров. Наименее вероятный Коридон⁴⁷¹ из всех возможных. И на тебе, при своём появлении он создал очаг с весьма миловидным маленьким блондинчиком. А! Я ностальгирую по Френ! Тамошняя педерастия заслуживала изучения, у нас там были все виды настоящих перевёртышей: аутентичные педерасты, *тётушки, королевы, морячки*, колониальные жопники, церковные служащие... Здесь у нас из настоящих гомосексуалистов всего два или три голубчика и несколько жалких мошенников самого отверженного вида⁴⁷². Все остальные — случайные... Сразу по выходе они поспешат к девчонкам... Как этому несчастному Клерво не хватает разнообразия!.. Мы сказали об этом и мы настаиваем: вся эта тюремная педерастия весьма извинительна...

Кусто фыркнул и произнёс неодобрительным тоном: Извинительна?

---

⁴⁶⁹ Участников «чистки» страны от коллаборационистов.

⁴⁷⁰ Кроссворд, спорт, душ и пр.

⁴⁷¹ Corydon, то есть гомосексуалист.

⁴⁷² «Вид» в значении биологической классификации, «тип», «семейство».

Рёбате: Ты прав, это тупой эпитет. Извинительна за что? Смешно, короче. В глазах безупречных ортодоксов, как мы, эти собачьи свадьбы смехотворны. Но я напоминаю себе твой анекдот про американцев и «буф-маншонов»⁴⁷³. В глазах этих парней «ныряльщик в муфту» — как я, Бога ради! — человек грязный и смехотворный...

Кусто: Даже не так. Им⁴⁷⁴ это показалось таким ужасным, что они мне не верили, думали, я хвастаюсь шутки ради...

Рёбате: Я тебе дал поначалу первую аксиому о педерастии. Вторая аксиома: всякий социальный позор педерастии заключается в том, что мы говним жёлудь⁴⁷⁵, ну или, по крайней мере, рискуем этим. Ну а ортодоксы, которые развлекаются⁴⁷⁶? Наконец, запомним эти аксиомы и поставим их дополнением к Прусту, потому что он хранил молчание насчёт этих двух, весьма специфических, моментов. Он не сказал также, что есть специфическая нестабильность перевёртышей, что опасно браться за них всерьёз, и мы убедились в этом на примере А. Проблемой было бы знать, если Цезарь и Микеланджело, эти два образцовых педика, были «голубыми».

У Кусто не было мнения на сей счёт, и он сделал уклоняющийся жест. В этот момент маленький блондин с искусно уложенными волосами вошёл в бюро⁴⁷⁷, чтобы дать Рёбате заказ для книжного. Он желал, чтобы ему

---

⁴⁷³ С английского, Muff-diver, дословно, тот, кто «ныряет в муфту». На научном жаргоне — buccal-genital contacts. Многие американцы, даже отрицавшие определённое число пуританских табу, считали в середине 50-х неприемлемым, чтобы человек, не будучи совершенно пропащим, мог прибегнуть к этой практике, которая вытекает из «французской любви». Речь идёт о такой безобидной сексуальной практике, как куннилингус.

⁴⁷⁴ Американцам, встреченным Кусто.

⁴⁷⁵ Пачкаем половой член.

⁴⁷⁶ Что делать с гетеросексуалистами, которые практикуют анальный секс, хочет сказать Рёбате.

⁴⁷⁷ Переводчик удержался в переводе, но не удержался в примечаниях от шутки «пенетрировал вход в бюро», хотя это был бы дословный перевод а *pénétré dans le bureau* и нет сомнений, что два великолепно владеющих своим языком француз выбрали этот глагол намеренно.

привезли «Коридона»⁴⁷⁸. «Я желал бы получить его так скоро, как только возможно, — добавил он, — это для юбилея». Когда он вышел, Кусто покачал головой.

Кусто: Посмотри, как ты несправедлив, Люсьен, с педиками из Клерво. Не безупречно ли она вежлив, вот эта вот? И эффектна. И внимательна. Думая о юбилее своего мужичка (или своей *бабёшки*) и размещая свои нечистые любви под эгиду самого высшего авторитета французской литературы... А ведь этот парнишка рискует постоянно от 60 до 90 дней карцера. В то время как автор этой книги не рискует ничем, кроме как получить Нобелевскую премию. Решительно, этот мир плохо сделан.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
тюрьма Клерво (Франция), 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек), 2021.*

---

⁴⁷⁸ Книга Жида, в которой тот оправдывает гомосексуализм.

ДИАЛОГ ДЕСЯТЫЙ: ОБСКУРАНТИЗМ

Это господин Оме⁴⁷⁹ прав. Без него мы все
были бы сожжены заживо.

Эрнест Ренан, *«Воспоминания детства и молодости»*

Святая неделя завершилась апофеозом. Воцерковлённые ликовали. Для мессы на Пасху народ⁴⁸⁰ толпою наводнил портики, и видно было, как благочестиво приближаются к столу со святыми дарами пары — от простых «зеков» до самых аутентичных педерастов. Ибо какое ещё время случается таким изобильным на чудеса? Архитектором этого обновления стал один шокированный иезуит, которому потребовалось не менее пяти лет, чтобы открыть, что здесь он получил — может быть, из всех тюрем Франции — самую достойную интереса клиентуру. Как говорят некоторые, лучше поздно, чем никогда. Как бы то ни было, шокированный иезуит сотворил чудо. Нескольких слов симпатии... нескольких благоразумных обещаний, которые ничего не стоят, хватило ему, чтобы вновь взять в руки стадо, которое, между прочим, ничего другого и не требовало. Кусто и Рёбате, каждый на свой фасон, следовали за прогрессом этого апостольского служения. Рёбате своим спокойствием, так мало ему свойственным, буквально демонстрировал, что его раздражение весьма серьёзно.

Рёбате (назидательно): Не забывай, что Общество Иисуса⁴⁸¹ — это Чёрная Гвардия. Постоянная франк-гвардия⁴⁸² Папы, как говорит друг Лакассань⁴⁸³, у которо-

---

⁴⁷⁹ Господин Оме — аптекарь, продавший Эмме Бовари мышьяк.

⁴⁸⁰ Залюблённые.

⁴⁸¹ Иезуиты.

⁴⁸² La Franc-Garde, вооружённое крыло французской милиции, которое сражалось против Сопротивления на стороне немцев, воевало против маки с 1943 по 1944 год.

⁴⁸³ Коллаборационист.

го чутьё на эти вещи. Никогда не знаешь, на что эти люди могут быть способны.

Кусто: О! Ну всё же!

Рёбате: Они следят за мной! Представь участника Сопротивления, в 1943-м понявшего, что капитан СД устроился на той же лестничной клетке, что и он: вот что я чувствую, когда этот иезуит здесь. Приходит не важно какой кюре или монах — мне по херу — я готов обедать с ними, и я знаю, что мы не будем говорить об Евхаристии. Но иезуит — это серьёзно. Это доброволец-боец или мастер. Он возвращается в эту тюрьму, он не использует и половину своих средств. Это, если тебе угодно, физик, объясняющий атомную энергию для читателей «Пари-Матч»⁴⁸⁴. По сравнению с «Упражнениями» Игнатия Лойолы, это своего рода отступление, которое он заставляет делать наших ребят — как серия поклонов для *ебертистов*, чтобы немного растянуть колени⁴⁸⁵. И всё же наш иезуит побеждает. Год послужил иезуит в Клерво, и вот у нас из 1000 человек 800 *таласов*⁴⁸⁶ с еженедельным причастием. Сто тысяч иезуитов по всему миру — и число католиков вырастает в четыре раза за двадцать пять лет.

Кусто покачал головой, улыбаясь.

Кусто: Поскольку я не был воспитан Святыми Отцами и был далёк от того, чтобы получить такое учение, у меня нет тех же причин, что и у тебя, чувствовать себя стеснённым из-за присутствия этого чёрного человека⁴⁸⁷. Его успех тем более меня развлекает, что не раздражает. И я могу сказать это по поводу всех религиозных проявле-

---

⁴⁸⁴ Иллюстрированное издание, русский аналог — «Караван историй».

⁴⁸⁵ *Hébertisme*, вид гимнастики, придуманной Жоржем Эбером/Georges Hébert, 1875–1957, офицером французской армии; Рёбате хочет сказать, что иезуит работает вполсилы, но даже и этого хватает, чтобы обратить тюрьму, полную закоренелых преступников.

⁴⁸⁶ Словечко из лексикона 20-х годов, обозначающее студента — практикующего католика.

⁴⁸⁷ Именно так, а не «человека в чёрном», при этом слово «чёрный» — конечно, намёк на цвет сутаны.

ний. Они подтверждают, очень удовлетворительно и весьма наглядно, ту низкую оценку, которую я даю человеческому виду в целом. Человек, прежде всего, смехотворное животное. И метафизика — всё ещё лучшее средство из тех, что мы изобрели, чтобы выглядеть смешно. Но, знаешь, я решил никогда больше не негодовать, никогда больше не пытаться изменить поведение моих *совидников*⁴⁸⁸.

Рёбате: Да что ты говоришь...

Кусто не обратил внимания на то, что его перебили.

Кусто: Я просто хочу насладиться спектаклем. Все эти добрые люди, которые склоняют голову перед самыми общими мифами... это прежде всего грандиозная комедия.

Рёбате: Что касается меня, я не нахожу это настолько комичным. Я думаю обо всём этом народе, простирающемся перед небытием, о квазитотальном уважении белых людей перед этим *ничто*, об этом фантастическом соборе догм, предметов, ума, жертв, эмоций, построенном на *ничто*, на пустоте их скиний.

Кусто: Ну и?

Рёбате: Когда у нас с тобой есть общий взгляд на католицизм, которым я начинаю обладать, эта антитеза становится галлюциногенной. Когда я нахожусь перед коленопреклоненным человеком, перед кюре, я вижу, как сразу поднимается на поверхность всё, что я знаю об этой религии, её фальсификациях, подделках, миражах, теологиях, мистиках. Да так, что я не принадлежу сам себе больше, мне хочется выть, перевернуть алтарь и подбавить огоньку в церковь⁴⁸⁹.

---

⁴⁸⁸ Мы могли бы перевести это как «сородичей», но в оригинале Кусто употребляет слово на основе «вид», говоря обо всех представителях вида *Хомо сапиенс*, в то время как его сородичи — лишь французы; впрочем, мы можем предположить, что Кусто не считает никого, кроме французов, людьми, и это весьма близко к истине, хотя далеко не все французы удостоились такой чести от брата знаменитого океанографа.

⁴⁸⁹ Игра слов, Рёбате хочет поджечь церковь, но использует образное выражение *foutre le feu* — «добавить огоньку» (в смысле «оживить») — в прямом значении глагола, то есть «поджечь».

Кусто: К счастью, твой доступ⁴⁹⁰ стал всё же немного более редким⁴⁹¹.

Рёбате: С возрастом устаёшь. Я всё больше заставляю себя рассматривать человечество как энтомолог. С этой точки зрения, самое интересное *человеконасекомое*, в его корчах, привычках и обычаях — это насекомое религиозное, и особенно насекомое католическое.

Кусто: Это насекомое, мой хороший, погружает меня постоянно в ступор. Я признаю, что не понимаю его... О! Я хорошо знаю, что необходимость верить — это один из основополагающих инстинктов человеческой природы. Но всё же есть пределы глупости.

Кусто: Ладно ещё те, кто был вымочен с детства в христианстве и кто счёл лишним поставить под вопрос всё то, чему их учили. Но другие? Я настаиваю, что такая машина, как католическая религия, не выдержит и пятиминутного экзамена, и, конечно, бесполезно чахнуть и бледнеть, как ты делаешь вот уже пятнадцать лет над священными текстами, чтобы найти обман.

Рёбате сделал недовольный жест. Он ненавидел, когда ставили под сомнение необходимость его работы, но его интересовало то, что говорил друг, так что он предоставил Кусто возможность продолжать.

Кусто: Эта ложь огромна, она ослепляет. В то же время люди, совершенно разные, ничуть не смущаются этим, и мы каждый день видим, как сознательные агностики резко отказываются от своего отрицания⁴⁹², чтобы стать такими же легковверными, как неаполитанские грешники⁴⁹³. Я не сказал бы, что это колеблет мой скептицизм или шокирует. Как если бы меня шокировало, что взрослый, очевидно уравновешенный, человек говорит мне, что он долго медитировал и что, по размышлению,

---

⁴⁹⁰ К подобным выходкам.

⁴⁹¹ Кусто иронизирует над тем, что Рёбате и он сам — в тюрьме, и такая самоирония не может не вызывать уважения.

⁴⁹² Религии.

⁴⁹³ Неаполь, из-за обилия туристов и специфики местных нравов, в годы Второй мировой войны и после неё — место с двусмысленной репутацией.

это Дед Мороз, а не его папа, украсил камин в тот вечер 24 декабря⁴⁹⁴. Когда мы обнаруживаем, что Деда Мороза не существует, то речь идёт об открытии, которое маленькие люди делают без каких-либо усилий к седьмому году. И, кажется, невозможно подвергнуть эту уверенность сомнениям. Но... только если мы не пронизаны необходимостью в создателе и в пользу религиозной практики. Речь не идёт о том, чтобы знать, удовлетворяют ли мифы дух, но *верны ли они* (или только правдоподобны). Было бы равно удовлетворительно для духа, очень поэтично и очень утешительно, чтобы Дед Мороз существовал. И я поражаюсь тому, что мы так мало смущены этой очевидностью. Есть в этом психологический феномен, который меня сбивает с толку и который ускользает от меня. Ты можешь сделать по этому вопросу замечания намного менее глубокие, чем мои.

Рёбате рухнул, уткнувшись носом в стол, как если бы ему на голову упал кусок потрескавшегося потолка, грозящего обрушиться, на самом деле, многие месяцы. Он безнадежно развёл руками.

Рёбате: Во имя Господа! Да изречёт ли он наконец, что тебя обуяло? Ну и вопросы! Перед чем ты меня ставишь? И, вдобавок ко всему, ты заставляешь меня играть в сократического идиота... Скажи, значит (*Рёбате посмотрел на своего компаньона с внезапным беспокойством — примечание авторов*) — это, случайно, не разворот, который ты совершаешь? Ты что, впал в метафизическое беспокойство?

Кусто улыбнулся, извиняя Рёбате.

Кусто: Я прощаю твой испуг. Он легитимен. Я загоняю тебя в угол необходимостью нюансов. И это весьма точно, что касается метафизики, я на самом деле нахожусь на уровне сократического идиота. Или даже чуть ниже: на уровне достойного сожаления господина

---

⁴⁹⁴ Накануне католического Рождества.

Оме, фармацевта по своему состоянию духа⁴⁹⁵. Все религиозные феномены мне кажутся — несмотря на крайнюю subtilность аргументов, в которые их облачают, — обладающими невероятной значительностью. Очищенные от *блабла*, они всегда и определённо являют нам неандертальца, который боится грома.

Рёбате грустно покачал головой.

Рёбате: Ты совершенно ужасен. Ты заслуживал бы закончить свою жизнь в Ордене Святого Франциска⁴⁹⁶. И, между прочим, ты не был бы первым в своём виде, кто к этому пришёл. Ты заслуживаешь того, чтобы я тебя наказал. Закрой-ка всё на своём столе и послушай меня четверть часа. И вот тебе: если бы всё было улажено маленькой внутренней буссолью, которую мы называем логикой, если бы человек на самом деле весь состоял из логики, если бы она отдавала отчёт во всех наших поступках, дело добрых богов было бы улажено уже много времени как. Правда, что в конце концов религия приводит человека к примитивному поведению и что выдающийся Луи дё Бройль⁴⁹⁷ на коленях перед алтарём Святой Девы, присоединяется — и весьма точно — к *Негрито*⁴⁹⁸, что распростёрся в лесу перед камнем-табу. Но Луи де Бройль не оказался там, где он есть, без того, чтобы пройти множество этапов. Папский бордель! Сколько завалов разгresti! Я бы предпочёл, чтобы ты потребовал от меня разобратъ Эйфелеву башню с одной отвёрткой! Поехали! Возьмём несколько конкретных фактов, самых распространённых, для начала. Например, цивилизованный буржуа, выращенный в католическом рассоле⁴⁹⁹. Если он умен, то, достигнув взрослого возраста, будет обязан пе-

---

⁴⁹⁵ См. эпиграф.

⁴⁹⁶ Религиозное течение, едва не ставшее ересью, но ставшее церковным орденом, как случилось с течениями, признавшими примат Папы, например бенгик; не смилившиеся объявлялись еретиками, как «катары», например.

⁴⁹⁷ Louis Victor Pierre Raymond, 1892–1997, герцог, выдающийся физик.

⁴⁹⁸ Так в тексте.

⁴⁹⁹ Я говорю о католицизме, потому что он — перед нашими глазами. — Прим. Люсьена Рёбате.

решить веру своего детства, чтобы отвергнуть её полностью или, в большинстве случаев, нет. Важность отказа будет функцией множества вещей: способностью нашего смельчака к общим идеям, его культуры, его темперамента, образа жизни, который он ведёт. Можно очень хорошо представить очередного большого артиста, который полностью забывает с 18 лет вечного Отца перед необходимостью секса и кто, сорок лет спустя, когда войдёт в оскудение старости, вновь склонит колени перед своим Катекизмом, оставшись таким же простаком, как во время своей первой исповеди.

Кусто: Случай частый и банальный.

Рёбате: По правде, именно поэтому он меня так мало интересуется. Самый серьёзный отказ⁵⁰⁰, как мне кажется, это отказ того мальчика, который обладал формой аналитического ума, привычного ко внутреннему экзамену. Я даю ему больше шансов, чем духу целиком положительному. Как этот мальчик, аналитик и рационалист, может вновь пасть⁵⁰¹? Модели этого падения неисчислимы. Или вот, например, тип, который чувствует в себе потребность *веровать* — в лидера, в идею, в дело, в женщину. Пропадёт объект его веры или разочарует его, парам-пам-пам, вот вам парень, готовый для Божьих сетей.

Кусто: Мы видели такое сто раз у нас после 1945 года.

Рёбате: Хрупкость этих обращений очевидна: к какому Богу обернулся дориотист⁵⁰², которого ампутировали одним махом, основательно, смертью патрона? Он и сам-то не то чтобы очень много знал, он зовёт этого бога Иисус-Христос, потому что привык к этому в детстве, он избегает аргументов, которые приводят против этого Иисуса, потому что не способен их опровергнуть. Он будет жить в добровольном невежестве.

---

⁵⁰⁰ От атеизма.

⁵⁰¹ В веру.

⁵⁰² То есть последователь Жака Дорио/Jacques Doriot, 1898–1945, французского коммуниста, ставшего фашистом.

Кусто: Это не очень блистательно...

Рёбате: Да, но ценой этого он сохраняет свой костыль... Напротив, позитивист, который долго жил в стабильной и измеряемой вселенной, может быть поражён открытием определённых психических бездн, о существовании которых он и не подозревал. Вся его система беспорядочно отступает. Это случай медика, который не верил ни во что, кроме медицины, случай заметного мудреца, но *специализирующегося* мудреца, который жил в технике, между стенами уравнений, и который дезориентирован, который может вновь стать очень наивным, когда он соображает, что мир целиком не содержится между его стенами, но всё же снаружи ещё много чего есть⁵⁰³.

С другой стороны шкалы — тот самый Оме. Я легко представляю Оме обратившимся, легче всего на свете. Если Оме не обращается, это, боюсь, из-за неспособности своего слишком узкого ума.

Кусто: Не говори плохо об Оме.

Рёбате: Как и ты, я считаю, что хорошо отдать почести Оме. Есть Оме и в Ницше, есть они среди всех неверующих. Но, я полагаю, для того чтобы эта хвала Оме действительно чего-то стоила, нужно сначала проникнуть во «Внутренний замок» Терезы Авильской⁵⁰⁴. Окажись Оме хоть раз в жизни перед феноменом, персонажем или просто перед цепью заключений, у которой нет объяснения, Оме ринулся бы к святому столу⁵⁰⁵. Возьмём ещё другой случай — невероятно умного мальчика, в особенности расположенного к философской спекуляции. Этот мальчик, почему он верит? Это может объясняться существованием его средой, его видом — я не называю ничьё имя! — он рождён в католицизме, у него атавизмы в крови.

Кусто: Рано или поздно он неизбежно задаст себе вопросы. Да, но, и это существенно, католицизм предос-

---

⁵⁰³ Намёк на врача Луи-Фердинанда Селина?

⁵⁰⁴ 1515–1582, кармелитка, выдающаяся мистическая писательница, канонизирована Римом.

⁵⁰⁵ Алтарь, по всей вероятности.

тавляет ему серию аргументов, методы интеллектуальной гимнастики, которые позволяют ему ответить на все вопросы в сумме. Я сказал бы, что его шансы верить тем больше, чем живее его ловкость духа, при условии, что у него нет, в том или ином случае, внутреннего переворота и полного изменения оптики. В таких переворотах... я верю, что логика — слабое звено. Мы проживаем сначала своё обращение или *разобращение*, после объясняем себе эти феномены, и верёвки и крюки логики не служат ничему, кроме лишь убеждению себя в правильности того решения, которое вы уже приняли.

Кусто: Вот констатация психологического механизма человеческого вида. Мы-то сами, мы не перестаём рационализировать наши висцеральные импульсы.

Рёбате: Посмотрим на дело под другим углом. Современная апологетика почти полностью пренебрегает старым силлогистическим арсеналом доказательств существования Бога, которые я никогда не мог, со своей стороны, принять больше чем на восемь дней. Что демонстрирует нам, что они, на самом деле, очень искусственные. Истовые католики согласны с фактом, что вера — это *принятие стороны*, добровольный акт. Вот что самое решающее. Как только гражданин пересекает эту черту, он пойман технологиями, механизмами, командами, которые отдаёт себе сам и что вытекает из его выбора.

Кусто: Если я хорошо понимаю, он может требовать от себя все формы ослепления.

Рёбате: Совершенно точно, он достигнет в конца Бога непознанного, Бога заузного (труднообъяснимого), потому что это край всего анализа... но ему будет тяжело вернуться назад, потому что он поймёт, проделав путь — что неудивительно — что Бог Обнаруженный нам непонятен, что это даже доказательство его аутентичности, что, напротив, Бог полностью познаваемый был бы архиподозрительным и что, если Бог даровал нам несколько тайн своего Бытия, это уже, с его стороны, чудесная милость.

Кусто: Трудно это проглотить всё же...

Рёбате: Что меня заставляет по-настоящему под-скакивать, это когда умный верующий склоняется перед объяснением свободы, например, таким же смехотворным и ловкаческим, что и католическая догма: собрать воедино такие фантастические и противоречащие друг другу понятия, как свобода человека и божественное предопределение, божественная милость, божественная доброта... Большинство этих теологических операций возможно не иначе как с дополнениями *«Надо, чтобы... Так Бог должен. Бог не может...»* Это воля защищать определённое представление о Боге всеми средствами. Достаточно сказать, что они защищают этого Бога прежде всего потому, что это в *их интересах*.

Кусто: Пусть этот Бог будет отнят от них, и мир потеряет для них смысл.

Рёбате: И это неудивительно: когда живёшь двадцать, тридцать, сорок лет с определённой концепцией мира, трудно, трагично её поменять. И, ещё раз, то, что мы находим в основании всего: чувство. Апологетический, метафизический, экзегетический, философский, мистический арсенал — здесь прежде всего для того, чтобы оправдать изначальное предпочтение. Объективность в религиозные материях не существует.

Кусто: Боюсь, она вообще нигде не существует.

Рёбате: Я бы бросил вызов кому-нибудь и предложил изучить объективно единственное Евангелие: даже метод, который мы используем, чтобы предпринять эти штудии, уже предвзят. Что невероятно, так то, что максимум ума, изобретательности, науки, изящества, будет потрачен на то, чтобы оправдать или, скажем больше, возвести самые невыносимые религиозные системы. Просто потому, что эта догма была невыносима, поскольку её архитекторы множили подсчёты, конструировали нефы, колонны, чтобы это могло всё выстоять... Но это другой аспект проблемы.

Кусто: Что мне кажется экстравагантным, то, что Господь — в интересах большей части людей.

Рёбате: Чему тут удивляться? Какое же эволюционирующее существо в один прекрасный миг своей жизни не испытывает необходимости оправдать свои этические ценности, которым привержены, более-менее, все. Ты скажешь мне, что католическое оправдание ещё более смутное, чем не важно какое другое, оно более конечное, определённое, и также оно — тайна. Но когда католик там⁵⁰⁶, то, ещё раз, есть все шансы, что его дух будет определён коленопреклонённым и что он обожает даже тайну. Когда католик отвечает тебе, что этика — это самый большой дар Бога, дар нашего достоинства и что это стоит риска признания ада, ничего не остаётся, кроме как собрать вещички. И аргумент был бы сильным, если бы не сопровождался их гротескной «теометрией», как говорит Хаксли, пробудившегося Христа... человека и сына Бога, куска Бога и в то же время Бога цельного, выкупившего человечество и всё такое. Какая экстравагантная поделка!⁵⁰⁷ Но под этой формой, особенно дебильной, идея Бога представлена белым людям с самого начала вот уже двадцать веков.

Кусто: Мы заканчиваем вечными трюизмами: человек — это, по существу, религиозное животное.

Рёбате: Это животное, которое сделано так, что в нём есть постоянное пустое место: *«Бог — это последний конец человека, потому что Бог единственный может заполнить его сердце»*. Что попытается продемонстрировать, что ты и я — мы есть некие виды монстров и что нет необходимости в огромном острове, чтобы позволить действительно освобождённым людям найтись посреди своих, создать маленькую родину, установить её на базе небольшой коммуны, бесконечно более солидной, чем географические или социальные случайности.

Кусто с живым интересом слушал.

---

⁵⁰⁶ В оправдании.

⁵⁰⁷ Иными словами, Рёбате готов смириться с верой Ветхого Завета, но не Нового, что довольно забавно, с учётом его яростного антисемитизма.

Кусто: В целом, я был прав, когда тебя обидел, потому что это стоило мне настоящей лекции — строго частной и ограниченной одним слушателем — которая тем не менее повышает культурный престиж этой тюрьмы⁵⁰⁸, которая тюрьма, между нами, действительно в этом нуждалась. И ты признаёшь, что это всё же приятно — заниматься таким вот образом нашим хобби, которое наша афинская республика⁵⁰⁹ на нас налагает. У меня, между прочим, привычка. Каждый раз, когда меня сажают в тюрьму, я немного занимаюсь метафизикой. Но никогда — в интервалах. Уже в Тюрингии, когда я был военнопленным и разбивал камни между белым отцом⁵¹⁰ и художником Луи Бретоном, я не представлял себе лучшей альтернативы скуке на террасе⁵¹¹.

Рёбате надулся.

Рёбате: Эх! Белый отец...

Кусто: Он был храбрым, но теологически оказался не на высоте. Я бросил ему вызов, чтобы он меня обратил, аргументируя это тем, что было бы весьма достойно вернуть к Господу неверующего моего калибра, чем нести благую весть стеклянными бусами маленьким беззащитным Бумбарашам⁵¹². Но он быстро отказался. И исповедники, которые пришли ко мне в мою камеру приговорённого к смерти.... они быстро поняли, что я особенно неблагодарный субъект и что я не возлагал никаких надежд...

Рёбате: Да я сказал тебе только что — мы монстры.

Кусто: Я в любом случае уж точно монстр. Я чувствую себя чудесно освобождённым от этого знаменитого религиозного чувства, которое есть один из самых неоспоримых атрибутов нормального человека. Нормальный человек, лишённый веры, напоминает пустоту, нехватку. Не я...

---

⁵⁰⁸ Клерво.

⁵⁰⁹ Франция.

⁵¹⁰ Представитель ордена миссионеров в Африке.

⁵¹¹ Кафе.

⁵¹² Неграм.

Рёбате: Всё к этому приводит, обладать или не обладать этой потребностью.

Кусто: Заметь, что я позволяю себе это отсутствие религиозного чувства не с целью дать отрицательный ответ на метафизические проблемы. Я не отрицаю априори ни одну гипотезу. Но поскольку ни одна из гипотез, придуманных людьми, не проверяется, я удовлетворяюсь считать эти вещи непознаваемыми, и мне всё равно, что вопросы остаются без ответов. Спрятанный Бог меня не интересует. Что меня, напротив, касается — по меньшей мере чтобы себя развлечь, потому что я никак не могу заставить себя увлечься этими бреднями, — так это выдумки, которые мы построили на гипотезе Бога.

Поскольку Рёбате произвёл одобрителный жест, Кусто резко спросил его.

Кусто: Держу пари, ты никогда не занимался «раздавленными собаками»⁵¹³.

Рёбате признал, что вошёл в журналистику через другую дверь.

Кусто продолжил: Ну а я... я начинал со всех грязных работёнок в профессии⁵¹⁴. Это было не то что забавно, но полезно. Когда мы вели определённое количество исследований параллельно с фликами⁵¹⁵, мы фиксировали внимание на ценности человеческого свидетельства.... Ты высаживаешься где-то в глуши в пригороде, где только что убили гражданина. Труп ещё тёплый, но никто уже не согласен с обстоятельствами убийства. Тебе объясняют одновременно, что убийца — рыжеволосый и в шапке, маленький брюнет в котелке, горбун с мрачным видом, и что выстрел был произведён в десять вечера, в полночь и в три

---

⁵¹³ Выражение, которое на арго журналистов франкоязычного мира обозначает «рубрику мелких происшествий», незначительной информации, не имеющей особого значения, такую рубрику переводчик вёл с 16 до 18 лет, с 1995 по 1997 г., в еженедельном издании в Молдавии, и даже там и в те годы рубрика считалась чем-то мелким, постыдным, тем, чем никто, кроме новичков, не должен заниматься; сейчас, впрочем, это основное содержание СМИ с заголовками «блогер съел 26 кг пончиков».

⁵¹⁴ Как и переводчик.

⁵¹⁵ Полиция.

часа утра... Ты осознаёшь те приукрашивания, которые эти люди привнесли бы в свои свидетельства, если бы нужно было рассказать не о том, что случилось в этот же день, но о драме возрастом в сорок лет по меньшей мере. Или вот, что такое Евангелия? Свидетельства, выправленные спустя сорок лет мутными персонажами, чья забота о пропаганде очевидна. И всё здание Христианства покоится на этих свидетельствах. Это экстравагантно.

Рёбате клонул на приманку.

Рёбате: Из всех религиозных материй, старик, это те самые тексты, которые я знаю, без сомнения, наименее плохо⁵¹⁶. Это настолько экстравагантно, что ты даже и не предполагаешь. Представь историю чудотворца-раввина из Подкарпатской Руси⁵¹⁷, умершего между 1900 и 1910 годами, и ту же его историю, но уже выправленную поляками-сапожниками с улицы Розьер⁵¹⁸ на франко-идише, на основе свидетельств, которые распевали на их заднем дворе по вечерам в шаббат много лет. Предположи, что эта редакция переведена на другие языки, допустим, на английский, другими евреями, которые знают английский *приблизительно*. Предположи, что у этих евреев есть насчёт раввина личные идеи, которые привели их к тому, чтобы везде понемножку менять, зачёркивать и давать маленькие толчки словам святого. Предположи, наконец, что эти тексты скопированы исключительно *рассеянными* писцами, вот тебе и Новый Завет!

Кусто выглядел ошеломлённым переносом мифогенеза Назарейнина в современный климат.

Рёбате: Самые серьёзные священники должны признать, что каждый из четырёх евангелистов мог рассказы-

---

⁵¹⁶ Евангелия.

⁵¹⁷ Во французском языке этот регион называется Ruthenia. Рёбате употребил именно *Russie Subcarpatienne*. Переводчик объясняет это тем, что Рёбате был женат на румынке, благодаря знакомству с которой открыл для себя в 30-е годы XX века Румынию, в чей состав в то время входили земли, населённые так называемыми *rusii subcarpatii* («подкарпатские русские» — дословный перевод с румынского). О них он и узнал от супруги.

⁵¹⁸ Париж.

вать разную биографию Христа⁵¹⁹, если мы можем применить слово «биография» для подобных романов. Есть один, более-менее определённый факт, в котором сходятся четыре свидетельства. Это то, что некто, прозванный Иисусом, был *исполнен*⁵²⁰ в Иерусалиме при Понтии Пилате. Репортажи о Страстях⁵²¹ звучат достоверно, мы находим здесь все истории об избииении, балансировании, постоянных привычках юстиции и общественного мнения, которые милуют общее право и убивают идеалиста. По правде говоря, контраст между этими, довольно точными, репортажами и путаницей, которая следует — про воскресение, вознесение, детские нездоровости, — комичен. Но если Христос не воскрес, новая религия была бы полной *хуйнёй* — и это Святой Павел сказал⁵²². Заметь, что римляне II и III веков придерживались точнѐхонько того же мнения, что и мы, относительно этих каламбуров. Но в V веке Церковь триумфальна, она получила и меч, и тюрьму. И следовало ждать конца века XVIII, чтобы мы могли начать публичные инсинуации о том, что эти священные тексты⁵²³ всё же замечательны... в своей непоследовательности. Немецкие специалисты начали возиться с этим, они хотели найти в этих шутках рациональные объяснения, почти такие же смехотворные, что и у юре. Проблема была *решиительно решена* Ницше: в случае с Евангелиями мы присутствуем при вечном феномене, агиографии, которая происходит оттуда же, откуда и сказки про фей.

---

⁵¹⁹ Согласно современным данным, три из четырёх евангелий — компиляции на основе утерянных текстов.

⁵²⁰ В тексте *exécute*, то есть казнѐн, но переводчик предпочѐл буквальный перевод глагола *exécute*, так удачно в данном случае совпавший с русским аргю.

⁵²¹ Христовых.

⁵²² По сути, Павел — творец христианства, как мы его знаем, христианства как Церкви, организации, Христос дал лишь общие идеи, и недаром поэтому Павел так не любили палеохристиане, для которых дух был важнее, с другой стороны, христианство без церкви бы не выжило, и переводчик видит в этом метафору, видит Христа, который предпочѐл умереть, не прогнувшись под мир, в отличие от последовавшей за ним его Церкви.

⁵²³ Евангелия.

Кусто: Так можно было бы искать логическое объяснение «Коту в сапогах» и «Золушке».

Рёбате: То, что мудрецы проводили всю жизнь, решая такие проблемы, это ещё одна из самых абсурдных вещей на этой планете. Я ненавижу религии, ненавижу до смерти. Я рассматриваю их — египтян, вавилонян, тибетцев, ацтеков, Ислам, средневековый католицизм, пуританизм янки, — как гротескные спектры, истекающие кровью. Это самые страшные язвы человечества. Какая жалость не верить в Дьявола, я часто об этом сожалею! Мы могли бы подтвердить с большой долей вероятности, что все религии открыты Дьяволу, который стремится так же спрятать истинного Бога от людей.

Кусто: Но это то, что все создатели всех религий говорили о бутиках-конкурентах.

Рёбате: Мы знаем, что люди — единственные, кто несёт ответственность за эти язвы, и что, если бы нам удалось предотвратить христианскую язву, им не потребовалась бы передышка, чтобы спровоцировать появление другой. Я признаю, что начинаю утомляться от этих штудий. Но у меня есть всё же небольшие замечания, уточнения, и поскольку уж я дошёл до конца, мне не следует останавливаться. Я покидаю тебя, мне нужно найти несколько клоунад у Святого Фомы Аквинского. Они, несмотря ни на что, явление всё же высшего порядка, нежели Бога Живого. Ты же ускорь свой *Hugo's-Digest*⁵²⁴. Мы много работаем на клоунов. Как бы это ни заставило нас позабыть о собственной клоунаде.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
тюрьма Клерво (Франция), апрель 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков, муниципальная
библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек), декабрь 2021.*

---

⁵²⁴ Научный журнал, открытый в 1926 году, видимо, Кусто-старший пишет какую-то документальную прозу.

ДИАЛОГ ОДИННАДЦАТЫЙ: ТЮРЕМНЫЙ КОМФОРТ

Худшее из зол в тюрьме — невозможность закрыть свою дверь.

Стендаль, «Красное и чёрное»

Авторы только сообразили, что Люсьен Рёбате трудился бухгалтером в пошивочной мастерской больше года. Целый год... Кто во вселенной свободных людей представил бы, что время так быстро летит во вселенной рабов; что часы так длинны и годы так коротки; что, видя, как календарь их искупления облетает с такой скоростью, которая в кино предполагает прыжок через века, осуждённые чувствуют больше меланхолии, чем утешения? Потому что это молодость проходит, жизнь⁵²⁵...

Дни нашей смерти... Да, вот уже больше года Люсьен Рёбате покинул чистилище Ино⁵²⁶, чтобы интегрироваться в руководство пошивочного цеха. Вот уже больше года как он установил свой складной письменный стол рядом со столом Кусто и, безо всякого намерения, два единственных европейских выживших из *Je Suis Partout* обнаружили друг друга объединёнными, локтем к локтю, к лучшему и худшему, разделяя книги, шутки, жратву и горечь.

---

⁵²⁵ Тут переводчик бы хотел напомнить читателю, что Рёбате и Кусто-старший пишут это после нескольких лет в тюрьме, изначально обоих ждала смертная казнь за государственную измену, а после — пожизненное тюремное заключение, которое в итоге обернулось шестью годами тюрьмы в целом после поражения Германии, причём заключённые знают, что их выпустят; за обоих хлопочет Кусто-младший, в одной из предыдущих глав Кусто-старший «уже готовится к тому, как вести себя на свободе»; оба покинут Клерво в 1952 году; оба в тюрьме заняты тем, что беседуют, едят обеды, приготовленные поваром на заказ из продуктов, приобретённых в городе; сравните это со сроками Кереновской, Гумилёва-сына и условиями их содержания в лагерях; тут мы имеем дело с типическим французским глумом, и, восхищаясь им, хочется всё же сказать: «совесть иметь надо».

⁵²⁶ Место предыдущего заключения, другая часть тюремного комплекса.

Кусто: Мы должны были отпраздновать годовщину твоего появления здесь. Но мы пропустили дату, не подумав. В то же время это значительная дата. По меньшей мере для тебя и меня, и это существенно. Быть в тюрьме с тобой — это весьма выносимо.

Рёбате открыл рот, но Кусто не дал ему договорить.

Кусто: Да, быть в тюрьме с тобой — это сокращение срока, на который нас осудили, не предвидя этого, и которое бы здорово разозлило наших врагов, заподозри они всё, что происходит. Я предполагаю, что с твоей стороны, у тебя нет причин жаловаться на эту коллаборацию после Коллаборационизма⁵²⁷... Но что доставляет мне удовольствие, так это лёгкое понимание того, что я привёл тебя за этот год к принятию факта — без того, чтобы очень уж краснеть, — что можно и в тюрьме обладать качественным интеллектуальным комфортом. Вспомни, с каким напором ты орал на меня, когда я тихонько настаивал на том, что, после всего, ты не такой уж завалящий в самой завалящей из тюрем. Теперь ты краснеешь намного меньше. Это хороший знак.

На лице Рёбате образовалась гримаса, демонстрирующая смесь удовлетворения и дружелюбия, та самая, которую он адресовал поклонницам, целочкам или богатым вдовушкам.

Рёбате: Ты переполняешь меня счастьем, мой хороший. Я счастлив, что моё присутствие здесь представляет некоторое удовольствие для тебя. Иначе я бы огорчился, потому что я тебе невероятно должен после этого года. Я потратил много времени, чтобы вырыть нору в Клерво. Ты знаешь, что мои дебюты в этой тюрьме были скорее тяжелы и твоя философия тюремного комфорта поначалу заставляла меня слегка ошетиниваться. Но это неточное слово: я видел в этой философии защитный рефлекс твоей гордыни — ты знаешь, что я не вкладываю в этот термин

---

⁵²⁷ Игра слов, «коллаборация» со строчной — дружба в тюрьме, Коллаборационизм с прописной — сотрудничество с немцами.

никакого осуждения, напротив — желание отрицать наказание, которое наши каратели претендовали на нас наложить. Я признаюсь тебе, что после двух зим в Ино⁵²⁸ мне трудно было заявлять, что наказания не существовало. Но после ты мне продемонстрировал реальность тюремного комфорта. Ты дал мне, без балды и проповедей, урок умения жить, я скажу больше: урок жизни⁵²⁹.

Кусто улыбнулся в свою очередь.

Кусто: Как тепло и нежно мне, дорогой Люсьен, от того, что ты покрываешь меня цветами. Не потому, что это ничего не может добавить к весьма высокому мнению, коим я обладаю относительно себя самого, но потому что это восстанавливает, весьма верно, климат *Je Suis Partout*⁵³⁰. Помнишь старые добрые времена? Как только кто-то из нас производил меньшую из вещей, остальные все хором верещали о гении. Было ли что-то лучше этого?

Рёбате: В любом случае это не другие должны были лизать нам сапоги⁵³¹.

Кусто: Другие обладали, скорее, тенденцией нас охаивать. Но вернёмся к тюремному комфорту. Конечно, когда ты был в Ино и когда я говорил тебе об удовольствиях тюрьмы, для меня не оставалось незамеченным то, что я провоцировал тебя...

Рёбате: В точности как врачи, которые советовали клошарам сезон в Межев⁵³²...

Кусто: Я провоцировал тебя лишь потому, что было забавно слышать тебя закашлявшимся, но совесть у меня оставалась нечиста. Чтобы получить доступ к тюремному комфорту, нужны как минимум предварительные условия, которые не существовали, когда ты был агломериро-

---

⁵²⁸ См. выше.

⁵²⁹ И этот урок должны брать у французов все мы.

⁵³⁰ «Правая» газета, в которой оба работали.

⁵³¹ Рёбате имеет в виду, что лучше уж захваливать себя самому, чем вынуждать лакействовать других, как поступили республиканцы после победы.

⁵³² Megève, горнолыжный курорт возле Монблана, что во французской части Альп, место довольно дорогого отдыха.

ван⁵³³ с унылым стадом незанятых людей⁵³⁴... Я, между прочим, не способен сказать, чем должны быть, в целом, эти предварительные условия.

Рёбате: Зависит от личности.

Кусто: Есть люди, для которых одиночество — мука: которых молчание вгоняет в тоску, которых ручной труд приятно занимает, которые терпят, без унижения, трёхдневную щетину. Ты и я, мы далеки от тех, кто обладает вкусом к таким вещам и такими нуждами.

Рёбате: А! Ну ясен день!

Кусто: Но наш комфорт обусловлен определённым числом общих потребностей. Первая состоит в том, чтобы не быть принуждённым к тюремному труду. Я копал четырнадцать месяцев в Тюрингии: это ад⁵³⁵. Если бы в этой тюрьме⁵³⁶ меня заставили мастерить бумажники или тапки, я бы быстро достиг дна депрессии или выгорания, и всё, что я тебе сказал об удовольствиях темницы, не имело бы никакого смысла.

Рёбате: Второе условие — это возможность немного изолироваться от ублюдков⁵³⁷. Она мне кажется такой же важной, что и первая.

Кусто: Кому ты это говоришь! Худшее воспоминание, которое у меня осталось после военной службы, — это сослуживцы, с которыми я делил комнату.

Рёбате: Будь я осуждён на жизнь 24 часа из 24 в стаде, я бы предпочёл пилить доски или вечно копать картошку. Худшая пытка в Ино касалась промискуитета. Собирались маленькими группами, но это было искусственно. Была благословенная клетка для кур⁵³⁸ ночью. Но частенько мы прибывали туда измученные днем, ко-

---

⁵³³ Переводчик позволит себе напомнить точное значение слова агломерация — «микробы, сбившиеся в кучку».

⁵³⁴ Заключённых в камерах.

⁵³⁵ Керсновская работала на шахте 10 лет, и норма её выработки была раз в 40 больше, чем у спецназовца Кусто.

⁵³⁶ Клерво.

⁵³⁷ Заключённых.

⁵³⁸ Камера.

гда ничего не сделали, кроме как терпели других, что не менее утомительно, чем копать уголь. Я констатировал также в этот горький период, что некоторые люди стоят, сами по себе, целой толпы, и не потому, что они недоброжелательны, напротив. Но их доброжелательность ужасающе тяжка, потому что эти люди игнорируют первое правило социального жития: принимай ближнего своего, каков он есть, либо беги от него. Но всё это позади. Входя в твоё бюро год назад, я быстро понял, что найду здесь цивилизацию и буду работать. И, Бога ради, у нас с тобой весьма близкие понятия об общительности.

Кусто: Один из моих дядёв, которого я очень люблю, весьма меня скандализировал, объяснив, что жизнь в обществе терпима лишь с эгоистами. Я был тогда мудрым ребёнком, то есть ребёнком без воображения, который пассивно принимает бредятину взрослых. Взрослые повторяли, что быть эгоистом — уродливо. А вот мой дядя говорил обратное. И, что ещё лучше, он это доказывал. Эгоист, объяснял он, прежде всего, обладает тем преимуществом, что вы не должны чувствовать себя скованными в общении с ним, так как он не скован с вами. Больше того, он вторгается⁵³⁹ лишь в виде исключения, только когда у него появляется интерес в игре, тогда как альтруист... тот не оставляет вам ни одной опорки и претендует вечно гарантировать ваше материальное благосостояние и спасение вашей души, он вас ведёт, он вас реформирует, он вас нежит. Мы заканчиваем тем, что желаем его смерти.

Рёбате: А он не был мудаком, твой дядя.

Кусто: Эта демонстрация, я тебе повторяю, глубоко меня впечатлила. Больше тридцати лет прошло, но я всё ещё слышу слова моего дяди так, как будто они звучали вчера. И сколько раз, после того как я был обречён жить с мужиками в куче, я убеждался в его глубокой мудрости... Если мы выдерживаем⁵⁴⁰, то это потому, что ты не заставля-

---

⁵³⁹ В вашу жизнь.

⁵⁴⁰ Заключение.

ешь меня принимать аспирин, когда у меня болит голова, а когда ты делаешь бесполезную работу точнёхонько во время обеда, я не вижу в этом трагедии⁵⁴¹. Мы снабжены солидным эгоизмом, просто он ограничен тем, что происходит от хорошего образования. Вот почему наша совместная жизнь одобрена. Без этого мы бы жили в аду.

Рёбате: Необходимое условие комфорта для меня — это работа. Я был весьма трудолюбив в течение этого года — работа бесполезная, ты говоришь, грязная жирная голова, бесполезная работа?⁵⁴² Увидим, всему своё время. Существенно, что я мог работать, что я даже сработал крупное дельце⁵⁴³. Передо мной — обширные проекты.

Кусто пожал плечами. Гигантомания литературных проектов Рёбате перестала его пугать.

Рёбате: Конечно, я никогда не оставался неактивным в Ино, я там диктовал⁵⁴⁴ историю музыки, вычитывал добрую тысячу страниц⁵⁴⁵. Но всё, чем я занимался, помимо перечитывания Достоевского, было искусственным. Сейчас я развлекаюсь тем, что придумываю другие жизни — пусть даже и разрушительные, — и это, без сомнения, довольно важная эволюция для меня. Она предполагает великое спокойствие духа.

Кусто: Оно у тебя есть здесь.

Рёбате: Да, оно осуществилось на пятом году в тюрьме, который должен был стать, математически, более тяжким, чем четыре первых. Ты дал идею этих диалогов, чтобы обустроить наши часы, так странно обрубленные от этого странного hard labour, когда всё, кажется, было предусмотрено для того, чтобы мне запретить — мне по меньшей ме-

---

⁵⁴¹ Супруга переводчика зовёт подобное поведение чудовищным равнодушием ко всему, кроме книг, на самом же деле это способ спасти брак.

⁵⁴² Речь, конечно, не о работе в прачечной или тюрьме, а работе литератора, интеллектуальной.

⁵⁴³ Рёбате говорит о «Двух штандартах», которые хвалил Миттеран, говоря: «Есть те, кто читали „Два штандарта“, и остальные»?

⁵⁴⁴?

⁵⁴⁵ Речь об «Истории музыки», изданной впоследствии книге, заслужившей самые лестные слова критиков и знатоков.

ре — работать. Ты найдёшь, конечно, другую игру, когда мы исчерпаем эту, я в тебя верю. Они могут меня держать ещё три года в тюрьме, я уверен, что ни минуты не буду скучать, если условия моей жизни не изменятся.

Кусто: Для меня, знаешь, всё немного иначе. У меня, как у тебя, нет религии различных почётных работ. Я прекрасно удовлетворюсь тем, что стану терять время, играя в карты или шахматы. Зная отлично, что это стерильные занятия, абсурдные, и что я мог бы употребить время, потраченное на мои хобби, на более плодотворные занятия. Но к чему? Мы обречены умереть однажды, может быть, завтра. Это абсолютно бесполезно — редактировать ли бессмертный шедевр или накопить запасы различных знаний в наших мозговых мембранах⁵⁴⁶.

Рёбате слегка нахмурился. Он совсем не любил, когда о бессмертных шедеврах говорили с таким безразличием.

Кусто: Важно, во время нашего краткого времяпровождения на этой плохо сделанной планете, устранить страдание, насколько это возможно и собрать максимум приятных ощущений. Я гедонист на 100 процентов и не прячу этого⁵⁴⁷. Я открыл в эти последние годы, что тюрьма дарит человеку моего типа возможности счастья, конечно, непредвиденные, и такого качества, эквивалент которому я не нашёл бы вне этих стен, разве что в особенных обстоятельствах⁵⁴⁸.

Рёбате: Итак, ты хочешь сесть заново?

Кусто: Давай сойдёмся вот на чём. Я страдаю из-за того, что меня отделили от моей семьи, страдаю от сексу-

---

⁵⁴⁶ Говоря о бесполезности, Кусто употребляет выражение *faire une belle jambe* — «сделать красивую ногу». Это выражение относится к XVI веку, когда в моду вошли обтягивающие штаны («сделать красивые ноги» — «подчеркнуть изгиб ноги»). Поэт XVII века Antoine Furetière говорит об этой моде как о чём-то, что не сделает его ноги красивыми на самом деле, как о чём-то бесполезном. К 1830 году выражение устоялось, слегка изменившись.

⁵⁴⁷ Умом переводчик на все 100 процентов согласен с Кусто, нервической привычкой убивать работой свободное время — с Рёбате.

⁵⁴⁸ Сейчас то, что получили за госизмену Кусто-старший и Рёбате, называется «резиденция для писателей», и её нужно выиграть по конкурсу.

альных запретов, наложенных на нас, я бы натурально ни секунды не сомневался рискнуть свободой⁵⁴⁹.

Рёбате: Ничего так не хватает, как этого...

Кусто: Но я приобрёл довольно мудрости, чтобы знать, что свобода — это не счастье само по себе, что это риск. Есть снаружи миллионы и миллионы людей, которые номинально свободны, но рабство которых несравнимо более весомо, чем наше, и с которым я не связал бы свою судьбу ни под каким предлогом. Я люблю больше быть здесь, чем свободным служащим страховой компании, или свободным рабочим заводов Ситроен, или свободным батраком фермы Chantecoucou-sur-Lignon⁵⁵⁰, или жить свободно в пролетарской казарме, или быть принуждённым к развлечениям, свободно дирижируемым демократией.

Рёбате: Мы оба были пролетариями в примерно тех же условиях. Помнишь бюро в Нью-Йорке? Я иногда думаю о времени, когда служил в «Национале», «Юнионне»⁵⁵¹ — бесспорно, там я был более несчастлив, чем здесь⁵⁵², я никогда не мог в те моменты перечитать от корки до корки за шесть месяцев Пруста и Достоевского, и уже только этого достаточно. Не было более бесплодной эпохи в моём существовании. И я знал, что каждый новый прошедший в этих тюрьмах день сокращает мою надежду оттуда выйти.

Кусто: Когда приобретаешь определённые рабские привычки, остаёшься рабом на всю жизнь.

Рёбате: Я также был намного более несчастен в церковной тюрьме Сен-Шамон⁵⁵³. Для начала физически жизнь там была намного более мучительна: подъём в пять утра зимой и летом, вечно грязное тело, наблюдение ежеминутно, безжалостная дисциплина. И моральное принуждение, ещё большее, нежели физическое. Было бы

---

⁵⁴⁹ Ради секса с женщиной.

⁵⁵⁰ Регион в районе Альп.

⁵⁵¹ Страховые фирмы, где Рёбате работал два года.

⁵⁵² Чем в тюрьме.

⁵⁵³ Колледж.

хорошо, если бы я записал всего две строчки того, о чём я думал, что я чувствовал. Что касается писательства, то я, конечно, придерживаюсь того же мнения, что и ты, относительно окончательной суестьи человеческих дел.

Кусто: Знать, что обессмертишь себя тем, что сделаешь, должно быть, по существу, довольно слабым утешением.

Рёбате: Самый великий человек не может знать, забудут ли его полностью пятьсот лет спустя. Я познал литературный успех в 1942 году, в конечном счёте, это не было очень возбуждающе. Законченная книга не существует больше, во всяком случае для меня. Если у меня есть мания больших проектов, если я жертвую многим, это не для того чтобы — Господи, конечно нет! — обессмертить себя! Это ещё и поиск комфорта, счастья, которое сводится для меня всё больше в личной истории людей. Я несчастлив, когда не занят определёнными делами — одной фразой, вот и всё. Пусть они представляют собой головоломки, ночи усталости, не важно — ты констатируешь сам, что я в намного лучшем настроении, чем ты нашёл меня в прошлом году.

Кусто: Я констатирую это с радостью⁵⁵⁴.

Рёбате: Мы оба, каждый на свой манер, люди пера. У нас двоих это не тупость. Взгляни, что ты начеркал, ты сам, за эти три года: это, конечно, знак естественной активности. У нас есть шанс, что тюрьма не ограничит наше естественное занятие, что она даже способствует, в какой-то мере, ему, потому что очевидно — против всех сартрских тезисов — что мы пишем для начала для себя⁵⁵⁵, и то что ты, который был таким журналистом⁵⁵⁶, ты продолжаешь писать, это очевидное доказательство.

Кусто: Я тебе признаюсь даже, что я испытываю при этом — когда случается — некое удовлетворение,

---

⁵⁵⁴ Можно лишь восхититься таким другом, нашедшим время, силы и возможности в тюрьме на то, чтобы разыскать Рёбате, заметить его состояние и сделать всё, чтобы поддержать, вот тебе и французские эгоисты.

⁵⁵⁵ 100 процентов согласен с Рёбате, только идиот вроде Сартра мог утверждать обратное.

⁵⁵⁶ То есть человеком, который писал только для аудитории.

которое никогда раньше не мог вообразить, удовлетворение писать для себя только, без надежды на славу, без задних мыслей о публикации, без сервильности любого сорта в отношении издателя и предполагаемых читателей... нет больше малейшей заботы о пропаганде.

Рёбате: Для тебя, каким я тебя знаю, это полностью в новинку...

Кусто: Я верю, что в моих политических писаниях я всегда приближался не то что к правде, но к тому, что я думал, что я чувствовал, чтобы выйти из ученической жизни, на самом деле. Не хваля себя, скажу, что верю — я был одним из самых свободных журналистов этой эпохи. Но без того, конечно, чтобы быть свободным.

Рёбате: Никто не свободен в журналистике.

Кусто: Это невозможно. Всегда есть люди, с которыми имеешь дело, табу, которые надо обойти, запрещённые слова, несвоевременные выводы... После того как могильщики суда отрубили меня от общества, я чувствую себя освобождённым от этих цепей. У меня ничего нет, и мне не о ком заботиться. Парадоксально, что это вообще могло появиться, эта тюрьма, которая открыла мне настоящую свободу, свободу духа, полную свободу. Это не самое меньшее удовольствие в тюрьме.

Рёбате: Да, можно говорить в каком-то роде о тюремной свободе. Но у неё больше, чем один аспект. Ты знаешь, что искусство, как говорят, занимало всегда большое место в моей жизни. Тебе не нужно это доказывать, чтобы понять, что тюрьма в этом случае создала ужасную яму. Желание живописи, музыки, фильмов не сравнимо в брутальности, в горечи и меланхолии ни с чем, кроме сексуального.

Кусто не представлял, как эти два вида фрустрации могут быть сравнимы. Но Рёбате, бросившись в свои параллели, не почёл за труд получить одобрение друга.

Рёбате: Всё это, кстати, так близко! Я много страдал от этих ностальгий. Это грустно... Музыка — самая большая предательница, она появляется, чтобы вас рас-

шатать, появляется внезапно, не знаешь, откуда. Я лечусь живописью и кино. Я как-то подбивал счета всему этому в моей клетке для кур⁵⁵⁷. Я констатировал отличную антитезу между одиозностью ситуации, в которой находился — закрытым в настенном шкафу, — и моей безмятежностью, лёгкостью души. Я не забывал то, что для нас — постоянное несчастье, вдовство наших бедных женщин, их трудная жизнь, боль, от которой мы заставили их страдать. Но в том, что касалось меня самого, я чувствовал себя отделённым от всего, говорю искренне.

Кусто: Я тоже, конечно.

Рёбате: Эти моменты всё учащаются. Они весьма приятны. Это в действительности конец концов освобождения. Тюрьма совершенно не существует, её тупость уничтожена привычкой. Мы живём полностью внутри, что может стать весьма разнообразным. Недостаток комфорта, это, увы, проблема этих бедных маслёнок. Механизм действительно не улучшается с использованием. Какая утомительная необходимость! Мы больше не знаем, как это сделать и к чему призывать, чтобы придать этому минимуму интереса⁵⁵⁸.

Кусто пожал плечами, скептически поджав губы: Утомительная необходимость? Гляди... Утомительная, если нам не хватает воображения. Много можно было бы сказать об онанизме, и я бы набросился в один прекрасный день, может быть, на *Amitiés solitaires*... Это вещь, о которой никто никогда не говорит, тогда как все варианты извращений обладают своими песнями и своими поэтами. Больше того, эта вещь, о которой мы никогда не говорим, она единственная, в которой все люди без исключения обладают личным опытом... И можно спросить себя — не лучше ли, с учётом всего, мастурбация, всегда приводящая к оргазму, чем коитус, поглощённый грустной рутиной...

---

⁵⁵⁷ Общей камере в Ино.

⁵⁵⁸ Вероятно, речь в этом туманном и поэтическом отрывке идёт о сексуальной разрядке, что подтверждается дальнейшими рассуждениями Кусто.

Рёбате энергично протестовал. Его сексуальная ортодоксия пребывала в зоне пуританизма.

Кусто: Это потому, что тебе не хватает ловкости в этимологическом смысле термина: ловкий, правильный...

Рёбате физически боялся школьных шуточек, которые напоминали ему Сен-Шамон⁵⁵⁹. Он счёл своего друга весьма отвратительным, и Кусто, не обращая на это внимания, продолжил.

Кусто: Всё это не отрицает факт, что обязанность прибегать к эрзацам — слабое место тюремного комфорта. Вот где относительно недавняя лютость в истории политического пленения. В прошедшие века ничего подобного не налагалось на наших великих предков. Фуке и Пинероль⁵⁶⁰, Мирабо и Винсен⁵⁶¹, Бадинге в форте д'Ам⁵⁶², барбусары в тюрьме Святой Пелагеи⁵⁶³ жизнерадостно принимали весёлых мамзелек пачками... Но я заладил. Мы говорили об этом сто раз. Это становится одержимостью⁵⁶⁴.

Рёбате: Но нет, старина. Мы просто и честно уделяем в наших речах этим вещам⁵⁶⁵ столько внимания, сколько они занимают в бытие вообще. Состояние нравов и литературы позволяет это, и, наконец, ещё не слишком рано. Если нужно, чтобы нас обвинили в одержимости, потому что мы вдаёмся в существенные детали... это не игра. Расскажи мне лучше об одержимых освобождением.

Кусто: Это вот — смерть тюремного комфорта⁵⁶⁶.

---

⁵⁵⁹ Колледж, шуточки о гомосексуализме.

⁵⁶⁰ Суперинтендант во время правления Людовика Четырнадцатого, посажен в тюрьму за возросшее могущество, 15 лет жизни перед смертью провёл в замке Пинероль.

⁵⁶¹ Маркиз Мирабо и замок, место его заключения.

⁵⁶² Речь о Наполеоне Третьем, который был заключён в замке Ам, «бадинге» — прозвище.

⁵⁶³ Тюрьма в Париже, была открыта с 1790 по 1899 год, здесь «барбусар» — шпион.

⁵⁶⁴ По меньшей мере в одном случае Кусто ошибается, потому что Фуко были запрещены контакты с любыми людьми и даже прогулки.

⁵⁶⁵ Сексу.

⁵⁶⁶ Дословно в тексте это «комфорт карцераль», «карцерный», «камерный», но речь о комфорте в тюрьме в целом, а не в карцере или в камере, к тому же слово «камерный» несёт в русском языке и другие значения, которые могут сбить с толку.

Рёбате: Мы могли изучить все формы этой одержимости вокруг нас: обострения, хронические состояния, сезонность... Она различается в зависимости от культуры и ума заключённого. Но её диагноз включает в себя обязательно способность к вере и опыту. Вот почему мы, к счастью для нас, представляем собой плохую почву⁵⁶⁷. Очевидно, что некоторые наши товарищи, и далеко не самые тупые, живут вот уже пять лет, ожидая каждый вечер занятий на завтра. Во всех новостях они чувствуют признаки жеста милосердия, великое потрясение, которое обрушит стены.

Кусто: Знакомая музыка. «Ватикан не пропустит Святой Год». «Радио Люксембург говорит, что американцы...»⁵⁶⁸.

Рёбате: Самые одержимые — те, кто посвятил больше всего времени политике. Спрашивается, что они там поняли... Никакой опыт им не служит. Они ещё не поняли, что демократическая Франция неспособна породить событие, что режим не опрокинется сам по себе и что никто его не обрушит, разве что за граница. У них всё тот же трепет при каждой поломке министерской карусели, при каждой забастовке, при каждой речи.

Кусто: Это несчастные типы. Ждать чуда день за днем — это ужасающе.

Рёбате: Это, конечно, подавляет. Эти люди теряют время. Не вопрос для них обернуть себе на благо свою отставку⁵⁶⁹. И они быстро становятся асоциальными. Чтобы выносить тюрьму, нужно прежде всего оставить надежды в раздевалке. Вот уже пять лет⁵⁷⁰ я делаю любопытные наблюдения о нездоровом характере надежды. Но это нас далеко заведёт.

Кусто: Мы ещё поговорим об этом.

---

⁵⁶⁷ Для такой одержимости.

⁵⁶⁸ То есть в новостях заключённые ищут признаки грядущей амнистии, которая, и правда, не заставила себя долго ждать.

⁵⁶⁹ От социальной жизни, то есть тюремное заключение.

⁵⁷⁰ С момента крушения режима Гитлера.

Рёбате: Я мог бы по меньшей мере тебе сказать, что у меня тоже есть слабости, что я жил довольно лихорадочно мои первые шесть месяцев в этой тюрьме, несмотря на сопровождение скептицизма, не затыкавшегося никогда, конечно, во мне. Я должен сказать всё же в своё оправдание, что события второго семестра 1947 года были довольно единичными. Но после начала 1948 года я окаменел — моё освобождение не зависит от меня, поэтому оно меня не касается, как наша смерть. Это, конечно, одна из мыслей, которые занимают меня меньше всего.

Кусто: Артур Кёстлер⁵⁷¹ объясняет в *Le Zéro et l'infini*⁵⁷², что существование в тюрьме невыносимо для тех, кто убеждён в своей невинности. Вот где несчастное состояние ума, но, увы, довольно часто распространённое. Полагать себя невинным — это такая же манера, как верить в справедливость и, как следствие, страдать от того, что ты считаешь несправедливостью...

Рёбате: Ты не считаешь себя всё же виновным?

Кусто: Нет. Но и не считаю себя невинным. Мы ни виновны, ни невинны — мы побеждённые, и мы страдаем от более сильного закона, который стар, как мир. Мы откинемся, когда враги устанут быть жестокими.

Рёбате: Или когда неподвиженные обстоятельства принудят их к этому.

Кусто: Всё просто. Но, ещё раз, хорошо ли это — быть проникнутым такими очевидными мыслями, чтобы избежать муки надежды, которая так *прибивает* наших товарищей. Я констатирую, что наш имморализм предрасполагает нас — и тебя, и меня — к этой надменной отстранённости, которая является одной из предпосылок тюремного комфорта. Потому что мы не ожидали очутиться здесь, чтобы узнать, что нужно думать о справедливости,

---

⁵⁷¹ Koestler, 1905–1983, британский писатель и журналист, венгерский еврей, судя по биографии, сотрудник спецслужб, автор «хазарского мифа», в годы Гражданской войны в Испании два месяца ждал смерти в тюрьме «франкистов», но был обменен.

⁵⁷² Книга Кёстлера.

о добре и зле... И, между прочим, так ли уж много разницы между вселенной свободных людей и нашей?

Рёбате: Есть всё же кое-что...

Кусто: Конечно, но я не вижу, со своей стороны, ничего, кроме специфических отличий. Нет такого, чтобы с одной стороны была свобода, а с другой — рабство. Есть с обеих сторон разные формы свободы и рабства. Там и здесь, большие фундаментальные законы всё те же. Просто с этой стороны стен вещи обладают более карикатурным видом, деспотизм менее детален, жизненные инстинкты подтверждаются более свирепо. Это как говорить об обществе в процессе формирования, обществе примитивном, как если бы это была группа спасшихся на необитаемом острове пассажиров судна, потерпевшего крушение... Но очень быстро всё урегулировано, выявлены боссы, и новорождённые рабы запряжены на утомительные работы. В этом обществе ты и я, мы натурально нашли место, которое мы занимали бы, с сохранением всех пропорций, в обществе свободных людей. Между Рёбате-бухгалтером и вредителями, которым он продает *Le Pèlerin*⁵⁷³, — такая же дистанция, как между автором «Развалин»⁵⁷⁴ и типами из «Вечернего Парижа»⁵⁷⁵.

Рёбате: Есть такая же дистанция между нами, жалкими бухгалтерами, и Данана⁵⁷⁶, главным техником лесной индустрии, как и та, что была, когда этого человека обслуживали слуги, а мы пользовались метро...

Кусто: Остаётся лишь то, конечно, что ни одни, ни другие, мы не свободны. Или, более точно, что мы намного менее свободны, как когда-то: по меньшей мере материально.

Рёбате: Интеллектуально, и мы сошлись в этом недавно, наша свобода возросла...

---

⁵⁷³ Сорт сигарет, на пачке изображены два священника, один даёт прикурить другому.

⁵⁷⁴ Бестселлер Оккупации, написанный Рёбате.

⁵⁷⁵ *Paris-Soir*, коллаборационистское издание.

⁵⁷⁶ Заложённый.

Кусто: Но вот что ещё, я отказываюсь подтверждать, что мы изменили состояние и что сейчас оно отличается от прошлого. Нет разницы, кроме как в интенсивности и частоте контактов. Наши ангелы-хранители⁵⁷⁷ делают в отношении нас — без злобы в целом — множество вещей, которые нам не нравятся. Но снаружи свободные граждане подвергаются издевательствам копов, шантажу фиска, подлежат переписи и мобилизации при малейшей тревоге, их бросают в войны, начало которых с ними никак не согласовывали и к которым их приговорили, как и к смерти или к пяти годам жизни в траншее или Сталаге. Я не возмущаюсь. Это общество. Здесь, как и везде, общество — это что-то, что говнит индивидуума⁵⁷⁸, и это дело индивидуума — освободиться, чтобы получить доступ туда, где он получит как можно меньше брызг⁵⁷⁹.

Рёбате: Мы здесь в маленьком закрытом мире, это очевидно. Нужно всё же признать, что, при стольких добродетелях, эта закрытость предполагает и некоторые минусы. Я уже резюмировал их словом, которое мне говорит всё: это провинция. В нашем возрасте и после двадцатитридцати лет в Париже это не имеет той же важности, что для некоторых более молодых приятелей, менее «освежённых». Но признаю, что идея быть «в опоздании» — а мы полностью запаздываем здесь — слегка меня раздражает.

Кусто: Ба! Разве это так важно?

Рёбате: Я бы предпочёл быть в курсе, хотя бы для того, чтобы получить дополнительные и более точные причины презирать свободных людей. Чем больше я продвигаюсь в этом деле, там больше охоч до серьёзной информации. Нам, очевидно, не хватает множества деталей, чтобы получить полную картину, физическую, интеллект-

---

⁵⁷⁷ Надзиратели.

⁵⁷⁸ Интересно, что Кусто использует глагол *emmerder*, недавно использованный свободно избранным демократическим путём президентом Эммануэлем Макроном в отношении невакцинированных граждан Франции, что, как кажется переводчику, лишний раз напоминает нам о справедливости некоторых утверждений П. А. Кусто и Л. Рёбате относительно демократии.

⁵⁷⁹ Вероятно, брызг того, чем его «говнят».

туальную и моральную этой половины века⁵⁸⁰. Но, напротив, какой прекрасной способностью синтеза мы обладаем сейчас. Какое прекрасное лечение людей, объевшихся повседневым ремеслом, Парижем, которыми людьми мы так долго были! Что я говорю — лекарство? Это смена планеты! Предположим, как мы как-то говорили насчёт успеха Георгию⁵⁸¹, что мы заткнулись бы в 1940 году, восстановили свою девственность⁵⁸² в 1944 году, вновь заняли наше место, которое мы занимали перед войной в антибольшевизме и сопутствующих ему занятиях...

Кусто: Очевидно, мы бы вели сейчас блестящее международное существование, нас бы снимали для «Лайф» и «Тайм» во время наших небольших вояжей в Нью-Йорк...

Рёбате: Ты бы радовался, глядя, как я пилотирую огромный американский автомобиль. Мы, наверное, каждый бы наняли по шоферу. Мы знали бы, какова в точности аудитория косоглазого Сартра, облажался Голливуд или нет. Но у нас была бы слабость верить — более или менее — в нашу работу. Наши поклонники заставили бы нас в это поверить. И мы бы погрузились в это.

Кусто: Мы больше не там.

Рёбате: Миф Сириуса⁵⁸³ стал нашей реальностью. Представь, что мы покинули Европу после Мюнхена — вот что было бы великой мудростью — ради Буэнос-Айреса или Сантьяго в Чили, где мы, без сомнения, высказывали бы те же идеи об Оккупации. Но мы бы не прятали с конца 1941 года тот факт, что немцы не выиграют этой войны, а с конца 1942 года — что они её проиграют, как мы это прятали, потому что хотели этого.

Кусто: Потому что мы приняли участие...

Рёбате: Каков риск ошибок, когда мы вовлечены на уровне чувств и материально в систему, в верование, в человеческое собрание! Мы были патриоты, Арийцы,

---

⁵⁸⁰ Второй половины XX века, которая только началась и которую Рёбате хорошо и прочно застанет.

⁵⁸¹ Французский интеллектуал румынского происхождения, вовремя соригенировавшийся, что неудивительно с учетом его происхождения.

⁵⁸² То есть отмылись бы от репутации фашистов.

⁵⁸³ Пёс Ориона.

Европейцы, потому что мы защищали наши интересы Французов, Белых, Западных Людей: я подразумеваю под этим как наш бифштекс, так и наши самые возвышенные концепты⁵⁸⁴. Но у них нашлось достаточно вежливости освободить нас от всех этих забот, счетов в банках, журналов, читателей, старых шмоток, наших чувств...

Кусто: И наших концепций тоже!

Рёбате: И наши концепции. Нет, но!.. Ты видишь, что ты вновь взял в руки оружие, чтобы защитить определённый сорт христианства, гуманизма? Ценности, наиболее дорогие для меня, единственные, для которых я бы, на самом деле, согласился потерять жизнь без сожалений — артистическое наследие Европы, — сегодня запрещены для меня. Тревожить меня ради соборов или картин, которые сейчас для меня словно бы и не существовали никогда... это всё превосходит мои ресурсы щедрости. Мы как энтомолог, который замечает: «Красный муравей выигрывает территорию у чёрного, чёрные муравьи разбегаются вправо и влево»⁵⁸⁵. Мы не ждём даже удовлетворения от мести, потому что это создаст ещё одну связь. Негрификация планеты может лишь развлекать нас. У нас нет больше дома, нет города, нет родины, нет расы. Ещё лучше — у нас нет современников.

Кусто расцвёл: Я запомню формулировку. «У нас нет больше современников». Признаю, что не думал об этом. Все последние годы большая часть моих медитаций приводила меня к выводу, что у меня нет больше сограждан и я обречён на пережёвывание этой идеи. Но я прекрасно осознаю, насколько узко это определение. Это не «сограждане» нужно говорить, а «современники». Нас выпилили не только из этого восьмиугольника⁵⁸⁶. Нас вышвырнули из века. И вот почему мы испытываем такую свободу.

---

⁵⁸⁴ Рёбате хочет сказать, что его убеждения были выгодны ему на уровне низовом, материальном, но он и верил в них, как в идеологию.

⁵⁸⁵ Без сомнения, намёк на коммунизм, реакцию и разделение её в Европе на крайне левые и правые движения.

⁵⁸⁶ Восьмиугольник — одно из имён Франции, у которой форма восьмиугольника.

Сказав это, Кусто резко замолчал, и его лицо потемнело.

Кусто: Меня сейчас осенило одно возражение против того, что мы только что сказали. Чтобы быть, конечно, искренними — а мы искренни, и это главное достоинство нашего диалога, — я должен признать тебе, что я всё ещё привязан слегка к этой планете и нахожу здесь ещё несколько современников... и даже несколько сограждан.

Рёбате вскочил и присвистнул.

Кусто: Не переживай. Я тебя предупреждаю сразу же, что это не бесчестье... Да, есть ещё на этой планете сообщество людей, с которыми я продолжаю чувствовать солидарность.... Ты догадался, что я хочу сказать это о заключённых Клерво... О! Я хорошо знаю, как эти несчастные разочаровывают. Знаю всё, что можно сказать об этом сброде храбрых типов и каналий, идеалистов и дебилов, трусов и героев... Но, как оно есть, это сообщество ещё, в целом, единственное, которые не невыносимо абсолютно...

Рёбате: У нас всё же снаружи есть верные друзья...

Кусто: Верные друзья, да, но друзья изолированные, потерянные в массе, без кредита, подозреваемые, просто их терпят. Снаружи, мне кажется, правдой будут слова Достоевского: «Я один, и они все». Здесь это неправда. Здесь я могу быть собой без того, чтобы ранить коллектив. И это всё же шанс... Так что Доктор Панглос⁵⁸⁷, возможно, не так уж неправ...

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
тюрьма Клерво (Франция), май 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
конец января 2022.*

---

⁵⁸⁷ Неправильный оптимист из романа Вольтера «Кандид».

ДИАЛОГ ДВЕНАДЦАТЫЙ: РУЗВЕЛЬТ, МЫ ТУТА

Лицемерие есть привилегированный порок,
который собственноручно затыкает всем рот
и мирно наслаждается суверенной безнаказанностью.

Мольер, «Дон Жуан»

На той неделе доблестные войска Народной Республики Северная Корея предприняли попытку вырвать своих друзей из удовольствий Демократии янки⁵⁸⁸. Это могло бы быть не более, чем происшествием. Не двадцатый ли это раз — или тридцатый — после дня «В»⁵⁸⁹, когда пакты и договоры сотрясались и не соблюдались? Но вскоре молоко скисло, а почему — мы не знаем. Вмешались американские бомбардировщики, а после — что намного хуже — и пехотинцы. Всё это с неотразимым жеванием челюстей и таким видом, который создает в вас желание посторониться, чтобы вам не харкнули на ноги⁵⁹⁰. Короче говоря, *Kriegsgefahrzustand*⁵⁹¹. И даже немного больше. Со всеми приправами, неизбежный традиционный министерский кризис в Париже. Мир пылал, и французы высказывались о светской школе⁵⁹² и поле экономически слабых.

— В этот раз, — сказал Кусто, который закончил тайное чтение старого ежедневного издания за два-три дня, — это кажется чертовски хорошо сделанным.

Рёбате: Я не верю больше в это, по меньшей мере в короткие сроки, я вижу, как это растянется на многие годы⁵⁹³. И вот как это вспыхнуло в самом неожиданном месте.

---

⁵⁸⁸ Чуть позже в Северную Корею прибыл дед переводчика, военный офицер СА, в качестве «китайского добровольца».

⁵⁸⁹ День победы, назван так на Западе из-за латинской В, первой буквы слова «виктория», «победа».

⁵⁹⁰ Речь, совершенно очевидно, о привычке американцев жевать жвачку.

⁵⁹¹ Угроза войны на немецком; *Kriegsgefahr zieht herauf* — «тучи войны собираются».

⁵⁹² Принцип образования во Франции.

⁵⁹³ Поразительно, как точно Рёбате предсказал корейский кризис, который, с учётом разделения Корей — с абсолютно идентичным населением, говорящим на одном языке, — тянется по сей день.

Кусто: Обрати внимание, что всё ещё не до конца ясно, окажется ли это большой заварухой... Я стал благо-разумен, весьма благоразумен, в последнее время... Я не доверяю себе в своих порывах⁵⁹⁴.

Рёбате: Я, я тоже благоразумен. Но не следует, что-бы наши разочарования привели нас к эксцессам неверия в себя. Взгляни на эти депеши: они существуют, это уже не болванка. В эту минуту американские лётчики стреля-ют в русских коллег⁵⁹⁵, окровавленные джи-ай⁵⁹⁶ лежат в бороздах плохо защищённой Кореи.

Кусто: И среди этих упрямых амеров, дьявол, не иначе, сотворил их первое оружие, оросив фосфором европейские города⁵⁹⁷.

Рёбате: Может быть, это не Третья мировая, как они говорят. Но что точно — за три дня американцы трахнули себя в сраку довольно солидным делом. Послу-шай этого Трумана: «Как следствие... я дал приказ 7 эскадре...» Ему идёт! Прочитай-ка мне: «На юге Сеула фронт неустойчив». А! Какой прекрасный стиль! Слово за военными. Слово также за пушками. Дивизии высади-лись, арсеналы призваны к готовности, флоты заправлены мазутом по самое не могу, поезда с амуницией будут кур-сировать от побережья к побережью⁵⁹⁸. Не волнуйся, ко-гда мы будем там⁵⁹⁹, и на наш век хватит.

Кусто: В конце концов, то, что происходит сейчас, это ровно то, чего мы хотели избежать. И нас приговори-ли, весьма точно, к смерти, за то, что мы хотели этого из-бежать⁶⁰⁰. Это даёт нам право пребывать в превосходной безмятежности.

---

⁵⁹⁴ Зря, формула «не могут же они — нет, могут», как блестяще сформулиро-вал К. А. Крылов, всегда точна.

⁵⁹⁵ Русская авиация и зенитчики устроили американцам «чёрный вторник» 30 октября 1951 года, американцы понесли большие потери.

⁵⁹⁶ Семейное прозвище американских морских пехотинцев.

⁵⁹⁷ Намёк на бомбардировку Дрездена.

⁵⁹⁸ В тексте from coast to coast.

⁵⁹⁹ На свободе.

⁶⁰⁰ Намёк на союз Германии и США с Британией против «большевистских орд», весьма популярная с 1944 года идея.

Рёбате: О! На моей совести нет ни малейшей тени. Американцы не знали, как заключать мир, они не обладали никакими средствами, чтобы это сделать. Разрушив немецкую армию, они должны были оказаться лицом к лицу с русскими. Мы достаточно об этом говорили. А теперь погляди, как говорит Великий Ублюдок⁶⁰¹, вот события, которые есть наше чудесное оправдание. Что меня расстраивает, это то, что я не уверен совсем, что люди снаружи знают, почему вещи так трагически сложились. Люди одурачены, люди снаружи, они не любят это, они жалуются, они трясутся, но они жалуются и трясутся, как если бы тряслись и жаловались перед природной катастрофой. Фатальность. Нехватка. Невезение. Меня раздражает, что все эти люди не знают в точности, почему у них есть причины жаловаться и трястись.

Рёбате: Это не случайность.

Кусто: Это потому что мы согрешили против духа, единственный непростительный грех... Взгляни, я скопировал в эту тетрадь слова Кестрела, которые цепляют так, как и события: «Мы знаем, что добродетель ничего не значит перед Историей и что преступления остаются безнаказанными: но что каждая ошибка имеет свои последствия и мстит до седьмого колена». Я мечтаю о передающей станции или о неизвестном острове, где я твердил бы с утра до вечера вселенной: «Вот к чему приводит крестовый поход Демократии».

Рёбате: А! Да, прекрасная идея! Тебе наклеят две тысячи G. Мен⁶⁰² на задницу, ты станешь мировым Полем Фердонне⁶⁰³, вселенским деморализатором. Было бы хорошо избежать этого. Если у тебя есть подобные идеи для нашей следующей войны, это обещает нам счастье. Ты действительно опасный тип!

---

⁶⁰¹ Обидное прозвище Де Голля.

⁶⁰² Символ морской пехоты США.

⁶⁰³ Paul Ferdinand — французский ведущий на Радио-Штутгарт перед войной. В 1938 году опубликовал книгу антисемитской пропаганды, названную «Еврейская война». После Освобождения приговорён к смерти, казнён 4 августа 1945 года, личность его очень неясна, есть версии, что казнили другого человека.

Кусто (пожал плечами): Возможно, но это точно единственная роль, которую я мог бы играть во время войны, которая только началась⁶⁰⁴ или начнётся. Если мы не можем объяснить людям, что все беды, которые сейчас уничтожают эту планету — последствия политики огня Рузвельта, нам просто следует заткнуться.

Рёбате слегка сжал зубы. Он ни минутки не мог думать о Рузвельте хладнокровно. Образцовый папа-протестант Демократии разделял со своим собратом в католицизме Ратти⁶⁰⁵ эту загробную власть над эксполемистом, который их так обильно оскорблял при жизни. Но Рёбате всё больше восхвалял отстранение, бесполезность гнева и мстительных эпитетов. Поскольку он с утра уже нарушил десятки раз эти правила насчёт поэтов, доминиканцев, баварского фольклора и здравого крестьянского смысла, он рассудил здравым сдержать себя.

Рёбате: Иногда я думаю о проклятых годах 1933-м и 1939-м, этих годах, когда Гитлер затемнил Европу своей ужасающей тенью, когда самые чистые среди чистейших демократов закусили удила перед разрушениями коричневой чумы, сжимали свои кулаки, скрипя: «Наконец, будем ли мы сражаться?» В это время стыда и преступного мира вы брали поезд на Восточном Вокзале с тремя отметками в паспорте. Контролёр говорил вам: «Вы едете до Будапешта? Хе-хе, будет хорошая лента дорог до Будапешта. Хорошего путешествия, месье». И следующим вечером вы ужинали на берегу Дуная, в Будапеште, хорошо и красивом городе. На следующий день вы получали свой аперитив в Бухаресте, на бульваре Братиано, красивом новом бульваре, полном магазинов и кафе, «как в Париже». Можно было совершенно спокойно поехать в другие красивые города, не менее цивилизованные. Краков, Дрезден, как я сделал в 1938 году, накануне бесславного мюнхенского договора. В 1943 году, в самый

---

⁶⁰⁴ Корейская.

⁶⁰⁵ Папа Римский в ту пору.

разгар гитлеровского ужаса, Вероника⁶⁰⁶, могла ещё поехать в Бухарест почти так же легко, как во время постыдного мира. Было 2500 километров свободных рельсов на Восток. Сегодня от силы 1000–1200 км, мы загораживаемся железным занавесом. Вот и рузвельтовская победа: 100 миллионов белых европейцев отданы Московии!⁶⁰⁷

Тон Рёбате повысился, уши покраснели.

Рёбате: Всё же достойно сожаления, что нельзя кричать это с крыш!

Кусто: Я думаю о людях из балтийских стран, которых я знаю. Они были в порядке, эти балтийские страны. Чисто, вежливо, кокетливо. Ревель⁶⁰⁸ — восхитительный город с ганзейскими домами и самыми элегантными в Восточной Европе женщинами. Чем стали эти милые женщины?⁶⁰⁹ Они должны обслуживать локомотивы или расчищать дороги от камней⁶¹⁰. В 1943 году двадцать человек мне говорили в Риге и Ревеле: «Немцы психи, но никогда американцы не позволят русским воцариться среди нас». Ну и вот... Для огня Рузвельта вся Восточная Европа не стоила останков солдата из морской пехоты.

Рёбате: Теперь морские пехотинцы пали, потому что Рузвельт отдал Азию большевикам, чтобы разрушить японцев, как по случайности, народ самый эволюционировавший и самый цивилизованный в жёлтом мире. Мы уткнулись носом в Европу. Но азиатские преступления Рузвельта ещё более тяжкие, более тупые. Когда я думаю, что я находил в этом монстре нечто симпатичное,

---

⁶⁰⁶ Румынская жена Рёбате.

⁶⁰⁷ Чувствуется, что эмоциональной накрученности Рёбате способствовало и влияние супруги, представительницы народа со сложной репутацией «не совсем европейского»; интересно ещё, что Рёбате сожалеет о едином европейском пространстве.

⁶⁰⁸ Кстати, русский город.

⁶⁰⁹ Многих жестоко убили друзья Рёбате в балтийских гетто, заслуживших самую печальную репутацию даже среди немцев.

⁶¹⁰ Этим после войны в СССР занимались в основном русские женщины, прибалтийские и украинские националисты понесли символическое наказание, что неудивительно в рамках поощрения СССР регионального сепаратизма.

даже соблазнительное, когда смотрел на новости в первое время его президентства...

Кусто: Ты не один. Я в нём тоже ошибся. И до самого конца, если можно сказать. Потому что я был принят в 1935 году в знаменитом бюро в Овальном кабинете, где президент выступал во время своих пресс-конференций, обрамлённый двумя курами G. Men с головами гангстеров, перед розовыми гербами и моделями фрегатов. Хорошо поискав в коллекции Je Suis Partout, можно найти статью, полную энтузиазма, которая представляет стыд моей карьеры.

Рёбате: Ты себя обелил после «Выдающихся кретивов Демократии»⁶¹¹.

Кусто: Конечно, но электорально моё первое впечатление было хорошим, потому что искусственным. Средний читатель никогда не пойдёт дальше искусственного впечатления, что объясняет экстраординарную популярность этого злодея. Рузвельт в самом деле обладал доброжелательной улыбкой, улыбкой «Колгейт»⁶¹². У него был бравый вид, как говорят в Кукугнане⁶¹³.

Рёбате: Ты думал тоже, что он был «бравым».

Кусто: Тогда как на самом деле эта жизнерадостная маска прятала фанатизм самого твёрдого сорта, фанатизм Савонаролы, Кальвина, Робеспьера. Рузвельт верил в свои речи. Твёрдый, как железо. И вот здесь — драма. Он верил в четыре свободы, в правительство людей над людьми ради людей⁶¹⁴ в права Гражданина, в уважение к Человеческой Персоне, в Общее Сознание. Настоящий ублюдок. И опасный ублюдок. Сделав всё, чтобы

---

⁶¹¹ Статья Кусто с блестящими нападками на Керенского, Рузвельта и прочих; позже Кусто написал на её основе книгу, рукопись которой была потеряна во время скитаний по Европе, как и «Жизнь Сталина», частично опубликована в XXI веке в сборнике публицистики Кусто в издательстве Via Romana.

⁶¹² Сорт зубной пасты.

⁶¹³ Небольшой городок на юге Франции, возле которого произошло сожжение 400 катарских Совершенных после падения крепости Монсегюр в 1244 году, расположен у замка Château de Quéribus, весьма популярного в туристической индустрии Франции как «катарский замок».

⁶¹⁴ В тексте на английском — government of the people by the people for the people.

начать крестовый поход в Европе, он не остановился, чтобы Америка в нём участвовала. Он был готов убить три четверти человеческого вида, чтобы выжившие очутились в демократии.

Рёбате: Всё же он не был ублюдком в том смысле, что ни минуты не верил в то, что Сталин — демократ.

Кусто: В принципе, нет. Практически, да. Ну или точнее, он закончил тем, что убедил себя в этом. Верующие такие. Они всегда заканчивают верой в то, во что им хочется верить. Или, что не сомнительно, Рузвельт честно верил, искренне, глубоко, в машину вечных принципов. Он избегал таким образом всего, что его стесняло с не-принуждённостью католика, противостоящего возражениям здравого смысла, католика, которому преподносятся такие или этакie священные лжи.

Рёбате: Это хорошо известно: для верующего всё, что стесняет, словно бы и не существует.

Кусто: В том, что касается советского деспотизма, для Рузвельта было тем легче сделать вид, что его не существует, что Сталин использовал почти тот же словарь, что и демократические властители Запада. Достаточно было поверить ему на слово, довольствоваться словами. Те baptismo carpat! Я нарекаю тебя (окрещаю тебя в) peace loving democracy. Вот непростительная ошибка Рузвельта. Сначала он сделал вид — потому что его устраивало, — что Сталин — это приемлемый партнер. Потом он закончил тем, что стал верить в это. Обман привёл его к двуличию.

Рёбате сомневался в том, что наивность Рузвельта могла до этого дойти. Кусто открыл свой ящик, достал тетрадь, куда записывал все изречения-цитаты.

Кусто: Послушай: «Есть вещь, в которой я уверен: Сталин не империалист». И вот ещё. «Я не верю, что нам нужно беспокоиться из-за возможного русского доминирования». Подписано Франклином Делано Рузвельтом. Между прочим, даже если Рузвельт не представил бы свои мысли так ясно, вся его политика базировалась на этих по-

стулатах, и все нынешние беды — это следствие... Я не говорю это для того, чтобы извинить Рузвельта.

Рёбате: Между прочим, тупость в политике не извинение.

Кусто: Ну и потом, есть столько областей, где тупость персонажей оглушает. Вот, послушай, третью цитату: «Я уже сказал это, но повторю и буду повторять без перерыва: ваши дети не будут отправлены на сражения в чужой войне». Вот это вот экстракт речи, произнесённой в 1940 году, и если Рузвельт мог обманываться в Сталине, то уж никак не мог ошибиться в своих собственных намерениях. Он хотел войны. Он знал, что закончит тем, что получит войну. Он знал, что он отправит детей своих выборщиков сражаться на чужую войну. Вот здесь ложь ошеломляет. Этот тупой фанатик был ещё и бесчестным человеком. Рузвельт был решительно пропащим.

Рёбате: Всё же довольно скандально, что Америка усыновила Рузвельта и что это единственная страна, которая до сих пор не пострадала от сумасшествий этого паралитика.

Кусто: Это то, что меня, на самом деле, глубоко отвращает. И как вызов невероятной тупости её политической системы и делирического кретинизма её великих людей, Америка заканчивает всегда тем, что выигрывает.

Рёбате: Внимание, Пак⁶¹⁵! Ты говоришь как моралист!

Кусто: Я себя извиняю: это сильнее меня. Мне не удаётся сохранять спокойствие перед американскими победами. Они тем более раздражают, что американцы не делают ошибок и умножают их на коэффициент морализма. Эта страна, сформированная от своих истоков Ветхим Заветом, естественно взяла за правило идентифицировать материальный успех как божественную благосклонность. Чем больше человек добывает денег — даже если доводит своих конкурентов до самоубийства, как Рокфеллер — тем более он добродетелен, потому что есть

---

⁶¹⁵ От Пьер Кусто.

доказательства того, что Бог благословляет его предприятия. Истинная родина Gott Mit Uns — это не Германия, это Америка. И в то же время история США есть не что иное, как последовательность актов грабежа.

Рёбате: Как, кстати, история всех народов.

Кусто: С той всё же разницей, что для других народов есть смена успеха и отступлений, тогда как американские грабежи все увенчаны успехом. Это то постоянство в состоятельности, которое приводит меня в отчаяние, потому что американцы относят её к божественной защите, к совершенству их институтов⁶¹⁶.

Рёбате: У тебя очень хорошая теза на этот счёт. Я говорю «теза», потому что я представляю тебя — о! на несколько сюрреалистический манер, в любовном развитии, с квадратной шапочкой⁶¹⁷, перед студентами Гарварда. Это, это вот внесло бы вклад в открытие коры их головного мозга... если они тебя не линчуют.

Кусто: Нет точной уверенности, что я был бы линчеван — у американцев разрозненные реакции, у них есть определённый вкус к честной игре⁶¹⁸, им совсем не хочется, чтобы их заткнули... В любом случае, насколько я знаю, никто до сих пор не взял на себя труд вежливо объяснить, что их войны, так помпезно облачённые в добродетельную риторику, были войнами низкими и материалистическими. И никто им не объяснил, что всеми своими победами они обязаны не исключительным добродетелям, но изобилию своих материальных ресурсов. Как экономическими победами, так и военными.

Рёбате: Вот этим утверждением твоя теза рискует шокировать янки.

Кусто: В этой стране, где вот уже сто пятьдесят лет как нужно лишь наклониться, чтобы подобрать золото, нефть, железо и уголь, где скот растёт сам по себе и величина пространств позволяет расточительство, туземцы же-

---

⁶¹⁶ Общественных и государственных, очевидно.

⁶¹⁷ Университетской.

⁶¹⁸ В тексте *fair play*.

лезно верят, что их процветание — это прямое следствие Декларации прав человека. В то время как это точнёхонько противоположно истине, и американское процветание основано вопреки демократии, против демократии, и оно было бы ещё более наглым, развивайся оно рационально, а не в анархии. Вот здесь амеры упрямы. Им удаётся убедить себя, что достаточно, чтобы один народ ёбнулся на демократии, чтобы вскоре он стал так же богатым, как и Америка. Это так тупо, что плакать хочется, но это так.

Рёбате: Мы здесь касаемся неизмеримой способности пуритан к лицемерию. Такой, как у янки, — она не объяснима ничем, кроме как ребячеством, не меньшим, чем лицемерие. Американцы ещё не достигли возраста с критическим сознанием. Это, может быть, один из секретов их силы. Я признаюсь тебе, что я предпочёл бы стать декадентом, но понимающим, чего ждать от меня и от вселенной, чем могущественным, невежественным и высокомерным американцем.

Кусто: Ты видел последний номер «Лайф», где американское сознание поднимается с ужасом против анти-негритянских правил Южной Африки. Так, как если бы сегрегация не существовала, никогда не имела место в США, как если бы негр там был свободным гражданином, в том же положении, что и не важно какой белый.

Рёбате: Да, но американская Конституция говорит, что все люди свободны и равны. Это написано, этого достаточно для этих счастливых людей. В случае, как с «Лайф», всё же я с трудом верю, что журнал не допускает преднамеренной недобросовестности. Но чтобы подтвердить это, нужно иметь возможность обратиться к опросам Gallup способом, к сожалению, малоосуществимым, и по случаю... Оставим лицемерие. Вернёмся к войне в Корее. Есть факт: это президент-рубашечник самой чистой демократии в мире начал войну сам, так же brutally, как и самый печально известный диктатор.

Кусто: Американские президенты попирают демократические принципы с несравнимой виртуозностью. Ко-

гда Вильсон бросился в войну, общественное мнение было враждебно к вторжению, и, чтобы переизбраться, Вильсон торжественно пообещал, что Америка не станет сражаться.

Рёбате: То же фокусничество, точно, с желаниям народа-суверена, проделанное Рузвельтом.

Кусто: Что до Трумэна, чтобы бросить свои доблестные войска на Корею, он не потребовал разрешения ни у кого. Не говорим о Мак Артуре. По соседству с этим рейтаром Зейсс-Инкварт⁶¹⁹ выглядит безобидным филантропом. Это счастье Америки, что Конституция позволяет ей быть понемногу руководимой — не совсем, не полностью, конечно, — на тоталитарный манер. Демократический режим — это всегда абсурд. Но американский режим всё же менее абсурден, чем французский.

Рёбате: Я плохо знаю американскую Конституцию. Она, очевидно, намного менее дебильная, чем французская. Президент избирается не больше чем на четыре года и ужасно подчинён выборщику, и у него есть средства править. Он доказал это летом⁶²⁰. Я не ожидал от этого портного подобной энергии.

Кусто: Минуточку, красавчик, не восторгайся так. Америка сунула палец в забавную шестерёнку. Вот где полное погружение в *Weltpolitik*⁶²¹... Невозможно знать, как закончится это предприятие⁶²². Это закончится, может быть, хорошо, с установлением на этой планете некоего вида рах americana, на базе «Кока-Колы», бюллетеней для голосования и телевидения. Или это закончится очень плохо, общим потрошением и обрушением небоскрёбов⁶²³. Я не знаю об этом ничего. И я не беру на себя риск делать какие-либо предположения. Есть шансы и на большой бардак, потому что СССР не уступит хоро-

---

⁶¹⁹ Arthur Seyss-Inquart, 1892–1947, австрийский нацист, занимался депортациями в Дании, генерал полиции.

⁶²⁰ Когда ввёл войска в Корею.

⁶²¹ Немецкая политическая концепция.

⁶²² Сейчас, в 2023 году, мы можем наблюдать это.

⁶²³ Поражает предвидение из 1950 года.

шим словам, и, сколько будет СССР существовать, американская гегемония не будет полной⁶²⁴...

Рёбате: всё же вещи могут долго оставаться в том же положении, в котором и сегодня. Я верю, что русские сделают всё для того, чтобы задержать войну, и американцы, с их политической системой, не способны развязать превентивную войну. В ожидании мы, вуаля, перед перевооружением Германии. Я в этом вижу больше важности, чем в корейском деле.

Кусто: То есть пока всё держится вместе, и битва в Азии позволяет возлагать американскую волю на европейских вассалов. После того как «морпехи» достигли 38-й параллели⁶²⁵, у американцев есть причины скандализироваться тем, что мы ковыряемся в парламентских комиссиях, что мы бла-бла-болтаем до потери пульса о поле нового Вермахта⁶²⁶. И, в конце концов, это они, кто раздаёт бабло, государственные деятели Запада, они хорошо сопротивлялись, но всё, что им остаётся делать, это встать по стойке смирно, держа мизинец на шве своих полосатых брюк⁶²⁷.

Рёбате: Ну и потом, у Запада такая паника, что он не просит ничего, кроме как изнасиловать себя, чтобы его защитили от большого злого волка⁶²⁸.

Кусто: Защита, кстати, довольно иллюзорная. Амеры поставили всё в Корею. У них нет ничего в резерве. Если Иосиф⁶²⁹ атакует завтра утром, портной будет бессилен сделать для Ториоля⁶³⁰, то, что он сделал для Синг-

---

⁶²⁴ Американская гегемония в мире наблюдалась с 1991 года, сворачивания советского проекта, до 2001-го, того самого обрушения небоскрёбов; к сожалению, американцы продемонстрировали полную неспособность к созданию мира наподобие римского, основанного пусть и на принуждении, но и на равенстве и благах, которые империя даёт всем своим гражданам, гражданином же империи становится каждый, кого она покорила.

⁶²⁵ Линия, ставшая разделительной для Северной и Южной Кореи.

⁶²⁶ Европейцы «заболтали» помощь Америке.

⁶²⁷ Как военнослужащие или заключённые.

⁶²⁸ СССР.

⁶²⁹ Сталин.

⁶³⁰ Кличка президента Ориоля, основана на игре с глаголом «тэр — заткнуться» и именем президента, то есть «тот, кто заткнулся», «ведомый» Де Голля.

хама Ри⁶³¹. Он просто не мешает Западу верить, или делать вид, что верит, в американский щит. Даже здесь, среди жертв статьи 75⁶³².

Рёбате: Я плохо понимаю приятелей, готовых совершить крестовый поход под звёздно-полосатым флагом. Они поражены нашим эгоизмом, я уверен. Но эти так называемые идеалисты, как мне кажется, слишком легко предали наши идеалы. Мы предпочитаем, в конце концов, гипотезу американской победы, потому что это победа туалета⁶³³. Я знаю, что американская гегемония, в материальном плане, будет комфортабельна, но я знаю, что во всех других планах она будет не менее отвратительна, чем всеобщий марксизм. Я без привязанностей смотрю на русско-американскую дуэль. Это, между прочим, довольно приятно — не возбуждаться более, не испытывать эмоций из-за идущей битвы. И я констатирую, что у американцев вид такой, будто они проснулись.

Кусто: Этим они обязаны — по меньшей мере я так думаю — тому виду большого здорового меркантильного смысла, который один из самых раздражающих аспектов, но иногда и наиболее соблазнительных, американского характера. Потому что эти идеалисты, в деталях своего частного поведения, безжалостные бизнесмены. Американец, которому тебя только что представили, никогда не упустит возможности спросить тебя после пяти минут разговора: «How much do you make?»⁶³⁴. В зависимости от того, зарабатываешь ты 25 долларов в неделю, или 100, или 1000, тебе будет уделена определённая степень внимания.

Рёбате: Ты мне уже объяснил.

Кусто: Вот это... это раздражающий аспект практического американского духа. Но когда их генералы или их

---

⁶³¹ В годы написания книги — южнокорейский лидер, де юре президент, де факто диктатор.

⁶³² Статья против коллаборационистов, Кусто хочет сказать, что американской пропагандой одурачены даже заключённые в Клерво, многие из которых сражались против американцев.

⁶³³ Снабжения.

⁶³⁴ Почему-то в Канаде этим очень злоупотребляют в XXI веке выходцы из экс-СССР.

политики делают большие дела на такой вот основе, тогда это менее идиотически, чем рутинная школа наших квадратоголовых министров. Американцы запускают войну, как зубную пасту, и распоряжаются своими военными силами, как заводом «Форд». Сколько он делает долларов, хороших парней и тонн железа? Или — когда и как можно получить самую лучшую цену? В каких обстоятельствах дело даст прибыли? И так далее. Ты думаешь, с людьми, которые действуют так, моррасовские проклятия Мока⁶³⁵ против вечной Пруссии могут заставить американцев отказаться от перевооружения Германии?

Рёбате: Увы, американские генералы начнут верить, что они в самом деле генералы. И это весьма тревожно для их будущих предприятий. Мы уже чувствуем, как пахнет улицей Сен-Доминика в эхо Пентагона. Насчёт Пентагона, что меня забавляет, именно бумаги французских чиновников этого учреждения⁶³⁶ говорят о возведении бастиона для защиты Европы. Мы, у нас есть право на такой язык. Американцы и их слуги? Больше нет. Потому что уже не вопрос, насколько я знаю, идти освобождать Венгрию или родину Канта⁶³⁷. Под вопросом — защита обломков Европы, которая была разрушена Рузвельтом. Американские эксперты и банкиры решили, что был стратегический первоочередной интерес сохранить эти осколки, и это всё. Но есть всё больше шансов, что мы, другие, не увидим никогда Европу, которую мы знали. Не забудем, конечно, констатируя американский разворот, что этот акт энергии и мудрости наследует годам дебильных преступлений и тупых извращений.

Кусто: Мы, мы не забудем, но другие забудут. Они, между прочим, всё уже забыли. Всегда одна и та же история. Если бы Иисус был действительно серьёзным психо-

---

⁶³⁵ Jules Salvador Moch, 1893–1985, в годы написания книги министр обороны.

⁶³⁶ На ул. Сен-Доминик расположено Минобороны Франции.

⁶³⁷ Русский Кёнигсберг, построенный на землях пруссов, то есть славян, уже был освобождён русскими.

логом, вместо апологии работнику одиннадцатого часа⁶³⁸ он бы рассказал апостолам апологию пожарных. Люди — те, кто они есть, вот что они предпочитают. Надо всем, вот что они обожают. Взгляни, что появляется в исторических учебниках о двух-трёх тысячах жоп, которых принято звать «великие апостолы»⁶³⁹. Даже в благонамеренных книгах, где на их трупы вываливают мусорные баки с экскрементами, мы никогда не забываем поклониться: «... да, но Конвенция спасла Францию против Европейской коалиции». Великое дело, Боже мой. Кто провозгласил эту войну?!⁶⁴⁰ Кто взъёб во Франции такой бордель, что страна была в двух пальцах от гибели? «Великие предки» и никто другой. То, что они, будучи на волосок от гибели, вытащили себя из болота, за которое сами же и ответственны... я действительно не вижу повода воскурять им за это фимиам.

Рёбате: В то же время мы его им воскуряем⁶⁴¹.

Кусто: И мы будем гордиться американцами, когда они «спасут» Европу, добрую половину которой они сдали врагу и в которой уже сломали бóльшую часть домов. Европа, которая к тому же будет несравненно сильнее повреждена даже после следующей освободительной войны. Повторяю тебе: будущее за пожарными-поджигателями.

Рёбате: Всё равно очень досадно, что будущее за ними. В конце концов! Мы всегда можем утешиться нашей дорогой Францией! Она нас не разочарует. Вы видели это движение министров над Атлантикой? Трумэн свистит: Мок, Шуман, Петше⁶⁴² немедленно улетают на берега Потомака и через четыре дня возвращаются, чтобы очень мудро объявить парламенту о полученных приказах. Всё, что позволяет Вашингтон, — это по-

---

⁶³⁸ Притча из Библии.

⁶³⁹ Речь о деятелях революции во Франции.

⁶⁴⁰ Сам же Конвент.

⁶⁴¹ Типическая страсть «левых», масонов и инородцев — организовывать проблемы, чтобы их потом решать. Вся мясорубка кончилась после свержения Наполеона, и Франция, обескровленная, оказалась там же, где и в 1791 году.

⁶⁴² Министры Франции.

следний бой чести на трибунах. Конечно, я не говорю о Советах. Когда вы думаете, что это Палата Сопротивления⁶⁴³ только что проголосовала за принцип перевооружения Германии!

Кусто: Сколько раз за четыре года адмирал Дарлан и Лаваль⁶⁴⁴ побывали в Берхтесгадене⁶⁴⁵? Я не знаю. Возможно, два или три раза... Во всяком случае, реже, чем мистер Жюль Мох в Государственном Департаменте менее чем за три месяца.

Рёбате: Отныне нужно нам зваться Франция Сорок Девятой Штат⁶⁴⁶.

Кусто: Даже не думай! Американские штаты обладают законодательной и административной автономией, которую Франция много лет как потеряла. Франция — это просто федеральная территория наподобие резерваций для краснокожих. В каком-то смысле ФФАР...

Рёбате: ФФАР?

Кусто: Федеральная Французская Аборигенная Резервация... Не лучше ли так?

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
библиотека тюрьмы Клерво (Франция), 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
март 2022.*

---

⁶⁴³ Палата парламента, состоящая из бывших участников Сопротивления.

⁶⁴⁴ Деятели коллаборационизма.

⁶⁴⁵ Орлиное гнездо Гитлера в Австрии.

⁶⁴⁶ Имеется в виду США, но очень скоро последовал разворот политики Франции, который провёл Де Голль, вышедший из НАТО.

ДИАЛОГ ТРИНАДЦАТЫЙ: НА ПОМОЩЬ КЛИО

Так называемая историческая правда не более реальна, чем претендующая на реальность правда религиозная.

Сьейес (Эмманюэль Жозеф Сьейес, 1748–1836, французский политик, писатель, масон), Vues sur les Moyens d'action

С тех пор как Рёбате и Кусто были «спущены» в библиотеку, поле их культурных возможностей значительно расширилось. Не то чтобы доступ в эту библиотеку им запрещали по сию пору. Но одно дело — одолжить несколько томов, выбранных по каталогу, и совсем другое — тралить на удачу пыльные полки, выбирая среди лучшего и худшего... прочитав несколько строчек здесь, несколько страничек там... без какой-либо определённой цели или идеи, во власти вдохновения. В этот день Кусто сделал восхитительное открытие.

Кусто: Послушай немного, Люсьен... Послушай это!.. Я уверяю тебя, что ничего не выдумываю. Между прочим, это напечатано. И не в книжке пастишей, не в «на манер...» В серьёзном и официальном труде!

И Кусто, потрясая «Маленькой историей Франции» Пьера Бессежа и Лионе⁶⁴⁷, принялся читать.

Кусто: «Император Наполеон Третий обладал, конечно, хорошей армией. Но в 1870 году Бисмарк, министр короля Пруссии, ОБЪЯВИЛ ЕМУ войну». Есть ли что лучше этого? Всё же они раздуты, эти инспекторы академии⁶⁴⁸. Это обещает нам школьные учебники, которые расскажут сказки про макизаров⁶⁴⁹ и «освобождение» Парижа⁶⁵⁰.

---

⁶⁴⁷ Книга инспекторов Французской Академии, учебник для лицеистов для 9-го класса в годы, когда написан «Диалог „побеждённых“».

⁶⁴⁸ Кусто имеет в виду, что их репутация знатоков истории преувеличена.

⁶⁴⁹ Участников Сопротивления.

⁶⁵⁰ Так и случилось, Франция неумоимо производит миф о Сопротивлении.

Рёбате: В каком возрасте ты понял, что это Франция объявила войну Пруссии в 1870 году, а не наоборот?

Кусто: Да не знаю я... Примерно в возрасте бакалавра⁶⁵¹. Должен сказать тебе, что я переходил от одного мнения к другому плавно, без того, чтобы заполучить настоящий эмоциональный конфликт в психике. Так, парочка пульсаций... Воинственная мотивация Бисмарка⁶⁵²...

Рёбате решительно оборвал Кусто, поскольку боялся услышать психоанализ Железного Канцлера⁶⁵³.

Рёбате: Ладно, ладно. Для меня он ей обладал всё же, но мои пульсации были более живыми, потому что всё своё детство я был перекормлен сказками про «Семидесятый»⁶⁵⁴. Моя бабка по матери потеряла жениха в Гравелотте⁶⁵⁵, мой дед сидел в осаждённом Париже... А! Я не был коллаборационистом в десять лет!

Кусто: Да и я ни фи́га не был! Один из моих дядьёв, избалованность которого я понимаю лишь сегодня, но который невероятно повлиял на меня, сдался с Базеном⁶⁵⁶, и его депортировали в Кёнигсберг⁶⁵⁷. Так он жил одной лишь мезью, и его супружеское ложе было увенчано Эльзасом и Лотарингией⁶⁵⁸, одинаково потерянными, одинаково меланхоличными... В чём я никогда не сомневался, достигнув возраста садистско-анальных импульсов, — мой долг состоит в том, чтобы отобрать эти земли врага. Если я в конце концов признал, в обмен на степень бакалавра, с текстами в руках, воинственную

---

⁶⁵¹ Обычно 22–23 года.

⁶⁵² В это время Кусто переводил по требованию администрации тюрьмы американскую книгу о психологии преступников. Его словарь, до тех пор приличный, потерпел тяжкий ущерб... — Прим. Кусто и Рёбате. Кусто и Рёбате-старший имеют в виду, что из-за влияния англицизмов Кусто перешёл на пиджн-френч, используя готовые конструкции из пиджн-инглиш: «воинственная мотивация», «он не про любовь», «проработка травмы» и т. п. — Прим. переводчика к примечанию авторов.

⁶⁵³ Бисмарка.

⁶⁵⁴ Год войны Франции с Пруссией.

⁶⁵⁵ Gravelotte, место крупнейшего сражения той войны.

⁶⁵⁶ Маршал Франции, сдался пруссакам со своей армией.

⁶⁵⁷ Сейчас Калининград.

⁶⁵⁸ Карта в изголовье.

инициативу Баденге⁶⁵⁹, то уверенность, которую мне с самого раннего детства внушали в прусской вине, явно колебалась, аж до нынешних лет, пока благословенное заточение⁶⁶⁰ не позволило мне пересмотреть все мои исторические и прочие представления⁶⁶¹...

Рёбате перелистывал труд, который только что откопал Кусто.

Рёбате: В то же время прекрасно видеть это напечатанным чёрным по белому. В сумме, если мы сталкиваем эти тексты и наш опыт, мы констатируем, что есть уже, с точки зрения школяра, два вида исторических правд: одна для школьного сертификата, вторая — для бакалавра.

Кусто: Есть и другие! Чем больше я узнаю, тем более убеждаюсь, что история — это бред сивой кобылы. Я подразумеваю историю такую, какую педанты пытаются навязать нам в идеальном представлении: Историю-Науку, Историю беспристрастную, объективную. Но нет беспристрастной истории, и нельзя ею обзавестись. По меньшей мере в том, что касается христианской эры. А всё то, что ей предшествует, верю я, так далеко от нас и документы так редки и так подозрительны, что нельзя иметь никакой истории и тут.

Рёбате, поднявшись, сказал: Ну и ладно. Поскольку это всё, что у тебя было сказать об истории, я слегка прогуляюсь на солнышке.

Кусто ринулся, чтобы схватить друга за рукав рубахи. Этот рукав, который и так уже после схватки в дзюдо с надзирателем держался на нитке, остался у Кусто в руках.

Рёбате завыл: Божий бордель! Урод ты этакий! Чтоб тебя!

Всё это он выкрикивал с напором вдовствующей маркизы де Камбремер⁶⁶².

---

⁶⁵⁹ Прозвище Бисмарка.

⁶⁶⁰ Тюрьма.

⁶⁶¹ Кусто так витиевато хочет сказать, что следовал официальной исторической версии Франции, пока не заглянул в книгу и не проверил общеизвестный исторический факт, состоящий в том, что войну объявила Франция.

⁶⁶² Персонаж Пруста.

Не реагируя, Кусто продолжил: Но, послушай, есть масса деталей, которые можно обсудить, говоря об истории. Я обожаю историю и не читаю ничего почти, кроме как книг по истории. Только прежде всего следует знать, что всё это бредни. Когда хорошо осознаёшь эту правду, проникаешь в неё, ничего не мешает тебе отдаться этому развлечению со всею приятностью.

Рёбате: Нет, решительно, я иду гулять!

И Люсьен действительно решительно направился к лестнице. На второй ступеньке он всё же остановился и обернулся, сказав: Я очень плохо знаю историю и почти не доверяю ей. В то же время мне бы не хотелось, чтобы мы низвели её до ранга метафизики.

Кусто: Слушай! Я тебе уступлю в том, что история не допускает такого беспричинного легкомыслия. Но её природа не так уж отлична от фривольности. Как и метафизики, историки предпочитают — осознанно и бессознательно — подкреплять свои личные предпочтения приемлемыми аргументами. Словом, что бы они ни утверждали, они вынуждают себя это⁶⁶³ продемонстрировать. И не может быть иначе. Писать историю — значит прежде всего **делать выбор**, выбирать из событий те, которые кажутся наиболее значительными. И каждый неизбежно выбирает по своему темпераменту. Так что есть правые историки и левые историки, рассказывающие об одних и тех же событиях строго противоположным образом.

Рёбате: Ну да, историки типа Бэнвиля⁶⁶⁴, для которых история остановилась в 1789 году⁶⁶⁵, и историки типа Сейенобо⁶⁶⁶, для которых история началась в 1789 году.

Кусто: Меня это совершенно не беспокоит. Это моя личная концепция истории. Я не ищу в ней ничего, кроме того, что может консолидировать мои предрассудки, и я

---

⁶⁶³ Обоснование теорией личных мнений.

⁶⁶⁴ Jacques Bainville, 1879–1936 — реакционный историк, выбран в Академию в 1935 году, теоретик «Аксьон Франсэз», его книга «Диктаторы», изданная в 1935 году, редактировалась отчасти и Рёбате с Кусто-старшим.

⁶⁶⁵ Падение французской монархии.

⁶⁶⁶ Seignobos, 1854–1942, историк, республиканец, протестант.

добровольно принимаю тот факт, что другие используют её⁶⁶⁷ на тот же манер. Единственное, что меня беспокоит, — что мы отрицаем эту очевидность и претендуем на не знаю какую трансцендентальную беспристрастность. Как только автор предъявляет претензии на объективность со своей стороны, я чувую мошенничество.

Рёбате согласно сел. Но его физиономия не выражала восторга от речей приятеля.

Рёбате: Это очевидно. Нужно представить себе историка без политических идей: но он не поймёт ничего в предмете даже своих штудий. Существует философия истории, фриз⁶⁶⁸ много распространялись об этом, вероятно, чтобы прикрыть свою недобросовестность, замечательную в этом вопросе. Я никогда не был настолько туп, чтобы дочитать книгу на эту тему. Историк для режима — это персонаж почти такой же полезный, как и флик⁶⁶⁹.

Кусто: Это создатель правды партии.

Рёбате: Скорее, это грустное ремесло, историк, в общем, внизу лестницы⁶⁷⁰. Гангстер заслуживает большего уважения, чем сообщник, пишущий республиканскую историю для тринадцатилетних детей. Люди из «Аксьон Франсэз» не без оснований оскорбляли «сень-обов»⁶⁷¹, те были слугами режима.

Кусто: Да, но историки «Аксьон Франсэз» ничуть не более объективны.

Рёбате: Соглашусь с тобой. Они отдают должное Ришельё и Людовику Четырнадцатому, но лишь чтобы смешивать с грязью Наполеона. У них есть развлечение: выставлять на свет некоторое количество фактов, которые прятали на протяжении ста лет. Но сир Гаксотт⁶⁷² зашёл всё же чересчур далеко, сделав из Людовика Пятна-

---

⁶⁶⁷ Историю.

⁶⁶⁸ Немцы, от «фризы», германское племя, родственное франкам, собственно, французы и немцы кузены.

⁶⁶⁹ Полицейский.

⁶⁷⁰ Социальной.

⁶⁷¹ Республиканских историков.

⁶⁷² Pierre Gaxotte, 1892–1985, французский историк, критик Революции.

дцатого великого суверена. И Бэнвилль⁶⁷³, который написал историю Третьей Республики с одной строчкой о масонстве и ни словом о евреях, потому что он хотел стать Академиком! Все это несерьёзно, ничуть не лучше Дюма или Поля Рёбу⁶⁷⁴. Но есть всё же достойная черта у этого горожанина из Бенвилля, который хорошо писал, но фальшивые воротнички которого я никогда не мог простить: он всегда отказывался писать историю Людовика XVI, которую от него требовали со всех сторон. Он считал Людовика XVI слишком глупым и не хотел об этом говорить. Но тогда это случай лжи по умолчанию.

Кусто: Так оно чаще всего. Мы могли бы сделать симпатичный сборник фундаментальных данных, которые просто обходят молчанием в учебниках истории. После того как Республика предложила мне развлечения⁶⁷⁵, я открыл несколько тайн, по случайности. Например, никогда нам не говорят, сколько англичан и французов присутствовало лично во время Столетней Войны на, собственно, войне — а это семь французов к одному англичанину⁶⁷⁶. Никогда не говорят, что в Жемаппе⁶⁷⁷ французы сражались двое против одного. Никогда не говорят, что французские комбатанты, осаждённые в Париже в 1871 году, были в три раза многочисленнее пруссаков. Что случилось бы с национальной гордостью без этой лжи по умолчанию?

Рёбате: Без того чтобы уколоться об объективность, которой нет в этом мире, нужно сказать, что у французов нет монополии на милосердную ложь. У всех стран есть

---

⁶⁷³ Историк.

⁶⁷⁴ Dumas и Paul Reboux, писатели «исторических» романов для широкой публики.

⁶⁷⁵ То есть заключённый получил доступ в библиотеку.

⁶⁷⁶ Вероятно, Кусто не считает за англичан жителей владений Плантагенетов, формально «французов», которые сражались «за Англию», что тоже не совсем точно, поскольку сражались они за права представителя законной Анжуйской династии на престол Франции; национальные мотивы в Столетней войне проявились лишь к её концу; «французский» город Бордо до последнего стоял за «англичан», то есть за Анжуйскую династию.

⁶⁷⁷ Сражение у деревни Жеммап на территории современной Бельгии 6 ноября 1792 года между французской революционной армией и австрийской армией.

исторический катехизис. Мне кажется, что английский — восхитительный.

Кусто: Это от природы. Вспомни всё, что я открыл в учебнике истории сына⁶⁷⁸. Они пишут, что... Жанну д'Арк сожгло исключительно французское духовенство⁶⁷⁹... Столетняя война закончилась, потому что король Англии решил разом, чисто по доброте душевной, что довольно проливалась кровь⁶⁸⁰... И всегда — по доброте душевной, из альтруизма. Это чтобы освободить бедных людей Европы, которых терроризирует тиран, Англия начала войну против Наполеона... Наконец, Англия выигрывает сама войну в Крыму без того, чтобы читатель заподозрил даже, что французы оставили десятки тысяч своих трупов перед Севастополем... Будь у нас под рукой немецкий или русский учебники истории, мы бы нашли не менее игривые штучки... Но, после всего, иначе и быть не может. Невозможно беспристрастно редактировать историческую книгу.

Рёбате крутанулся, и с угрюмым видом вновь упал в кресло, и проворчал: Это убудство, это убудство.

Кусто (с участием): Что убудство, Люсьен?

Рёбате: Вот уже два часа как я в плохом настроении. Дерьмо, я не знаю, потому ли это, что я болен или слишком хорошо мне. Я облажался, но хочу выступить в свою очередь. Я должен был раскрыть Библию, блядский бордель! Я на грани срыва, мне нужно полаяться с кем-то.

---

⁶⁷⁸ Сын Кусто-старшего учился в пансионе маристов — религиозного ордена — в Эксетере, что в Девоне, в Англии.

⁶⁷⁹ Руководитель процесса Жанны д'Арк — Пьер Кошон, француз; жители Парижа, входившего во владения английской Франции, и ставшего после договора в Труа на несколько лет столицей как Англии, так и Франции, ненавидели Жанну и считали её ведьмой, так что Кусто, иронизируя над английской пропагандой, пытается уменьшить вину французов в деле Жанны.

⁶⁸⁰ Здесь английский учебник истории, конечно, преувеличивает — серия конфликтов, известных как «Столетняя война», завершилась после нескольких военных поражений и общего ослабления Англии, отягощённого династическим кризисом, в Кусто тут говорит его англофилия.

Не могу я сделать этого с СС-овцем Маршиером⁶⁸¹. Он, Маршиер, не хочет, он слишком дружелюбен ко мне! Я надеялся было, что он бы полаялся со мной на твоей стороне, но у него нет на это способности. Ладно, согласен насчёт историков, увы, согласен. Единственная ремарка, которую я мог бы сделать, — не полемическая. Я хотел бы тебе сказать: есть историки, но есть в то же время История.

Кусто: Да, но История избегает всякого вида определений. Она как Бог. Мы не знаем, что Она есть, и каждый изображает её на свой фасон. Перхотные марксисты и сартрианцы в рубашках в клеточку вызывают у меня смех, когда они произносят это слово с суеверным благоговением. То be or not to be по ходу Истории! Проклятые на проклятых, которые идут в противоположном направлении! Слава избранным, взявшим верное направление!.. Куча фимиамокурильщиков! Куча шарлатанов! Вот религия столь же пародийная, как религия Прогресса барбуса-ров святого 1848 года⁶⁸².

Рёбате: Это, кстати, та же религия. Лишь некая замена словаря у верующих...

Кусто: Как если бы у Истории был смысл! Как если бы существовала предопределённая гармония, конечность без абсурдных катастроф, которые потрясают мизерабельный вид человеческий со времён неандертальцев. Я не вижу, со своей стороны, ничего, кроме отвратительного беспорядка, и полагаю, что возможно извлечь из этого спектакля лишь определённое число закономерностей — не много! — и развиваться, склоняясь над прошлым в познании человека. И это может привести к до-

---

⁶⁸¹ Прозвище заключённого, от названия марша СС, каторжника из Сент-Этьена, бывшего предводителя милиции коллаборационистов, артиллериста бригады французских добровольцев на службе Германии нацистов, имени Карла Великого; по свидетельству авторов, этот заключённый был ярким читателем современной литературы и по телосложению близок к военным мускулистым атлетам Арно Брекера (Arno Breker; 1900–1991, Дюссельдорф) — немецкого скульптора, популярного в Третьем Рейхе.

⁶⁸² Речь о революции 1848 года, кстати, известной как «Народная весна», первая «весна» в ряду сотен «вёсен», вроде «арабской», которые французы разнесли по миру.

вольно хорошим результатам с полем опыта бесконечно менее обширным⁶⁸³. Пруст знал о человеческом состоянии куда больше Мишле. И ему было достаточно, чтобы начать, одной мадленки⁶⁸⁴, размоченной в чашке с чаем... Говорю это без намерения обговинять исторические штудии. Повторяю тебе, что я обожаю рассказы о прошлом. Но у меня нет впечатления, что эти рассказы меня в самом деле обогащают. Я как все! Я нахожу там лишь то, что я очень хочу там найти.

Рёбате в отчаянии уронил голову на стол.

Рёбате: Ты наносишь мне удар милосердия! Ты, вспоминающий печеньки Пруста⁶⁸⁵! Кончено, нет никакой возможной темы для того, чтобы поспорить, нет почвы для конфликтов между нами. Всё отныне возможно. Через год ты, может быть, проведёшь для меня конференцию об «Искусстве фуги» Баха⁶⁸⁶. Это ужасно, отчаянно, ты блестяще доказал, ты прав, нет больше метафизики в Истории, История сама по себе есть не что иное, как общество в себе. А! Да, дерьмо, беда историчности — это передача религиозного чувства. Точнѐхонько к этому реализму прогрессисты поворачиваются спиной. Ты только что мне сказал, что обожаете рассказы о прошлом. Прогрессисты... они ненавидят эти рассказы, потому что истории о прошлом их выводят из себя, ведь такие истории демонстрируют бесконечное возобновление всего, вот точка зрения, неприятная для многих моралистов.

Кусто: В конечном счёте, ты тоже рассматриваешь историю как фашист, как скептик и тоже извлекаешь оттуда лишь то, что тебе подходит.

---

⁶⁸³ Так витиевато Кусто хочет сказать, что общее можно понять из частного и необязательно изучать всю историю, достаточно эпизода, и что история повторяется, поэтому, глядя на прошлое, можно предсказать будущее; тем не менее переводчик счёл своим долгом дословно перевести текст оригинала, как есть.

⁶⁸⁴ Печенье.

⁶⁸⁵ О человеке, который вдруг необыкновенно отчётливо и ярко вспомнил какой-нибудь эпизод из своего прошлого, французы говорят: «Он съел мадленку Пруста».

⁶⁸⁶ Отсутствие у П. А. Кусто музыкального аппетита делает эту гипотезу столь же странной, как, например, гипотезу о сбалансированном бюджете при социалистическом министерстве. — Прим. Кусто и Рёбате.

Рёбате: К несчастью, это правда. Во имя Господа! Мы входим во владения чрезмерно философические: от-носительность, субъективность, всё зыбко. И я почти на-мерен философствовать сегодня вместо того, чтобы слу-жить папскую мессу⁶⁸⁷. Но история — это всё же коллек-ция определённого числа фактов, документов. Эти доку-менты часто сомнительны, сфальсифицированы изна-чально разными сторонами. В то же время я не могу при-знать правоту Валери, который атомизировал историю⁶⁸⁸ и отрицал её вообще, всю её реальность.

Кусто: Я не собираюсь заходить так далеко.

Рёбате: История оставляет за собой пространство общего рисунка, который имеет ценность свидетельства. Мы можем восстановить исторический процесс упадка... декаданса Афин, Рима, Византии, Франции. История по-зволяет нам восстановить определённые факты, повторе-ние которых приводит к тем же результатам. Я верю в возможность вычленить некоторый исторический прин-цип из случайности.

Кусто: Это не идёт слишком далеко.

Рёбате: О! Я с тобой согласен. Но одна из фунда-ментальных черт демократии — это отказ от такого взгляда, потому что он показывает постоянство челове-ческой природы. И потом, я слишком и явно не религиозен, чтобы бросить историю. Это чересчур серьёзное оружие против верующих. Жулик Сартр украл у нас удобное сло-во «историчность», чтобы сделать из него логомахию, тогда как мы слышим здесь лишь простое и честное поня-тие здравого смысла. Ты меня понимаешь: историчность Цезаря всё же слегка более солидна, чем Христа. Я очень забочусь о дискриминации истории и агиографии⁶⁸⁹.

---

⁶⁸⁷ Не хочет идти в церковь, а хочет поболтать, что, в общем, неудивительно для француза.

⁶⁸⁸ Valéry, поэт, философ, 1871–1945.

⁶⁸⁹ Поразительно, насколько люди берутся с критикой религии, которая, в общем-то, утратила всякие позиции, видно, что воспитанные в рамках масон-ской идеологии авторы, даже понимая, что их искалечили, не могут не повто-рять мантры масонской религии о «смехотворности религии», «неисторичности Иисуса», который, как ни крути, был исторической личностью, даже если не верить в его божественное происхождение.

Кусто был чувствителен к этой демонстрации. Он очень ценил грозный, почти крестьянский, здравый смысл своего друга, очевидность которого ускользает от тех, кто видит в *Les Décombres*⁶⁹⁰ лишь дело рук фанатика⁶⁹¹.

Кусто: Ну, давай не будем атомизировать историю, в нашу очередь. Ты и я, когда мы читаем рассказы о прошлом... что нас поражает, это то, что всегда речь об одном и том же, что люди всегда одни и те же. И, говоря об этом, я тем более живо испытываю это чувство дежавю, что я погружён в книгу Альберика Варенна⁶⁹² «Когда Франция оккупировала Европу»⁶⁹³, где нахожу ошеломляющие аналогии с оккупацией Европы гансами в 1940–1944. Но другие, кто не так уж туп, читают те же тексты, что и мы, и с уверенностью выводят из них совсем другие умозаключения, например, что люди эволюционируют.

Рёбате: Они не виноваты.

Кусто: Это не пробуждает во мне чувство, спасибо Господу, уверенности, что я прав... но оставляет у меня привкус недоверия к истории. На самом деле, слишком легко сориентировать её, направить... как мы говорили ранее. Пример: все соглашаются почтить память генерала Гоша⁶⁹⁴. Он был красив, он был хорош, он был смел, он был республиканцем, он был великодушен. Ни пятнышка на этой фигурке. Мне про него прочли лекцию в школе, и я так часто перечитывал данные о нём в таких разных

---

⁶⁹⁰ Книга Рёбате, ставшая бестселлером во время Оккупации, с критикой маонства, Республики, евреев и Церкви.

⁶⁹¹ Ничто не могло раздражать Рёбате сильнее, чем это уподобление сыновьям земли. Обладание автором *Les Décombres* некоторого количества гектаров хорошей французской земли где-то в Дофине позволяет тем не менее утверждать, что хорошее крестьянское чутьё Рёбате не только наследственное. — Примечание авторов в рукописи. Этот абзац опубликован, несмотря на яростные протесты Рёбате. — Примечание авторов в опубликованном издании. Этот эпизод многое говорит о французском национальном характере; напомним, что фашизм не то чтобы приветствовал крупное землевладение, а Рёбате и Кусто-старший — фашисты.

⁶⁹² Французский писатель и историк.

⁶⁹³ *Quand la France occupait l'Europe*, речь о периоде с 1792 по 1815 год, когда Франция и правда оккупировала Европу.

⁶⁹⁴ Louis Lazare Hoche, 1768–1797.

текстах, что пришёл к вере в него. В конце концов, вполне мог найтись хоть один великий предок, который не был мошенником... Но вот как-то на днях я прочитал рассказ одного из немногих выживших о приключении в Кибероне⁶⁹⁵. И что я понял? Понял, потому что, конечно же, я не видел этой истории ни в одном учебнике. Я понял, что массовая казнь разбитых и окружённых эмигрантов произошла... от рук того же генерала Гоша без страха и упрёка, после того как побеждённые получили от победителя торжественное обещание сохранить жизнь. Поэтому несчастные бросили оружие, и немедленно после этого добродетельный, верный господин Гош приказал расстрелять их одного за другим до последнего.

Рёбате: Ну, всё же это Конвент велел их расстрелять.

Кусто: Что ничего не меняет по существу. Хороший человек, который убивает пленников, которым обещал жизнь, — мизерабль. Если бы я должен был написать что-то об Гоше, я бы пренебрёг остальным и сосредоточился только на этой истории. Но все, кто рассказывал о жизни генерала Гоша, использовали противоположный метод. Они настаивали на фотогеничных аттракционах и пропускали капитуляцию Киберона.

Рёбате: В то же время мы знаем, что Гош вырезал своих пленников, и не нужно перерывать двадцать тонн архивов, чтобы это открыть. Итак, определённо существует некоторая историческая правда, независимая от историков. Что мы особо констатируем, так это то, что профессиональные историки подрезают эту правду, преувеличивают её или прячут, в соответствии с чувствами, которые их оживляют. Пример Гоша очень интересен, на самом деле: он хорошо демонстрирует, что низкий животный характер Революции, которая сделала парией и убийцей одного из своих самых уважаемых генералов⁶⁹⁶. Но ты мне говоришь, что, будь ты должен написать исто-

---

⁶⁹⁵ Высадка роялистов, которых окружили республиканцы.

⁶⁹⁶ Гош, после Наполеона, был вторым по значимости и популярности генералом Республики; Конвент просто «вязал» круговой порукой высшее офицерство.

рию Гоша, ты не говорил бы ни о чём, кроме Киберона. Здесь я останавливаюсь.

Кусто: В то же время я не дошёл бы лишь до этой точки, я говорил бы также о других обстоятельствах его карьеры, но совершенно точно, что именно на Киберон я бы выставил свой самый большой прожектор.

Рёбате: Я отсюда вижу свет твоего прожектора! Гош был бы трактован почти как Рузвельт или генерал Жиро⁶⁹⁷. Я не нахожу это ни равным, ни даже полезным. Не будем говорить также о моей симпатии, сугубо личной, к этим молодым саблистам⁶⁹⁸, появление которых мы видели между 1792 и 1800 годами и которые были, на мой взгляд, самыми привлекательными и самыми умными фигурами военной истории Франции. Я констатирую, что, исторически говоря, Гош был чистым человеком, намного выше тех политиков, которые его использовали. Признавая в нём его качества, демонстрируя, что, несмотря на них, он должен был превратиться в палача, по приказу, мы ещё более жестоки, чем Конвент, который измазал в своей грязи даже этого героя. Конечно, мы свободны говорить, что такой человек, как Гош, не должен никогда служить ублюдкам в Париже, что он должен был бежать после осознания невозможности быть одновременно и человеком чести, и революционным генералом, действующим на французской территории. Но скажем просто и честно: слоган «Гош — убийца Киберона» — это пропаганда, которая отвечает другой пропаганде, контрпропаганда. Я признаюсь тебе, что устал от пропаганды. Мы видим всё это сейчас в нынешние дни, когда война в Корее, например, собирает огромное число пропагандистов.

Кусто: Ну и?

Рёбате: Перед этим болотом лжи и тартюфизмов не испытываешь ли ты необходимости занять позицию цивилизованного человека? Определённый взгляд на исто-

---

⁶⁹⁷ Giraud, французский генерал, прославившийся зверствами во время революционной войны Конвента против народов Франции.

⁶⁹⁸ Генералам революционной Франции.

рию, содержащийся в достаточной умеренности, кажется мне достаточным для принадлежности к цивилизации. С этой высоты мы крушим более уверенно Оларов⁶⁹⁹, Сейнобов⁷⁰⁰, историографов Фифи⁷⁰¹ и также Трумана⁷⁰², Дэна Ашсона⁷⁰³ и прочих Плевенов⁷⁰⁴, чем если бы вмешивались в их солидные драки. Мы читали — оба, с одинаковым обожанием — этот том, к несчастью, единственный здесь, *De la Révolution* Альберта Сореля⁷⁰⁵. Вот что я называю доминировать над сюжетом. Мне кажется, что, прочитав книжищу такого масштаба, мы можем себе позволить делать из истории вывод тотально менее нигилистический, чем твой.

Кусто был слегка раздражён.

Кусто: Да, есть правда в том, что ты говоришь. Но, увы, это в нашем темпераменте — всегда сводить вещи прошедшие, происходящие и будущие к газетному заголовку. И заголовку не объективной газеты, ты правильно сомневаешься. После пяти лет того, как другие выслали меня из изданий, я провожу время, производя адекватные заголовки по обстоятельствам⁷⁰⁶... Это сильнее меня, я не могу отвратиться от пропаганды. Я, стало быть, весьма далёк от этой прекрасной безмятежности, которая позволила бы мне наблюдать без раздражения чётки абсурда, нанизанные одна на другую и представляющие собой историю мира.

Рёбате: Но Альбер Сорель?

Кусто: Это другое. Мы находимся здесь перед феноменом достаточно исключительным, и мои проклятья, в этом конкретном случае, перестают быть оправданными. Но я спрашиваю тебя, не происходит ли удовольст-

---

⁶⁹⁹ Франсуа Олар, 1849–1928, историк.

⁷⁰⁰ См. выше.

⁷⁰¹ Сопровствления.

⁷⁰² Президент США.

⁷⁰³ Dean Gooderham Acheson, 1893–1971.

⁷⁰⁴ René Jean Plevén, 1901–1993, французский политик.

⁷⁰⁵ Историк и дипломат, 1842–1906, основоположник истории дипломатии.

⁷⁰⁶ Кусто тоскует по публицистике, точнее, по возможности печататься.

вие, которое я испытал, читая его *Révolution*, от обильности документации, экстраординарного богатства цитат и отсылок? Читатель действительно получает впечатление, будто держит все части досье в руках и может свободно — пусть это, может быть, не более чем иллюзия — толковать их по своему усмотрению. С Блэнвилем и Сейнобами — чтобы говорить только о главах течений — я никогда бы ничего подобного не испытывал, я всегда чувствовал, что читаю поддельное досье. Вот почему я предпочитаю историческим книгам собрание документов и свидетельства современников. Они частичны, конечно, но достаточны, потому что не претендуют на синтез правды. И здесь по меньшей мере я всегда уверен, что почерпну из разногласий несколько существенных деталей, которые совпадут с моей правдой.

Рёбате: Но всё же история послужила формированию чего-то в твоей правде, связи, которую ты установил между нынешними событиями и прошедшими и которая тебе продемонстрировала абсурдность того или иного верования, той или иной политики. Ты мне ответишь без сомнений, что я чудовищно претенциозен и что я служу сам по себе примером против моего утверждения, но я тебе охотно подтверждаю, что правда **историческая** — это наша правда. Наша правда в любом случае намного менее удалена от реальности, от того, что было на самом деле⁷⁰⁷.

Кусто: В этом я убеждён.

Рёбате: Мы не ищем в истории оправдания верования в прогресс, мы не жалуем феода ни взгляду спиритуалистическому, ни марксистскому, который отрицает роль индивидуума. Если бы история была чисто относительной, следовало бы признать, что через сто лет мы можем сплести короны персонажам Четвёртой Республики. Это предположение кажется мне немислимым. Я настаиваю, что кривая французского упадка вписана

---

⁷⁰⁷ То есть Рёбате уверен в том, что фашизм был благом Европы.

в историю и что топосы официальных врунов, от Сорбонны или ещё откуда-то, ничего не изменят.

Кусто: Ну это ещё как поглядеть...

Рёбате: Да нет, настанет день, когда вся планета напишет и начнёт думать, что Франция перестала быть нацией первого сорта в 1919 году и что она продолжала греметь по лестнице до этой эпохи, эпохи своего исчезновения или своего восстановления. История, с моей точки зрения, это вот и есть. Она прежде всего соответствует нашим взглядам, нежели Байе⁷⁰⁸, потому что мы намного более дальновидны, чем он. Когда мы подтверждаем, что Людовик XI, Ришельё, Фредерик Прусский, Екатерина Вторая, Бисмарк, Муссолини были более великими персонажами, чем Людовик XIII, Карл X, Николай II или Альбер Лебрэн⁷⁰⁹, это мне кажется очевидным в той же степени, что Пруст — лучший писатель, нежели Жорж Оне⁷¹⁰.

Кусто нечего было возразить этой безупречной аргументации.

Рёбате: Есть несколько определённых констант, вполне исторических, которые мне кажутся также более солидными, чем самые прочные научные законы: что, например, великие империи приносят процветание; что войны, предпринятые в целях федерализации, обладают по меньшей мере преимуществом способствовать эре мира, тогда как вильсоновский принцип равенства наций, маленьких или больших, это регресс к феодализму, что множит конфликты интересов. Вот феномены, которые мы регулярно наблюдаем со времён Вавилона. Убедиться в этой регулярности, утвердить в ней свою политику — это, в конечном счёте, поверить в историю. Если мы не признаем этого, мы должны сказать, что были фашистами, потому что любили в глубине души чёрные рубашки и гитлеровские гимны. Это причины слегка... недостаточные.

---

⁷⁰⁸ Albert Bayet, 1880–1861, французский социолог.

⁷⁰⁹ Albert Lebrun, 1871–1950, один из президентов Франции.

⁷¹⁰ Georges Ohnet, 1848–1918, писатель, автор бульварных романов.

Кусто улыбнулся: Ну а если бы я был фашистом только из-за цвета рубашек и Хорста Весселя?

Рёбате проревел несколько оскорблений.

Кусто: Не бесись. Мой фашизм обладал другими причинами. Но я не верю в то, что здесь были только исторические причины. Или по меньшей мере история не более чем побочный фактор случайности.

Рёбате: Вот ты снова начинаешь возиться с тарбарщиной...

Кусто: Хорошо. Я уступлю тебе, поболтаю по-французски. Я сказал бы так: если я и был приведён⁷¹¹ к своим взглядам, то намного больше благодаря идее, что я сформирован, в целом и более детально, человеком современным, которому нужно потрогать, видеть и слышать, нежели вообразить, опираясь на исторические дедукции. То, что мы понимаем о человеке в комнате или в метро, достаточно, чтобы мы отвергли, под какими бы то ни было предложениями, его право управлять собой. Уроки истории мне кажутся намного менее убедительными.

Рёбате: История показывает всё же, что Демократия унижает народ. Примеры: Франция, Англия, Германия Веймарская, чтобы не оглядываться. Это не гипотезы, а факты. Если эти факты не история, то что такое история? Повсюду периоды авторитарности — периоды социального здоровья. Напротив, демагогия провоцирует, со времён греков, одинаковые феномены дезинтеграции.

Кусто: Ты отлично понимаешь, что я тебе не стану противоречить. Я полностью согласен с этими азбучными истинами... Но, будь я трижды республиканцем, мне кажется, что я нашёл бы в истории столько же хороших причин верить в бессмертные принципы пар экселанс. Наши враги тут не ошибаются. Я закончил чтение истории Англии одного недоноска, звать которого Тревелиян⁷¹², который показывает, что вся жизни Англии, островитян после

---

⁷¹¹ В тексте именно так, не «пришёл».

⁷¹² Sir Charles Edward Trevelyan, 1807–1886, Trevelyan, колониальный администратор.

ютов, англов и саксов — это линия гармоническая, которая тянется к лучшей и большей демократии⁷¹³. Можно ещё хорошо продемонстрировать, что периоды авторитарности⁷¹⁴ весьма губительны для прекрасного искусства⁷¹⁵, что диктатуры тонут в беспорядке, что всё человечество тянется к увеличению зоны своих фундаментальных свобод, уважению к человеческой персоне и отмене войн...

Рёбате: Можно, в самом деле, говорить о демократических войнах. Самые ужасные резни, которые когда-либо регистрировались. Целые нации были мобилизованы. Я, кстати, убеждён, что со стороны американцев, которые, со всех точек зрения, находятся на стадии развития инфантильной и которые ещё не страдали ни от какой войны, ни на своей шкуре, ни своим имуществом, современники повернуты на демократическом мифе. Твой аргумент — прости меня, я не собирался его тебе приписывать, скажем, тот, что ты используешь, — короче, твой аргумент был бы рабочим для гюгоистов⁷¹⁶, сегодня он смешит избирателей.

Кусто: Это не совершенно точно. Люди так тупы! В любом случае сыновья и дочери избирателей продолжают постигать в учебниках, что, благодаря демократии, войны всё более редки, что короли сражались всё время, тогда как демократии не сражаются, кроме как случайно и против сердца, лишь когда реакционный монстр угрожает их свободам. И человек избегает всего, что может убедить его в том, что, в конечном счёте, он убивает гораздо больше людей за гораздо меньшее время. Тридцатилетняя война для Гансов была не подарок. Валленштейн и Густав Адольф стоили народу столько же, сколько и эскадрильи, благословенные Спелманом⁷¹⁷... Правда в том, что всё всегда одно и то же.

---

⁷¹³ В тексте на английском — better and bigger democracy.

⁷¹⁴ Не авторитаризма!

⁷¹⁵ Писатель забыл о Медичи, да и всём Ренессансе.

⁷¹⁶ Слепой поклонник творчества Гюго, от «гюго» и «идолопоклонничество» — hugolâtres.

⁷¹⁷ Mgr Spellman, 1989–1967, епископ из США, Кусто говорит о бомбёжках американцами и британцами городов Германии.

Рёбате: Без сомнения. Но и это историческая констатация, уроки, которые мы извлекаем из истории, и только из истории. Что меня убивает, это когда я вижу тебя дискредитирующим историю. Ты даёшь тем самым аргументы нашим врагам: кюре, прогрессистам всех мастей, которые освобождаются от истории, потому что она стесняет их в их бреду.

Кусто: Но веришь ли, дорогой Люсьен, что история не стесняет меня? Когда я склоняюсь к прошлому, у меня возникает чувство, что я не только проиграл в этой войне, но и будто я всегда проигрывал. По меньшей мере во время современного периода. Я проиграл в Вальми⁷¹⁸, в Вандее⁷¹⁹, в Москве, в Лейпциге и под Ватерлоо, потому что, после того как я был бы против революции, я бы последовал за Наполеоном, который олицетворял Порядок. Я был разбит на баррикадах 1830-го и 1848-го. Я был разбит в Джорджии Шерманом и Грантом. Я был разбит людьми Четвёртого сентября, разбит с армией Врангеля и Колчака, в Нормандии — Эйзенхауэром, и в бункере Рейхсканцлера — Иосифом Виссарионовичем. Единственное исключение подтверждает правило: я выиграл с Франко против Народного фронта, но это было так неожиданно, что я по сей день в себя прийти не могу. Исторически Народный фронт Испании должен был выиграть, потому что они каналы. А! Наши враги имеют хорошую возможность бросать нам в лицо, что история подавляет нас!

Рёбате: Да, но с тех пор, как мы оказались разбиты, мир пошёл наперекосяк. После того как закончили вычищать каналей. Несмотря на все проигрыши нашей стороны, партия Ривароля, Бонапарта, Ницше, Муссолини... она, то есть мы... мы были правы в принципе. Наша безупречность продемонстрирована каждым нашим проигрышем, который заставлял опускаться человеческий вид на одну ступеньку ниже. Нужно всё же вернуться

---

⁷¹⁸ Битва, после которой казнили королевскую чету в Париже.

⁷¹⁹ Мятеж против революции.

к определению, простому, но здоровому, этого старого козла Морраса: закон чисел. Вот уже сто пятьдесят лет мир живёт по этому закону. Как имбецилы и ублюдки бесконечно более многочисленны, чем «хорошие», так и слегка фатально и предопределено, что «хорошие» тонут в болоте имбецилов. И история это фиксирует железно. Мы на хорошей стороне истории⁷²⁰.

Кусто: Хорошо сказано. Вот так ладно, так идёт. Вот исторический закон, который примиряет меня с историей. И это закон, который парадоксален лишь с виду. Точно так же, как национальное унижение стало критерием благородства во Франции с 1944 года, так и с 1789-го благородство политического дела можно оценивать по степени его неудач. Идеально. История с нами. Давай перестанем говорить об этом.

Но Рёбате чувствовал, что не смог ни на йоту поколебать твёрдые убеждения друга.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
библиотека тюрьмы Клерво (Франция), июль 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
25 марта 2022.*

---

⁷²⁰ Рёбате — великолепный софист.

ДИАЛОГ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ: СТУКАЧИ

Рождѣнными доносчиками изобилует человеческий вид, но социальная среда не всегда благоприятствует им. Случается также, что в определённые эпохи есть предрассудки моральной эlegantности в том отношении, что правительства стесняются использовать внутренних шпионов, что корпорации и профессиональные организации выслеживают их или делают их услуги бесполезными. Тогда для них наступает долгое межсезонье. Но если случится исключительное обстоятельство — революция, война, репрессивный режим, диктатура — то доносчики поднимают голову, как трава после дождя.

Жюль Рамен (1885–1972), «Люди доброй воли VIII»

В то воскресенье команда цеха по производству вешалок покрыла себя неуязвимой славой в клэрво-болле⁷²¹. Под славословия знатоков Жардин закатил четырнадцать голов Тиссажу, с репутацией лучшего вратаря тюрьмы. К исходу партии все, или почти все, поздравляли победителей. Но всё же Жардин был, при всѣм общественном уважении, без тени сомнения, одним из самых мерзких негодяев в Клерво. «Баран», как говорили компаньоны отряда Жана Вальжана⁷²². «Качелька», как говорили товарищи Морраса и Бенуа-Мешена⁷²³. Шокировало, что такой испытанный стукач остался жив, ещё больше шокировало, что ему демонстрировали так мало презрения и что он ежедневно собирал множество улыбок и рукопожатий. Мы⁷²⁴ комментировали партию в библиотеке ни больше ни меньше, чем матч в Коломбе⁷²⁵. Рёбате разрывался между двумя искренними импульсами: по-

---

⁷²¹ Clairvaux-ball — вид спорта, основанный на гандболе, адаптированном к тесноте тюремных дворов и тщательно систематизированный в Клерво изобретательными заключѣнными.

⁷²² Jean Valjean, герой романа «Отверженные» Гюго.

⁷²³ 1901–1983, правый французский политик и писатель.

⁷²⁴ Кусто и Рёбате.

⁷²⁵ Стадион в Париже.

клонением перед неотбиваемыми подачами Жардена и воспоминаниями о пятнадцати днях строгого карцера, которыми обязан был этому спортсмену.

Рёбате: Это всё же знаменитый ублюдочек. Он заслуживал бы по меньшей мере небольшой коррекции. Я сигнализировал о нём парням, на которых он настучал (!). Они его не тронули⁷²⁶! Ба! Нужно принимать его, каков есть! Вот ещё одна постоянная черта человеческой природы. Послушай, у нас есть пример на расстоянии вытянутой руки.

Рёбате взял с полки с исторической литературой книжку, обтянутую серым сукном униформы⁷²⁷, наркотиком интернированной литературы. Это была подборка увиденного и услышанного во время Французской революции.

Рёбате: Знаешь этот текст? Это фрагмент «Воспоминаний» Паскье⁷²⁸.

Рёбате принялся читать: «Есть в каждой большой тюрьме определённое число отверженных, задержанных по внешнему виду, как и другие заключённые, но уже отчуждённых для составления списков и председательства при выборе жертв. Множество из них закончили тем, что о них узнали, и — невероятная вещь! — они не пропали под ударами тех, в среде кого исполняли свою постыдную миссию. Больше того, им помогали, с ними обращались куртуазно. Один из моих зятьёв (муж сестры жены), глядя в окно, сказал: “А! Вот и Пепин Дегруэтт⁷²⁹, который начинает прогулку, нужно, чтобы мы вышли показаться...” Мне сказали, что он главный среди негодяев, о гнусной роли которых я рассказал. Каждый раз после обеда он делал круг по тюремному двору, и это было

---

⁷²⁶ Рёбате стучит на стукача, тем самым подставляя «зеков», которые могут нарваться на неприятности, причинив вред стукачу-любимцу администрации, сам же палец о палец не ударяет, чтобы наказать того, кто стал причиной его неприятностей.

⁷²⁷ То есть обложка сделана вручную, книга эта — штучная вещь. — Прим. переводчика — младшего библиотекаря.

⁷²⁸ Французский канцлер, сумел выжить и сохранить посты при Старом Режиме, Революции, Наполеоне и после Реставрации о тюрьмах во время Террора.

⁷²⁹ Périin Dégrouettes, к сожалению, упоминаний о нем нигде, кроме воспоминаний Паскье, переводчик не нашёл.

для него оказией провести ревизию того стада, которое он должен был успешно отправить на бойню. Горе тем, кто выглядел так, словно пытался спрятаться, избежать его взглядов. Тот был вскоре замечен, и его место обнаружилось пустым во время следующего турне... Я всё ещё вижу его, ростом в четыре фута и восемь дюймов⁷³⁰ — горбатый, скрюченный, шаткий, рыжий, как Иуда. Вокруг него создан был круг; там шли некоторые, которые пятились перед ним, ища пользу в его взгляде»⁷³¹.

Рёбате, довольный находкой, поставил книгу посреди прочих, накапливающихся на столе, вытащил очки и принялся расхаживать по библиотеке, пол которой всегда в одних и тех же местах скрипел под его ногами.

Рёбате: Видишь ли, старина, **переметнувшимся**⁷³² было бы неправильно мешать друг другу. Мы даже можем установить правило, основанное на малодушии: чем презреннее «маятник»⁷³³, тем больше его уважают из-за страха, который он внушает. Но нам не нужно возвращаться аж к Террору⁷³⁴. Один из самых выдающихся поставщиков отрядов истребления в Дахау стал министром⁷³⁵.

Кусто согласился лишь наполовину: Это всё же не одно и то же. Между стукачами типа Жардена и стукачами вроде нашего сомнительного министра есть разница, которая кажется мне весомой. В сумме, к чему приводят

---

⁷³⁰ 142 см.

⁷³¹ Всё-таки трудно судить людей за подобное поведение; очевидно, перед нами патологический садист, который наслаждается страданиями жертвы, и призыв к нему заключённых вызвана не общим низким уровнем умственного развития людей — хотя переводчик согласен с тем, что в целом он низок — а тем, что от этого человека ЗАВИСЕЛИ их жизнь и смерть, то есть цитата прямо противоречит утверждениям Рёбате, который, кстати, не проявил себя героем на суде.

⁷³² Стукачам, в данном случае «тот, кто на стороне администрации, хотя сам заключённый».

⁷³³ Стукач на аргю.

⁷³⁴ Революции 1789 года.

⁷³⁵ Намёк на слухи-обвинения, регулярно произносимые в адрес Марселя Поля, коммуниста, депортированного борца Сопротивления, который якобы «сдавал» СС политических соперников... Правосудие вынесло свой вердикт по этому делу лишь в 80-х годах, разумеется. Марселя Поля признали невиновным, потому что он служил победившему режиму.

факты, которые вменяются в вину этому министру? Он сотрудничал со своими победителями. И исходя из этого, следовательно, мы не можем возражать против него. Мы не можем ставить ему в вину, ничуть не больше, извлечение выгоды из своих обязанностей, чтобы спасти своих товарищей по партии и оставлять командос уничтожения для своих политических соперников. Ты и я в идентичных обстоятельствах не действовали бы иначе. Стукач вроде Жардена или «льстецы» тюрем эпохи Террора не могут претендовать на те же прекрасно признанные нами мотивы.

Рёбате (протестуя): Само собой, само собой... но ты чересчур быстр. Я намерен произнести хвалу доносу. Ты прав, есть определённая разница между сиром Пепином Дегруеттом⁷³⁶ и политическими капо. Но ты только что сказал об «обстоятельствах». Только обстоятельства и достойны в этой истории внимания. Дахау был лагерем, который охраняли специалисты СС: эти специалисты, чтобы составлять списки для уничтожения, ни секунды не сомневались, обратиться ли к задержанным. И как и было предвидено, быстренько нашлись заключённые для этой задачи. Довольно неожиданный феномен для свободных людей. Я согласен, будущий министр, постукивая на некоммунистов и сталкивая их в соляные шахты, действовал исходя из политических причин, он, таким образом, заслуживает отпущения грехов⁷³⁷. Ты признаёшь всё же, что это крайний случай политического доноса. И потом, мы слишком старые зеки, чтобы не знать, что в тюрьме не остаться чистым. Составители списков, бухгалтеры уничтожения, должны были иметь достаточно миленьких преимуществ.

Кусто: Это неизбежно. Это в природе вещей. В тюрьме или за её стенами люди, которые делают политику и которые достигают высокого положения, достигают этим ма-

---

⁷³⁶ Pépin de Dégrouette, 17..?–1803, французский дворянин, во время суда над Людовиком XVI дал показания против короля как «гражданин Дегруетт».

⁷³⁷ Поскольку Рёбате и Кусто-старший — фашисты, для них политическая целесообразность важнее морали, как, собственно, и для коммунистов.

териальных благ и преимуществ, которые заставляют сомневаться в их чистоте.

Рёбате: Всё дело в том, чтобы знать, если их вовлечённость в дело определена только этим или чем-то другим.

Кусто: Если коммунист отправлял «правых» сопротивленцев в крематорий, чтобы получить двойную выгоду, это откровенное говно. Но я не верю в это. Да, он получил двойную выгоду сверх того, но как Ленин, который получил сверх своих целей императорский туалет. Я настаиваю, что стукачи, которые сдают своих товарищей в единственной надежде — кстати, очень иллюзорной чаще всего — улучшить свою личную ситуацию, — не должны быть смешаны с политическими доносчиками.

Рёбате: Не будем, кстати, забывать, что французский словарь делает уже важное различие между доносчиком и осведомителем. Осведомитель — это тот, кто стучит ради денег, профессионально. Не забудем также, что глагол «обличать»⁷³⁸ обладает неким благородным смыслом: «Я обличаю самозванство, жертвой которого стал наш народ... Я обличаю тупость наших министров». Мы много обличали в этом стиле, особенно когда говорили и писали о политике. Это момент, когда ты склоняешься драматически на трибуне и зал взрывается криками «браво». Как только журналист или оратор понимает, что обладает небольшим даже темпераментом, он принимает-ся обличать, это придаёт ему мужества.

Кусто: Да, конечно, мы с тобой два доносителя-обличителя. Скольких мы сдали за пятнадцать лет журнализма... Но кажется мне, что только наши доносы времен Оккупации отвратительны, остальные же, довоенные, следуют нормальным правилам полемики... В любом случае наши обличения с 1940 по 1944 год имели скорее другой эффект, нежели мы рассчитывали. Вспомни: достаточно было напечатать, что заместитель префекта — голлист, чтобы он был назначен префектом через три не-

---

⁷³⁸ Dénoncer это и «обличать», и «доносить».

дели после того, как Соппротивление воцарилось в «Парк-Отеле»⁷³⁹. Удивительно то, что голлисты не испытывали никакой признательности и что специалисты двойной игры тоже приземлились на сырую солому⁷⁴⁰. Истории свойственно чувство юмора⁷⁴¹.

Рёбате: История забавна, но мораль ещё забавнее. Представь наш недостойный скачок перед господином, который в 1938 году мог бы позволить себе сказать нам, что мы доносчики. Но мы доносили. Коммунисты, заводские саботажники, о делах и поступках которых мы сообщали в наших газетах, считали нас стукачами. Конец конца эха, политический доклад, всегда будет доносом. Это донос, которого жаждут читатели и редакторы. Именно в этом нас всегда упрекали защитники человеческой личности, от Жида до Тьерри Молнье⁷⁴², это был великий аргумент левых против «Аксён Франсэз»: «Моррас и Додэ нападают на частную жизнь своих противников».

Кусто: Это то, что подразумевает Жид, говоря о «Развалинах»⁷⁴³, когда говорит, что ты применяешь принцип Жозефа де Мэстра⁷⁴⁴. «Мы ничего не сделали против идей, поскольку не атаковали людей»⁷⁴⁵.

Рёбате: Тьерри Молнье не ставил имена собственные в свои политические статьи перед войной.

Кусто: Теперь он это часто делает.

---

⁷³⁹ Место, где заседали голлисты.

⁷⁴⁰ Попали в тюрьму.

⁷⁴¹ На самом деле, и Кусто, и Рёбате открыто указывали на политических врагов и простых граждан, которые не разделяли их позиции. Рёбате участвовал в издании *Le Cri du peuple* с начала Оккупации — вёл рубрику «Удар метлы», где были указаны как враги режима многие люди. Он без сомнений писал министру образования, Абелью Боннару (1883–1968), требуя отозвать чиновника, ответственного за подготовку кадров для региона, за то, что тот покровительствовал молодому еврею. В *Je Suis Partout*, в репортаже из южной зоны Франции, он указал место жительства в Марселе некоего Жана Бардана (Jean Bardanne), участника Соппротивления. В результате на адрес нагрянула полиция.

⁷⁴² Thierry Maulnier, псевдоним Jacques Talagrand, 1909–1988, писатель.

⁷⁴³ Книга Рёбате.

⁷⁴⁴ 1753–1821, писатель, дипломат, консерватор.

⁷⁴⁵ На самом деле, ликвидация человека как носителя идеи — весьма эффективный принцип борьбы.

Рёбате: Потому что боится коммунистов и обязан драться против них. Правда во все времена в том, что донос — это существенная форма политического действия. Что требуется от сторонника партии? Обличить соперника. Если Поповы⁷⁴⁶ оккупируют Калифорнию, Адольф Менжу, Грета Гарбо, Гэри Купер и половина Голливуда пойдут в кандалах по этапу за великие доносы, которые они сделали в 1947 году против своих коллег-коммунистов. «Дополнительная жандармерия», о которой так часто говорил Моррас, была хорошей сетью стукачей *Camelots du roi*⁷⁴⁷. Борцы PPF⁷⁴⁸, покрытые помоями и расстрелянные как стукачи за выдачу групп F.T.P.⁷⁴⁹, не делали, в общем, ничего плохого, кроме как подчинялись коду, который проклинает недонос как атаку на государство. Это бесчестие для адвокатов — не обратиться ни разу в таких случаях к гражданскому коду.

Кусто: Особенно с учётом того, что наши победоносные враги не стесняются себя, реабилитируют донос. Наутро после отбытия немцев Париж был покрыт плакатами, приглашающими добрых граждан настучать на грязных фашистов. Таким вот образом это не донос плох сам по себе, но ориентация, которую мы придаём этому долгу перед государством. Я говорю «долг», потому что это трюизм, что ни одно общество не может функционировать, если любители не сотрудничают с профессионалами в деле поддержания порядка.

Рёбате: И никакая военная операция невозможна без службы разведки.

Кусто: Что не мешает тому, что доносчики и шпионы, несмотря на свою необходимость, страдают от законной дискредитации. В девяти случаях из десяти действуют ради наживы: никогда не будет достаточно плевков для доноси-

---

⁷⁴⁶ Roroff's, презрительное имя нарицательное русских, его употребляет в таком же значении и писатель и дипломат Поль Моран в своих дневниках.

⁷⁴⁷ Правая организация.

⁷⁴⁸ Оккупационная милиция.

⁷⁴⁹ Бойцы Сопротивления.

ков этого сорта. Также есть что-то глубоко отвратительное в двуличии, которое даже бескорыстные стукачи вынуждены использовать для получения своей информации. Это, конечно, личная точка зрения, вопрос темперамента. Все шпионы без разбора вызывают у меня отвращение.

Рёбате: У меня тоже!

Кусто: Я не вижу себя симулирующим чувства, которых не испытал бы, множа улыбки и поклоны, поднимая стакан и преломляя хлеб с людьми, гибель которых была бы вызвана моим словом... Это невысказано. Но если бы случай подтолкнул меня обнаружить сеть террористов во время оккупации, я бы без малейших колебаний, без малейших угрызений совести приказал их уничтожить.

Рёбате: Да, но случая недостаточно.

Кусто: Это хорошо, что мы полагались только на случай, что не открыли никакого заговора и что материально у нас нет крови на руках (морально — много, но это другое дело...). Итак, чтобы проникнуть в секреты врага, необходимо помочь удаче и искать секреты там, где они есть, предаваясь извращениям, которых требует такое предприятие. Вот тут я вздрагиваю. А может, я ошибаюсь...

Рёбате: Марксисты сказали бы, что у тебя предрасудки мелкого буржуа.

Кусто: О! Я знаю хорошо, что чистые коммунисты не делают таких клише. Они согласны запачкать руки. И они правы. Верю, что я был решительно не годен для настоящей революционной акции. Я себя легко утешаю. После всего я боролся за спасение определённого числа аристократических ценностей, и эта борьба не имела бы никакого смысла, если бы я сам отказался даже от одной из этих ценностей.

Рёбате: Это один из аспектов проблемы: любая из задач разведывательной службы требует исключительных и сомнительных навыков. Я всегда с трудом понимал, как парень из приличной семьи вроде Стае мог три года с лишним практиковать ремесло фальшивого сопро-

тивленца⁷⁵⁰. Успех в шпионаже предполагает довольно беспокойное нутро природы человека. Мы посещали шпионов довольно часто — пять лет, чтобы знать, в чём состоит их работа. Забавно, что эти персонажи мешка и верёвки⁷⁵¹ возвышаются именно в тот момент, когда побеждает партия, которой они больше всего служили. Я думаю о череде французских «героинь», украшенных вплоть до бородача.

Кусто: Если мы говорим о «долге», то, очевидно, среди профессионалов это понятие самое слабое. Если мы говорим о «ценностях», нужно сказать, что чистота должна быть довольно редкой, даже в самом политическом доносе.

Рёбате: До какого момента склонность к трусости не преобладает у бойца — как бы он ни был убеждён в своих взглядах, — который «сдаёт» соперника противнику? В любом доносе есть по меньшей мере незелегантность. Но кто может в политической битве льстить себе возможной элегантностью? Стукач кладёт вам в руки документы, которые приведут к заключению, может быть, к смерти опасного соперника. Каков политический журналист, который откажется использовать эти документы, публикуя их или передав соответствующим властям? Этот человек не существует. Такое невиданно. Я бы хотел высечь в камне, что, как только мы касаемся политики, мы пачкаемся в доносе. Эта уверенность могла бы быть существенной причиной невовлечения⁷⁵².

Кусто: И ты прав, подчёркивая, что в самом бескорыстном доносе всегда есть доля трусости. Несчастье других — это удовлетворение, в котором мы редко признаёмся, но которое присуще виду в целом.

Рёбате: Пруст написал об этом определяющие вещи...

---

⁷⁵⁰ Jacques Staès, студент-медик, расстрелян в Монруже в 1947 году. Под фальшивым именем «маки» внедрялся в ряды Сопротивления и многих выдавал. В вечер оглашения своего приговора, возвращаясь из дворца правосудия, он резюмировал свой процесс: «Это не были свидетели обвинения, это было обвинение свидетелей».

⁷⁵¹ Аналог плаща и кинжала.

⁷⁵² В донос.

Кусто: И что сказать тогда о дозе трусости донощиков, которые НЕ не заинтересованы? Иногда скупость является единственным мотивом, который перевешивает все остальные соображения. Есть осведомитель государственной чистоты, если я осмелюсь использовать это слово. Упомянутый Лебук⁷⁵³. Вот модель, тюремная реплика «Ворона». Он стучал как дышал, из любви к искусству, чистой любви к стуку, как спорту, без всякой необходимости, даже без того, чтобы озаботиться преимуществами, которые ему это даст. И он «закладывал» не важно кого: товарищей, врагов, сокамерников, он заложил даже отца и мать... Я верю даже, что он дошёл до такой любви к искусству, что платил за то, чтобы «заложить». Не всегда достигаешь такого перфекционизма. Другие стукачи более **нюансированные**.

Рёбате: Да, но мы входим, кажется, во владения патологии. Мы всё ещё соседствуем с десятками «лебуков». Даже физика этих очаровательных созданий Доброго Бога нас научает: это больные, донос становится для них рефлексом. Морально, если я ещё могу употребить этот термин для ускорения речи, они не ответственны или в любом случае их ответственность весьма слаба. Они выполняют природную функцию. Это не вина скунса — то, что он воняет. Но было бы любопытно узнать «мирное» использование этих людей в обществе, показательное, конечно, но не всегда.

Кусто: Лебук был шефом персонала завода.

Рёбате: Хе-хе! Вот приятный аспект капитализма. Бьюсь об заклад, что Лебук был весьма уважаемым и почитаемым и выполнял те же самые задачи, которые стояли ему здесь, в тюрьме, нелюбви наших тюремщиков. Было бы интересно ещё рассмотреть всех стукачей с точки зрения морали, понять, какова часть удовольствия, ко-

---

⁷⁵³ Leboucq, бывший глава большого индустриального предприятия. Осуждён на 20 лет тюрьмы за работу на врага, на самом деле — за доносы. После трёх лет работ освобождён досрочно, комиссия по помилованию благосклонно приняла к вниманию его досье осведомителя в тюрьме (уже французской).

тору ю они испытывают в их благочестивой работе. Мы имели уже, перед тем как попасть сюда, удовольствие видеть миленькие документы о блядстве ближних⁷⁵⁴. Но какие новые перспективы! Мы не сможем никогда больше забыть донос всякий раз, когда глядим на общество или историю. Поздравим себя с этим, вот ещё один шаг, который мы делаем в познании реальности.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
тюрьма Клерво (Франция), 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
июнь 2022.*

---

⁷⁵⁴ Очевидно, ознакомились с доносами на себя.

ДИАЛОГ ПЯТНАДЦАТЫЙ: «ГРЯЗНЫЕ НОГИ» САРТРА

Бывают времена, когда презрение следует расходовать скупко
из-за большого числа нуждающихся в нём.

Шатобриан

Последний номер *Temps Modernes* только прибыл в библиотеку. Эсэсовец Маршиер⁷⁵⁵ и Рёбате бросились вниз, плечом к плечу, чтобы прочитать поскорее продолжение большого текста Сартра о Жане Жене⁷⁵⁶, профессиональном осведомителе полиции, воре, поэте и, по всем этим причинам, одной из самых свежих знаменитостей французской литературы. Рёбате провыл от радости:

Рёбате: А! Как красиво! Это вершина Сартра: метафизика гомосетины. Послушай меня немного, Пак⁷⁵⁷! «Это Посещение совершается, как и подобает, не благородными частями, как у мистиков, превыше всего ценящих интеллектуальную интуицию, а низшими частями, теми, которые созданы для экскрементов. Зло, преступник... Жене, сам он не экскремент ли общества? Даже ожог, который он ощущает, неоднозначен, противоречив по своей сути. Педераст игнорирует, в раздражающей кислотности своей боли, извергает ли он экскременты или открывает себя для инородного тела...»

Говоря по-французски: он не знает, срёт он или его ебут!⁷⁵⁸

---

⁷⁵⁵ Marschier, речь, очевидно, о прозвище, поскольку никаких данных о заключённых Клерво с такой фамилией переводчик не нашёл, а по-немецки Marschier — это маршевая песня СС.

⁷⁵⁶ Jean Genêt.

⁷⁵⁷ От аббревиатуры имени и фамилии товарища, Пьер-Антуан Кусто.

⁷⁵⁸ После прочтения и перевода абзаца Сартра переводчик намеревался составить примечание с кратким объяснением смысла текста, в котором «посещение» — это присутствие инородного тела в зад... к счастью, Люсьен Рёбате одной фразой избавил переводчика от необходимости составлять примечание-толкование слов Сартра.

«И в то же время» — продолжает Сартр — «в этой жалкой и смешной позе, среди своих страданий и разлужения, это всё же его Бог, которого он принимает».

И если Рёбате продолжал лопаться от счастья, то Кусто нахмурился.

Кусто: С ума сойти! Это хуже даже, чем подражать Сартру. После подобного никакая карикатура невозможна⁷⁵⁹...

Рёбате (увлечённый чтением): И послушай это вот ещё, определение Страдания:

«Страдание — это, чтобы говорить как Гегель, Зло, преображённое в абсолютное существо». И вот ещё о рабстве: «Вокруг этого горизонтального отношения, оси феодализма (ах, как я люблю эту «ось»! — Рёбате) горизонтальные отношения сопоставления упорядочиваются...»⁷⁶⁰

Это если не вспоминать о том, что феодализм к рабству не имеет никакого отношения, попросту Сартр — невежда.

Кусто был ошеломлён. Не то чтобы эта лексика была ему незнакома. Поскольку, чтобы заставить его испустить свои преступления, администрация тюрьмы заставляла Кусто переводить американские брошюры, написанные на гуссерлевском⁷⁶¹ жаргоне, никакое оскорбление французского языка уже не отталкивало его. А от Сартра он ожидал всего. Но всё же не этого!

Кусто: Этот вонючий человечешка, он заканчивает, говоря с огоньком убийцы во взгляде. Морально его ноги провонялись. На сцене — грязные руки⁷⁶². В обуви —

---

⁷⁵⁹ После чтения «Дорог свободы» Сартра Кусто написал небольшой текст-подражание, насмешку над Сартром. Недостаточность этого пастиса-карикатуры очевидна. Чтобы опуститься ниже Сартра, следует быть Сартром. — Прим. Кусто и Рёбате.

⁷⁶⁰ Над такой речью издевался ещё Рабле, высмеивая псевдоучёных, их туманные, полные формулировок и «умных» смыслов пространственные речи, которые совершенно неточны, непонятны и, в общем-то, оставляют множество вопросов, главный из которых — зачем говоривший открыл свой поганный рот.

⁷⁶¹ Edmund Gustav Albrecht Husserl, 1859–1938, философ, атеист математик, немецкий еврей.

⁷⁶² Кусто издевается над театральной пьесой Сартра «Грязные руки», которая была написана в 1948 году и в которой Сартр возвращается к вопросу коллаборационизма, которым, кстати, вполне занимался, его пьесы ставили в оккупированном Париже.

грязные ноги! Экстравагантно то, что этот лупоглазый мужчина, что резвится так галантно с дыркой в жопе Жана Жене⁷⁶³, который находит эту дырку в заднице такой экзальтирующей и который её превозносит — если можно так сказать — на метафизические высоты, этот человек — высший цензор банды победителей, оракул, который решает, что Добро, а что Зло. Дырка в заднице Жана Жене — это, совершенно очевидно, Добро. А наши с тобой статьи (или просто мы с тобой) — это Зло.

Рёбате (не слышавший ни слова из сказанного Кусто, восклицает): Я вне себя от радости! Я давно знал, что такое Сартр: ублюдок, человек, у которого есть талант, заставляющий меня скучать, но он ещё и пешка и фарсёр, работающий в жанре привлечения буржуа. До сих пор эти два лика его Эго, если уж говорить о нём, были достаточно завуалированы.

Кусто: Теперь он их афиширует.

Рёбате: Господин, который пишет, когда говорит о херах, что фокусник принимает в задницу: «Это искушение проходит без конца из эссенциализма экзистенциализма»... этот господин даёт на себя показания⁷⁶⁴. Есть, бесспорно, две вещи в литературе, которые эпатируют наших «непохожих», слова насчёт задницы и из философского жаргона. Сартр был виртуозом обеих жил. Но он только что смешал два жанра: говорил о Жене как педант Сорбонны. Это, без сомнения, высшее усилие. Но он не пойдёт дальше. То, что он уже здесь после пяти лет карьеры, это уже неожиданно. Это знак того, что каток экзистенциализма сворачивается. Больше невозможно всерьёз говорить о Сартре. Иначе это было бы абсолютно необходимо ради престижа, состояния персонажа.

Кусто (скептически покачав головой): Я в этом уверен, увы, намного меньше, чем ты. Какого чёрта нашим «непохожим» не продолжить воспринимать этого негодяя

---

⁷⁶³ Прозаик, писал о дне общества.

⁷⁶⁴ В тексте «квалифицирует себя сам», но переводчик счёл расхожую фразу авторства Д. Е. Галковского про показания более уместной в русском переводе.

всерьёз? Я, напротив, верю в вечную сартрианскую славу. У него есть всё, чтобы состояться во Франции «других»⁷⁶⁵. И у него, конечно, есть всё, что нужно, чтобы **другие** оставались верны. Для начала, если абстрагироваться от шарлатанских процессов (философский жаргон и искусственно скабрёзные сюжеты), фундаментальные темы Сартра — это старые, проверенные литературной традицией сорокавосемидесятников⁷⁶⁶ темы, которые идут от «Отверженных» до «Наны» и «Носильщицы хлеба»⁷⁶⁷: тихая проститутка, хороший грабитель, злобный мент, непокорная деревенщина... Это солидно, это гарантирует чек, это вложение отца семейства. Ты читал «Респектабельную путану»⁷⁶⁸?

Рёбате: Это l'Ambigu перед другой войной.

Кусто: И всегда найдётся во Франции для этого сорта «социальной» смеси публика, готовая освистать предателя и оплакать несчастье Фантины и Козетты. Сартр — это Виктор Гюго XX века. Что с того, что его трюки распознали всевидящие люди, как трюки «Отверженных» в тот же день разоблачил Флобер. Это не помешало ни укрепить его славу, ни продлить её.

Рёбате: Конечно, Жан-Поль⁷⁶⁹ замечательно адекватен своей эпохе. Он в ней как рыба в воде. Прежде всего вы хотите получить от Сартра суждение о внешнем мире, чтобы доказать, что сплетников, дерьма, мухоловок там большинство. Это хорошая точка зрения, я её одобряю. Но меня Сартр интересует «сам по себе». Потому что если утешительно думать, что великий гений эпохи есть этот жонглёр, этот педант, то факт остаётся фактом:

---

⁷⁶⁵ То есть сторонников Пятой Республики.

⁷⁶⁶ 1848 год, революция и Коммуна, настоящий ИГИЛ в центре Парижа в середине XIX века.

⁷⁶⁷ Роман Ксавье Монтепена, сентиментальная сага.

⁷⁶⁸ Роман Сартра, позже экранизирован. Речь о литературе Третьей Республики, масонской, сентиментальной и эксплуатирующей эротический элемент; и правда, нет ничего более отвратительного.

⁷⁶⁹ Сартр.

жонглёр и педант обладают всеми прерогативами гения и наше презрение не больше, чем улиточная слизь.

Кусто: Можно всегда надеяться, что Сартр в один день отправится в темницу между четырьмя полицейскими-калмыками. Но полицейских-калмыков ещё долго ждать⁷⁷⁰.

Рёбате: Да и, кроме прочего, я убеждён, что Сартр не станет их ждать. Не найдётся самолётов для нас, заразных фашистов, если у нас ещё будет несчастье толпиться на земле Европейского континента, но найдётся целая эскадрилья для всей уклонистской клики, марксистской, но не коммунистической, «Нового времени», напуганной до усрачки. Я жажду более конкретной и быстрой мести. Я четыре года высматривал трещины во всё ещё экстравагантном постаменте, на котором поднялся Сартр. Я тебе говорю, что это случится.

Кусто: О! Ты веришь?

Рёбате: Это не я сказал, что литература «освобождённая» — это полный провал, это бывшие **сопротивленцы** сами провозгласили, те, которые верили, что 1945 год откроет новую эру, и которые констатировали пятью годами позже, что этот ренессанс заканчивается серией пердежа.

Кусто: Провал бесспорен.

Рёбате: Сартру удавалось не отставать из-за того, что он уже набрал бабла, из-за превосходной болтовни, которой он был окружён, из-за таланта, к сожалению, бесспорного, который у него есть во многих областях. Но он подходит к концу. Нет, ты меня хорошо понимаешь, я нахожу неслыханным, что мы посвящаем пятьдесят страниц профессиональному ублюдку, я бы даже сказал, что это интересная тема. Но именно тон, мораль, которые Сартр пытается извлечь из этого исследования, указывают на то, что мы приближаемся к концу жанра. Если Сартр будет упорствовать, а это похоже на его характер торгаша, то ему ко-

---

⁷⁷⁰ Кусто говорит о том, что вся Европа станет коммунистической, включая Францию, в 1951 году угроза выглядела вполне ошутимой.

нец. Мы увидим его сенсационное падение. В любом случае это месть, на которую я надеюсь. Потому что, ради Бога, если я и желаю зла кому-то, так это ему.

Кусто (киво улыбуновшисъ и косо посмолров): Я верю, что это человек, которого я ненавижу больше всего на свете. Если Сартр внушает мне такую ненависть, это не потому, что он враг посреди врагов, и не потому, что он любит всё, что я презираю, и он презирает всё, что я уважаю. В мире миллионы и миллионы людей, которые думают не так, как я, и было бы ребячеством с моей стороны впадать в ненависть к ним. Намного удобнее их игнорировать, как если бы их не существовало. Сартр, вот его я не могу игнорировать. И как только о нём заговорили, я тоже не выдерживаю и начинаю трепетать от этого эпитета.

Рёбате: Эпитет, эпитет... это вентиль. Это хорошее оружие во время боя, оно всегда у нас под рукой. У нас было право злоупотреблять этим, когда мы были молоды, потому что мы мало знали. Но сегодня мы знаем факты и жесты наших современников. Я считаю, что теперь гораздо эффективнее рассказывать о людях, описывать их, а не квалифицировать.

Кусто: Ты прав, Люсьен. Но это сильнее меня. Это на меня действует, как красная тряпка на быка. Я вижу красное, повторяю, потому что Сартр не только враг, а потому что для начала это бесчестный человек, потому что он глубоко, по существу, нечестен, потому что он постоянно жульничает, от первой до последней строки каждой своей книги, каждой своей статьи, потому что он жульничает, как другие дышат, по вкусу, по потребности, по натуре. Я готов безнадежно драться со всем миром, но не с человеком, который никогда не использует ничего, кроме запрещенных ударов. С мошенником не спорить.

Рёбате: Не вопрос дискутировать с Сартром. Он сам не спорит ни с кем, разве что с несколькими криптокоммунистами, которые могут украсть у него клиентов. Что нужно, так это описать его так точно, как только воз-

можно. И то, что ты говоришь о его бесчестности, весьма полезно для этого описания.

Кусто: Это доминирующая черта этого человечешки, его основной контур, то, что сначала рисует художник, сидя перед моделью.

Рёбате: Я тебе говорю уже много времени, что я учуял в философии Сартра большое мошенничество, за которое заплатили современные немцы. Теперь кажется, что это мнение самих немцев, всех тех, кто посещал Гуссерля, Хайдеггера и других абстракционистов. Сартр беззащитно грабил их.

Кусто: Удивительно то, что его ещё не описали более открыто.

Рёбате: Но, без сомнения, французские философы не заинтересованы открыть процесс плагиата, на котором они бы быстро перешли со скамьи свидетелей на скамью обвиняемых. Заметь, что я всё более склонен верить, что любая философия — это мошенничество, в каком-то смысле. Но в случае Сартра речь идёт о простом и чистом мошенничестве: он крадёт у других авторов их наблюдения, словарь, методы.

Кусто (улыбнувшись): Ты понимаешь, что у меня нет необходимой компетенции определить украденную часть в философском труде Сартра.

Рёбате: Да и у меня тоже, кстати.

Кусто: Во всей Европе не найдётся двух-трёх десятков техников, способных продемонстрировать механизм этого самозванства.

Рёбате: Однако каждый раз, когда мы сталкиваемся с одним из этих техников, он спешит подтвердить, что Сартр довольствовался грубым выделением тех, кто возится с мелочами, упуская главное⁷⁷¹.

Кусто: Так что поверим им на слово. Но где помощь техников бесполезна, так это когда речь идёт о существовании человека «в себе». Невероятность его настолько

---

⁷⁷¹ «Возится с мелочами» — буквально, «грабят мух в зад», *enculeurs de mouches*.

очевидна, что всё же несколько чудовишно, что оно не подвергалось более серьёзному осуждению. Ни нами, ни друзьями, которые нам остались. Людьми напротив⁷⁷². Если в противоположном лагере есть честные парни, они не должны гордиться тем, что их «разводит» шутник такого калибра. Потому что понятно, не так ли, что Сартр — своего рода Папа Сопротивления? С момента Освобождения он возник, навязал себя и начал решать всё, раздавать удовлетворения и отлучения, отделять чистое от нечистого, выбирать между Добром и Злом. Из каких маки он вышел, этот понтифик⁷⁷³? Мне кажется, что если бы я рисковал немного своей шеей для Сопротивления, я бы, по крайней мере, задал себе такой вопрос. Итак, Сартр вышел из маки Deux Magots⁷⁷⁴.

Рёбате: Там мы очень мало рисковали крематорием⁷⁷⁵!

Кусто: И он перерезал на четыре части ужасно много волос⁷⁷⁶, но очень мало тевтонских глоток. Я не виню его за это: я виню его за то, что он притворяется тем, кем он не является, за то, что он является типичным фиктивным бойцом сопротивления 32 августа⁷⁷⁷. До 32 августа он не дожидался бошей из-за угла⁷⁷⁸, а сам, как и все, опубликовался с одобрения пропагандистского штаба⁷⁷⁹, посвятив свои труды лейтенанту Хеллеру⁷⁸⁰. И пьесы его разыгрывали — всегда с одобрения Штаба немецкой пропаганды — перед рядами джентльменов в зелёном⁷⁸¹. Это

---

⁷⁷² Оппоненты.

⁷⁷³ «Маки» — боец Сопротивления, а Сартр не участвовал в Сопротивлении.

⁷⁷⁴ Кафе в Париже, где Сартр и провёл всю войну, как и подавляющее большинство французских интеллектуалов.

⁷⁷⁵ То есть риск попасть в концлагерь за распитие вина и болтовню в кафе был минимален, что справедливо признаёт Рёбате.

⁷⁷⁶ То есть совершил множество ненужных вещей, «перерезать волос на четыре части» — устойчивое выражение, синоним лишнего действия.

⁷⁷⁷ Расхожее выражение, обозначающее человека, который присоединился к Сопротивлению после войны, в августе ведь 31 день.

⁷⁷⁸ Чтобы напасть.

⁷⁷⁹ Чтобы подчеркнуть коллаборационизм Сартра, Кусто употребляет немецкие слова, говоря *imprimatur de la Propaganda Staffel*.

⁷⁸⁰ Глава немецкой цензуры в Париже.

⁷⁸¹ Немцев.

я видел своими глазами. Я был на генеральном прогоне «За закрытыми дверями»⁷⁸².

Рёбате: А вот я там не был, мне хватило и «Мух»⁷⁸³. Я ошибался, так как, кажется, «За закрытыми дверями» намного лучше «Мух». Во всяком случае, на «Мух» в театре Сары Бернар слетелось не меньше фриков, чем во Вье Коломбье⁷⁸⁴. И, если я не ошибаюсь, Сартр делил плакат с Полем Мораном, сотрудником Лаваля, послом Петена, короче говоря, ужасным фашистом⁷⁸⁵.

Кусто: Опять же, меня не шокирует, что он работал, этот писатель, чтобы развлечь оккупационную армию. Что у меня вызывает тошноту⁷⁸⁶, так это то, что он имел наглость написать — в Situations III⁷⁸⁷, мы можем найти ссылку — что во время Оккупации парижане жили в страхе, что все французы горели желанием — представляете! — возобновить борьбу и что он, Сартр, был охвачен беспомощной яростью и движимый бесстрашием — я не выдумываю! — продолжил слушать английское радио во время оповещений о бомбёжках вместо того, чтобы спускаться в подвал.

Рёбате: Круче, чем красивое движение подбородка Барреса⁷⁸⁸!

Кусто: Зрители «За закрытыми дверями» (*я был не один и там были, в конце концов, не только немцы*) должны быть зафиксированы на патриотической неприимости хорошего человека. Он, кажется, тоже планировал возражения, поскольку после Освобождения была новость о новой «премьере» «За закрытыми дверями», и

---

⁷⁸² Пьеса Сартра, написанная в 1943 году и поставленная в 1944 году в мас, в ещё оккупированном Париже, пьесу нельзя было поставить без одобрения цензуры.

⁷⁸³ Спектакль по пьесе Сартра.

⁷⁸⁴ «Старая голубятня», театр, где поставили «За закрытыми дверями».

⁷⁸⁵ Поль Моран — выдающийся писатель, впоследствии член Французской Академии, антисемит, дипломат Виши, в ходе чисток «леваков» не пострадал, первый том его дневников издан в 2022 году.

⁷⁸⁶ Намёк на «Тошноту» Сартра.

⁷⁸⁷ Сборник статей.

⁷⁸⁸ Maurice Barrès, 1862–1923, французский политик, литератор, националист, поэтёр.

прессе было поручено напечатать, что другая премьера не считается, поскольку она была загрязнена презренным присутствием нацистов, и это была новость про **единственную только** премьеру, которая была правильной, настоящей. Всё это просто несерьёзно.

Рёбате: На днях мы говорили, что если бы Адольф выиграл войну, Сартр сейчас читал бы лекции в Гейдельберге, ставя свои пьесы в Берлине. В его прошлой деятельности не было абсолютно ничего, что могло бы помешать ему отстаивать свой национал-социализм. Его рассказ *Un Chef*⁷⁸⁹ мог бы заставить некоторых пуристов поморщиться: мы видим королевских камелотов⁷⁹⁰, которые собираются, в числе пятнадцати, чтобы избить еврейского эмигранта; затем самого смелого из банды поймел поэт-сюрреалист. Но Сартр наилегчайше продемонстрировал бы миру, что он заклеил в этом тексте реакционеров, маньяков-германофилов. Он бы выразил благодарность немецкой культуре, которой он, на самом деле, почти всем обязан. Он был бы добрым европейцем, который безмятежно продолжал свою работу мыслителя и писателя в Париже на протяжении всей войны, в то время как Жид, Мориак, Арагон, Бретон, Бернанос дезертировали или подло дулись.

Кусто: А поскольку мы знаем фрицев, можете не сомневаться, что они предпочли бы его эпилептикам из *Je Suis Partout*⁷⁹¹... Уже только это почти утешает меня в проигрыше. Было бы слишком уродливо оказаться на одной стороне с этим кретином... Но если несомненно, что Сартр бы легко адаптировался к режиму празднующего триумф фашизма, он был бы тем не менее слегка смущён в потайных уголках души, это не было бы совсем уж аутентично.

---

⁷⁸⁹ *L'Enfance d'un chef*, опубликован в 1939 году.

⁷⁹⁰ *Camelots du Roi* — патриотическая, националистическая и монархическая организация во Франции.

⁷⁹¹ То есть предпочли бы конформиста Сартра резковатым, пусть и честным, журналистам, вроде того же Кусто-старшего или Рёбате.

Рёбате: В то время как наше поражение действительно позволило Сартру «самореализоваться», поверить в то, что ему всё позволено, показать себя, каков есть.

Кусто: И прежде всего, беззастенчиво жульничать. Мне очень нравится его эссе по еврейскому вопросу. Там он превосходит самого себя. Все мнения, объясняет он в качестве вступления, законны и священны, но антисемитизм — это не мнение, это преступление по общему праву. Так что иди поговори с фанатиком, который объявит тебя вне закона, как только ты перестанешь разделять его мнение! Это напоминает мне первый сеанс у Зусмана⁷⁹².

Рёбате: Определённо, мы много говорим об этом хорошем членососе!

Кусто: Я ссылаясь на перемирие и правительство Виши, чтобы оправдаться. «Предупреждаю вас, — сказал он почти по-отечески, — что ни один суд не примет ваш аргумент: не было перемирия и не было правительства Виши». Сартр поступает так же и с евреями: евреев не существует. Они являются изобретением антисемитизма (антисемитизм является своего рода абстракцией, предшествующей евреям, как Бог Отец предшествует созданию).

Рёбате: Неплохо...

Кусто: Но Сартр идёт ещё дальше. Эти евреи, из-за которых он только что кричал, доказывая, что они не существуют, что они — порождение разума, тем не менее... он утверждает, что они выше (те, кто не существует!) не-евреев. Если это не интеллектуальная нечестность, то это потому, что слова больше не имеют никакого значения... игра в демонстрацию чего-либо, а точнее, что коллаборационисты (его любимая мозоль с тех пор, как он перестал быть коллаборационистом) являются «маргинальными» элементами, которые исходят из «явления диссимилиации, идентичного преступности»⁷⁹³.

Рёбате: Действительно, есть фундаментальная нечестность в том, чтобы использовать все средства диалекти-

---

⁷⁹² Alexis Zousmann — судья Рёбате, Кусто и многих других коллаборационистов.

⁷⁹³ Цитата из Сартра, который пишет так, словно говна пожевал.

ки, давить читателя самыми суровыми абстракциями, чтобы утверждать, что Бодлер объясняется исключительно его нечистой буржуазной совестью или что автор, который мыслит не демократически, не может писать хорошую прозу. Я уже говорил тебе об этом удивительном утверждении. Оно появляется в заключении крупного исследования Сартра «Что такое литература?», которое местами очень умно. Но такого рода ум есть у мошенника, который может использовать сокровища изобретательности и таланта, чтобы получить чек от своего соседа. И нечестность Сартра проявляется не только в его non-fiction books, как говорят американские библиотекари.

Кусто: Конечно! Именно в своих романах Сартр достигает максимума неправдоподобности. Потому что там фокусничество даже проще. Но последний всё же великоват... У тебя есть описание прибытия Фризу в Париж в июне 1940 года, в третьем томе «Путей Свободы»?..

Рёбате: Думаю, да!

Кусто: Если бы Сартр довольствовался тем, что кричал на бошей, это было бы правилом игры, он антифашист. Нацисты осуждают его. Отлично. Но Сартр даже не кричит на бошей. Он намного злее. Он принял их Даниэлем⁷⁹⁴. В этом Париже, раздавленном поражением, запятнанном захватчиком, униженном плотью и душой триумфальным вступлением врага, один человек ликовал, один только, но безоговорочно, страстно, с приступами эротической радости. Буквально намокал при виде немцев. Этот человек, которого поражение его страны заливают таким счастьем, он педераст, педераст с большой буквы П. Тут, старичок, обман огромен. Сартр-мыслитель превозносит в себе Педераста. Романист-Сартр прибегает к арсеналу народных предрассудков, иссохших в «Новых временах», чтобы лучше подавить соавторов, чтобы в сознании читателя отождествились коллаборационизм и педерастия. С одной

---

⁷⁹⁴ Персонаж-педераст «Дорог свободы», в тексте которых Сартр настаивает на праве каждого гражданина быть или не быть педерастом, вынося вопрос за скобки морали.

стороны, он славит пидараса Жене. С другой — относится к коллаборационистам как к мудакам... Как вы хотите, чтобы мы играли с джентльменом, который постоянно вытаскивает из карманов меченые карты?

Рёбате: Но это то, что поспешили сделать все наркоманы, желавшие противостоять Сартру: иезуиты, занимавшиеся с ним схоластикой, Бутан⁷⁹⁵, древний дождевик Габриэль Марсель⁷⁹⁶, который ему отвечал с долей философии — и какой философии! — или даже бедный Молнье. Точнее всего целится, кстати говоря, старый змей Мориак, когда шипит, что Сартр безобразен, как вошь, и косоглаз... А вы мне говорите о «Смерти в душе». Вот ещё одна книга, которая доставила мне огромное удовольствие, удовольствие, которое испытываешь, когда видишь, как враг совершает непоправимую ошибку. Ты видел эту сцену со шпилем? Матьё, чтобы самореализоваться, стреляет последними патронами⁷⁹⁷ по башням 18 июня! Восемьсот страниц, не лишённых таланта, к тому же великого романтического произведения месье Сартра, ведут к гомику Альфонсу де Невиллю⁷⁹⁸.

Кусто: Мне бы хотелось увидеть лица учеников во Флоре, в «Ромовой Мартинике»⁷⁹⁹, в тот день, когда они прочитали этот небольшой текст...

Рёбате: В 1945 году Сартр был повальным увлечением среди молодых парней, которые метались между коллаборационизмом и голлизмом, сюрреализмом и попами и ожидали от экзистенциализма своего рода молит-

---

⁷⁹⁵ Пьер Бутан, временный секретарь Морраса, немного моложе Рёбате, адъюнкт-профессор философии, решил во время оккупации не разрывая с Моррасом и остаться в Виши. Отсюда враждебность, которую Рёбате питает к нему.

⁷⁹⁶ Gabriel Honoré Marcel, 1889–1973, критик, писатель.

⁷⁹⁷ Аллюзия на картину Альфонса Нёвилля, на которой французы отстреливаются последними патронами.

⁷⁹⁸ Герой книги, Матьё — левый интеллектуал, это персонаж, в которого Сартр вложил большую часть себя. Матьё в принципе отстранён от всех традиционных дисциплин, является номинальным врагом всех конформизмов и смутно марксист, как бывает марксистом француз, без отказа от бытовых удобств и «маленьких удовольствий».

⁷⁹⁹ Кафе.

венника анархии. Мы не можем винить их, не так ли? Но вы никогда не заставите меня поверить, что упомянутые ребята с восхищением таращатся перед биглем⁸⁰⁰, затронутым демократическим бредом, который переходит от гегелевской тарабарщины к трёхцветным мыльным операм, и всё это оцетинивается бóльшим количеством заглавных букв, чем «Четыре ветра духа» (*Les Quatre Vents de l'esprit*) Гюго. Если Сартр потеряет аудиторию «интеллигенции», то вот с чем он останется: это явно будет не рабочий класс, который никогда не читал и никогда не прочтёт ни строчки из социалистического Сартра, из прогрессивной Симоны де Бовуар. Говорю тебе, эта группа далеко не уйдёт. В противном случае ему придётся изменить курс странным образом.

Кусто: На днях ты указал мне на это: главный недостаток этих шутников, замаскированных под анархистов, состоит в том, что они по сути своей моралисты.

Рёбате: Этот камуфляж тоже лохотрон.

Кусто: Мы понимаем, что он⁸⁰¹ имел определённый успех у молодых людей вначале, объясняя им, что он не столкнулся ни с какими последствиями от того, что прокинул свою мать, гадил на ковры и воровал в магазине, что для него важно было «состояться» любыми способами: лови, как ловишь⁸⁰². При этом ему говорят: «*Ладно, буду реализовывать себя в СС*». И вы видите, как они⁸⁰³ тут же прыгают, как Мориаки, в купель со святой водой, заламывая руки и взвизгивая, что это мерзость запустения, что прилично «реализовываться» только в интернациональных бригадах⁸⁰⁴. Если спросишь, почему, тебе заткнут пасть. Блядское божье имя! Ебать! Чтоб тебя! И никакого ропота! В интербригадах «реализуют» себя, потому что это приказ полковника. В некотором роде ка-

---

⁸⁰⁰ Порода собаки, намёк на косоглазие Сартра.

⁸⁰¹ Сартр.

⁸⁰² В тексте *catch as catch can*.

⁸⁰³ Левые.

⁸⁰⁴ То есть только на стороне «левых».

тегорический императив покойного господина Канта, окрещённый «историчностью», чтобы слегка приправить сухость соусом. Благодаря историчности ты больше не можешь пошевелить пальцем, чтобы твой жест не был украшен коэффициентом морали. Всё, что ты делаешь, является историческим или антиисторическим, то есть Добром или Злом. Раньше, по канонам традиционной морали, существовали ещё нейтральные сектора. У Сартра их больше нет. Он двадцать четыре часа в сутки погружает вас в нравственность. И какая мораль!

Рёбате: Мораль Гюго, старик! Мораль Беранже...

«На колени перед кепкой

Снимаю шляпу перед рабочим...»

Прекрасное достижение для философа-авангардиста...

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
библиотека тюрьмы Клерво (Франция), октябрь 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
май 2022.*

Небольшой безобидный пастиш на «Дороги свободы» Сартра, авторства Пьера-Антуана Кусто. Перевод В. Лорченкова.

Крыса кончилась, русский срал, поляк был пьян, а португалец хохотал, повторяя «ха-ха» без того, чтобы его собеседник, не то чтобы полиглот, понимал его намерения. Франко пил пот народа из чеканного серебряного кубка. Отец Даниэля расстегнул ширинку и сказал сыну: «Давай». Отто не нашёл свой счёт и псалмировал: «zwei und zwanzig, drei und zwanzig, vier und zwanzig». Туман стыда окутал престижные кварталы. Жезл отца Даниэля был точно откалиброван под рот его сына. На четвёртой вершине было ровно пять часов сорок. Всё ещё смеясь, португалец повторял «ха-ха». Даниэль почувствовал, как уже влажный фрукт затвердел у него в зубах. «Как это можно назвать, —

подумал он, — во всяком случае, не Эдиповым комплексом, потому что тогда это была пизденка Иокасты Jocaste Laïus. Должно быть, это комплекс Лайуса, но это не точно. Пот людей вызывал тошноту у Франко. Он слишком много выпил. Он предпочёл бы немного крови, но архиепископ Толедо посадил его на диету. Отто понял, что у него было на двоих людей⁸⁰⁵ слишком много. Горячая, липкая и вязкая жидкость проникла во дворец Даниэля. И вдруг он подумал о международном фашизме. Итак, несмотря на свою вежливость и желание реализовать себя, он не мог не выплюнуть сперму отца на пол.

(27.11.1949–02.06.2022)

---

⁸⁰⁵ Чью кровь он выпил.

ДИАЛОГ ШЕСТНАДЦАТЫЙ: ВСЁ ПРОПАЛО

Если мы проиграем войну, то из-за политического кретинизма немцев, которые не хотели действовать со здравым смыслом и чувством меры и которые преобразили Европу в извергающийся вулкан.

*Муссолини, 8 октября 1942 года,
политический журнал графа Чиано*

Представители обычных видов, сконцентрированные в одном месте, столь же ограничены в выборе своих разговоров, как и в своей физической эволюции. Четыре-пять тем для разговора, не более, составляют фонд тюремной риторики. Можно говорить о супе, о его густоте, о его достоинствах... вот забота номер один всех узников всех времён и народов в пору дефицита. Но этой осенью 1950 года никто не голодал в Клерво, и густота супа не вдохновляла ораторов. Можно говорить также о своём деле, о несправедливости юстиции⁸⁰⁶ и о молниеносных, но почти всегда выдуманных постфактум репликах, которыми ты прибегал к земле правительственного комиссара.

Можно также говорить — просто чтобы показать, что мы не поддаёмся чепухе исправления — о сложных пытках, которые будут применимы к нечестивым, когда Санта-Клаус откроет двери тюрем и вернёт хорошим парням право ходить по тротуарам⁸⁰⁷.

Наконец, мы можем изменить конъюнктуру. Из всех тем для разговора это самая легкомысленная и самая неисчерпаемая. В течение пяти лет Кусто и Рёбате слышали, как их товарищи тысячью способов, с неизменной изобретательностью, выигрывали Вторую миро-

---

⁸⁰⁶ В тексте игра слов — *injustice de la justice* — «несправедливость справедливости» и «несправедливость юстиции».

⁸⁰⁷ Выражение из Средних веков, означающее «право занимать высокое положение в обществе», в Средние века при встрече двух пешеходов на узкой полосе у дома сойти вниз, в нечистоты, которые сливались прямо на дорогу, обязан был тот, кто занимал низшее положение в социальной иерархии.

вую войну. Обычно авторы сторонились этого раздражающего бреда: «Ах! Если бы мы сделали то или это... если бы Дорио пришёл к власти... если бы у люфтваффе были самолеты... если бы американцы были сброшены в воду в Салерно... если бы Заукель⁸⁰⁸ не создал маки... Если бы японцы напали на русских... если бы испанцы захватили Гибралтар» и т. д.

Кусто: А если мы разок поступим, как другие?

Кусто сделал это предложение, когда дождь выгнал его со двора, но рабочего настроения у Пьера-Антуана не было.

Кусто: Что если мы попробуем свести к нескольким простым случаям проигрыш этой войны, которую фашизм, казалось, выигрывает.

Рёбате пророчал: Оставь меня в покое. Я не интересуюсь больше твоими дуростями.

Кусто: Дурости не дурости, но всё же законно интересоваться этой войной, которую нам вменили в вину, как будто мы её хотели и её проиграли...

Рёбате: А! Уж ни черта мы не хотели её! И в момент Мюнхена, и когда настал Данциг⁸⁰⁹, нас готовы были швырнуть в тюрьму за то, что мы не хотели войны ни за что.

Кусто: Это не самое смешное из противоречий наших противников. Нас осуждают на позор за то, что мы защищаем мир, и в то же время объявляют нас пособниками гитлеровских поджигателей войны...

Рёбате: В то же время мы были убеждены, что гитлеровцы победят Францию. Будь мы шизофрениками национал-социализма, как нас изображали Мандель⁸¹⁰ и Кирилис, психопатами, желающими войну...

Кусто: Война, которая должна была подтвердить триумф наших идей, тогда как мы страстно боролись за мир, который должен был увековечить французскую демократию.

---

⁸⁰⁸ Ernst Friedrich Christoph «Fritz» Sauckel, 1894–1946, деятель нацистской Германии, один из авторов идеи принудительного труда на территории Рейха, повешен в Нюрнберге.

⁸⁰⁹ Нападение на Польшу.

⁸¹⁰ Georges Mandel, 1885–1944, политик, убит милицией Виши.

Рёбате: Но как только война была проиграна — эта война, которая была войной демократов, — мы были бы безумны, если бы не воспользовались крахом режима, чтобы попытаться возродить страну с помощью наших идей⁸¹¹. Вот и вся суть нашей истории. И я буду настаивать до последнего вздоха, что это почётная история.

Кусто: В любом случае, если мы проиграли, это не наша ошибка.

Рёбате: Есть имя, которое резюмирует все грехи поражения, — Гитлер.

Кусто: Любопытная судьба! Это благодаря ему всё стало возможным. И это из-за него всё оказалось проиграно! Я тоже думаю о нём. Но человек, который проиграл эту войну, — не писатель, который написал *Mein Kampf*, а политик, который забыл *Mein Kampf*; не упустим, что *Майн Кампф* была написана в тюрьме, — мы кое-что об этом знаем! — в лучших возможных условиях для предвидения и ясновидения. Зек Адольф ясно различал, что нужно сделать, чтобы выиграть войну. Это было просто, с немецкой точки зрения: Англию нужно было пощадить, Францию уничтожить или сделать союзником и прежде всего избежать войны на два фронта. Адольф — капиталист-стратег поступил с точностью до наоборот и даже хуже...

Рёбате: Он оставляет Францию на ногах с правительством, он не занят Северной Францией, что лишает его контроля за Средиземноморьем. Было бы намного более мудро с его стороны предложить мир Петену. Нам объяснили, что мир с Францией не был возможен из-за военной безопасности Рейха. В то же время установление перемирия и докучливая оккупация не помешали высадке в Африке, шпионажу всюду, учреждению маки⁸¹², всё это не сделало более эффективной Атлантическую стену. Но мир с Францией, несомненно, слишком сильно противоречил положениям «Майн кампфа».

---

⁸¹¹ Под крахом режима Рёбате подразумевает крах Третьей Республики, а говорит о коллаборационизме.

⁸¹² Партизаны.

Кусто: Адольф недостаточно забыл «Майн кампф», чтобы разработать оригинальную политику.

Рёбате: Он достаточно напомнил себе об этом, чтобы заговорить нас с двумя зонами⁸¹³, военнопленными, которых он не выпускал⁸¹⁴, с S.T.O⁸¹⁵, с контрибуциями и обысками⁸¹⁶.

Я склонен также думать, что были и моральные идеи. Он оценивал, без сомнения, что французский народ должен немного искупить преступление, которое совершил, объявив войну Германии, и в свою очередь покушать чёрного хлеба. Но с такими чувствами политику не делают.

Кусто: Немецкая политика по отношению к Франции была, с точки зрения немцев, да и с точки зрения международного фашизма, худшей из возможных. Все признают сегодня, что немцы могли иметь интерес не оставаться в Бордо, броситься прямо на Алжир, оккупировать Гибралтар, сделать из Средиземного моря итало-испано-немецкое озеро... Эта политика постулировала оккупацию всей Франции.

Рёбате: Гитлер не понял необходимости этого⁸¹⁷.

Кусто: Это была его первая тяжкая ошибка. И, между делом, Сопротивление мало упрекает Петена и Лавалля в том, что они подбили Гитлера на эту ошибку, которая, без сомнения, помешала ему выиграть войну. Вторая тяжкая ошибка, почти немедленно последовавшая за первой, — отказ от планов атаки Англии. Все диванные стратеги этой тюрюги скажут тебе, что Гитлер должен был

---

⁸¹³ Две зоны, на которые разделили Францию немцы после победы.

⁸¹⁴ Германия предпочитала не выпускать военнопленных французов сразу и всех, сохраняя их как заложников, несомненно, с учётом прекрасного знания ветреной французской натуры.

⁸¹⁵ Служба обязательной работы, Le Service du travail obligatoire — угон раб-
ботников в Германию.

⁸¹⁶ Рёбате упрекает Германию за то, что та вела себя по отношению к фактическому союзнику, как к покорённой стране. В то же время Франция и в самом деле была покорена, к тому же, даже де факто будучи союзницей Германии, она предпочитала вести двойную игру, не сказав честно и открыто: «Мы с немцами, и ставим на карту всё», как сделала, например, Италия; Рёбате требует прав союзника для страны, которая не исполняла обязанностей союзника.

⁸¹⁷ То есть не стал воевать за Францию.

наброситься на Англию в июле 1940 года. Ну, после всего, легко говорить. Но тогда, я думаю, у Гитлера были затрудняющие обстоятельства. Предприятие было, без сомнения, затруднительным.

Рёбате: Мы могли бы также сказать, что первая ошибка была в том, чтобы принять войну, которой желали англичане, без обладания средствами побить англичан у себя дома. Очевидно, что в 1940 году у Гитлера таких средств не было. Ему не хватало флота, не хватало 100 000 парашютистов: а вот Черчиллю хватило мозгов не одалживать свои самолёты французским генералам⁸¹⁸, и ему было чем защищать небо.

Кусто: Всё же у англичан подгорела задница в июне 1940-го.

Рёбате: Согласно всем свидетельствам очевидцев, практически ничего не было на берегах Ла-Манша. Достаточно было, может, для Гитлера несколько тысячетонных судов, три или четыре дивизии парашютистов, чтобы пройти до Эдинбурга, что ничуть не замедлило бы его вход в Париж. Лиддел Гарт⁸¹⁹ открыл это во время допроса немецких генералов. Генералы намекнули, что Адольф намеревался договориться с Англией — всё те же частичные реминисценции Майн Кампфа. Он надеялся, что англичане пойдут на договор после французского поражения. Нехватка психологии и в то же время нехватка стратегии. В любом случае военная операция против Великобритании не была возможна после 15 июля. С тех пор следовало ждать, оставить гнить английскую войну, в то же время собирая могущественную армию вторжения, в Булонском лагере, с современной техникой. Кампания в России обошлась намного дороже.

---

⁸¹⁸ В таком случае Франция, конечно, присоединилась бы к Германии открыто, чтобы покончить с Британией раз и навсегда — *pour finir avec Angleterre pour toujours*.

⁸¹⁹ 1895–1970, британский историк, связанный со спецслужбами, впрочем, как все британские историки, теоретик военного дела, сторонник «непрямых» действий и противник лобовых атак.

Кусто: И эта кампания была ошибкой намного более тяжкой, чем предыдущие, ошибка капитальная, сказал бы я, если бы Адольф, пять месяцев спустя, не объявил войну Америке. В тот момент, признаю, я не осознавал всю величину этой ошибки.

Рёбате: Да и я тоже! Я был увлечён происходящим! Всегда кино, опера, искусство! И мораль. Наказание большевизма.

Кусто: В любом случае сегодня, спустя девять лет после произошедшего и после всего, что мы читали об этом вопросе, никакие сомнения невозможны: Сталин и не думал атаковать Германию. Это не его стиль. Его нынешнее поведение по отношению к американцам это подтверждает. Гитлер мог продолжать войну против Англии совершенно спокойно, организовать покорённую Европу и сделать её непобедимой... Тут, во всяком случае, речь не идёт о негро-белом кино⁸²⁰ в манере радикального социализма, компромиссе между верностью Майн Кампфу и забвением Майн Кампфа. Правило Майн Кампфа было жёстким: никакой войны на два фронта.

Рёбате: И был прецедент Наполеона, который был всё же «слегка» очевидным и должен был вдохновить Дюдюля⁸²¹ на некоторую осторожность.

Кусто: Операция стоила бы того, закончись она успехом за несколько недель. Затянувшись, она привела Германию к поражению. Нельзя всё же рисковать судьбой целой страны и революцией⁸²², когда предприятие так подвержено случайности.

Рёбате: Кампания в России соблазнила Адольфа, потому что это было предприятие пехоты. *Marschieren*, *Marschieren!* Маршируйте! Это замечание Адольфа-пехотинца становится, кстати, классическим. Мы поймём это через двадцать лет после выпуска из вуза. Адольф не

---

⁸²⁰ Кусто говорит именно «негро-белом кино», в оригинале — *nègre-blanc* вместо *poire-blanc*, то есть чёрно-белое.

⁸²¹ Гитлера.

⁸²² Национал-социалистической.

любил воду, никогда не интересовался тем, что происходит по другую сторону воды⁸²³. В этом вся история обожаемого Африканского корпуса. Фюрер управлял Роммелем, как министры-республиканцы — французскими колониями: никаких поставок, подмога маленькими партиями. Мы исписали бы кучу бумаги, объясняя, что Фюрер избил бы англичан гораздо жёстче, избеи он их в Египте, а не у них в Англии.

Кусто: У нас больше воображения, чем у него.

Рёбате: Он никогда об этом не думал. С десятью дивизиями помощи он взял бы Каир, откупорил Ближний Восток, спёр бы персидскую нефть в 1942 году⁸²⁴. Он не хотел перекидывать их с адского русского фронта, и с 200 дивизиями он не достиг кавказской нефти. Во имя Господа! Что мы делаем, занимаемся этой примитивной стратегией. И с таким опозданием, в конце концов, это становится одержимостью!

Кусто: Один раз не пидарас!⁸²⁵ Более мудро забавляться, выискивая причины наших поражений, чем пытаться понять, что Мак Артур предпримет завтра против корейк... Мы определили до сих пор три главные ошибки. Есть и четвёртая, которая — как я тебе сказал недавно — несравнимо более тяжела, и это объявление войны США. Здесь я ничего не понимаю. Было очевидно — бросалось в глаза — что Рузвельт горел нетерпением бросить свою страну в войну, но было и не менее очевидно, что изоляционистские чувства в США были слишком сильны, чтобы вступление в войну произошло легко. Опросы Gallup показывали, что 90 процентов граждан враждебно настроены к врагам из стран Оси, но и твёрдо враждебны к любому военному вмешательству. Никогда Рузвельт не

---

⁸²³ За пределами Европы.

⁸²⁴ Персидские месторождения взяли под контроль англичане и СССР.

⁸²⁵ Так переводчик позволил себе перевести выражение «один раз не обычай», *une fois n'est pas coutume*, что ничуть не противоречит склонности авторов книги употребить крепкое словечко.

получил бы от своего парламента⁸²⁶ позволение на вход в войну для США.

Рёбате: Был Пёрл-Харбор!

Кусто: Конечно, но это была японская агрессия. Гитлер не принимал сторону японцев. Они, кстати, тоже очень жались и отлично уклонялись от того, чтобы предпринять малейшие действия против русских. И ничто в сумме не заставляло Дюдюля бежать впереди хотелок Рузвельта. Америка продолжила бы продавать Англии самолеты cash and carry, но не смогла бы бросить все свои силы (и какие силы!) против Германии и уничтожить её систематически. В день, когда Гитлер провозгласил войну против США, немец действительно проиграл войну⁸²⁷. И чем больше я думаю, тем меньше понимаю причины этого катастрофического решения. Ты вот, ты их понимаешь?

Рёбате: На трезвую голову, нет. Оглядываясь назад, это, конечно, безумие. Но что ты мог бы ответить мне в декабре 1941 года, скажи я тебе: «Я не покину вас никогда, я продолжу писать против большевизма, христианских демократов и буржуа, но я не буду больше говорить о сотрудничестве с Гитлером, потому что Гитлер подписал свой смертный приговор. Мы не сотрудничаем с тем, кто ждёт смерти».

Кусто: Я бы решил, что ты идиот, принял тебя за голлиста⁸²⁸.

Рёбате: Я бы на тот же манер о тебе подумал, скажи мне такое ты. Я рассматривал войну ещё в военном смысле, да, как патентованный штабист. Я думал, что США не обладали армией и что до того, как американцы ей обзаведутся, будет достаточно времени для того, чтобы ре-

---

⁸²⁶ Так в тексте, речь о Сенате и палате представителей.

⁸²⁷ Но американцы спровоцировали немцев на объявление войны, поскольку ситуация стала для этого благоприятной, от самого Гитлера тут уже мало что зависело.

⁸²⁸ То есть все прекрасно понимают, что Де Голль принял сторону союзников просто потому, что видел, что Гитлер в конечном счёте проиграет, речь о расчёте, что союзники всегда понимали и за что всегда не любили Де Голля. Как писал граф Чиано в дневнике: «Французы создали три кабинета: Лавала — на случай победы немцев, де Голля — союзников, и Петена — перемирия».

шить исход войны на полях сражений в Европе. Я ни о чём не думал в эту зиму, кроме как о кампании в России, которая на самом деле беспокоила. Робер был также напуган в июне 1941 года⁸²⁹. Не помню, чтобы кто-то из нас демонстрировал большое воодушевление в декабре. Единственное пророческое слово, которое я храню в памяти, это фраза Вероники⁸³⁰, которая мне сказала: «Гитлер — дурак, он взвалил себе на спину целый мир». Думаешь, я принял это во внимание?! Мы были не меньшими имбецилами, чем Гитлер!

Кусто: Да, но он был главой государства и должен был быть поумнее нас. И сейчас мы знаем, что эту катастрофическую ошибку Гитлер совершил не скрепя сердца, не против воли, но радуясь⁸³¹.

Рёбате: Гитлер не верил в промышленность, в войну инженеров, он верил в войну бронированных гренадёров. И он любил эту войну. Он абсолютно не был знаком с военной мощью США. Это в любом случае единственное объяснение, которое я нахожу его поступку. Это объяснение не облегчает, между прочим, ужасающую ответственность Гитлера за его ошибку. Он проиграл войну в тот день⁸³².

Рёбате поднялся, чтобы найти одну дату в «Истории войны» Галтье-Боссьер⁸³³, участника Сопротивления, но верного друга заключённых из редакции *Je Suis Partout*.

Рёбате (с гримасой отвращения): Вот дерьмо! Послушай-ка: «Теперь война определённо выиграна. И будущее готовит нам две фазы: первая будет спасением Германии союзниками, что касается второй, я боюсь, что это будет война между русскими и американцами». Знаешь, кто это сказал? Большой Ублюдок⁸³⁴, 7 декабря

---

⁸²⁹ Робер Бразильяк, поэт, редактор *Je Suis Partout* до 1942 года, расстрелян после войны.

⁸³⁰ Супруга Рёбате, румынка.

⁸³¹ По свидетельствам Чiano, зятя Муссолини, который передаёт разговор с Риббентропом, Гитлер был **рад** войне Германии и США.

⁸³² День объявления войны США.

⁸³³ Jean Galtier-Boissière, 1891–1966, писатель, журналист, редактор журнала «Миномёт».

⁸³⁴ Де Голль.

1941 года, после атаки на Пёрл-Харбор. По меньшей мере в этот день он был не таким тупым ублюдком, как мы. Раздражает это признавать.

Кусто: Ничего это не раздражает, ведь это неправда!

Рёбате: Как это неправда?!

Кусто: Да, неправда! Эти слова **приписаны** Де Голлю полковником Пасси⁸³⁵. Это доказывает, может быть, что полковник Пасси был умён...

Рёбате: О! Я тебя умоляю! Умён! Французский полковник?!

Кусто: Умён, если он вообразил себе речи Де Голля наутро после Пёрл-Харбора. В любом случае, даже по определению, Большой Ублюдок не способен никогда произнести слова, которые не были последним дебилизмом. Не верю в это пророческое заявление. Всё это ничего не меняет в общем. Гитлер проиграл войну, решительно, на следующий после Пёрл-Харбора день. И все вторичные ошибки, стратегические ошибки, психологические — в сравнении с этой — не важны. Потому что, добровольно взвалив на спину за один раз и Россию, и Америку, Гитлер ступил. С того момента он мог лишь продлевать агонию. Некоторые мелкие ошибки это лишь ускорили.

Рёбате: Терпеть Виши до конца вместо того, чтобы поддержать французскую революцию⁸³⁶. Бросать русских в лагеря вместо того, чтобы их освободить... Есть также система «карманов» и защиты на месте⁸³⁷, которой его так горько упрекали генералы и которая стоила ему сотен тысяч хороших солдат. И ещё технические ошибки, насчёт Люфтваффе, например. Но всё это было вторично. Он прекрасно мог бы выиграть войну, ошибаясь в деталях, не ошибись он в самом существенном. Он, без сомнения, очень долго верил в секретные виды оружия, он обладал

---

⁸³⁵ André Dewavrin, colonel Passy, 1911–1998, полковник Пасси, он же Андре Деварвин, шеф В.С.Р.А., Секретной службы Свободной Франции.

⁸³⁶ Иными словами, Гитлер не позволил французским фашистам создать сильную независимую Францию, что весьма несправедливо с его стороны, с точки зрения Франции.

⁸³⁷ Нелюбовь к тактическим отступлениям.

ими по меньшей мере в зачатке, но Германия была больше не в состоянии их производить, потому что он предоставил страну американским бомбардировщикам. Он делал большие вещи до 1941 года. И потом, когда он попал в водоворот событий, которые он сам и начал, он стал жертвой своих нервов, потерял контроль над управлением.

Кусто: И именно в этот момент, в 1941 году, весьма определённо, когда Гитлер потерял педали, мы шизофренически бросились в коллаборационизм.

В этот день два друга, сокрушённые констатацией этого факта, ни слова друг другу не сказали...

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
тюрьма Клерво (Франция), 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
библиотека Сен-Лоран (Квебек), август 2022.*

ДИАЛОГ СЕМНАДЦАТЫЙ: ЛИТЕРАТУРА

Мы думаем, мы чувствуем на манер куда более тонкий и изысканный,
более разнообразный, чем наши предки.

Олдос Хаксли

Эсэсовец Луи с нахмуренным лицом, локтями на столе, зажав кулаками уши, пережёвывал с солидной регулярностью «Фундаментальные данные о сюрреализме» Мишеля Каруж⁸³⁸. Время от времени он считал страницы, которые оставалось прочесть, и анонсировал с оптимизмом «Ладно, я закончу к супу...» Потом добавлял: «Люсьен⁸³⁹, я начну «Гадюку в кулаке»⁸⁴⁰ этим вечером. Я закончу завтра утром, отделаюсь от «Смерти маленькой лошади»⁸⁴¹ между 10 и 15 часами и вернусь к Ренодо⁸⁴² перед обедом, и у меня будет свободный вечер для «Гонкура», который только прибыл⁸⁴³. Он уже впитал на неделе книгу о маршале Роммеле, новую историю французской литературы, и начал знакомство с тремя последними романами N.R.F.⁸⁴⁴ Два огромных тома Jésus-Christ отца Грандмезона⁸⁴⁵, три тома «Войны и мира» Толстого, несколько весьма насыщенных брошюр l'Histoire de la philosophie Bréhier⁸⁴⁶ ждали в компактных кучках этого

---

⁸³⁸ Michel Carrouges, 1910–1988.

⁸³⁹ Рёбате.

⁸⁴⁰ Vipère au Poing, «Гадюка в кулаке», роман Эрве Базина.

⁸⁴¹ La Mort du petit cheval, продолжение «Гадюки в кулаке».

⁸⁴² Renaudot — литературная премия Франции, очевидно, здесь речь о книге, получившей эту премию в 1950 году — это Les Orgues de l'enfer, Пьера Молэна (Pierre Molaine, 1906–2000).

⁸⁴³ Заключённый говорит о книге, получившей премию Гонкур, в 1950 году это роман Поля Колина (1895–1943) Les jeux sauvages.

⁸⁴⁴ Серия издательства «Галлимар», которая продолжается по сей день, например, мемуары французского писателя и дипломата Поля Морана, изданные в XXI веке, появились именно в этой серии.

⁸⁴⁵ Léonce de Grandmaison, теолог, 1868–1927, брат погибшего в Первую мировую генерала.

⁸⁴⁶ Émile Bréhier, 1876–1952.

ценного читателя, как резервные дивизии, которые генерал сохраняет под рукой. Другие книги меньшего объёма, сюрреалистические, натуралистические, классические, экзистенциалистические, книги, написанные неграми, евреями, итальянцами, американцами, выстроились в правильном порядке на пюпитре, и их можно было сравнить с линиями гранат, украшающими полки, стойку и ящики буфета милиции в героические времена⁸⁴⁷.

Эсэсовец закрыл «Данные о сюрреализме» и сделал небольшой глоток Сартра перед тем, как броситься на абордаж рассказа Эрве Базина⁸⁴⁸. Он положил на стол свои прекрасные греческие ноги и балансировал на двух ножках стула: это была поза для флигельного чтения. Существуют разные позы для стрелка: лёжа, сидя, стоя. Поскольку это были последние недели года⁸⁴⁹, Луи приступил наконец к небольшому резюме: «Баланс достаточно почтенный. Я прочитал примерно 300 книг в 1950 году». Рёбате тайком и быстро — быстро, насколько арифметические способности позволяли, — прикинул в уме: 90 000 страниц, 3 150 000 строк, 141 750 000 знаков! И можно было ещё удвоить эти цифры, учитывая пятнадцать ежемесячных литературных журналов, американские журналы и неисчислимые перечитывания⁸⁵⁰.

Перед лицом Рёбате сидел бесстрашный читатель Пуэт-Пуэт — на краешке ягодиц, плечи на уровне голового лба... он энергично расплющил себе нос жирным большим пальцем, а затем одним росчерком чернил вылил на бумагу шквал из тридцати стихов, с дрожанием рук и бёдер, которые всегда сопровождали его вдохновение. Всплеск за всплеском... он уже выплюнул с утра каких-то пятьсот стихов, стихотворений и стишков. Его мо-

---

⁸⁴⁷ Войны.

⁸⁴⁸ Hervé Bazin, 1911–1996, писатель, это его автобиографический роман *Vipère au Poing* упомянут в начале.

⁸⁴⁹ Ноябрь, скоро Рождество.

⁸⁵⁰ Наши авторы уже тюремные библиотекари, а переводчик — не только младший библиотекарь, как раньше, но ещё и студент магистратуры Школы библиотеконики университета Монреалья; и в 1950 году, и в 2022-м наступила осень.

ральное здоровье и физическое состояние требовали ежедневно выбрасывать в мир добрую тысячу поэтических строк, по крайней мере, поэтических по внешнему виду и намерению. Лё Пуэт, чья работа в двадцать восемь лет исчислялась шкафами и сундуками⁸⁵¹, упражнялся в академическом александрийском стихе, в метрическом размере — позволив себе несколько растяжений, за что Рёбате его горько упрекал, — в помпезной оде, в немецком эпосе, в хайку, в библейском псалме, в арабской легенде, классической трагедии, фавлю, в «шансон де жест», во французской балладе, в символистской песне, в мистралианском рефрене, герметическом сонете, сонете гонгористском⁸⁵², ронсардовском сонете, лирической прозе, вездесущем фарсе, сюрреалистическом образе. Он был уже в стихах симфонистом, колористом, фрескистом, аквафортисом, скульптором, архитектором, электриком, какофонистом, он был анакреонтиком, гомериком, еврипидом, китаистом, «тысяча-одна-ночистом», среднековистом, вийонистом, дантоидом, петраркистом, расинистом, гётеистом, гофманистом, бодлеристом, рембоистом, маллармеистом, пегистом, клоделистом, арагонистом и элюаристом⁸⁵³. Между прочим, он подражал Сунь-Чжи, Юань-Дзеу-Дзаю, Мао-Дзе-Тунгу, Хафизу, Аль-Газали, «Песне о Роланде», Луизе Лабё, Морису Севу, Жану де Ла Сеппеду, Спонду, Теофилю де Вио, Рабиндранату Тагору, Клейсту, Эйхендорфу, Уланду, Жану Айкару, Роземонде Жерар, Луи Ле Кардоннелю, Эмилю Верхарну, Роденбаху, Аполлинеру, Райнер Марии Рильке, Герхарту Гауптману, д'Аннунцио, Сен-Жону Персу, Бенжамену Пере, Шарлю Моррасу и «Хорсту Весселю». Среди основных произведений Лё Пуэта были «Летний хор», «Лонгрин», «Саломея», «Федра» и «Ифигения». Однако, продолжая «Улисса», он на некоторое время представил

---

⁸⁵¹ Этот человек работал столяром, справка о нём — чуть ниже.

⁸⁵² Luis de Góngora (1561–1627).

⁸⁵³ Иными словами, он подражал всем упомянутым поэтам и течениям, пытаясь стать поэтом сам, и это не худший способ стать литератором.

в фантазиях, населённых безумцами в сырных шапках, повешенных людей, свисающих с шахт лифта, которые, казалось, очень удачно положили начало новому пути этого барда: этакого Превера, но Превера, который не считает себя обязанным воспевать рабочий класс, светскую школу, макизарских полковников, еврейских банкиров, Права человека, Равенство, Свободу и Братство⁸⁵⁴. Кусто позвали послушать последнюю часть произведения Пуэт-Пуэта, которую он защищал от злоупотреблений Рёбате и к поэзии которого Кусто имел большой вкус, поскольку она звучала как довольно дурацкая проза.

Рёбате: Тюрьма дарит нам не только примеры примитивного общества (говоря это, Рёбате указал на парней в библиотеке). Вот тебе образчики литературной жизни: вот производитель⁸⁵⁵, вот потребитель⁸⁵⁶, и оба в одинаковом раже. Какие прекрасные винтики! Если бы всё так хорошо вертелось в шкатулке, которую мы называем свободный мир!

Кусто и Рёбате оставили эсэсовца и поэта в библиотеке с милыми их сердцу занятиями и вернулись в комнату Кусто. Это была желанная тихая гавань, которая, защищённая от нездорового любопытства пенитенциарной администрации, могла лучше, чем любой другой уголок Центра, подходить для половых сношений. Но — мы объяснили в предыдущем диалоге — ни у Кусто, ни у Рёбате не было психосоматической обусловленности, которая позволила бы им воспользоваться этой неожиданной удачей⁸⁵⁷. Благословенная комнатка использовалась только для культурных забав. И в тот день, вполне естественно, разговор зашёл о литературе:

Кусто: Я всегда верил, что презираю литературу. Я добровольно употреблял выражение «... и всё осталь-

---

⁸⁵⁴ Очевидно, написав это с прописной буквы, Рёбате и Кусто издеваются над понятиями свободы, равенства, братства и прав человека.

⁸⁵⁵ Руби.

⁸⁵⁶ Эсэсовец.

⁸⁵⁷ То есть они не гомосексуалисты и повторяют об этом слишком часто.

ное не больше, чем литература», чтобы показать, что «всё остальное» не считается, не представляет никакого интереса. Это не было правдой, конечно. На самом деле я никогда полностью не пренебрегал литературой, просто сделал это своего рода системой.

Рёбате: Вот ты и занялся самокритикой!

Кусто: Если тебе угодно. Не самое маловажное преимущество этих лет тюремных медитаций — то, что я осознал, как ошибался в собственных чувствах. По крайней мере, в том, что касается высококлассной литературы. Жизнь, конечно, существует, но теперь я знаю, что литературное переложение жизни может быть правдивее самой жизни. Я отрицал это. Я согласен с этим сегодня.

Рёбате: Литература художественная — это в сумме то, что даёт выбор и свободу, то есть два существенных условия литературного произведения. Автор, который нанимает переводчика, — потому что герой романа частенько не кто иной, как этот переводчик, — сможет изъясняться намного более свободно из своих уст, чем автор смог бы делать это прямо. Если у него мало воображения, он сможет расположить эпизоды так, как ему заблагорассудится, вырезать необработанную жизнь⁸⁵⁸, пренебречь развитием, которое было бы бесконечным в рассказе о реальной истории. Приведу в качестве примера наши беспокойства в *Je Suis Partout* в 1943 году⁸⁵⁹. Это бальзаковский сюжет, драматический в первую очередь, там всё есть: финансы, политика, дружба, которая рушится. Я поковырялся в определённом количестве записей на этот счёт: они скучны, насколько это возможно. Это будет полезный документ, но никогда — шедевр прозы. Напротив, я вижу часто роман, ну или по меньшей мере часть романа, где мы подали бы всю эту историю, оставив

---

⁸⁵⁸ «Жизнь брутто» в тексте.

⁸⁵⁹ Речь идёт о конфликте с поэтом Бразильяком, пытавшимся сохранить некоторую умеренность, в результате конфликта Бразильяк уступил бразды правления газетой бескомпромиссным фашистам Кусто и Рёбате, но расстреляли Бразильяка, а не их.

в покое чересчур специфические обстоятельства, взяв самое существенное, то есть правдивую реакцию десятка персонажей, одних и других достаточно представляющих человеческие типы⁸⁶⁰.

Кусто: Хороший пример! Драма раскола в *Je Suis Partout* сама по себе богаче литературными возможностями, чем Цезарь Бирото⁸⁶¹. Но всё зависит от того, кто будет переписывать эту историю.

Рёбате: Все здесь!⁸⁶²

Кусто: Когда я сказал тебе раньше, что пришёл к выводу, что литература может быть более реальной, чем жизнь, я, конечно, имел в виду литературу самого первого порядка, проявления которой, кстати говоря, весьма редки. Ниже определённой высоты я сохраняю все свои предубеждения против художественной литературы. Посредственные воспоминания терпимы, всегда находишь то тут, то там что-то, что можно почерпнуть. Но я совершенно не могу больше выносить посредственного романа или хотя бы просто посредственного романа, а с интересом читаю ворох часто плохо написанных исторических свидетельств. Девять Гонкуровских премий из десяти⁸⁶³ вызывают у меня зевоту, и я поражаюсь тому, как много людей тратят своё время впустую, проглатывая эти потоки бесполезных слов. Короче говоря, резюмируя мое отношение к «маленьким объявлениям»: «Если это не „Опасные связи“ или „Красное и чёрное“, воздержитесь...»

Рёбате: Бляха! Ты не очень воодушевляешь.

Кусто: Знаю. Можно ответить, что я отменяю для романиста всякую возможность обучения.

Рёбате: Ты требуешь шедевра с первой попытки. Это чересчур требовательно. Но ты, возможно, не так

---

⁸⁶⁰ Иными словами, Рёбате сводит людей к немногим типажам, это перекликается с точкой зрения многих писателей, начиная от театра средневековых марионеток, заканчивая Лимоновым, утверждавшим, что «в США живёт от силы 8–10 человек, типаж которых клонировали».

⁸⁶¹ César Biotteau, роман Бальзака.

⁸⁶² Рёбате говорит о себе и Кусто.

⁸⁶³ Романов, которые получили эту премию.

уж и ошибаешься. В целом, не можем ли мы судить с первого романа автора, есть у него дар или нет, дар оживлять персонажей, исходящих из него, но ставших независимыми от него? Мне кажется, что и Флобер, и Достоевский, и Бальзак, и Стендаль согласились бы с этим утверждением...

Кусто: Бальзак?

Рёбате: Верно. Бальзак дрыгался там чего-то до тридцати лет.

Кусто: И я требую, чтобы мы не были обязаны читать первые пробы пера юношества великих людей.

Рёбате: Я, между прочим, как ты, я едва могу, буквально, все боли мира испытываю, чтобы закончить или даже начать бóльшую часть современных романов. Жанр⁸⁶⁴ становится всё больше настоящим мешком для мусора. Под видом художественной литературы каждый кладёт, в непрямом стиле, свои маленькие истории, свои маленькие идеи, свою маленькую метафизику...

Кусто: Желание писать занимает гораздо больше места во всём этом, чем то, что мы действительно должны сказать.

Рёбате: Ну это не то чтобы точно. У Достоевского было не так уж много оригинальных идей, бесконечно меньше, чем у Жида. Это был не такой уж большой интеллект, его общая культура шла не то чтобы далеко. Но он был способен войти в шкуру убийц, отшельников, проституток, отверженных, судей, генералов, поставить их на ноги, оживить так, как если бы он был всеми этими людьми⁸⁶⁵. Проблема романа — это проблема литературного отцовства, оплодотворения, если хочешь: создать живых людей с их собственными противоречиями и опытом; видеть типа, представляя себе внутреннюю суть этого парня. Достаточно было Достоевскому три-четыре раза представиться судьё, чтобы представить себе Порфирия.

---

⁸⁶⁴ Романа.

⁸⁶⁵ Достоевский — писатель не идей, но образов.

Кусто: Чего бы он только с Зусманом не сделал!⁸⁶⁶

Рёбате: Это нас приводит к другой констатации последней банальности, но в самом деле хорошо забытой: нельзя получить роман, если у романиста нет уже большого опыта и определённого регресса⁸⁶⁷. Все эти мальчики 25 лет, которые чернят семьсот страниц с их первой цыпочкой и неудачами в качестве бойцов Сопротивления... они просто переводят чернила.

Кусто: Всё, что ты говоришь, может, и не шокирует своей оригинальностью, но совершенно очевидно.

Рёбате: Трюизмы стекают с моих уст, я знаю. Но констатирую, лишь чтобы не забыть элементарную правду, что современники пробираются сквозь трясины. Если мы хотим хоть немного здраво рассуждать о литературе, как и о политике, мы должны начать с некоторых общих мест, погребённых под зарослями критики, системы, интеллектуальной фантазмагии. Когда мы читаем, что дюжина современных авторов берёт в качестве героя романа романиста, неспособного написать роман, и что это, кажется, уже никого не удивляет, мы вправе сказать, что это банальности, которые снова становятся дерзкими парадоксами.

Кусто: Эта планета обезьян⁸⁶⁸ будет, может быть, ошарашена в один день, открыв «Максимы» Ларошфуко, басни Лафонтена... и Пруст-дайджест⁸⁶⁹!

Рёбате: Ну, это не завтра-послезавтра случится.

Кусто: Как бы то ни было, чтобы вернуться к нашим словам, твои мысли о том, что пробки в художественной литературе созданы молодыми умеренно одарёнными авторами, оставляют меня совершенно равнодушным.

Рёбате: Это, между прочим, старинный феномен. Мы жалуемся на романную инфляцию со времён мадам Скюдери⁸⁷⁰.

---

⁸⁶⁶ Зусман — судья в Париже, вёл дело Кусто и Рёбате.

⁸⁶⁷ То есть человек начал стареть.

⁸⁶⁸!

⁸⁶⁹ Работа Кусто, выдержки из Пруста.

⁸⁷⁰ Mme de Scudéry, 1607–1701, французская писательница.

Кусто: Возможно, но я не клиент, это точка зрения потребителя. Я признаю в то же время, что в её первых романах есть почти всегда хорошие вещи. Потому что автор обладает в общем своей историей для рассказа, потому что вещи увиденные и пережитые никогда не бывают плохими.

Рёбате: Только это не литература.

Кусто: Да, если хочешь, это *не только* литература, это *больше*, чем только она. Эти первые подростковые романы очень хорошо иллюстрируют мой тезис: плохие воспоминания *стоят* больше, чем хороший роман... и, конечно, меньше, чем отличный роман. Словом, надо бы опрокинуть установившийся порядок: надо бы убедить этих молодых людей, которые чешут своё честолюбие печатными изданиями, что в их интересах *сначала* записать свои воспоминания без малейшей выдумки, а уж *потом*, когда у них будет жизненный опыт и если они овладеют языком, написать настоящие романы.

Рёбате: Ты только что коснулся идеи, пусть не гениальной, но одной из моих идей фикс: что все или почти все, начиная с определённого уровня обучения и чтения, будут способны написать одну книгу, достойную интереса, *книгу о себе*⁸⁷¹. Я мог бы процитировать тебе десять примеров приятелей, которые ломали голову, выдумывая мутные и пустые интриги, когда им достаточно было описать свои особенности, чтобы дать нам по меньшей мере один захватывающий психологический анализ.

Кусто: Но эта небольшая работка потребовала бы полной искренности, объективности почти научной.

Рёбате: Продемонстрировано, что никто на это не способен. Как только мы ставим на сцену себя, мы испытываем необходимость себя драпировать, более или менее. Кроме Стендаля, который писал лишь о себе, кто ещё признался нам в эротическом фиаско? Как мы сказали

---

⁸⁷¹ Так же считает и переводчик, и, если вы хотите писать, попробуйте начать с этого.

в своё время, делегирование своих историй персонажу бесконечно удобнее. Но нужно обладать талантом к этому. Без такого таланта авторы прогуливаются по страницам своих романов с накладными носами. Мы лишены драгоценных документов без всех этих романов, обогащающих нашу литературу.

Кусто отошёл на несколько минут, чтобы открыть дверь коту Коридону, который душераздирающе мяукал. Как только он удовлетворил этого требовательного зверя, он возобновил разговор. Кусто не любил кошек, но для Коридона сделал исключение. Поскольку по натуре Кусто не признавал полумеры, он страстно возлюбил этого котика, буквально рабом которого стал, и подчинился этому коту точно и покорно.

Кусто: Обесценивание средненькими работами, которое мы наблюдаем каждый день, не должно нас вводить в заблуждение и отвлекать от другой базовой истины, которая представляет часть современной литературы... Ты знаешь, насколько мало я прогрессист — настолько мало, насколько это вообще возможно...

Рёбате: Никто тебя в этом не обвинит!

Кусто: Ты знаешь, что я никогда не премину воспользоваться моментом и вставить, что человек не меняется, что история возобновляется и что всё всегда — одно и то же. Но, честно говоря, я всё же вынужден констатировать, что в литературе есть прогресс. Не в массовом производстве — для тех, кто возглавляет процесс, конечно. Если бы нужно было возобновить ссору между древними и современными, было бы слишком легко сокрушить древних. Ты можешь поверить, например, что «Антигона» Софокла выдерживает сравнение с «Антигоной» Ануя? Грек уходит уничтоженным. И не кажется ли тебе, что в «Шери» Колетт есть множество иного, чем в «Федре» Расина, которая тем не менее является лучшей трагедией XVII века?

Рёбате: Я верю в это, верю. Я даже дальше иду. Я спрашиваю себя, не является ли наша точка зрения точкой зрения всех «современников», то есть людей, живу-

щих своим веком, будь то XVI или XX, интересующихся в первую очередь движением идеи или формы, частью которых они сами являются, с пристрастием к тому, что только что было сделано за тридцать, пятьдесят, самое большее — за сто лет до них. Существует огромный вопрос износа слов и тем более изображений. Мы больше не можем знать всего, что представляли собой эти клише для тех, кто видел их рождение.

Кусто: Я часто схожу за варвара, потому что прекраснейшие произведения драматического языка семнадцатого века вызывают во мне непреодолимое желание смеяться. Все эти «прелести», эти «огоньки», эти «пламя», эти «скакуны», которыми пропитаны стихи Расина! Настолько, что я часто желал, чтобы Расина перевели на современную иностранную прозу, например, на английский язык, чтобы иметь возможность попробовать его без остатка⁸⁷².

Рёбате: Я смирился со всем, что касается твоего поэтического смысла. Позволь сказать тебе всё же, что ты заходишь далековато⁸⁷³.

Кусто: Ничуть. Перевод — это тест: Гамлет во французском прозаическом переводе не теряет ничего из своего совершенства. Перевод — это доказательство всеобщности, универсальности. Это также, с тех пор как язык оригинала постарел, новый расцвет.

Рёбате: Согласен, как доказательство универсализма. Бодлер прошёл это испытание с честью, кажется, что это был самый читаемый поэт на поверхности земного шара, на всех языках.

Кусто: А вот Расина отвергли.

Рёбате: Иностранцы, которые прочли его на английском или немецком, ничего не увидели. Это местный продукт, который нужно пробовать на месте, как некоторые тонкие вина. Поскольку наши современники сейчас могут прочитать значительно больше вещей, чем мы,

---

⁸⁷² У Расина архаичный язык, а вот у Пушкина — нет. — Горделивое примечание переводчика.

⁸⁷³ Предлагая понять французскую классику лишь после перевода на английский...

я думаю в то же время, что наша литература бесконечно богаче. Когда я говорю «наша литература», я говорю обо всём лучшем, что напечатано после Стендаля. Не хочу сказать, что открытия человека были дословно⁸⁷⁴ в XIX веке. Но следует признать психологические заметки — необходимо их буквально выискивать у Расина или даже Мольера⁸⁷⁵. Какие это мелочи на фоне «Мадам Бовари» или всего Пруста...

Кусто: Или лишь «Любви Свана».

Рёбате: Наши книги намного более существенны, чем книги предков, и их число не прекращает расти. Освобождение словаря, разрушение сексуальных табу и моралей позволяет наконец говорить о жизни, как она есть. Сейчас есть снижение уровня, этим мы обязаны *брухахе* последних двух лет, бомбардировки всё ещё сотрясают души, когда дома, разрушенные бомбами, уже восстановлены...

Кусто: Восстановлены в Германии, может быть, но не во Франции...⁸⁷⁶

Рёбате: Лавина посредственностей не должна всё же заставить нас забыть, что Монтерлан⁸⁷⁷ ещё жив, что Марсель Эме⁸⁷⁸ в лучшей форме, что «Путешествие на край ночи» Селина написано всего восемнадцать лет назад. Половина века от Жида до Селина, через пятнадцать книг Пруста, Ромена⁸⁷⁹, Валери, Монтерлана, Ануя⁸⁸⁰ — это достаточно хороший итог. Мне кажется, мы немного продолжаем идеи, образы и добрых людей

---

⁸⁷⁴ Игра слов — *littérairement*, то есть «дословно», созвучно «литературе» — *littérature* на французском.

⁸⁷⁵ Нет внимания к маленькому человеку как к личности, авторы до XIX века больше внимания обращали на типаж.

⁸⁷⁶ Франция, будучи де факто союзницей Германии, участвовала после 1945 года в унижении Германии как страна-победитель, масштаб разрушений Франции и Германии сопоставим, но Кусто не может удержаться от того, чтобы не посетовать на бошей, которым больше положили и которых он так, по его словам, любит.

⁸⁷⁷ Henry de Montherlant, 1895–1972, романист, гомосексуалист, покончил с собой, ослепнув.

⁸⁷⁸ Marcel Aymé, 1902–1967, романист.

⁸⁷⁹ Jules Romain, 1885–1972, писатель.

⁸⁸⁰ Jean Anouilh, 1910–1987, драматург и сценарист.

XIX века в целом. Можно там обозначить, конечно, одним махом пятьдесят книг, у которых есть все характеристики классицизма, того, что продолжится по сути и форме. *Chéri*, очевидно, из таких книг. Вся эта библиотека кажется мне бесконечно более умной, разнообразной и точной и, важнее всего, серьёзной, чем то, что делалось 200 и 300 лет назад⁸⁸¹.

Кусто: Я всегда так думал. Посмотри на полки твоей *library*⁸⁸². Все книги обозначены как C. L. или L. I. T.⁸⁸³

Никто не знает, кто заставил предшественника Рёбате классифицировать некоторые книги в той или иной категории. Загадка тюремной библиографии, благодаря которой мы увидели Сен-Бёв⁸⁸⁴ на полках классической литературы⁸⁸⁵.

Кусто: Какое кладбище. Вместе с исторической частью это самая полная секция тюремной библиотеки.

Рёбате: Но от того эти книги более читабельными не становятся.

Кусто: Думаю, было бы очень обескураживающе составлять опись того, что мы и сегодня можем читать с удовольствием, с пользой, а не только для того, чтобы сдать бакалавриат или подготовить дипломную работу. После нашего диалога о политическом убийстве мне захотелось снова погрузиться в Цинну.

Примечание переводчика: далее в тексте следует ещё одна реплика Кусто. Непонятно, продолжает ли он

---

⁸⁸¹ Интересно, что в XXI веке литература отошла к XVI и XVII векам, антиутопии а-ля Рабле; а как раз в XIX и первой половине века XX она приблизилась к античности.

⁸⁸² Во французском языке *Librairie* — это книжный магазин, библиотека же — *bibliothèque*, Кусто употребляет английское слово, обозначающее библиотеку, чтобы подчеркнуть своё презрение к тюремной библиотеке.

⁸⁸³ *Classiques Littérature* — классическая литература.

⁸⁸⁴ *Sainte-Beuve*, 1804–1869, автор преимущественно документальной литературы.

⁸⁸⁵ Примечание переводчика, библиотекаря города Монреаль: это вызвано, скорее всего, тем, что предшественник Рёбате не читал книгу, ограничившись аннотациями, так переводчик находит «Обещание на рассвете» Ромена Гари в секции документальной литературы, понимая, что нерадивый коллега, увидав «рассказ о своей жизни», принимает роман за автобиографию.

свои рассуждения о Цинне или в издании пропущена реплика Рёбате. Тут, очевидно, опечатка, но переводчик передаёт текст как есть, поэтому даёт следующую реплику Кусто как в тексте, отдельно. По моим предположениям, всё же речь идёт об ответе на пропущенную реплику, а не о Цинне — только что Кусто хвалил Цинну, а сейчас уже говорит следующее:

Кусто: Это невероятно. Невозможно быть более напыщенным, более глупым, более бесполезным. И подумать только: детей учат, что это шедевр из шедевров!

Рёбате: Случай Корнеля чудовищный⁸⁸⁶. Этому идиоту, строго говоря, и сказать-то нечего, и он не способен даже говорить чётко и ясно. Его персонажи просты как пять су⁸⁸⁷, и между тем три четверти времени ты не понимаешь ничего из того, что они говорят. Ростан превосходит его, он умеет рассказать историю, и по меньшей мере у него есть яркость. То, что Корнель смог проявить себя как новатор и на самом деле создать форму, доказывает, что, с точки зрения литературы, около 1636 года во Франции мы всё ещё находились в каменном веке!

Кусто: Это не то, что пишут в учебниках. А что делать с басенниками⁸⁸⁸, Вийоном, Плеядой, Рабле, Монтенем⁸⁸⁹.

Рёбате: Я помню тридцать строк Вийона. Никто больше не знает Плеяду.

Кусто: У меня нет мнения о Плеяде.

Рёбате: У меня есть. Это пять или шесть приятелей, помешавшихся на греческом, которые забухивали вместе и сформировали «группу». Ну и поскольку другой в ту эпоху не было и они умели организовать рекламу, о них заговорили. Но, если так считать, есть пятьдесят компашек в Латинском квартале, которые заслуживали бы бессмертия. Эта мифология Ронсара и Дю Беллай⁸⁹⁰ невыно-

---

⁸⁸⁶ Поэтому переводчик предполагает, что предыдущая реплика всё же касается Корнеля.

⁸⁸⁷ Вольность переводчика, в тексте — элементарны.

⁸⁸⁸ Лафонтен.

⁸⁸⁹ Наконец-то!

⁸⁹⁰ Du Bellay, 1522–1560, поэт, сооснователь Плеяды после встречи с Ронсаром.

сима. Возврат к мифологии был очаровательным у флорентийских художников 15-го века, которые правда верили в Венеру. Среди французских рифмовок это уже причудливость, чистая риторика⁸⁹¹. Я выплатил дань Плеяде, прочитав всего Ронсара.

Кусто: Я тоже, хотя не пошёл так далеко, как ты, в своих чтениях⁸⁹².

Рёбате: Я должен был быть более терпеливым, чем ты. Я говорил себе, что учителя, должно быть, пропустили самые красивые стихи в избранных произведениях. Но избранные произведения самые лучшие, и я их здесь перечитываю: они меня ужасают⁸⁹³. Это только описание, и всегда с одними и теми же аксессуарами. Тьерри Мольнье⁸⁹⁴ более или менее вернул в моду некоторых поэтов XVI века: Спонда⁸⁹⁵, Мориса Сева⁸⁹⁶. Это парни, которые ищут сто первый способ сказать, что их красавицы заставляют их умирать от любви. Дерьмо! Меня ужасал пронизательный учёный, который целый год выискивал два приемлемых полустипа среди Ирисов, Кипарисов и Соловьёв⁸⁹⁷. Литература — вещь серьёзная. Это не забава для нормальных людей... Мне нравится Рабле...

---

⁸⁹¹ Рёбате хочет сказать, что Амуры, венусы и пр. — это фигуры речи, как в поэзии при дворе Петра Первого, и так и есть.

⁸⁹² Плеяда — дело политическое, как и Французская Академия, она была создана и поощрялась кардиналом Ришельё. Речь о деле государственной важности — унификации языка, выработке его литературной версии, стандарта, и, как следствие, объединение 45 народов Франции в одну политическую нацию. Что и было сделано, и блестяще. Именно этим Франция обязана Плеяде, как мы обязаны предшественникам Пушкина. А уже после того, как поле расчищено, на него приходят Пушкины и Рёбаты.

⁸⁹³ Архаичный язык Ломоносова не очень понятен и нам.

⁸⁹⁴ Thierry Maulnier, 1909–1988, писатель и издатель, от «правых» убеждений дошёл до либерального издания «Лё Фигаро».

⁸⁹⁵ Sponde, 1557–1595, поэт эпохи барокко, выполнял поручения Генриха Четвёртого, из протестантизма перешёл в католичество, католики не приняли его из-за «кальвинистского влияния в книгах», а протестанты не простили предательства, умер в нищете.

⁸⁹⁶ Maurice Scève, 1505–1569, поэт, основатель «лионской школы», публиковал книги анонимно, считается предтечей символистов, умер, не оставив следов, именно он — автор сценария торжеств въезда Генриха Второго в Лион в 1563 году.

⁸⁹⁷ Вряд ли Рёбате полюбил бы поэзию трубадуров.

Кусто: А мне нет. Я ценю его как человека и его идеи, но, по темпераменту, я не нацелен на смакование сокрушительной анархии его глагола⁸⁹⁸ и смеси гуманизма и шуточек охранников.

Рёбате: Лично я до сих пор очень люблю Рабле, может быть, потому, что я начал читать его, когда мне было пятнадцать, и я знаю его язык, который становится редкостью. Он — писатель, один из тех, с учётом всех обстоятельств, кто высказал в своё время больше всего идей, и идей, которые мне подходят: справедливость — вздор, люди из высшего духовенства смешны, завоеватели — заноза в заднице, которые кончают, теряя рассудок. Рабле создал стиль, который длится и до сих пор забавляет, определённый весёлый и плотный ритм предложения, комическое использование прилагательного. Вы найдёте его у Бальзака, у Флобера, у Леона Доде, у Блуа, у Марселя Эме, у Селина. Это очень хорошее наследство! Аромат нашего друга Параза⁸⁹⁹ во многом обусловлен его раблезианским акцентом. Я сам принадлежу к этой семье, я никогда не откажусь от нашего старого мэтра, даже если молодые люди уже ничего в этом не понимают... Монтень? Хо! Хо! Монтень...

Кусто: Ты знаешь, как я был разочарован в прошлом году, когда взялся за «Монтень Дайджест»⁹⁰⁰.

Меня оттолкнул не столько язык, этот язык в полном **зачатии, неуверенный, зыбкий**⁹⁰¹... И я был готов отказаться от чтения из-за ужасающего множества латинских цитат. Что совершенно неприемлемо в Монтене, так это ничтожность самой мысли. Скучные мелкобуржуаз-

---

⁸⁹⁸ Собственно, для того и нужна была Плеяда — привести анархию глагола к порядку литературной версии языка.

⁸⁹⁹ Paraz, 1899–1957, писатель и журналист.

⁹⁰⁰ Воодушевлённый подготовкой своего «Дайджеста Пруста», Кусто подумал, что будет разумно использовать тюремный досуг, сводя таким образом других великих писателей к самому необходимому. Он первым напал на Монтеня. Но не найдя в нём ничего, кроме банальностей, быстро отказался от своего предприятия. — Прим. Кусто и Рёбате.

⁹⁰¹ Язык формировался во многом благодаря Монтеню, первым языком которого была латынь, а сам Монтень был гасконцем, то есть проживал в зоне языка **ок**.

ные нравоучения для учебников по гражданскому воспитанию... Не воруй, не сердись, не изменяй жене: мол, это некрасиво. Это заставляет Пресвятую Деву плакать⁹⁰²...

Рёбате: Или Мировой Разум...

Кусто: Что касается знаменитой «мудрости», то она сводится к «Может быть, да, а может, и нет»⁹⁰³, которая, возможно, досталась этому бордосцу от норманнского предка. Есть плюсы и есть минусы... *In medio stat virtus!*.. Короче говоря, система вечного примирения, которой придерживался мой distinguished профессор философии Полин Малаперт⁹⁰⁴, система, которой я настолько яростно сопротивлялся в своих домашних заданиях, что этот проницательный педагог предвидел, что я окажусь на эшафоте⁹⁰⁵.

Рёбате: Никогда я не мог читать Монтеня в том смысле, в каком мы употребляем слово «читать». Заметь, что я проявил сознательность. Я пробовал с тремя разными изданиями «Опытов»... В целом, исключая Рабле, французская литература начинается, на самом деле, в XVII веке. Великий Век!

Кусто: Ты знаешь, что у меня нет ни малейшей привязанности к этому веку. Он торжественен. И как

---

⁹⁰² Но то же самое Кусто и Рёбате говорили о Достоевском, восхищаясь им; собственно, здесь желание покуситься на авторитет, ненависть к авторитетам, французский задор, который бы очень повеселил самого Монтеня.

⁹⁰³ *P'tet ben qu'oui, p'tet ben qu'non.*

⁹⁰⁴ Paulin Malapert, 1862–1937, философ и писатель.

⁹⁰⁵ На самом деле, слова «Ты окажешься на эшафоте!» были адресованы Жану Лассеру и Кусто одновременно. Оба попали во Френ, и предсказание почти сбылось. — Прим. Кусто и Рёбате. Как мы помним, Кусто не оказался на эшафоте. Фраза, которая дана и на французском — типичный «бретонский французский», который стал языком переселенцев Франции в Канаду, развившись в квебекскую версию французского языка, фонетически очень от него отличную, но всё же это французский язык. Интересно, что Кусто приписывает Монтеню норманнских предков, в то время как гасконец, то есть окситанец, Монтень происходил из офранцузженной еврейской семьи. Сам он искал своих предков в Беарне. Очевидно, что при всех нападках на Монтеня Кусто, приписывающий философу арийское происхождение, испытывает к нему пиетет и не хочет, чтобы в том оказалась хоть какая-то часть еврейской крови: не любил он Монтеня и не считал того великим, вряд ли бы Кусто стал так поступать, оставив Монтеня евреям, которым тот, конечно, не принадлежит, ведь национальность — это понятие политическое и Монтень — это француз.

только я вижу что-то торжественное, то становлюсь несправедливым. Я не вижу ничего, кроме торжественности, и я смеюсь.

Рёбате: Я вот полон уважения перед этой эпохой: площадь Вандом, Версаль, Инвалиды⁹⁰⁶. Людовик Четырнадцатый, диктатор в 20 лет... все эти таланты, которые проявляются во всех областях, до садового искусства, от 1660 до 1690 годов. Снимаю шляпу! Но что от этого остаётся дословно? Я не говорю об именах, говорю о том, что мы любим перечитывать в возрасте, когда перестаёшь быть снобом, о том, что ещё весомо. Мы согласны насчёт Корнеля...

Кусто: Не будем к нему возвращаться.

Рёбате: Помпезность Расина утомляет тебя. Я не защищаю его. Я люблю Расина, как я любил бы определённого сорта музыку в модуляциях почти неопределяемых ухом. Эта музыка, со всеми своими согласованиями, остаётся ещё самым естественным языком классической трагедии. Андромаха, Береника, Федра — настоящие женщины. Расин был искушён, он предвидел множество вещей. В наши дни он был бы, без сомнения, проницательным аналитиком...

Кусто: В прозе!

Рёбате: Конечно, в прозе.

Кусто: Мольер очень симпатичный.

Рёбате: Очень симпатичный. Он был против самозванцев, рвачей, философов⁹⁰⁷, стилей⁹⁰⁸, психиатров, Мориака, сартрианцев своей эпохи. Меня удивляет и раздражает, что он не заставляет меня больше смеяться, когда я нахожу, что он плох, как меня удручает разочарование книгой доброго приятеля. Но его театр частенько сумбурный, механический. У меня есть слабость к «Шко-

---

⁹⁰⁶ Госпиталь инвалидов... на самом деле, речь о веке, когда Франция стала гегемоном Европы, отобрав пальму первенства у Испании, что и вызвало расцвет культуры и искусства.

⁹⁰⁷ То есть псевдофилософов.

⁹⁰⁸ Зазу, субкультура во Франции.

ле женщин». Мне кажется, что это одна из его самых живых комедий...

Кусто: Может быть, потому что это история его свадьбы.

Рёбате: Буало был тоже очень симпатичным типом, со вкусом, здравым смыслом, умом. Хороший критик. Ну зачем он всё это писал в стихах!

Кусто: И каких стихах⁹⁰⁹!

Рёбате: Боссюэ⁹¹⁰ — это ничто, роскошно облачённое в философские и исторические понятия, которое сегодня рассмешило бы третьеклассника. Мать Севинье⁹¹¹ сотрудничает с небольшими газетками; сплетни о сплетнях. Мадам де ла Файет?..⁹¹² Это меня всегда заставляло зевать на десятой странице. Ларошфуко — это неплохо, я думаю, он заставил тебя задуматься в шестнадцать лет, как и меня; мы всегда храним о нём благодарную память. Но рядом с Прустом!

Кусто: Даже на фоне Пруста это считается. Это бодро, это здорово, это правда. И всегда интересно читать. Удивительно, когда парень описывает вещи такими, какие они есть, и видит мужчин такими, какие они есть. Ларошфуко научил меня раз и навсегда, что люди действуют из корысти и тщеславия, даже те, кто кажется самоотверженным и альтруистичным, даже святые и герои, даже те, кто жертвует собой: они находят больше удовольствия от чистой любви к своему самопожертвованию, чем в благоразумном воздержании. Это просто, но следует это знать. Все эти дурацкие проповедники, блабанты, сублимирующие, великосердечцы, бесконечно милосердцы, адмажоридиглорианцы⁹¹³...

---

⁹⁰⁹ Державин и Ломоносов, такая эпоха.

⁹¹⁰ Bossuet, 1627–1704, поэт, священник, пользовался репутацией провидца.

⁹¹¹ La mère Sévigné, 1626–1696, маркиза, писательница.

⁹¹² Madame de la Fayette, 1634–1692, графиня, писательница.

⁹¹³ Последнее от Ad maiorem Dei gloriam, на латыни «К вящей славе божьей», лозунг иезуитов.

Рёбате: Вот ты и заговорил как Преве⁹¹⁴!

Кусто: Это под влиянием Пуэ⁹¹⁵та-Пуэ⁹¹⁵та. Не обращай внимания... Что ты там говорил?.. А! Да... Я заклеил идиотов, глотающих священные зонты⁹¹⁶, в отличие от Ларошфуко, который остаётся, в огромном смятении этой планеты⁹¹⁷, одним из моих наставников... Ну и ещё один хороший человек этого⁹¹⁸ века, выдержавший испытание временем, это Лафонтен. Мы упорно компрометируем его славу, заставляя все поколения школьников напевать его басни.

Рёбате: После чего вы навсегда возненавидите персонажа.

Кусто: Но в сорок лет часто понимаешь, что это детское наказание — вполне замечательный автор. Заметь, что я заслуживаю право на подобное признание: ты знаешь о моём ужасе перед поэзией или, если хочешь, перед стихосложением. Достаточно сказать что-то александрийскими стихами — или восьмисложными, что не имеет значения, — для того, чтобы, в зависимости от моего настроения в данный момент, я испытал физический дискомфорт или желание рассмеяться. Но именно стихи Лафонтена на меня так не действуют. Их неравномерность, чередование длинных и коротких метров в зависимости от удобства рассказа — при том, что у других авторов именно повествование зависит от требований стиха, — делают стихи Лафонтена столь же соблазнительными, как и прозу. И «Басни», как и «Максимы», достойны памятника разумной словесности.

Рёбате: Всё же и Лафонтену случается заняться промывкой мозгов, как и остальным.

Кусто: Я признаю, что «Работай, старайся» не очень почётно для Лафонтена. «Заставь других работать» — вот что нужно было сказать, чтобы оставаться серьёзным.

---

⁹¹⁴ Jacques Prévert, 1900–1977, поэт, писал разговорным языком, часто играя словами.

⁹¹⁵ См. выше.

⁹¹⁶ Ну вот такое выражение.

⁹¹⁷ Кусто имеет в виду непростую эпоху.

⁹¹⁸ XVII.

Но такие непристойности довольно редки. Лафонтен — французский писатель, отметивший, что «наш враг — наш господин», и тот, прежде всего, кто провозгласил за двести пятьдесят лет до того, как пруссаки осмелились договориться вслух: **«Разум сильнейшего всегда лучший»**. За эти простые слова он заслужит вечную славу, и пусть его девиз будет высечен в мраморе на общественных зданиях. «Разум сильного всегда лучший» весит на весах вселенской мудрости гораздо больше, чем весь Жан-Жак⁹¹⁹, и весь Гюго, и весь Мишле, отягощённый всеми книжечками законников, прошлыми, настоящими и будущими... В общем, я не очень горжусь так называемыми французскими идеями, но такого афоризма достаточно, чтобы вызвать в вас прилив патриотизма.

Рёбате: Полностью согласен насчёт «Басен». Но всё остальное у Лафонтена — это стихосложение. Анекдоты из «Сказок» могли быть смешными в двадцати строках. В пятистах стихах они пыльные. Лабрюйер⁹²⁰ — элегантный академик. Декарт — великий человек, первый философ христианской эпохи, сломавший непристойности схоластики, практически обходящийся без Благого Господа.

Кусто: То, что его присвоили себе⁹²¹ профессиональные демократы, не должно мешать нам считать его освободителем.

Рёбате: Но это слишком слащаво, чтобы давать право гражданства в литературе. Величайший прозаик семнадцатого века, пусть я и взбешён этим фактом, это Паскаль, это животное. Я не говорю о «Провинциалах», которые стали нечитабельны из-за их темы.

Кусто: Вообразить, что за пятьдесят лет их прочитали миллион читателей, если верить Вольтеру!

Рёбате: Во всяком случае, всё, что касается состояния человека в «Мыслях», остаётся сенсационным по

---

⁹¹⁹ Руссо, масон, редкий дурак и таможенник, придумавший сказку про «счастливое дикаря», чтобы пощипать колониальную империю испанцев.

⁹²⁰ Jean de La Bruyère, 1645–1696, моралист.

⁹²¹ Кусто употребляет глагол «аннексировали».

языку и содержанию. Более того, Паскаль не делал этого специально, произведения, над которыми он работал и которые разрабатывал, гораздо хуже его каракулей... Жид очень хвалит Реца, который, собственно, учится тому, как можно обойтись без прилагательных⁹²². Этот стиль ещё очень сухой, с бесконечным количеством «кто» и «что». Остаётся Сен-Симон, весьма высокого качества.

Кусто: Внимание! Можно спросить себя, принадлежит ли Сен-Симон к литературе. По меньшей мере к тому, что мы называем литературой. Это слово включает, на мой взгляд, — и, верю, и на твой тоже — личное творение, преобразование реальности...

Рёбате: Конечно.

Кусто: Ведь Сен-Симон ограничился рассказом о своём столетии. Красиво, конечно. И с такой постоянно плохой верой в плохие времена, что его трудно считать подлинным историком. Но его творчество всё же гораздо больше история, чем литература.

Рёбате: Скажем, он великий писатель, который не занимался литературой. Но если отложить это в сторону, на полке Великого Века осталось немного: примерно четыре или пять дюймов⁹²³. Я думаю, что я был бы более щедрым с XVIII веком. Вот и век прозы, наконец! Проза, намного превосходящая прозу XVII века, укороченная, облегчённая, менее бедная. Мы никогда не писали по-французски лучше. Но, очевидно, не следует быть несговорчиво требовательным к содержанию этих столь изящных, столь ярких формул⁹²⁴.

Кусто: Я признаю, что это никогда не заходит слишком далеко. Но так красиво сказано. И в таком хорошем настроении! Там⁹²⁵ я чувствую, что снова становлюсь патриотом. Этот светлый и блестящий стёб, этот

---

⁹²² Интересно, что владеющий французским языком Бабель сходил с ума от прилагательных, что свидетельствует о крайней инфантильности его языка и, в общем, ума.

⁹²³ Толщина книг.

⁹²⁴ Рёбате подшучивает над своей восторженностью, предвидя контраргументы Кусто.

⁹²⁵ В XVIII веке.

отказ воспринимать что-либо трагически, этот цинизм знатных людей, это стремление поставить изящество и утончённость выше нравственности — всё это было отражением Франции, достигшей высшей степени цивилизации. Потому что это и есть цивилизация, и она не может быть ничем иным: слоем лака на вечную скотину. В XVIII веке лак достиг совершенства.

Рёбате: Я уже обращал твоё внимание на то, что это всё плохо кончилось, что дурачество философов освободило монстров 1793 года⁹²⁶.

Кусто: Тем хуже. Когда я перечитываю «Кандида», «Высочку», «Опасные связи», «Персидские письма», я ощущаю себя так, словно очутился в мире, где жизнь стоила быть прожитой, мире интеллектуально комфортном, на фоне которого мир Гюго, Золя и Сартра не больше, чем абсурдный кошмар.

Рёбате: XVIII век был цивилизацией, космополитизмом. Но сколько книг нужно добавить к трём или четырём шедеврам, которые ты только что назвал? Вольтер — изысканный художник; впрочем, как замечает Жид, он извлекает из этого максимум пользы, всегда избегая говорить несколько запутанных вещей.

Кусто: И в нём есть что-то от ужасного отброса⁹²⁷.

Рёбате: Ну а что ты хочешь? Это был прежде всего журналист. Огромная часть того, что он писал, касалась здесь-и-сейчас, другая — тупые трагедии, эпопеи — появилась из-за эксцессов претенциозности⁹²⁸. То, что осталось, лежит между этими двумя полями руин. У нас была бы, наверное, вся суть Вольтера в шести-семи томах,

---

⁹²⁶ Французские республиканцы выучили уроки предшественников, и в 1944 году провели чистку, в первую очередь интеллектуалов, не наказав многих военных преступников.

⁹²⁷ Вольтер занимался интеллектуальным рэккетом, вымогая деньги за добрую или худую славу, его карьера началась с найма одной из ветвей королевской семьи для дискредитации соперников, то есть в нём не было интеллектуальной честности, на которую он претендовал и которая была, например, в Монтене, стиль которого, конечно, не так блестящ.

⁹²⁸ Все, кто пишет много, пишут всегда неровно. — Прим. переводчика, автора 30 книг.

что, в общем-то, уже неплохо⁹²⁹. И я думаю, что мы должны добавить три четверти его переписки, его очень малоизвестного шедевра. В антологиях цитируются только самые безобидные из писем. Это кладезь восхитительной и утешительной дерзости для здравомыслящих умов.

Кусто: Мариво?

Рёбате: Мариво, как ни крути, хорошая салонная комедия, всегда одна и та же тема на грани. Я очень люблю Бомарше. Какая красивая театральная проза, какое движение, какая естественность! Увы, он не удовлетворился созданием «Цирюльника» и «Женитьбы Фигаро». Я купил его полное собрание сочинений для театра, и его нравоучительные вещи, такие как Sedaine, например, ужасны! Что ты думаешь о Дидро?

Кусто: Я думаю, что этот гигант, которому мы продолжаем плести университетские венки, совершенно неразборчив. Впрочем, как и все остальные энциклопедисты. Как и сам Жан-Жак⁹³⁰ — за исключением «Исповедей», которые являются шедевром. Ты когда-нибудь занимался «Новой Элоизой»? Это *плачевно*. Но не в том смысле, в каком его понимали современники. Читатели «Новой Элоизы» буквально проливали потоки слёз, настоящие потоки слёз, они были так восхитительно тронуты⁹³¹...

Рёбате: Дошло до того, что сам Стендаль плакал над этой книгой, успех которой всегда будет казаться мне одним из позоров рода человеческого. Я прочитал не более ста страниц, но мне этого достаточно.

Кусто: И современники оплакивали также несчастья Поля и Вирджинии! Вот это идиотский аспект конца восемнадцатого века. В литературе это начало сокрушительной травли романтизма, в политике — начало рек крови, пролитых для демонстрации того, что человек по своей природе добр. Восемнадцатый век, которым я до-

---

⁹²⁹ Всего Вольтер написал сотни томов, и это ужасает, конечно.

⁹³⁰ Руссо.

⁹³¹ Книга написана, как «Бедная Лиза», в рамках сентиментализма, но Кусто плачет от смеха.

рожу, — это век скептических и утончённых аристократов, а не восемнадцатый век босяков, которым мы обязаны вашими бессмертными принципами⁹³².

Рёбате: Мне стоит сказать тебе: внимание! Ты покидаешь литературу. Дидро кажется мне ничтожным не только из-за его политической тупости, но и потому, что ему так и не довелось закончить книгу и даже сказку, да и ту «Племянник Рамо»; «Жак-фаталист» падает на равнину посредственности сразу же после нескольких блестящих страниц, которые мы всегда цитируем; а «Религиозная» и «Тайные сокровища», у которых почти порнографическая репутация, ужасно скучные книги. Есть ещё «Салоны»⁹³³, где Дидро судит картины по их воспитательной и нравственной ценности⁹³⁴...

Кусто: И как подумаешь, что эти глупости до сих пор являются частью всех избранных частей⁹³⁵!

Рёбате: Есть сотни сборников писем этого периода, намного превосходящих любого Дидро. Что неоспоримо доминирует в XVIII веке, так это «Опасные связи»... вот совершенная проза, которая становится инструментом психологического анализа. А какая психология! И вот уже роман в письмах, невозможный по преимуществу жанр, который тем не менее является настоящим романом, где каждый говорит на своём языке... такой роман вырисовывается! Сказать, что этот никогда не делал ничего другого! Это чудесная книга во всех смыслах.

Кусто: Мы не можем закончить этот перечень XVIII века, не сказав ни слова о Ривароле⁹³⁶. Знаешь, я считаю его одним из величайших французских писателей. Но это

---

⁹³² Словосочетание «бессмертные принципы» Кусто употребляет в отношении революционеров в ироническом, конечно же, контексте.

⁹³³ Les Salons.

⁹³⁴ Согласитесь, подобный критерий имбецила Дидро вполне предвосхитил социалистический реализм, где ценность произведения определялась его воспитательными свойствами.

⁹³⁵ Для публикаций в избранных произведениях.

⁹³⁶ Антуан Ривароль, Antoine Rivarol, 1753–1801, полемист, монархист, не принял французскую революцию, эмигрировал.

не мнение производителей учебников и избранных произведений... Вот типичный случай человека, чья посмертная слава скомпрометирована политикой...

Рёбате: Обычно всё наоборот...

Кусто: Конечно, критики с демократическим чутьём манипулируют этим гнусным реакционером с неохотой. Но даже благонамеренные не присвоили его настолько, насколько усыновили Жозефа дё Мэтра⁹³⁷...

Рёбате: Жозеф дё Мэтр дисквалифицирован за написание «О Папе»⁹³⁸. Он оправдал бы, и я сожалею об этом, тот ужас, который прогрессистам внушает красивое слово «реакционер».

Кусто: Сам Робеспьер провозгласил аристократичность атеизма. В любом случае Ривароль остаётся столь же чуждым для канатоходцев-католиков, как и Brotteau des Plettes⁹³⁹ из *Dieux ont soif*⁹⁴⁰. Он против всякой революционной чепухи, но он также и против самозванства «Гнусного»⁹⁴¹. Самое большее, в конце концов, он признаёт, что религия всё-таки полезна для людей. Для народа, но не для него самого, Ривароля, и вряд ли в христианстве предусмотрено возлагать на священников те же социальные функции, что и на жандармов...

Рёбате: Это была большая идея Реставрации⁹⁴².

Кусто: А маленькие вольтерианские макиавеллисты, вернувшись в Париж в фургонах Веллингтона и Блюхера, так хорошо взялись за свою игру, что переделали себя, не переделав «народа».

Рёбате: Может, и Ривароль, выживи он, сделал бы такой же вираж.

---

⁹³⁷ Joseph de Maistre, 1753–1821, подданный королевства Сардинии, писатель, философ, политик.

⁹³⁸ Апология Папы Римского, издана в 1819 г.

⁹³⁹ Персонаж.

⁹⁴⁰ Роман Анатоля Франса от 1912 года.

⁹⁴¹ l'Infâme.

⁹⁴² На самом деле, тайна исповеди всегда была довольно условна, и католические священники использовались с XI века как агенты власти в той же Окситании.

Кусто: Это вполне возможно, но он уже мёртв в то время, и он остаётся, что необычно, человеком, который в это смутное время отказался от обеих сторон — от «тьмы» Церкви и «света» Энциклопедии. Он наш истинный великий предок, для тебя и для меня... Но ты собираешься упрекнуть меня в том, что я до сих пор перевожу наши дебаты в политику: я бы не говорил с тобой так о Ривароле, если бы он писал, как Поль Виалар⁹⁴³ или как Максенс Ван дер Мерш⁹⁴⁴. Прочти его переписку, его статьи, его изречения: его проза не уступает лучшей прозе этого века, когда все писали хорошо.

Рёбате: Храним Ривароля, цитируем его, отдаём ему должное... Жаль, что он не знал романтизма, он бы там хорошо устроился! Но у нас есть мнение одного из его учеников, Стендаля, человека, который теперь кажется более всего опережающим своё время, потому что он не поддавался ни одной из тогдашних мод; человека, который продолжил самые умные типы XVIII века, но с чувствительностью, которой они никогда не обладали и которая продолжала их линию посреди зубчатых стен романтизма. Шатобриан смешил бы его или доводил до тошноты.

Кусто: Как он был прав!

Рёбате: Шатобриан ещё более нечитаем, чем Боссюэ. Выдающиеся учёные заставляют меня смеяться всеми своими попытками скопировать гениальность Шатобриана. Хотел бы я знать, как давно они перечитывали «Мучеников», «Гения христианства», те груды лишней чепухи, которую мы перечитываем. Шатобриан раздражает меня тем больше, что он реставрировал «добробожие»⁹⁴⁵.

---

⁹⁴³ Paul Vialar, 1898–1996, писатель.

⁹⁴⁴ Maxence Van der Mersch, 1907–1951, писатель, адвокат, лауреат премии Гонкур за 1936 год и лауреат премии Академии за 1945 год за роман о враче и пациентке, больной туберкулёзом.

⁹⁴⁵ От бон дье, «хороший Бог» на французском, показное благочестие, синоним ханжества.

Кусто: Ошибка! Ничего он не восстанавливал. Что бы он там ни утверждал — и он претендует на это без остановок, — христианство вернулось в моду после революции, до публикации книги Шатобриана. Сеньор Комбур не изменил хода истории, он лишь воспользовался модой, чтобы продать свой салат.

Рёбате: Ну тогда это ещё отвратительнее, чем я думал. Он искусный бакалейщик, как господин Даниэль-Ропс⁹⁴⁶, который не ходит к мессе, но издал 300 000 экземпляров «Иисус в своё время»⁹⁴⁷, потому что во время этой войны появилась определённая мода на некоторое мракобесие. Но Шатобриан, по крайней мере, написал «Мемуары из загробного мира», которые на высоте.

Кусто: Надо признать, стиль этого произведения великолепен. Но какое убожество мысли, какое скопление глупостей. И я знаю, о чём говорю: я только что прочитал эти «Воспоминания» от первой до последней строчки. Сколько парижских критиков могут сказать то же самое?

Рёбате: Помимо бреда, в этих «Мемуарах» немало лжи...

Кусто: Да, но это не самое серьёзное: все те, кто делится своими воспоминаниями, поступают так же...

Рёбате: Что я продолжаю ценить в «Загробных воспоминаниях», которые не так уж свежи в памяти, как у тебя, так это радость, которую Шатобриан находит в поношении своих современников, таких как Сен-Симон. Когда у тебя прекратился стояк, самый большой источник вдохновения — желчь, которую ты накопил за всю свою жизнь⁹⁴⁸.

Наступила тишина.

Кусто думал, что в ещё далёком будущем — ибо Рёбате оставался вполне способным и пригодным для припух-

---

⁹⁴⁶ М. Daniel-Rops, 1901–1965, лауреат премии Академии в 1945 году, отмечен Римом за свои исследования христианства.

⁹⁴⁷ 1941–1944, *Le Peuple de la Bible et Jésus en son temps*.

⁹⁴⁸ Интересно, что всю главу Рёбате и Кусто поносят современников и предшественников.

лости в штанах⁹⁴⁹ — его друг так же хорошенько накормит говном современников. Отбросив мысли об этих восхитительных перспективах, он вернулся к предмету дебатов.

Кусто: Что бы мы ни думали о Шатобриане и его сообщниках, романтики всё равно очень полезны!

Рёбате посмотрел на Кусто с некоторым удивлением.

Кусто: Да, если бы их не было, у нас не было бы стандартной модели того, чего не делать, как не поступать ни при каких обстоятельствах. Ты знаешь мою склонность к пастишу, знаешь, что меня утешает — после того, как я прочитал за свою жизнь столько скучных литературных произведений — лишь то, что благодаря этому я мог в полной мере насладиться «В манере» Рёбу⁹⁵⁰ и Мюллером⁹⁵¹. Ну а с романтиками стилизация не нужна. Мы и так уже в пастише. Когда мне скучно — такое редко, но бывает — мне просто нужно найти полку с Гюго. Я никогда не разочаровывался...

Рёбате знал эту старую песню наизусть. Он знал «гюгофобии» своего друга, этого отвращения на грани. Но его природная любезность удерживала его от проявления нетерпения.

Кусто: Можем ли мы представить себе в литературе что-то, сравнимое с Лукрецией Борджиа? Мы поставили кучу пьес, написали кучу книг таких же дурных, но не таких⁹⁵², не с тем совершенством в дурном вкусе, в чрезмерном акцентировании на ненужном, совершенством в пошлости антитезы, и никогда не было ни одной пьесы о Лукреции, написанной с такой звериной серьёзностью... таким самодовольством. Профессиональные клоуны хорошо знают комические эффекты, которые можно извлечь из контраста между торжественностью исполнителя и нелепостью представления. Только профессио-

---

⁹⁴⁹ Авторы считают своим долгом намекнуть, что на момент написания главы у Рёбате ещё не пропала способность к эрекции.

⁹⁵⁰ Paul Reboux, 1877–1963, писатель, автор пастишей.

⁹⁵¹ Соавтор Рёбу, Charles Müller, 1877–1914.

нальные клоуны никогда не бывают достаточно смешными: вы более или менее угадываете, что вас ждёт. В то время как Гюго абсолютно естественен. Он не делает это специально. Чем гротескнее его выходки, тем счастливее он, воркуя, разглагольствует. Обратите внимание, что я говорю не о его политических идеях, которые принесли ему гораздо больше, чем его стихи, столько проспектов почти везде⁹⁵³. Политические идеи ещё более абсурдны. Но само искусство ужасно!

«Ты гораздо лучше меня разбираешься в Гюго», — скромно сказал Рёбате.

Рёбате: Что касается меня, то я могу сказать, что прошло уже тридцать лет с тех пор, как я вновь открыл его, во всяком случае, Гюго-артиста⁹⁵⁴. Кажется, в последних сборниках «Бог», «Конец сатаны» есть совершенно фантастические красочные картины. Но после двадцати александрийских стихов мне надоело.

Кусто: Есть хорошие стихи и у Гюго, и, вопреки тому, что ты думаешь, это хорошие стихи, но, скорее, в произведениях его юности, в «Одах», «Балладах», «Восточных стихах». А не в великих хитростях стареющего понтифика... Но и эти хорошие стихи он переделывал сто раз. И потом, «Созерцания», «Сказание веков» — это описание, всегда описание.

Рёбате: Не могу больше этого выносить!

Кусто: Я тоже!⁹⁵⁵

---

⁹⁵² Как у Гюго.

⁹⁵³ Кусто имеет в виду, что в каждом городе Франции есть улица Гюго, как в СССР были улицы Ленина, Гюго был масон и отвечал за унификацию языка во Франции, то есть занимался искоренением 45 языков 45 народов Франции, в то время как Франция всячески поощряла региональный сепаратизм в Российской империи, например.

⁹⁵⁴ То есть художественную литературу.

⁹⁵⁵ Например, описание типов рыбацких судов на 40 страниц в «Отверженных» — чудовищная, тупая, безвкусная вставка, совершенно ненужная, написанная из-за построчной оплаты, а ведь Гюго и так был миллионер, это похоже на старого больного паркинсоном деда, который очнулся и, пользуясь временной передышкой, решил рассказать историю из жизни, но постепенно снова отключился и пересказывает газеты.

Рёбате: XIX век полон описаний: люди 1830 года, Саламбо, искушение святого Антония, Мишле, все натуралисты — они мертвы для меня, я не думаю, что когда-нибудь я суну туда нос снова. Чтобы литература меня заинтересовала, она должна показать мне, что происходит с людьми или что внешний мир является продолжением этих людей, служит для их объяснения, как в первой сцене Буvara и Пекюше⁹⁵⁶. Вот почему Стендаль сохраняет всю свою свежесть, а Бальзак, которого я очень любил, часто оставляет меня голодным.

Кусто: Меня тоже. В его самых почитаемых достижениях всегда есть несовершенства, которые портят мне всё удовольствие. Он всегда рядом с шедевром. Это никогда не шедевр.

Рёбате: Бальзак тем не менее большой педераст, великолепно видевший общественную жизнь. Но, честно говоря, по части социальной жизни я пресыщен. Или пусть это будет «Дело Тулаева»⁹⁵⁷...

«Мадам Бовари», на мой взгляд, держится гораздо лучше самых лучших книг Бальзака. Я хотел бы перечитать «Сентиментальное воспитание». Я всегда защищал Флобера, никогда не понимал, как такой мальчик, как Бразильяк⁹⁵⁸, мог его ненавидеть, должно быть, он очень плохо его читал. Ставить маленькую любительскую книжку вроде Лё Гран Мольт⁹⁵⁹ выше насыщенной книги,

---

⁹⁵⁶ Bouvard et Pécuchet, роман Флобера.

⁹⁵⁷ Роман об аппаратчике Тулаеве, убитом на улицах Москвы в разгар сталинских чисток, дешёвый роман троцкиста и международного шпиона Виктора Сержа, который активно участвовал в перевороте в октябре 1917 года, ввёл в обиход в Европе слово ГУЛАГ, сидел во время чисток в лагерях и был отпущен из СССР «по требованию международной общественности».

⁹⁵⁸ Бразильяк, порвавший с редакцией, которую продолжили вести Кусто-старший и Рёбате, был осуждён на смерть, а Кусто и Рёбате счастливо её избежали, причём на суде Бразильяк проявил личное мужество, которого Рёбате явно недоставало, наверное, ещё и поэтому Бразильяка, ответившего жизнью за всю редакцию, можно считать наивным мальчиком.

⁹⁵⁹ Le Grand Meaulnes, роман писателя Алена-Фурнье.

безупречной работы, вроде «Госпожи Бовари» — значит хотеть перевернуть литературу с ног на голову.

Кусто: Помнишь, в 1939 году в нашей маленькой банде Je Suis Partout я был единственным, кто выступал против Лё Гран Мольтн. А ты, чудовище, назвал меня глупцом!

Рёбате: О, это одно из угрызений совести в моей жизни. Я не открывал Лё Гран Мольтн с 18 лет. Я говорил об этом, полагаясь на смутные воспоминания. Во имя поэзии и молодости. После я перечитал его с полным знанием фактов: крах...

Кусто: Не горячись насчёт Лё Гран Мольтн, Люсьен, уверяю тебя, ты ничего мне не скажешь⁹⁶⁰... Мы говорили о Флобере...

Рёбате: Абсурдно смешивать Флобера с его учениками, всеми этими унылыми, поверхностными типами, которые провели восемь дней в цирке, на вокзале, в универмаге с блокнотом, чтобы документировать⁹⁶¹... Альфонс Доде, Мопассан, Гонкур, Золя... Я не говорю ничего плохого о Гонкуровском «Дневнике», ибо то, что я читал, очень занимательно, очень разумно со многих точек зрения. Совершенно необходимо, чтобы ты когда-нибудь прочитал том о войне 1870 года...

Кусто: Жаль, что его здесь нет. Но при первой же возможности последую твоему совету... А тебе я, со своей стороны, советую прочесть переписку Мериме. Его романтические работы достойны уважения, но его письма гораздо выше как литература. Только мы об этом никогда не говорим, потому что Мериме, согласно этике демократии, неправильно думал: он был за южан во время Гражданской

---

⁹⁶⁰ Нового, то есть Кусто тоже невысокого мнения об этой книге, но он утверждал это всегда, а не менял позицию в зависимости от того, нравилась она Бразильяку, который в 1939 году был полезным человеком, или нет.

⁹⁶¹ Очень модная среди соцреалистов СССР и наследовавшим им «новореалистов» РФ идея, что писатель должен нюхнуть говна, чтобы написать роман о куче говна — почему он должен его нюхать и зачем вообще писать подобный роман, теоретики «новореализма» перед исчезновением своего течения объяснить не смогли, может быть, потому, что у них был полон рот и нос говна.

войны⁹⁶², ему было наплевать на мексиканцев, когда Пуэбла была осаждена, и в 1870 году он был безумно мюнхенцем, что всё-таки менее глупо, чем быть гамбетистом⁹⁶³!

Рёбате: Конечно, я прочитаю переписку Мериме, Кармен и Коломба, я нахожу это слегка простеньким. Я всегда подозревал, что Мериме был членом нашей семьи. И он был другом Стендаля... Сен-Бёв, я не совсем понимаю, какое он имеет отношение к литературе...

Кусто: Он был хорошим учителем, который говорил уместные вещи о писателях прошлого, но нагромождал чудовищные глупости всякий раз, когда утверждал, что осуждает своих современников.

Рёбате: Беранже был для него первым поэтом XIX века.

Кусто: Так, давай больше не будем об этом.

Рёбате: Театр XIX века, если не считать комедии Мюссе? Ноль... Нет жанра, в котором отходы были бы более ошеломляющими. Если подумать, что с 1830 по 1900 год генеральных репетиций было десять в месяц!.. Я не буду настаивать на четырёх настоящих поэтах этих семи десятилетий: Бодлере, Рембо, Верлене и Нервале. Насчет сонетов... ладно, мы вне этого, несмотря на беспокоящее меня поощрение, которое ты расточаешь нашему Пуэту... Я не говорю опять о Стендале, он друг, он предшественник, он живёт среди нас, я хотел бы, чтобы вся литература была похожа на него.

Кусто: Я тоже!

Рёбате: Думаю, список пальмовых ветвей окончен. Он, несмотря ни на что, в XIX веке гораздо богаче, чем для предыдущих веков. Это восходящий марш⁹⁶⁴.

Кусто: Тем не менее этот призовой список не нашёл бы одобрения моего деда. Для него девятнадцатый век был прежде всего «Отец Гюго», источающий славу и

---

⁹⁶² В США.

⁹⁶³ Сторонником Гамбетта, Léon Gambetta, 1838–1882, политик, один из столпов Третьей Республики при её возникновении.

⁹⁶⁴ То есть повышается тон, Рёбате — музыкальный критик.

гремящий в облаках, намного выше всех литературных колоссов всех времён. Был ещё Ламартин, которого мы даже не упомянули, потому что этот шутник, на самом деле, не из мира литературы. Был ещё и Виньи⁹⁶⁵, чьё *Grandeurs et Servitudes* мне очень нравится, а вот Чаттертон, тогда вызвавший восхищение, — неопиcуемый клоун. Была ещё Матушка Санд⁹⁶⁶, та самая сигарная социалистка, ягоды черники которой сегодня заставят зевать даже самых отважных читателей *La Veillée des Chaumières*. Восходящий марш, конечно, но данные авторы здесь ни при чём. Подъём происходит благодаря людям, которых современники считали второстепенными художниками. Это немного беспокоит. У нас тоже создаётся впечатление, что восхождение продолжается на наших глазах благодаря Прусту, Валери, Монтерлану, Жиду, Марселю Эме, Аную, Колетт, Жюлю Ромену и некоторым другим. Что подумают наши внуки?⁹⁶⁷

Рёбате: Что меня успокаивает, так это что большинство тех, кого ты только что упомянул, навязали себя с трудом. Долгоживущие труды обычно требуют много времени, чтобы впитаться. Но в принципе проблема литературного выживания так же неразрешима, как и проблема выживания. И, без сомнения, столь же абсурдно задаваться вопросом о том или ином.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
библиотека центрального корпуса Клерво (Франция),
ноябрь 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
июнь 2022.*

---

⁹⁶⁵ Alfred Victor de Vigny, 1797–1863, граф, писатель, романтик.

⁹⁶⁶ Жорж.

⁹⁶⁷ Они найдут ваши книги и разберутся.

**Примечание к главе от переводчика:
справка о Пуэте-Пуэте**

...Отступление об этом человеке. На окситанском Rouhète-Rouhète, Пуэт-Пуэт по-французски. Имя — Роберт, или Руби. Он родился в Провансе в 1922 году, в 1936 году сбежал на Гражданскую войну в Испании, где воевал на стороне республиканцев. Вернувшись во Францию, Роберт «поправел» и вступил в организацию «Камелоты короля» (монархическая консервативная организация, близкая к фашизму, популярная во Франции до Второй мировой войны). Работал на стройке, после крушения Франции вступил в Сопротивление, потом в СС. Сбежав из СС при наступлении союзников, он был пойман и подвергся инсценировке расстрела, приговорён к смерти, отправлен в Дахау, откуда сбежал во время неразберихи, когда союзники вторглись в Германию. В Баварии провёл несколько лет на ферме, где стал близок с угнанной на работы русской девушкой Аней, которая родила от этой связи дочь Луизу. В 1946 году он вернулся во Францию после того, как адвокат заверил его, что нечего бояться, ведь чистка кончилась. И, конечно, сразу был арестован и приговорён к пяти годам тюрьмы, где и познакомился с Кусто, Рёбате и начал писать. В Клерво провансалец организовал... питомник для выращивания гадюк. Их яд предприимчивый Руби сбывал через надзирателей фармацевтическим компаниям. 13 июля 1951 года Робер амнистирован. После Клерво Руби входит в окружение Арагона, публикует несколько книг и пишет поэму, посвящённую Эльзе Триоле, на самом деле Элле Юрьевне Коган, младшей сестре Лили Брик. В поэме написано: «то, что важно лишь — моё признание тебе» (и это станет названием книги о нём). Ещё Руби работал чтецом требника в церкви, время от времени сотрудничал с НАТО, от чего как бывший эсэсовец не мог отказаться, для того чтобы внедряться и отслеживать прокитайские европейские по-

литические течения⁹⁶⁸. Переводчику удалось после долгих поисков установить, что жизнь этого человека, в книге Рёбате и Кусто упомянутого как Руби, а на самом деле Роберта, описана писателем Морганом Спор (*Morgan Sport*) в романе «Твоё признание мне» (*L'Aveu de toi à moi, 2010 год*), написанном, по утверждению Моргана, по беседам с дочерью провансальца. Сам Морган в юности увлекался маоизмом и троцкизмом, собственно, так он и познакомился с Руби. Ни Рёбате, ни Кусто не упоминают настоящее имя этого человека, очевидно, по юридическим причинам, не делает этого и Спор. Также Морган пишет, что Пуэт-Пуэт состоял в инцестуальной связи со своей дочерью (подругой Моргана).

---

⁹⁶⁸ Попросту к «левым», среди которых Мао был весьма популярен.

ДИАЛОГ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ: ПРОШЛОЕ УМА

Ум характеризуется естественным непониманием жизни.

Бергсон Bergson, «Материя и Память» (Matière et Mémoire)

В то воскресенье Шарль Моррас, сморщившийся, в старом измазанном пальто, маленькими шажками, со всё ещё императорской (как у Наполеона Третьего) бо-родкой и всё ещё острым взглядом, вышел из церкви после мессы. Под охраной молодого тюремного надзирателя из Шампани, куда более обрюзгшего, чем он сам, Моррас пересёк большой тюремный двор и присоединился к «политическому кварталу» возле лазарета, где провёл всю неделю вместе с каторжниками из Верховного суда.

Кусто же и Рёбате шли им навстречу.

Старик подошёл к Кусто с приветливой улыбкой и пожал ему руку, но, как обычно, бросил ужасный взгляд на Рёбате, который быстро отошёл. Два врага смотрели друг на друга несколько секунд⁹⁶⁹. Затем Моррас ушёл вслед за охранником, который волочил ноги, осторожно помахивая связкой ключей. Кусто и Рёбате вместе пред-приняли классическую экскурсию по двору Бросс⁹⁷⁰, под корявыми липами, две аллеи которых обрамляли доволь-но обширный участок земли, всегда загромождённый ог-ромными брёвнами, использование которых тюремной деревообрабатывающей промышленностью представляло неразрешимую проблему... Для сотен гигантских деревь-ев, постоянно выгружаемых грузовиками лесников, из мастерских выезжали, чересчур уж редко, лишь телеги со стульями или табуретками и два раза в месяц, может быть, еловый шкаф или сервант.

---

⁹⁶⁹ Моррас нелестно отзывался о книге Рёбате, да и Рёбате проявил себя на суде далеко не с лучшей стороны, явно струсив.

⁹⁷⁰ Brosses.

Рёбате: Я должен избегать эти встречи со стариком дё Мартиге⁹⁷¹. Его взгляда достаточно, чтобы испортить мне настроение на весь день. Слишком много воспоминаний оживляет. Мне следует хранить себя от подобных движений, но это невозможно. Слишком много общего случилось между старой козой и мной.

Кусто: Я далёк от того внутреннего отвращения, которое он внушает тебе, этот гибельный ублюдок... и это нормально, поскольку ты входил в его близкий круг, а я его почти не знал... Но я читал его. И когда в прошлом, до обращения Гаксотта⁹⁷², я был левым, этого⁹⁷³ было бы достаточно, чтобы отнять у меня всё желание быть правым. Он был Рёпуссуаром с большой буквой R⁹⁷⁴.

Рёбате: Для меня всё было наоборот. Это читая Морраса в 20 лет — скажем, более точно, проживая эти двадцать лет — я почувствовал себя «правым». Я хорошо знал, что не был левым, то есть не на стороне социалистов Жореса, групп Барбюса, Виктора Баха⁹⁷⁵ и Бужи⁹⁷⁶, чтобы говорить только о тех, с кем у меня был конкретный опыт. Читая, должно быть, в начале 1925 года письмо Морраса Шрамеку⁹⁷⁷, я испытал первые политические вибрации. Во имя Бога, я должен был сказать «пульсации». Ты отравил чумными миазмами психоаналитики атмосферу с тех пор, как начал читать книги об этом⁹⁷⁸.

---

⁹⁷¹ Martigues, родной город Морраса.

⁹⁷² Кусто утверждает, что Гаксотт вовлёк его в фашизм.

⁹⁷³ Книг Морраса.

⁹⁷⁴ Repoussoir — глагол «отодвигать», здесь используется как термин. В живописи репюсуар — это элемент композиции, который захватывает внимание и подталкивает к смысловому центру или в глубину картины.

⁹⁷⁵ Victor Basch, 1863–1844, французский философ, уроженец Венгрии, убит французской пронацистской милицией в 1944 году.

⁹⁷⁶ С. Bougie, преподаватель Сорбонны.

⁹⁷⁷ «Господин Шрадек, я прибую Вас, как собаку...», открытое письмо, в котором Моррас угрожал министру внутренних дел, Абраму Шрамеку, Abraham Schrameck, 1867–1948.

⁹⁷⁸ Кусто по просьбе администрации переводит психоаналитические книги с английского языка, Рёбате имеет в виду, что их речь засоряют словечки из жаргона мозгоправов.

Нам придётся излечиться, сочиняя пятьдесят андромакских стихов⁹⁷⁹ каждый день...

Кусто: Я лучше излечусь, перечитав «Кандида»⁹⁸⁰... В «Андромаке» есть моменты и чары, которые вызывают у меня столько же смеха, сколько лежащие в их основе эмоциональные скрытые напряжения...

Рёбате искоса взглянул на приятеля.

Рёбате: Варвар! Ужасно то, что ты, вероятно, говоришь то, что думаешь. Это правда или дерьмо?

Кусто: Очевидно, я так думаю. Какой смысл находиться в тюрьме, если бы мы не воспользовались возможностью высказаться с полной откровенностью? Как говорит (или почти) Максим Луэн из *Uranus*⁹⁸¹: «Теперь, когда я вне закона, мне больше не нужно быть лицемером...» Мы только что назвали Морраса смертельно глупым. И мы собираемся изложить эти слова на бумаге. Никогда в героические дни J.S.P.⁹⁸² мы не позволили бы себе такой наглости.

Рёбате: Было бы пробитием дна испытывать какое-то уважение к этому злобному старику, у которого мы путались под ногами пятнадцать лет и который плевал в нас более гнусно, чем любой еврей⁹⁸³. Мои проклятья в его адрес — одна из тюремных шуток⁹⁸⁴.

Кусто: Возможно, было бы разумнее проявить к нему только мирное равнодушие.

Рёбате: Но меня раздражают не только жалкие сплетни, глупая ложь, которую он изливал в ответ на мои

---

⁹⁷⁹ «Андромак», пьеса Расина.

⁹⁸⁰ Вольтер.

⁹⁸¹ Роман Марселя Эме.

⁹⁸² Je Suis Partout, сокращение от названия газеты.

⁹⁸³ Во время суда в Лионе в январе 1945 года Шарль Моррас счёл полезным заклеить «предателей Je Suis Partout», тем самым дав дополнительный аргумент тем, кто требовал нашей смерти. В это время Робер Бразильяк был в цепях, и обвинения Морраса помогли его казнить. — Прим. Кусто и Рёбате.

⁹⁸⁴ Рёбате был очень резок и очень непочтительно отзывался в Les Décombres по отношению к своему бывшему господину Моррасу. Этот должок Моррас вернул в мстительных статьях, назвав «Руины» «харчком в 600 страниц» и «еврейской эмоциональностью».

ясные и давно обдуманые обвинения⁹⁸⁵. Я ненавижу его прежде всего потому, что он в моих глазах предатель предателей. Мне нечего было больше понимать с 1934 года о его ужасных недостатках, о его моральных аферах, о его гнусном характере, но я слишком восхищался им в великой борьбе за мир в сентябре 1938 года, в августе 1939 года. Человек ясный и настолько реалистичный в те дни... ради чего, чтобы затем вернуться к своей рвоте, блевотине грязнейшего среди грязнейших?

Кусто: Должен признать, что великая битва за мир, о которой ты только что упомянул, произвела на меня относительно небольшое впечатление. Чувствовалось, и весьма сильно, что старый Моррас сдался и отказался лишь неохотно и лишь с резью в животе от франко-германской резни. Конечно, он орал, что мы не должны воевать, что мы не должны вести эту войну в то время. Красивая находка! Любой нормально сложенный и не ослеплённый антифашизмом двуногий знал, что Франции есть что терять и нечего приобретать в такой глупой затее⁹⁸⁶.

Рёбате: Дело именно в том, что думающие руководители — или предполагаемые — Третьей Республики не разглядели абсурдности этой войны. Было бы верхом дебилизма ещё уважать этого негодного старика, который нас имел пятнадцать лет и который недостойно источал в наш адрес слюну похлеще любого еврея.

Кусто: Заслуга Морраса, таким образом, была относительной: в королевстве слепых этот глухой был королём. Но его пацифизм происходил, по существу, из плохого смешивания металлов. Он находил, что обстоятельства⁹⁸⁷ плохо выбраны. Принцип его не беспокоил. Если бы Франция обладала к тому средствами, он бы радостно посоветовал, чтобы мы нарезали немцев тонкими кольцами, потому что ненависть к пруссаку оставалась камнем в основании его политики, потому что — более

---

⁹⁸⁵! — «это другое».

⁹⁸⁶ Война 1940 года.

⁹⁸⁷ Для войны.

тупой, чем Рузвельт, который давал от ворот поворот лишь гитлеризму, — он отказывался даже от гипотезы настоящего мира с немцами, каким бы этот мир ни был. Между прочим, хоть пруссофобия Морраса и гитлерофобия Рузвельта происходили из разных устремлений, к результату они привели идентичному: разрушение рынков Запада, доставка Европы в руки Советов... Это стоило того, чтобы вести «Расследование о монархии» и определить «Будущее интеллигенции»⁹⁸⁸.

Рёбате: Бог мой! Ты ужасен! Со своей безжалостностью ты заставляешь меня защищать эту грязную старую обезьяну. Конечно, всё, что ты говоришь, правда. В пацифистской кампании Морраса было много психологических ограничений. Его мюнхенизм⁹⁸⁹ не заставил его избавиться ни на дюйм от германофобии. Но именно я восхищался — хорошо запомни это несовершенство⁹⁹⁰ — с 3 сентября 1939 года я уже вообще ничем не восхищался — тем, что Моррас, такой, какой он есть, умел владеть своей природой, доминировать над своей, самой дорогой ему, идеологией. Я знал, что Моррас принуждал себя, и находил это эпатирующим. Я признаю, на протяжении нескольких недель он мне казался даже воплощением мудрости. Должен сказать, что то, что удвоило мой энтузиазм, было симпатией, которую он в конечном счёте открыто проявлял к диктаторам — как критик, который, заставив себя заткнуться, радуется книге, которая возмущает все его идеи, все его верования, но которая, по крайней мере, хорошо написана. Я всегда буду видеть его, день или два после пакта Риббентропа — Молотова, перед комментариями из Берлина, поднявшего бороду, размахивающего лорнетом: «Как хорошо! Какой реализм! Ну, этот хоть что-то значит!»

---

⁹⁸⁸ Названия книг Морраса.

⁹⁸⁹ Приверженность мирному договору, подписанному в Мюнхене.

⁹⁹⁰ Игра слов, *j'admire* — запомни, глагол в форме *imparfait*, что переводится как «несовершенство» и форма времени (незаконченная).

Кусто: Старый бабуин издавал красивый крики, если вспомнить! И это сегодня!

Рёбате: Я был его единственным доверенным лицом во «Французском Альянсе», потому что был единственным по-настоящему страстным пацифистом в доме, наряду с Бутаном⁹⁹¹. Моррас снова стал разумным старым средиземноморским типом, ставящим превыше всего императив здравого смысла, готовым пожертвовать ради него своей свободой, своей жизнью, своей честью. Он всё ещё сражался 31 августа, когда мы оба смирились с худшим. Всю первую половину 1939 года он был жёстче меня и тебя.

Кусто: Это правда, что в то время, когда немцы вошли в Прагу, у нас уже не было особой надежды, мы мало что делали для мира.

Рёбате: Моррас оставался твёрдым до такой степени, что возмущал своих самых уважаемых последователей: господ морских офицеров на улице Рояль, господ администраторов Credit Lyonnais, господ роялистов Второго бюро, — заставивших его сказать, что его пацифистские статьи более недопустимы, что пришло время подумать о победе в войне. Я говорю, что человек, который был способен на это мужество, на это ясновидение, ещё более преступен, чем всякий другой, потому что он действительно пожертвовал бы своей жизнью ради мира, но он не осмелился пожертвовать своей ежедневной газетой и своими самыми низкими предрассудками после первого пушечного выстрела. Я знаю Морраса: он чудовище недобросовестности. Я помню его грусть, его усталость в первые дни войны. Он не верил ни единому слову из того, что писал. А затем он восстановил некое подобие убеждения, потому что оно было ему абсолютно необходимо, чтобы писать.

Кусто: Именно тогда он развязал эту фарсовую кампанию по разделению Германии в разгар фальшивой войны, одну из самых непристойных выхонок во французской истории.

---

⁹⁹¹ Pierre Boutang, 1916–1998, поэт, философ, переводчик.

Рёбате: Он посмотрел на меня, приехав в типографию, как обычно, впился в мои глаза. Я сохранял неприкосновенное лицо, упрямое, мрачное, я, кто целовал его почти каждый вечер, три недели назад⁹⁹². Я был его совестью. Старое животное хорошо это знало. Но вскоре забыло об этом. Он обладает удивительной способностью изгонять из головы то, что его беспокоит. Он никогда не хотел ничего знать о России, потому что русский факт беспокоил его.

Кусто: Кажется, две недели назад наш друг Марион⁹⁹³ сказал мне, что он⁹⁹⁴ не знал, кто такой Мао Цзэдун.

Рёбате: Меня это не удивляет. Он слишком горд, чтобы признать свою неправоту, он погружался во всё более и более отвратительные и гротескные софизмы по мере того, как его позиция становилась менее прочной. И всё это из-за того, что 3 сентября 1939 года он не потопил «Аксён Франсэз», что стало бы логичным и великолепным завершением его кампании. Он не признается в этом, он никогда этого не напишет. Он снова определил свою линию два года назад, не более чем для четырёх верующих, которых он насчитывает в тюрьме. Она неизменна: безмятежное ожидание короля, разделение Германий, воссоздание Австро-Венгерской империи, отрицание большевизма... Но я надеюсь, что бывают вечера, когда его мучает сожаление об этом упущенном побеге. Я почти уверен. Я облушивал его столько, сколько можно облущить такого каймана. Он слишком умён, чтобы постоянно лгать самому себе. Он из тех преступников, которые всегда несут наказание в каком-то уголке себя. Он не может игнорировать то, что упустил свою судьбу.

... Двое друзей успели четыре раза обойти двор Бросс, четыре раза пройти перед кабинетом главного надзирателя, четыре раза перед дверью номер 3, наглухо закрытой для суровых приговоров, четыре раза перед Цен-

---

⁹⁹² Французы трижды целуются при встрече, даже мужчины с мужчинами.

⁹⁹³ Не удалось идентифицировать, заключённый.

⁹⁹⁴ Моррас.

тральным офисом, где в конце месяца работала бухгалтерия, четыре раза перед строящимися зданиями компании Dananas⁹⁹⁵, четыре раза перед ностальгирующим надзирателем, выставленным — мы никогда не узнаем почему — перед грудой брёвен, четыре раза перед тошнотворным киоском, где мафиози лесной промышленности проводили свой ежедневный съезд со спущенными трусами, и Кусто, наконец, сумел вставить свои пять су.

Кусто: Люсьен, я не хочу тебя удручать, но мне кажется, что ты преувеличиваешь в одностороннем порядке мужество, которое Моррас проявил накануне войны. Без сомнения, можно ему зачесть самообладание, с которым он сдержал свою антибошевскую шизофрению. Но чем он рисковал? Напиши мы десятую часть того, что он напечатал в августе 1939 года, мы бы в тот же вечер ночевали в Санте⁹⁹⁶. За нами наблюдали. Мы были на карандаше как фашисты и были осуждены бдительными патриотами как члены пятой колонны. В то время как отец Моррас действительно был вне подозрений. В 1945 году они смогли наклеить на него статью 75, потому что в 1945 году для наших врагов стало возможным всё, даже доказать, что Бассомпьер⁹⁹⁷ украл башни Нотр-Дам и что Беро⁹⁹⁸ служил в Ваффен СС⁹⁹⁹. Но в 1939 году мы ещё не прибыли на конечную станцию. Бошефагия Морраса была слишком очевидной, чтобы кто-либо мог рискнуть намекнуть, что он был на содержании у Дюдюля¹⁰⁰⁰. Он мог позволить себе всё. Даже писать, что лезть в пасть к немцам слишком глупо. Пятьдесят лет противодействия шлейхам¹⁰⁰¹ обеспечили его дикость...

---

⁹⁹⁵ Строитель Атлантического вала, который, будучи посажен в тюрьму, принялся строить стены для тюремной администрации, ведь верно, что от себя не убежишь. — Прим. Кусто и Рёбате.

⁹⁹⁶ Тюрьма Парижа.

⁹⁹⁷ Jean Bassompierre, 1914–1948, «правый» военный, расстрелян.

⁹⁹⁸ Henri Béraud, 1885–1958, романист, лауреат премии Гонкур 1922 года.

⁹⁹⁹ Нет, не служил.

¹⁰⁰⁰ Гитлера.

¹⁰⁰¹ Немец, презрительно.

Кусто продолжал: Когда я думаю, что этот маньяк позволил себе написать, что головорезы, взявшие Бастилию 14 июля 1789 года, были в основном — но да: в основном! — ... **немцы!** Ты понимаешь... Санкюлоты (ohne Nose!) в красных шапочках (rote Mutze!), которые, вероятно, пели: «Ах! Es wird gehen! Es wird gehen!»¹⁰⁰². Почему бы и нет, раз уж мы тут? Так легко иметь универсального козла отпущения¹⁰⁰³. Каждый раз, когда что-то идёт не так, виноваты боши. Поскольку боши взяли Бастилию, нет никаких причин, по которым они не убили Генриха IV, не сожгли Жанну д'Арк и не предали Роланда в Ронсевале... Но давай будем серьёзными. Есть, видите ли, в Моррасе что-то, что возмущает меня ещё больше, чем его ненависть к немцам, и это его якобинство. Потому что нет никаких сомнений, не так ли, что именно якобинцы избрели этот грубый национализм, от которого Европа сейчас разрывается. До 1789 года честные люди сочли бы это чувство унижительно вульгарным, они торговали через границы с прекрасными, возвышенными умами других наций, и Вольтер был бы очень возмущён, если бы кто-нибудь осмелился упрекнуть его в том, что он поздравил великого Фридриха с победой при Россбахе. С другой стороны, как только революционная толпа захватила Париж, она поспешила провозгласить себя патриотом.

Рёбате: Патриоты 1793 года действительно были предками наших Фифи¹⁰⁰⁴.

Кусто: Смешит и обескураживает, что такой парень, как Моррас, вся работа которого направлена против Революции и Бессмертных Принципов, принял для личного пользования и для своих сторонников то, что находится в системе его врагов.

Рёбате: Таким образом, Моррас с самого начала обрёк свою кампанию обновления на провал.

---

¹⁰⁰² Умри, Аристократ, и умри, Фонарь!

¹⁰⁰³ Немцы для Морраса были как евреи для нацистов или русские для новинского режима РФ.

¹⁰⁰⁴ Соппротивление.

Кусто: Когда мы принципиально и во всех случаях ставим Отечество выше партии, когда мы провозглашаем святотатством ссоры перед лицом внешней опасности и утверждаем, что разногласия между французами играют в пользу врага, мы запрещаем себе любое действие. Поэтому что всегда есть внешняя опасность: Франция не остров в Тихом океане. Если бы у Франко были такие сомнения, сегодня в Мадриде царил бы Народный фронт. Более того, практически это и есть то, к чему пришла «Аксьон Франсэз»: пронизывать Республику безобидной критикой в спокойные времена и укреплять её священным союзом во времена опасности.

Рёбате: Это возвращает к тому, о чём мы говорили с Аленом Лобро¹⁰⁰⁵ под каштанами Виши в августе 1940 года: «Аксьон Франсэз» жило за счёт Третьей Республики, оно росло грибами на его изъеденном червями стволе, оно умирало в то же время, что и Республика. Поэтому что если «Аксьон Франсэз» и сохранился гротескно после июня 1940 года, то лишь потому, что Республика выжила сама в Виши¹⁰⁰⁶. Даже и не выжила, а, скорее, стала плохо прикопанными трупами.

Кусто: Я думаю, это формулировка из «Развалин».

Рёбате: Тем хуже, ведь она самая точная. Это объясняет толерантность III Республики к «Альянс Франсэз». Что заставляет меня думать об этом, так это то, что ты только что сказал о безнаказанности, в которой Моррас был почти уверен. Когда я говорю о мужестве Морраса, я думаю не столько об опасностях, действительно весьма проблематичных, от которых он бежал в августе 1939 года, сколько о борьбе, которую ему пришлось вести в то время против своих собственных предрассудков, против мнения избранных им учеников. Моррас делал неузнаваемой статую, которую «Альянс Франсэз» воз-

---

¹⁰⁰⁵ Alain Laubreaux, 1889–1968, журналист.

¹⁰⁰⁶ Правительство Виши.

двиг из него, и это потому, что здравый смысл ему это продиктовал. Я, наверное, лучше тебя знаю эти круги...

Кусто: Несомненно...

Рёбате: Надо знать, в какое изумление их поверг отказ от боя с бошами. Представь себе наших самых совершенных татуированных товарищей¹⁰⁰⁷, направляющихся ночью к пустой вилле, полной драгоценностей и барахла, а у подножия забора главарь банды говорит им: «Поворот, больше не работаем». Я до сих пор думаю, что те недели 1938 и 1939 годов имели особое значение в жизни Морраса, потому что тогда он проявил почти полную интеллектуальную честность, что потребовало поистине героических усилий со стороны этого мошенника, который никогда не будет охарактеризован лучше, чем знаменитая формула: король софистов, королевский софист. И я не думаю, что он перегнул палку, полагая, что без колебаний отдал бы свою жизнь в бою. Он ненавидит смерть, но он никогда не был хладнокровным, я не смею атаковать его низко, как он сделал со мной и со многими другими. Но это правда, что он никого не боялся от Даладьё¹⁰⁰⁸ до Гамелина¹⁰⁰⁹.

Кусто: Всё равно любопытно, что Третья Республика была так снисходительна к своему упорнейшему врагу¹⁰¹⁰.

Рёбате: Это было потому, что она знала цифры тиража газет «Альянс Франсэз» и знала, что, пока Моррас жив, эта цифра не изменится. Моррас, очень стараясь ставить перед собой недоступные цели, практически ограничился чистой критикой. Менее глупые люди из Третьей Республики воспользовались этим, в основном согласившись со стариком: Тардьё¹⁰¹¹, Фро¹⁰¹², Монзи¹⁰¹³, Шотан¹⁰¹⁴, Морис

---

¹⁰⁰⁷ Уголовники.

¹⁰⁰⁸ Édouard Daladier, 1884–1970, радикал, политический деятель.

¹⁰⁰⁹ Maurice Gustave Gamelin, 1882–1958, генерал, республиканец.

¹⁰¹⁰ Что же тут удивительного, это типичный Баркашов, так после Пятая Республика наняла таких людей Лё Пенами.

¹⁰¹¹ Jean Tardieu, 1903–1995, очень плодовитый писатель.

Сарро¹⁰¹⁵, Жорж Бонне¹⁰¹⁶, Мистлер¹⁰¹⁷. Между движением Морраса и Третьей радикальной и масонской Республикой всегда была дуэль на пистолетах, заряженных конфетти, а полиция служила подушкой между ними.

Кусто: У Морраса в то же время, однако, фанатичные враги, которые задыхались при звуке его имени, которые только и мечтали порезать его на полоски.

Рёбате: Да, это была, например, банда социал-демократов из Народного фронта, Розенфельд¹⁰¹⁸, Жан-Морис Эрман¹⁰¹⁹ — я знал их — криптокоммунисты из *Le Canard*¹⁰²⁰, Мадлен Жакоб¹⁰²¹ и народно-демократическая клика. Они испытывали к Моррасу физиологическую ненависть. Что возмущало их, заставляло пускать слюни от ярости — именно то, что мы всегда будем узнавать в Моррасе: уместность его презрения к эгалитарному мифу. Вся эта клика, имевшая доступ к власти благодаря Большому Ублюдку¹⁰²², обрушилась на Морраса с развязанными руками. Она ждала этой возможности пятнадцать лет¹⁰²³. Морраса осуждали за то, что было в нём ценного, за всё разумное в его словах и мыслях. Иначе и

---

¹⁰¹² Непонятно, какой, в тексте не уточнено: или политик Леон Фро, *Léon Frot*, 1900–1942, казнённый в тюрьме Клерво за антивоенную деятельность, или политик Евжен Фро, 1893–1983, социалист, близкий к лавалистам.

¹⁰¹³ *Anatole de Monzie*, 1876–1947, политик, социалист, некоторое время поддерживал режим Виши.

¹⁰¹⁴ *Camille Chautemps*, 1885–1963, неоднократно возглавлял совет министров Третьей Республики.

¹⁰¹⁵ *Maurice Sarraut*, 1869–1943, политик, журналист, поддержал Виши, в 1943-м отделился от Лавалля, убит в Тулузе, в убийстве обвиняли Сопротивление, но задержанные оказались членами провластной милиции.

¹⁰¹⁶ *Georges Bonnet*, 1889–1973, политик, радикальный социалист.

¹⁰¹⁷ *Jean Mistler*, 1897–1988, дипломат, писатель, политик.

¹⁰¹⁸ *Oreste Rosenfeld*, 1891–1964, политик, русский еврей, уроженец Астрахани, меньшевик, отправлен во Францию послом, не принял большевиков и остался в Париже.

¹⁰¹⁹ *Jean-Maurice Hermann*, 1905–1988.

¹⁰²⁰ *Le Canard enchaîné*, сатирический журнал.

¹⁰²¹ *Madeleine Jacob*, 1896–1985, журналистка.

¹⁰²² Де Голлю.

¹⁰²³ Представьте, что Галковского судят Галевы, которые ненавидят его не за национальность даже, хотя и за национальность, но и за несомненное интеллектуальное превосходство.

быть не могло. Но всё равно необычно: хоть я и ненавижу его до глубины души, я пытаюсь произнести в своём роде апологию этого старого ублюдка.

Кусто: Нет, ты не пытаешься его извинить. Ты всё исправляешь, совершенно просто, с тем чувством меры и справедливости, в которых тебе отказывают только легкомысленные умы. И я тем охотнее соглашаюсь признать заслуги Морраса... что лично я ему ничем не обязан. А если я ему что-то и должен, то из вторых рук: поскольку его идеи были применены диктаторами... Но если вернуться к моему увлечению, когда мне было восемнадцать, Моррас внушал мне священный ужас только потому, что он сделал постоянство франко-германских войн основой своей системы, и потому, что я уже был убеждён (это единственный пункт, в котором я никогда не колебался), что Европа никогда не была бы жизнеспособной без франко-германского взаимопонимания, что это была первая из всех проблем, единственная действительно важная, та, от которой зависели война и мир, жизнь и смерть.

Рёбате: Сегодня, конечно, во вселенной, подвластной русским и американцам, синяя линия¹⁰²⁴ перестала быть пупом планеты.

Кусто: Но тем комичнее настойчивость, с которой Моррас стремится переделать, несмотря ни на что, Вестфальские договоры. Моя жена рассказывала мне ранее в гостинной, что человек по имени Бутан¹⁰²⁵ падает в обморок от ужаса в «Абсцессе Франции»¹⁰²⁶ при мысли о том, что между монголами¹⁰²⁷ и Deux Magots¹⁰²⁸ снова будут немецкие бронетанковые дивизии. Я не могу найти слов, чтобы охарактеризовать это погружение в бредовую психопатию.

---

¹⁰²⁴ Вогезов (линия разделения Германии и Франции).

¹⁰²⁵ Pierre Boutang, 1916–1998, поэт, переводчик, последователь Морраса.

¹⁰²⁶ Так Кусто издевается над книгой Бутана *Aspects de la France*, обыгрывая созвучие «аспекта» и «абсцесса».

¹⁰²⁷ То есть нами, русскими.

¹⁰²⁸ Кафе во Франции, место сбора интеллектуалов.

Рёбате: Случай Бутана действительно требует психиатрического лечения. Если бы мне нужно было опубликовать пятьдесят строк, чтобы квалифицировать этого идеального кретина, я бы сказал, что он бесконечно ниже в развитии даже министров Ториоля. Мы часто смеялись, замечая, что эти шутники видели, как их побуждают защищать политику Ришельё. Это действительно очень смешно. Но они по крайней мере не верят в то, что делают. Среди персонажей Четвёртой Республики нет германофобов, кроме нескольких старых правых придурков вроде Луи Марена¹⁰²⁹. Остальным пришлось временно ругать Германию за то, что она фашистская. Таким образом, антифашизм и антибошизм совпали.

Кусто: Всё-таки это должно было открыть глаза моррассианцам.

Рёбате: Четвёртая Республики приняла рефрен «вечной» Германии, чтобы иметь возможность сильнее раздавить нас, поддержать «очищение» Германии, более надёжно отрезать нас от этих подданных, которые были, как я говорил, нашими клиентами. Сегодня демократические побочные эффекты Четвёртой Республики приводят к тому, что им придётся допустить перевооружение этой Германии, которую они четыре года клеймили за хищнические инстинкты, империализм и прочие грехи, которые они отождествили с фашизмом. Но им было абсолютно начхать на «немецкую опасность» как таковую.

Кусто: Их единственная забота — это очевидно — снова появиться перед избирателями с пронацистским плакатом.

Рёбате: И мы уже смогли увидеть, что коммунисты не стесняются навешивать на них огромный подобный плакат. Настоящий французский республиканец никогда не смотрит за границу: он смотрит на свой округ. Он знает, что американцы собираются воссоздать немецкую армию, что это выгодная сделка для Франции, кото-

---

¹⁰²⁹ Louis Marin, 1931–1992, философ, писатель.

рая сбросит свои основные европейские обязанности на Ганса и которая найдёт себе защиту в новом рейхсвере. Протесты против этого от французского республиканца — чистая риторика, алиби для электората. Это подло, это лицемерно, это всё, что угодно, но, по крайней мере до определённого момента, это политика.

А вот для моррассианцев последнего круга, вроде Бутана, наивность абсолютно бесплатна¹⁰³⁰. У них даже нет повода оправдать конверт¹⁰³¹, отстоять место депутата или городского советника¹⁰³².

Кусто заключил: Люсьен, ты делаешь меня счастливым. Время от времени полезно слышать разумные истины. Но в той точке, где находится эта испорченная вселенная, талмудистика Морраса больше не имеет никакого значения, и мы зря так волнуемся. Идём посмотрим, подали ли суп.

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
библиотека тюрьмы Клерво (Франция), ноябрь 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
июль 2022.*

---

¹⁰³⁰ То есть они идеалисты в политике.

¹⁰³¹ Взятку.

¹⁰³² Говоря о Бутане, Рёбате использует выражение из басни Ла Фонтена «Кошка и старая крыса», которое значит «глупая кошка».

ДИАЛОГ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ: БОЖИЙ БИЧ

Ради человечества русские должны быть уничтожены,
как вредные паразиты.

Достоевский, «Бесы»¹⁰³³

В те дни доблестные войска свободных Объединённых Наций пали на кость. Прогулка американских морских пехотинцев за 38-ю параллель превратилась в смесь Анабасиса¹⁰³⁴ и Ронсеваля¹⁰³⁵, а жители Lake Success¹⁰³⁶, так торопившиеся вступить в бой с крошечными агрессивными нациями, с отчаянной ностальгией по Мюнхенским соглашениям созерцали китайскую массу. Всё, что хотите, хоть пинков под зад, но только не война! Или, по крайней мере, не сразу! Ещё минутку, господин палач¹⁰³⁷! Принцип, однако, был усвоен. Никто не сомневался, что в конце концов придётся драться. С блестящей непоследовательностью, которая делает их неподражаемыми, демократии Запада лихорадочно импровизировали планы обороны, не соглашаясь, однако, на вклад, который был бы великодушно предоставлен внести злобным бошам. Дивизии или отряды? И будут ли они вооружены, эти злобные боши, духовыми ружьями, или демократии снизойдут до того, чтобы вооружить их кремнёвыми

---

¹⁰³³ Это слова не Достоевского, конечно, а отрицательного персонажа, что не упомянуто в эпиграфе, то есть перед нами типичное французское передёргивание.

¹⁰³⁴ Постоянное отступление отряда греческих наёмников из Персии под натиском превосходящих сил врага с целью вырваться.

¹⁰³⁵ Ущелье, где, согласно «Песне о Роланде», произошла схватка арьергарда Карла Великого во главе с графом Роландом с арабами, а на самом деле с басками; как и история 300 спартанцев или псковского десанта 9-й роты, синоним отваги в деле обречённой защиты.

¹⁰³⁶ То есть США.

¹⁰³⁷ Знаменитая фраза мадам Дюбарри со времён так называемой великой французской революции — несчастная женщина, которую потащили на плаху, просила палача дать ей минуточку, под оскорблениями толпы, во Франции с тех пор синоним «перед смертью не надышишься».

ружьями? Идеологически крестовый поход обещал пойти лучше, потому что возвышенные старики всегда были впереди военных. Чтобы озвучить собрание паладинов Человека, не хватало лишь одной метафоры.

Кусто: Итак, Люсьен, ты готов?

Кусто, уставший от одиночества в своей комнатухе¹⁰³⁸, пришёл в библиотеку поболтать. Рёбате как раз внёс в реестр богослужебные книги на немецком языке, подаренные религиозной ассоциацией, которая нашла окольный способ ухудшить таким образом условия заключения. Так что Рёбате сразу же ухватился за представлявшуюся ему возможность оторваться от этой отвратительной задачи.

Рёбате: Готов к чему? Только не к предстоящей свободе. Ты не собираешься говорить о статье 17¹⁰³⁹.

Кусто: Как раз время поболтать о статье 17! Я тебя спрашиваю, готов ли ты защищать христианскую цивилизацию против монголо-марксистской гидры.

Лицо Рёбате сморщилось в недовольный анус.

Кусто: Ты не будешь один... Погляди на наших товарищей из острокопечной башни¹⁰⁴⁰. Они были осуждены за то, что остановили коммунистов. И после шести лет тюрьмы они горят желанием пожертвовать собой ради нашей бессмертной Франции, вновь начав арестовывать коммунистов. Может, снаружи тебя уже ждут, чтобы ты начал вновь насмехаться над Поповыми¹⁰⁴¹.

Рёбате: Можно меня ждать долго, очень долго...

Кусто: Есть, однако, за пределами этих стен множество людей, которые, судя о нас по нашей прошлой дея-

---

¹⁰³⁸ После того как он стал начальником-переводчиком, Кусто получил право спать в рабочем кабинете. — Прим. Кусто и Рёбате.

¹⁰³⁹ Статья 17 репрессивного закона, названного «амнистией», предусматривала досрочное освобождение для задержанных, которые возвращались к дамам-господам Четвёртой Республики. Тюремный народ вот уже шесть месяцев не говорил ни о чём, кроме статьи 17. Кусто и Рёбате никогда не говорили об этой статье. — Прим. авторов.

¹⁰⁴⁰ Отделение тюрьмы.

¹⁰⁴¹ Roroff, то есть нами, русскими.

тельности, убеждены, что мы горим желанием снова подать голос, и рассчитывают, что мы это сделаем.

Рёбате: Мы провозгласили себя врагами большевизма, когда могли уничтожить его в зародыше. Это было в эпоху, когда его принимали в Лигу Наций. Мы продолжили позже, когда самая могущественная армия мира атаковала его и особенно когда у нас было что поставить на его место, я говорю о фашизме, в который мы верили. Мы уже годами прорабатывали, что будем делать в случае российского вторжения. Не будет больше колебаний, как в 1944 году перед Фифи¹⁰⁴²: мы сразу же уберёмся отсюда к чёрту, поставив своей целью Бидасоа¹⁰⁴³.

Кусто: В случае большевизации мы — в первой тележке, поскольку пропаганда того требует¹⁰⁴⁴.

Рёбате: Но это не из-за вульгарного и совершенно личного вопроса жизни и смерти можно перестраивать свои политические идеи. Я не вовлекусь в борьбу для того, чтобы восстановить всеобщую демократию на руинах большевизма. То, что меня прикончат большевики, не значит, что демократия перестанет бздеть мне в нос.

Кусто: Мы частенько об этом говорили и спорили до потери голоса, но никогда не перестанем ходить по этому кругу: в 1945 году большевики имели возможность сплотить большинство наших людей за своё дело. Настоящий фашист гораздо более предрасположен к марксистской дисциплине, чем к демократической чепухе.

Рёбате: Большевики этого не хотели. Они сделали всё, что следовало сделать для того, чтобы сотрудничество стало невозможным.

---

¹⁰⁴² «Соппротивление».

¹⁰⁴³ Река между Испанией и Францией, где произошла битва между армией Веллингтона и французами, 1813 год; Рёбате говорит не о намерении сражаться, а желании дезертировать в нейтральную Испанию.

¹⁰⁴⁴ Со времён так называемой Великой французской революции осуждённых на казнь везли в маленькой повозке, чтобы унижить достоинство казнимого, Кусто имеет в виду, что они с Рёбате в случае «покраснения» Франции — первые кандидаты на смертную казнь.

Рёбате¹⁰⁴⁵: Ошибались ли они? Были ли правы? Ничего об этом не знаю. Но сейчас уже слишком поздно. Они были слишком безжалостны в подавлении наших товарищей и между нами было слишком много крови... и они сами были слишком преданы делу, чтобы отступить. Но я думаю так же, как и ты: наши маленькие удобства не должны влиять на наши суждения. Это было бы поводом для дебилов, которые были против сотрудничества, потому что глава немцев им не принадлежала. Поскольку мы сосланы на Сириус, ничто не мешает мне сказать, что в этой Третьей мировой войне большевики вызывают у меня гораздо меньше отвращения, чем их враги.

Рёбате: Есть, очевидно, большой упрёк, который стоит им сделать, этим антисемитам, антицерковникам, этим убийцам поляков. Большой упрёк в том, что они русские.

Кусто: Это уж точно ничего не упорядочивает. Государственный социализм — это уже не очень смешно, но когда им правят персонажи «Бесов», это смерть «кулака»... Однако в интересующем нас явлении — то есть в нынешнем большевизме — русский факт мне не кажется преобладающим. СССР, конечно, русский и националистический, ох! насколько... Но советская власть не правит специфически русским образом. Без этого советское правительство давно бы сдохло. Русские — по крайней мере для меня — в первую очередь чокнутые, рассуждающие о смысле жизни и ведущие себя в практическом существовании так дико, что это ускользает от всякого предвидения¹⁰⁴⁶. У меня нет особого впечатления, что советские руководители, начиная с Иосифа Виссарионовича, зазу¹⁰⁴⁷. Скорее, они полная тому противоположность.

Рёбате: Так что они русские, более русские, патристичнее, чем любой русский когда-либо был, но,

---

¹⁰⁴⁵ Так в тексте, тут или разбивка Рёбате на два абзаца, или слова принадлежат Кусто, что точнее, так как следующая реплика начинается с имени Рёбате, но мы оставляем как в издании, лишь указав на возможное несоответствие.

¹⁰⁴⁶ То есть, по мнению Кусто, их поступки невозможно предсказать и рассчитать.

¹⁰⁴⁷ Стиляги, субкультура.

как бы это сказать... Очищенные от славянства большевизмом? Это возможно. Большевизм, конечно, вышел из мира «Бесов»¹⁰⁴⁸, но создаётся впечатление, что Шатовы и Кирилловы почти не ходят по коридорам Политбюро. Мне не кажется, что славянский шарм играет главенствующую роль в успехах господина Молотова. В то же время я себе не доверяю.

Кусто: Ты прав. Я тоже подозрительно настроен. В принципе, русские способны на всё, абсолютно на всё. Не исключено, что со смертью Сталина хозяева СССР снова начнут шутить, как Раскольников, Алёша... или Распутин. Но на данный момент, что именно отличает их от западных противников, так это дух последовательности, ледяной реализм, потрясающее хладнокровие, это то, что делает их продолжателями традиции великих политиков, традиции Макиавелли, Ришельё, Фридриха II, Бисмарка, Дизраэли. В Ялте это Рузвельт был клоуном — *for the people, by the people* — а Сталин был серьёзным джентльменом. Серьёзный русский — всё-таки что-то новое в истории. Лично я склонен думать, что советские лидеры проводят националистическую политику, потому что они русские, и что они серьёзны, потому что они большевики.

Рёбате: Прошлой зимой, перечитывая всего Достоевского, я постоянно думал о дате его рождения — 1821 году. Для французского автора эта дата означает, что его дед был современником Мариво, Вольтера; прапрадед — современником Паскаля, Ла Фонтена; прадед этого прапрадеда — современником Рабле. Для Достоевского это означает, что его дед был современником мужиков, прадед — современником опять мужиков и больше ничего. Интеллектуальная Россия началась, так сказать, с Достоевского. Что ж, посмотрите, как далеко он ушёл, будь то в глубине мысли, техническом мастерстве или экстравагантности¹⁰⁴⁹.

---

¹⁰⁴⁸ Большевизм ПОКАЗАН и ОБЪЯСНЁН в мире «Бесов», но он там осуждается, и, конечно, карикатура на большевизм не стала его Библией.

¹⁰⁴⁹ Отчасти это справедливо, с другой стороны, Вольтер переписывался с Екатериной, Пушкин — современник Мирабо, то есть русская культура, хоть

Кусто: Особенно в экстравагантности.

Рёбате: Если тебе угодно, но самые дерзкие и бесстыдные представления древнейших стран тотчас же усваиваются, обезвоживаются этим дикарём¹⁰⁵⁰. Что нас так раздражало в знакомых нам русских, так это, быть может, промежуточное состояние, то состояние первобытного человека, что переживает кризис интеллектуального роста, трансплантированного варвара, который подхватывает все яды цивилизованных людей.

Кусто: Большевизм мог одним ударом покончить с этим видом подростков?

Рёбате: Чем богат, тем и рад, других объяснений у меня нет, русских большевиков я знал только косвенно. Во всяком случае, вот вам страна, пережившая самую *переводную буржуазную коррупцию*¹⁰⁵¹, социализм, который действительно является одной из форм этой коррупции, и которая сделала из этого социализма каркас самой фантастической тирании. Мы можем говорить, что хотим, но когда вы перескакиваете этапы и с такой скоростью идёте до края... это признак священной силы, неоспоримой молодости.

Кусто: В любом случае мы не можем больше отделять большевизм от русизма, как не можем разделить капитализм и американизм. В обоих лагерях национальный и политический феномены смешались, со всеми возможными последствиями. Мы повторяли до отвращения, что в конце концов именно в капиталистической вселенной было бы наименее неприятно закончить наши дни.

Рёбате: Это уж конечно. Нет альтернативы. В большевистско-русской вселенной нас не оставили бы жить в любом случае.

Кусто: Это печально. Не то чтобы у меня возник соблазн присоединиться. Но я сохраняю определённое

она и младше французской, и это факт, всё же родилась на полтора века раньше, чем предполагают Рёбате и Кусто; не забывайте, как беспощадно Кусто и Рёбате критиковали всё французское в литературе до XVIII века, включая Рабле, Паскаля и Ла Фонтена.

¹⁰⁵⁰ Подражая, русские превосходят учителей.

уважение к большевистско-русскому миру, в то время как не питаю никакого уважения к капиталистически-американскому миру. Я думаю, это из-за общей линии¹⁰⁵², которую я понимаю (не одобряя её), и методов, которыми я восхищаюсь (зная, что мне есть чего бояться).

Рёбате: Да, понять — это уже много. Гляди-ка, прямо сейчас, в этой американо-китайской неразберихе мы мало что знаем о том, у кого какие карты. Всё-таки о ближайших желаниях Трумэна — выбраться из западни, не потеряв лица, договориться до Мюнхена¹⁰⁵³, мобилизуя Америку, — мы знаем чуть больше, чем о ближайших намерениях Джозефа, которые в полнейшей тьме! Однако я не понимаю слов и жестов американцев. Именно эта знаменитая демократическая дипломатия всегда казалась мне пантомимой пьяницы. Когда вы думаете, что получили то, чего хотят демократы, бац, на следующий день предположение меняется на противоположное.

Кусто: Это потому, что демократы сами не знают, чего хотят, или постоянно им мешают в их волеизъявлении.

Рёбате: Напротив, как умна игра Сталина! Это связно, логично, гибко, это сеть, которая плетётся на наших глазах, чтобы опутать весь Запад. Я видел это уже с каким-то комическим отчаянием в 1939 году. Мне очень хотелось бы иметь некоторое уважение к Даладье и Чемберлену, но я не понимал ни слова из того, что они говорили. Как только Дюдюль¹⁰⁵⁴ или его друзья открывали рты, я, наоборот, оказывался среди людей, говорящих на моём языке. Что ты хочешь, это в конечном счёте, вызывает симпатию.

Кусто: Вопрос темперамента. Уже перед войной, когда я ездил в Германию, Италию или к Франко¹⁰⁵⁵,

---

¹⁰⁵¹ То есть РИ для них — передовая буржуазная страна.

¹⁰⁵² СССР.

¹⁰⁵³ Заключить почётный мир и уйти из Кореи.

¹⁰⁵⁴ Гитлер.

¹⁰⁵⁵ Испания.

я испытывал, как только пересекал границу, чувство избавления. Отлично! Избавления. Я почувствовал себя свободным от скверны: в воздухе, которым дышат в демократиях, есть что-то говённое, что абсолютно несовместимо с моим интеллектуальным комфортом. Не важно, свободен ли я, если мои враги тоже свободны. Отдельные слова: человеческая личность, право человека, всеобщая совесть и т. д. — всегда заставляли меня краснеть, вызывали во мне желание стрелять в толпу... или убраться отсюда к чёрту.

Рёбате: С Джозефом в такие игры не поиграешь. Нет опасности, что быдло пасть раскроет. Уже что-то.

Кусто: Вот государство, разумно управляемое людьми, знающими, чего они хотят, и желающими этого без слабости, без романтизма, без законных угрызений совести, не терпящими ни дискуссии, ни противодействия, знающими, что все средства хороши, лишь бы они были действенны. Эти методы настолько удовлетворяют ум, что я очень искренне сожалею, что не могу отдать дань такого же восхищения цели, которую преследует господин Сталин. Но тут я уже не согласен.

Рёбате: Потому что Сталин остаётся марксистом? Это действительно надежда, которую питают все **демократарки** и **демокрачисты**¹⁰⁵⁶. Мы сто раз говорили: достаточно понаблюдать в течение тридцати лет за поведением Эриотов, передовых интеллигентов, гуманитарных негодяев, Сартра перед СССР: жестокий, грозный режим, обеспеченный, однако, с их стороны всеми побрякками, потому что он может стремиться к улучшению участи рабочих. Опять-таки эта надежда привела в Москву таких наивных людей, как Жид и Селин.

Кусто: Словарь Жозефа всегда даёт им правоту.

---

¹⁰⁵⁶ Мастер бранного слова и инвективы, Рёбате смешивает «демократа» и «кухарку» и «трубочиста».

Рёбате: Да, но Жозеф нам даёт всё же право думать, что его братский словарь так же мало честен, как словарь христианских церквей, которые руководят вот уже 2000 лет всеми великими бойнями во имя прощения обид.

Кусто: Не забудем, что церкви становились порядочными лишь когда предавали свой словарь постольку, поскольку папы-кентавры эпохи Возрождения опровергали своим великолепием идеал нечистоты назарянина-гребенщика.

Рёбате: Но тот факт, что христианская лексика осталась нетронутой во всех церковных палинодиях, позволяет Церкви в любое время вернуться к этике чандала¹⁰⁵⁷.

Кусто: Я боюсь, как бы русский большевизм не постигла та же участь. Советское государство великолепно иерархично, оно имеет все признаки создания аристократии, а на деле весело разрушает все эти великие демократические принципы, которыми пердят нам в нос. Но его неустанно твердящий идеал остаётся неизменным. Его идеалом является выравнивание человечества по низшему уровню, выравнивание с дворником, выравнивание с негром.

Рёбате: Это если допустить, что негр ниже дворника!

Кусто: Притом это точно такой же идеал, как и идеал либеральных, прогрессивных, капиталистических демократов, готовящихся к бою с господином Сталиным. С обеих сторон мы в конечном счёте говорим на одном языке, у нас одна цель, мы предлагаем одну и ту же деградацию. Тогда допустимо задаться вопросом, почему люди, которые так согласны с необходимостью сведения всего человечества к наименьшему общему знаменателю, так спешат перерезать друг другу глотки. Простое недоумение, очевидно...

Рёбате: То, что ты говоришь о коммунистической нивелировке, мы наблюдаем везде, где русские посели-

---

¹⁰⁵⁷ Чандал — низшая каста в Индии, интересно, что эта идея Рёбате перекликается с идеей Д. Галковского о христианстве как религии, изначально, низшей касты, могильщиков.

лись с 1945 года: они уничтожают, не торопясь, но полнотью, весь социальный слой, представляющий цивилизацию. Это первый шаг, который приведёт нас прямо к позорному столбу или в сибирскую тюрьму. Но почему бы нам не поговорить и о будущем, раз все о нём говорят? Будущее демократий, я его знаю: они переходят от одной глупой войны к другой глупой войне, между двумя войнами они ещё больше погружаются в дерьмо. Невозможно представить, чтобы они корректировали друг друга; чтобы исправить себя, им пришлось бы принять решение о собственном исчезновении.

Кусто: Фашистская Америка, короче.

Рёбате: С таким же успехом можно верить в Мессию. Признаюсь тебе, что я представляю себе гораздо меньше трудностей, если вообразить себе новое общество, возникшее на основе большевизма. Что такое большевизм на практике? Это уничтожение коррумпированной буржуазии, не имевшей сил защитить себя, новой буржуазией, Партией.

Кусто: К сожалению, эта новая буржуазия ещё не равна другой. У неё очень грязное лицо, у этой новой буржуазии. Кроме солдат, которых спасает мундир, другие кайды считают себя обязанными — всегда из-за силы провозглашённых принципов! — делать оттяжки для пролов, носить кепки и брюки-штропор. Российская элита систематично уродлива. Она практикует перевёрнутый снобизм, она сближает свою внешность с донецкими шахтёрами, тогда как в других местах, например, в Англии, именно ланкаширская шахтёрша пытается походить на привилегированных людей аскотской огады. Этот уклон в сторону посредственности не может не иметь гибельных последствий для искусства вообще. Современное советское искусство, то, которое нравится новым баринам (или ради которого новые барины вынуждены отстаивать свои предпочтения, что сводится к тому же), есть искусство отрывного календаря.

Рёбате: Кому ты рассказываешь! Вспомни моё беспокойство по поводу репортажа Paris-Match в прошлом месяце. Меня тошнило три дня. Эта безвкусица, эти лица! Всё самое смешное, безобразное, низкое, что может заключать в себе слово «мелкий буржуа». Но именно над этими образами я и размышлял: Партия есть новая русская буржуазия, карикатурная буржуазия. Но он¹⁰⁵⁸ уже не мужик, не землекоп. Девочки ходят в школу-интернат, у них зачёсанные назад волосы и скромные кофточки, как у самых набожных пансионеров католицизма. Пацаны идут в Пританей, выйдут с погонами¹⁰⁵⁹. Создан привилегированный класс.

Кусто: Очевидно, он станет цепляться за свои привилегии.

Рёбате: Представь, что большевизм завоёвывает вселенную. Здесь, во всех климатических условиях, радикально решается знаменитый социальный вопрос — восстановлением грозного и безжалостного рабства, как и во все блестящие эпохи. Христианство тоже ликвидировано.

Кусто: А также стилиаги от искусства, типичные философы, французские парламентарии, коммунисты в первых рядах.

Рёбате: Ну, я бы не прочь родиться в конце этого века в таком обществе. У него были бы активы, оно вызвало бы у меня меньше отвращения, чем полностью американизированная планета с пуританским направлением. Конечно, остаётся снабдить это новое общество искусством и мыслью. Но зачем отказывать мелкой буржуазии чиновников в возможности рафинирования утоньшения вкусов? Эстетика сталинизма вполне может исчезнуть с гениальным лидером¹⁰⁶⁰. Мы знаем сыновей бакалейщиков, которые стали изысканными декоратора-

---

¹⁰⁵⁸ Партиец.

¹⁰⁵⁹ То есть Рёбате представляет военные училища СССР как школу обучения жрецов в Древней Греции.

¹⁰⁶⁰ Так и случилось.

ми. Большевизм 2000 года, который уничтожил бы почти всё, не пострадал бы от нашей патологической критики, от нашего эстетизма; он мог заново открыть для себя наивность и энергию творческих эпох.

Кусто: Это развитие в соответствии с логикой. Если цивилизация, достойная этого имени, должна подняться из современного хаоса, она скорее возникнет из советизированного мира, чем из либеральной анархии. Потому что, если русская победа автоматически решит все проблемы, задав обществу жёсткие рамки, американская победа ничего не решит.

Рёбате: Это была бы в масштабах планеты полная непоследовательность, демократии которой предлагают нам сегодня забавное зрелище, борьбу фракций, циклические экономические кризисы, национальное соперничество, парламентский паралич.

Кусто: Да, я предпочитаю правление наркома правлению избираемых банд и торговцев нефтью. Но это будущее, будущее, которое нас не касается, которое не может нас касаться, которое поэтому как бы не существует. В ближайшем будущем большевизм — это самая ужасная перспектива, какая только может быть у человека этой половины XX века. Даже когда он в системе. Даже если это один из Жюлей. Не развлекаются же они каждый день, служители Отца Народов! Уж не тот, у которого завтра почти гарантированно появится дырка в башке... И ещё меньше те, что в нижних эшелонах...

Рёбате: Да уж, до того как мы придём к буржуазному большевизму, будет какой-нибудь катынизированный учитель, расстрелянный генерал, расчленённый министр! И литератор, посланный в шахту. Эй, смотрите, богатые натуры коммунистических литераторов 1950 года! Арагон, Эренбург и, так сказать, Клод Руа! Я нашёл определение коммунистического интеллигента, которое кажется мне вполне удовлетворительным: это джентльмен, который заранее знает, что он должен думать о чём угодно; как на-

зывается всё без исключения. Для сравнения, испанский иезуит XVI века пользовался дадаистскими свободами. Большевизм на неопределённое время — это резня в ночи.

Кусто: Мы знаем это уже тридцать лет и ни на мгновение не сомневались в этом.

Рёбате: Мы имеем право на некоторую славу, как я верю, так как выясняется, что эта твёрдость в хорошем смысле является довольно редким явлением. Но именно сегодня я уже не чувствую необходимости напоминать своим современникам об этих понятиях здравого смысла. Я считаю, что достаточно пошумел в качестве предупредительной сирены. Признаюсь откровенно, что когда я теперь думаю о большевизме, то не для того, чтобы содрогаться, а для того, чтобы восхищаться тем, что эта система, которой суждено меня убить, есть система порядка. Любой порядок, каким бы чудовищным он ни был, кажется мне предпочтительнее демократического хаоса.

Кусто: Всякий порядок в конечном счёте приносит плоды.

Рёбате: С тех пор как умер фашизм, нет больше порядка, кроме как у красных. А вождь красных — Иосиф, величайший политик этого века, это уже не вопрос для меня.

Кусто: Комично, что после пятнадцатилетнего траха пресмыкающимися писцами, шлифующими для «Правды» гиперболы во славу гениального вождя, мы с тобой совершенно естественно и при полной свободе пришли к тому, чтобы говорить точно то же самое. Мы не говорим, что Сталин хорош, что он нежен, что он красив, что он человек, что он художник, что он скромн, что он изобрёл проволоку, чтобы резать масло, и дифференциальное исчисление, но мы говорим, что он гений.

Рёбате: Мы говорим это без смеха.

Кусто: Мы говорим это с восхищением. Сталин намного превосходит всех лидеров человечества этого века. Рядом с ним Черчилль — разнорабочий, а Рузвельт — марионетка. Что же касается Дюдюля с его вагнеровской

манией входить в город гусиным шагом¹⁰⁶¹ ... скажем, он маленький мальчик. Где, когда и как, насколько нам известно, Сталин допустил ошибку? Никогда. У этого сталинского человека нет нервов. Он идёт к поставленной цели неумолимо, не торопясь, не рискуя, всегда имея все шансы на своей стороне. Когда надо хитрить, он хитрит. Когда нужно отступить, он отступает. Когда препятствие нужно раздавить, он раздавит его. Какой художник! Какой виртуоз! Но мы говорили это тысячу раз с тех пор, как проводим свободное время в тюрьме.

Рёбате: Было в порядке вещей, что самые правдивые панегиристы Сталина были фашистами. Потому что только фашисты могут хвалить его за то, что он деспот. Бывают моменты, когда я очень устаю от этого века. Однако нам будет дано увидеть, как человек ставит себя в ранг Бога. Пока вы должны вернуться, чтобы увидеть это, в Египет и Вавилон. Я бы, на самом деле, не согласился снова выступать против Джозефа, кроме как в партии, которая бы открыто провозгласила: «Мы собираемся его побить, но он потрясающий парень».

Кусто: Этой партии, увы, никогда не будет... И причины нашего преклонения перед Сталиным стали негласными на всей планете. Большевики не потерпят нашей похвалы, так как мы по определению склизкие крысы. Что же касается буржуазии Запада, то она всё больше обречена на антисталинский конформизм, который так комично заменяет антигитлеровский конформизм. Смотри американские газеты, находящиеся в полной готовности. Они не ломают голову, пытаясь придумать новые оскорбления. Они приводят все старые оскорбления, которыми евреи снабжали их с 1933 года и которыми они издевались над Адольфом до 1945 года. Теперь мишенью служит Йозеф, но ни словарный запас, ни техника не изменились. Не важно, кстати. Судьбы

---

¹⁰⁶¹ Парады.

буржуазии Запада в конце концов исполнятся. И эти буржуи будут платить не только за свою русофилию во Второй мировой войне. Они заплатят за свой бред 1917 года.

Рёбате: Я только что показал тебе «Дневник первой войны» Поля Морана. Я верю, что это тебя позабавит. Ты найдёшь, согласно их природе, всех аристократов и буржуа, ликующих перед лицом русской революции, во главе с графиней Анной де Ноай¹⁰⁶². Моран говорит, что нашёл трёх человек — трёх! — которые были плохого мнения об этом событии. И у него были связи, у молодого Морана.

Кусто: Всегда одно и то же. В 1789 году вся французская аристократия была в восторге от требований Генеральных штатов. Четыре года спустя её вырезали или выследили... Нет страны, где русская революция была бы встречена с таким воодушевлением, как в Соединённых Штатах. Царь был мерзостью запустения, один Керенский был Вашингтоном, Джефферсоном и Линкольном. А сейчас американцы хороши! Точно так же, как немецкие якобинцы приветствовали Французскую революцию перед тем, как их разграбили солдаты второго года¹⁰⁶³, но я испытываю к Америке не больше, чем дополнительный, второстепенный интерес. Краем глаза я наблюдаю за французскими буржуа. Они тоже заигрывали с большевизмом с 1917 года и всегда отказывались в целом от действенных мер спасения. Они были либеральны, они были антифашистами¹⁰⁶⁴. В 1941 году, когда СССР воевал с Германией, они впали в транс и стали жечь свечи за победу русских. Тогда они были только рады, в 1944 году, протянуть руку помощи коммунистам, взявшимся уничтожить нас.

---

¹⁰⁶² Anna de Noailles, урождённая Anna Elisabeth Bassaraba de Brancovan, поэтесса румынского происхождения, 1876–1933.

¹⁰⁶³ Революции.

¹⁰⁶⁴ Тут Кусто очень прав, фашизм — это буржуазия.

Рёбате: Для буржуазии прибытие в Париж великих славянских союзников было бы немногим более уродливым, чем самое уродливое из наступательных возвращений СС.

Кусто: Нацистский гауляйтер, вольный мстить за себя, как ему заблагорассудится, не смог бы причинить французской буржуазии и сотой доли того вреда, который нанесли бы ему Поповы. Он устал бы, позволил бы себе пожалеть... А большевизм — прокатный стан безукоризненной эффективности. Ничто не ускользает от него. Всё, что дальше, сокрушено. Тогда буржуи уже не отпираются... А ведь мы сделали всё, чтобы этого не допустить. Очень жаль тех, кто сделал всё, чтобы это стало возможным...

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
библиотека тюрьмы Клерво (Франция), 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
июль 2022.*

ДИАЛОГ ДВАДЦАТЫЙ: СВЯЩЕННАЯ ЛЮБОВЬ РОДИНЫ...

В современной Франции, той, какая есть,
француз не может быть никем другим, кто ей противостоит.

Монтерлан, Le Solstice de Juin

Национальная Ассамблея спорила об «амнистии». Большие дебаты, которых все французские заключённые ждали шесть лет, как евреи — Мессию. Потому что в Амнистию начали верить в тюрьмах с августа 1944 года. Амнистия стала чем-то чудесным, сверхметафизическим символом Надежды, синонимом перерождения и радости жизни. С амнистией была связана наивная, цепкая, подозрительная вера, которая всегда огорчала Кусто и Рёбате. Они относились к своим товарищам в цепях с грубой привязанностью и жалели этих бедных людей за то, что те так легко поддаются под миф об Амнистии и его жестокие разочарования. Кусто и Рёбате знали, что от Палаты Сопротивления нечего ожидать, что макизарные¹⁰⁶⁵ парламентарии постоянны в своём существовании. Отсюда их¹⁰⁶⁶ безмятежность, лёгкость духа и отрешённость. Ни на что не надеясь, они ничего не боялись. Но всё же они не предвидели, что проект «амнистии» — раз был проект амнистии — зайдёт так далеко за рамки самых пессимистичных прогнозов и что французские парламентарии найдут способ назвать «амнистией» репрессивный закон, учреждающий новые категории правонарушений и дающий возможность сажать в тюрьму всех подозреваемых, всех еретиков, и ни одна статья которого не позволит выпускать из тюрьмы, согласно праву, ни одного заключённого. Это было почти слишком хорошо, чтобы быть правдой. Тем не менее даже этот проект-мистификация показался парламентариям-

---

¹⁰⁶⁵ От маки, бойцы Сопротивления.

¹⁰⁶⁶ Кусто и Рёбате.

патриотам экстравагантно щедрым. Если бы им предложили дать дивизию «Дас Райх» и *Das Reich* пройти под Триумфальной аркой, они бы начали задыхаться с меньшим негодованием. «Отнять у предателей одним махом пятнадцать лет национального позора! Вы же не об этом думаете! Давайте пять, если хотите... Сойдёмся на десяти». Почти месяц шла эта дискуссия торговцев коврами среди грохота благородных слов и оскорблений рыбного рынка: «Славные наши мертвецы!.. Говно... Щедрая Франция!.. Заткнись, взяточник!.. Возвышенные жертвы Сопротивления!.. Да пошёл ты!.. Пришло время объединить французов!.. Стадо коров!..» В отличие от своих товарищей, упорно цепляющихся за иллюзию, глядя на очевидное, Кусто и Рёбате очень развлекались¹⁰⁶⁷.

Кусто: Всё же больно констатировать, что эти дебаты очень точно отображают образ современной Франции.

Рёбате: Как на картинке...

Кусто: То, что мы об этом скажем, заставит подсчитать 99 из 100 свободных граждан Четвёртой Республики.

Рёбате: Они будут протестовать, что наше задержание прискорбно, смешно, что они против. И начнутся известные куплеты о непристойности Бурбонского дворца¹⁰⁶⁸, о клоунаде там. Я предупреждаю, я в эти игры больше не играю. Я имел слабость почти пятнадцать лет разделять официальную Францию и настоящую Францию. Это одна из самых больших ошибок в моей жизни. К счастью, я давно этого не делаю. Из шестисот депутатов годных нет двадцати, и это с первых дней Третьей Республики. Но этих неудачников выбрал весь французский народ.

Кусто: Ну, профессия¹⁰⁶⁹ никогда не привлекала честных людей.

Рёбате: Но это избиратели сделали эту профессию ещё большее упадочной, чем в любой другой стране мира.

---

¹⁰⁶⁷ Тем не менее они выйдут по амнистии.

¹⁰⁶⁸ Место, где заседает Национальная Ассамблея Франции.

¹⁰⁶⁹ Депутата.

Кусто: Я тоже отдал дань мистификации о настоящей стране и стране официальной... Это было так удобно... Это так хорошо улаживало дела... Можно было выражать ненависть к правителям, сохраняя при этом уважение к управляемым... С одной стороны были официальные макаки, а с другой — идеальная, трансцендентальная, метафизическая Франция, украшенная всеми добродетелями, распространяющая благоухание святости...

Рёбате: Без этой выдумки как можно быть патриотом? С того дня, как вы осознаете, что Мок¹⁰⁷⁰, Эррио¹⁰⁷¹ и Франциск Гей¹⁰⁷² *на самом деле* Франция, всё становится намного сложнее...

Кусто: Но я пойду дальше. Я не удовлетворился открытием, что настоящая Франция и Франция официальная — одно целое. Я считаю, что в конечном счёте официальная Франция стоит на ступеньку выше настоящей Франции. Государственные деятели часто вынуждены вести себя с некоторой долей приличия и ума и игнорировать волю народа. Им было бы гораздо хуже, если бы они искренне подчинялись ему.

Рёбате: Это великолепная истина. На эту тему можно было бы написать прекрасную редакционную статью: «Похвала французскому парламенту». Однако не стоит заходить слишком далеко. Потому что если парламенты остаются у власти, то всегда благодаря тому, что угождают основным вкусам граждан. Я настаиваю на слове: вкус. Я не говорю об убеждениях. У французов этого уже не так много, они слишком стары для этого. Во всяком случае, они не верят в демократию, как искренне и невозмутимо верит средний американец. Но у них есть вкус, порок, если хочешь. Если у них — последние в мире политические учреждения, то это потому, что эти учреждения, короче говоря, происходят от порока национального большинства.

---

¹⁰⁷⁰ Jules Salvador Moch, 1893–1985, политик.

¹⁰⁷¹ Édouard Herriot, 1872–1957.

¹⁰⁷² Francisque Gay, 1885–1963, политик.

Кусто: Это действительно дело вкуса. Только вкус французов не заставляет их принимать без разбора все свои собственные принципы. Из трёх неизвестных, составляющих уравнение, начертанное на фронтоне общественных зданий, только одно им по-настоящему дорого¹⁰⁷³. По сути, им наплевать на Свободу, и они совершенно не знают, чем может быть Братство, но страстно любят Равенство. А Равенство — это сама суть Демократии. «Почему он, а не я?» Да. Почему? Таким образом, мы, как правило, присоединяемся к дворнику.

Рёбате: И это даёт хорошие результаты: единственная в мире демократия, у которой нет другого тормоза, кроме профессиональной хитрости старых министров. Кроме того, слово «демократия» ещё слишком выделяется для французского режима, так как оно обозначает также швейцарский, скандинавский и даже американский режимы, представителями которых являются Солоны и Ришельё, если мы сравним их с Эррио, Рейно¹⁰⁷⁴, Бидо¹⁰⁷⁵. Мы должны взять в привычку отмечать эту разницу и никогда не забывать, что Франция находится в демагогии и что она была там, за исключением нескольких затмений, с 1789 года.

Кусто: Истоки этого режима оставили на нём гораздо более глубокий след, чем можно было бы подумать. Эти истоки раздражают. И Франция не краснеет, официальная или настоящая, но получает от этого удовольствие. Неслучайно национальным праздником является 14 июля, то есть память о бунте, который возглавил самый подлый негодяй. И в каких условиях! В этот славный день ничего не пропало. Во-первых, вербовка повстанцев, которые были не честными ремесленниками, как некоторые хотели бы заставить нас поверить, а замаскированными мафиози, соблазнёнными перспективой грабежей. Наконец, с военной точки зрения, это фиктивный подвиг: Бастилия защищалась не дольше, чем фон Хольтиц,

---

¹⁰⁷³ «Свобода, Равенство, Братство».

¹⁰⁷⁴ Jean Paul Reynaud, 1878–1966, политик, либерал.

¹⁰⁷⁵ Georges Bidault, 1899–1983, политик, участник Сопrotивления.

де Лоне произвёл пушечный выстрел (только один) и медленно открыл свои двери, поверив обещанию, что гарнизон будет спасён. Как говорит Ривароль: «Господин де Лоне потерял голову ещё до того, как её отрезали». Наконец, как только ворота открываются, несмотря на самые торжественные клятвы, первая забота осаждающих — предать узников смерти. И — в довершение этой бесславной бойни — тартаринады, родомонтады¹⁰⁷⁶, показ бицепсов лжепобедителей, что тотчас объединились и стали с 15 июля такими же многочисленными, как и бойцы Сопротивления с 32 августа¹⁰⁷⁷. Это национальный праздник этой страны. И все парады сен-сирцев¹⁰⁷⁸ в страусиных перьях и белых перчатках ничего не изменят.

Рёбате: И если бы только Бастилия.... Но весь республиканский иконостас в корне вводят в заблуждение. Возьму только один пример: сорок восемь¹⁰⁷⁹, символы мистической демократии, гуманистического идеала. Я тебя, блядь, заверяю, эти кроткие апостолы вырезали людей со свирепостью, что её традицию Галифе¹⁰⁸⁰ должен был только подхватить.

Кусто: У всех людей есть их ложные герои, их мятежники.

Рёбате: Но это всё же французская специализация — легенды-бурлески и восхваления убийц и унижение достойных уважения действий. В 1918 году Франция одержала неполную, но бесспорную победу. Я видел, как почти все французы плюнули на эту победу, приняв её как своего рода позор. Несомненно, миф об Освобождении в 1950 году пользуется большим уважением, чем 11 ноября¹⁰⁸¹ в 1923 году.

---

¹⁰⁷⁶ Хвастливые разглагольствования, от Rodomont — персонаж средневековых баллад.

¹⁰⁷⁷ «Боец сопротивления 32 августа» — человек, который объявил себя сопротивленцем после окончания войны, в несуществующий день, аналог «греческих календ», но про человека.

¹⁰⁷⁸ Сен-Сир — военное училище.

¹⁰⁷⁹ Коммуна 1848 года.

¹⁰⁸⁰ Gaston Alexandre Auguste de Galliffet, 1831–1909, маркиз, «палач Коммуны».

¹⁰⁸¹ Окончание Первой мировой.

Кусто: Что меня, видишь ли, поражает — так это необычайное постоянство национальных особенностей. И это, несмотря на все вторжения, несмотря на все скрещивания. Что осталось от галльской крови в этой стране? Однако всё, что Цезарь говорит о галлах, чудесным образом применимо к людям, управляемым господином Плеве-ном¹⁰⁸²: склонность к клановым ссорам, склонность к индивидуальным подвигам, склонность к хвастовству. Всё это встречается из века в век. Как реальная страна не отличается от страны официальной, так и народ старой Франции не отличается от народа новой Франции. Единственная разница — но, соглашусь, принципиальная — в том, что при старом режиме устремления этого народа были сорваны, тогда как с 1789 года ему была предоставлена полная свобода действий. Результат неутешительный.

Рёбате: Есть ещё один факт, о котором ты часто вспоминаешь, и ты здесь прав: Франция была самой густонаселённой страной в Европе, а потому и самой страшной.

Кусто: Учитывая все обстоятельства, Франция была для Европы прошлых лет тем же, что и сегодняшняя Россия: огромной машиной, в которую погружались лучшие армии мира, так и не дойдя до конца. Взгляни на Столетнюю войну! Случайно из своих тюремных чтений я усвоил важнейшую деталь, которую стараются не печатать в школьных учебниках. Дело в том, что в то время жили двадцать миллионов французов и только три миллиона англичан¹⁰⁸³. В течение ста лет англичане побеждали во всех генеральных битвах, а чтобы французы выиграли при соотношении семь к одному, понадобилась чудесная пастушка¹⁰⁸⁴, святой Архангел Михаил и Гром Божий.

---

¹⁰⁸² René Plevén, 1901–1993, политик Четвёртой Республики.

¹⁰⁸³ Переводчик хотел бы слегка защитить Францию от нападков её рыняного сына. Столетняя война, строго говоря, была не войной Англии и Франции, а войной Плантагенетов, у которых были огромные владения на территории Франции, и Валуа. Например, «англичанами» были жители региона Бордо, Нормандии, Бретани. Да и население острова составляло не 3, а 5 млн человек. В то же время численный перевес у Франции был, пусть и не такой большой.

¹⁰⁸⁴ Жанна д'Арк.

На протяжении всей нашей истории так и было. У меня нет данных о грозных армиях, которые Людовик XIV направил на маленькую Голландию, не сумев победить её, но и этот эпизод не должен льстить национальному самолюбию¹⁰⁸⁵. В Россбахе французов было 58 000 человек против 20 000 пруссаков. В Жёммапе¹⁰⁸⁶ их было двое против одного¹⁰⁸⁷. При Ватерлоо было 240 французских орудий против 159 английских. А в Париже 1871 года, осаждённом всего 200 000 немцев, растянувшихся тонким кордоном, сидели 500 000 французских солдат, которые в эпоху штыкового боя должны были бы одной своей массой совершить знаменитый прорыв.

Рёбате: Очевидно, мы найдём немного французских историков, которые проводят исследования в этом направлении. Другие историки не без оснований могли бы ответить, что если Франция была могущественной нацией, то именно потому, что её короли сделали её таковой, что она первой достигла своего единства. В любом случае по этой и другим причинам престиж Франции был огромен.

Кусто: Да мы сами рождены в эпоху, когда этот престиж был ещё не тронут, когда мы были пропитаны им, сознательно или бессознательно, будь мы патриотами или интернационалистами.

Рёбате: Не возвращаясь так далеко назад, двадцать лет назад Франция всё ещё обладала первой в мире армией, самым современным и совершенным в мире военным оружием. Да или нет, Франция всё ещё была способна изменить судьбу Европы. Сегодня наша казна почти уничтожена, долги стали гигантскими. Мало того, что мы постоянно нуждаемся в американских деньгах, мы уже не в состоянии ни в финансовом, ни в промышленном отношении строить своё оружие, нам не хватает кредита, как и нашим фабрикам. Франция Марны и Вердена вынуждена

---

¹⁰⁸⁵ Против Франции Людовика XIV воевала вся Европа, как против России Николая Первого в Крымскую войну.

¹⁰⁸⁶ Жёммапес.

¹⁰⁸⁷ 2,5 против одного.

покупать свои танки, свои самолеты и даже свои пушки за границей, как в прошлом делали балканские страны. На мой взгляд, нет более явного признака упадка.

Кусто: У меня не хватило бы духу смеяться над этим упадком, будь он результатом какого-то природного явления. Но это логический результат системы, философии жизни. И оказывается, что французы бурно гордятся тем, что вызвало этот упадок. Они больше всего дорожат причинами своих несчастий. Они ненавидят всё, что может нарушить механизм¹⁰⁸⁸. Мы сами были приговорены к смерти именно за то, что в пределах своих слабых сил пытались переломить ситуацию.

Рёбате: И даже после 1940 года мы были достаточно глупы, чтобы поверить, что мы всё ещё можем что-то сделать. Мы сделали всё, чтобы сохранить Францию, хотя бы часть её сил, мы тогда предсказывали бедствия, которые постигнут Францию на пути возвращения к её демократическому пороку. Нас послушала только горстка боевиков, и в конце концов нас заковали в цепи, а могильщики вернулись в свои министерства и свои президентства. А я возвращаюсь к тому, что говорил: к 1930 году, когда Франция была ещё такой могущественной и внушающей страх. Десять лет спустя она оказалась на дне канавы. Внезапность этого падения лишила дара речи французов, в первую очередь нас. Она удивила даже незнакомцев. Французский упадок настолько противоречит этому прошлому, которому нет и сорока лет, что никто не может смириться с тем, чтобы признать факты. Франция, она остаётся, несмотря ни на что, страной Наполеона, страной 1918 года, страной, где есть Париж и Версаль, страной, сделавшей себя второй колониальной империей в мире. Во всей международной политике она сохраняет за собой место «третьей великой». Это прекрасный шанс. Но посмотри, как выборные должностные лица Четвёртой Республики пользуются этим шансом: заставляя прова-

---

¹⁰⁸⁸ Деградации.

литься комбинации коалиционных правительств, подрывая те самые меры, которые иностранцы хотели бы принять для защиты этой страны.

Кусто: Франция — это нация, которая всем говорит «нет». И которая всегда в конечном счёте принимает всё, потому что у неё нет материальных средств, чтобы навязать своё отрицание. Так что она не довольствуется подчинением воле других. Более того, она доводит себя до смешного, заявляя, что никогда, ни под каким предлогом не сделает того, что... делает, пусть с неохотой, через год или полгода, и всякий раз теряет моральную и материальную выгоду от спонтанного присоединения. И это не прерогатива Четвёртой Республики. Лаваль сотрудничал с немцами так же, как Мок с американцами или Барту с англичанами и Лигой Наций. Всё-таки какой склероз у этих великих людей...

Рёбате: Это склероз. Это также разложение тканей, партии внутри партии, социалисты жорессианской традиции, социалисты блюмистского оттенка, прогрессивные социалисты, радикалы левые... правые, центристские, причём всё это далее подразделяется на жёстко-мягких, на жёстко-не-мягких, крупных и мелких сопротивляющихся... и, глядя на нашу собственную кашу германофобских или германофильских коллаборационистов... потом авангардистские и арьергардные деатисты, дориотисты-роялисты и дориотисты церковные... Сплочённость видишь только у французов, совсем переставших жить французской жизнью — у коммунистов.

Кусто: Эта раздробленность фракций есть не только явление декаданса. Это старая национальная черта, которую мы видим на протяжении всей нашей истории. Мы говорили об этом ранее: постоянные недостатки французов не имеют серьёзных последствий, когда страна сильна своей массой и когда группировки — в железном кулаке. Никакой другой стране не нужно больше, чем Франции, чтобы ею управляли Филипп Красивый, Людовик XI, Генрих IV, Ришельё, Людовик XIV, Наполеон...

Даже если хотите, Робеспьер, ведь даже он менее глуп, чем слесарь Капет¹⁰⁸⁹... Никогда не забывайте, что этот народ, который насчитывал и насчитывает так много достойных личностей, является самым глупым из всех народов, как только становится хозяином своей судьбы. И как только вы отпускаете вожжи, он становится жестоким.

Рёбате: Все народы творили зверства. История Англии, например, очень отвратительна. Какая серия резни!

Кусто: Да, но со времён королевы Елизаветы она практически закончилась, а во Франции она постоянна: альбигойский крестовый поход, Жакерии, диктатура кабошонов, арманьяков и бургундцев, католиков и протестантов, Фронда, Великая революция, непрекращающиеся революции XIX века, Коммуна... Только когда центральная власть достаточно сильна, эти кровожадные инстинкты, безусловно общие для всех народов, подавляются. К сожалению, во Франции центральная власть редко бывает сильной.

Рёбате: Когда речь идёт о причинах упадка французов — то понятно, что свирепость не одна из них. Это было бы даже признаком жизненной силы! Но что продолжает расти среди этого народа, так это жизненная сила. Я долго привожу пример армии 1940 года. Я считался феноменом, среди двух тысяч буффонов, потому что хотел немного попрактиковаться в марше, в стрельбе... я, фашист, пацифист! Остальные были в основном антигитлеровцами, не так, как я, возмущались идеей, что Франция вступила в войну, но категорически отказывались признать, что эту войну нужно вести своими костями или, по крайней мере, своим потом. Они не только не хотели рисковать своей шкурой, но и не хотели утомлять себя. В их представлении Гитлер, наверное, сломал бы себе шею, но вот... случайненько так, в полном одиночестве, по крайней мере, под их ударами. Вот что случилось. А тем временем, как сказал Лобро¹⁰⁹⁰, произошло великое падение.

---

¹⁰⁸⁹ Имеется в виду последний король Франции, увлекавшийся слесарным делом.

¹⁰⁹⁰ Alain Laubreaux, 1899–1968, писатель.

Кусто: Будь так. Но не нужно жаловаться на этот отрицательный баланс. Остаются всё же ещё приятные стороны во Франции. Только французы не ценят своих настоящих достоинств.

Рёбате: Мы говорили об этом много раз. Французы очень хорошо занимаются любовью, может быть, даже лучше, чем итальянцы. Готовят очень хорошо. Это отнюдь не незначительные качества. Они являются признаком высокой степени цивилизованности, они составляют половину жизни простых смертных. Между симпатичным французом с тонким ртом и американцем, который пьёт молоко со своим бифштексом и трахается, как воробей, мне кажется, мы должны без колебаний назвать французское животное если не высшим, то во всяком случае более развитым. Я не хотел бы, чтобы ты отнёс это на счёт некоего разврата, которым я грешу и в котором не могу раскаяться.

Кусто: Развратник! Но все мужчины развратны. Разница в том, что одни соглашаются это признать, а другие скрывают. Два с половиной миллиарда особей, населяющих эту планету, думают практически только о спаривании. То, что французы делают заметно лучше других двуногих то, о чём все думают, что они преуспевают лучше всех в японском вихре¹⁰⁹¹ — вот чрезвычайно серьёзное звание славы, которым было бы правомерно гордиться, что-то, что действительно оправдало бы национальную гордость. То же замечание для мяса. Она имеет значение в жизни мужчины, жратва. И какая чёртова разница в том, что повседневная пища состоит не только из калорий и витаминов...

Рёбате: У французов также есть ресурсы вкуса, утончённости и духа. Мне нужны только доказательства этого в нынешних проявлениях: мода, очарование женщин, популярное воодушевление, язвительность почти всех и во всём. Удивительно даже, что эти качества, снискавшие нам

---

¹⁰⁹¹ Вершина эротической утончённости Пьера-Антуана Кусто. Он никогда не соглашался раскрывать малейшие подробности этого «вихря». — Прим. Кусто и Рёбате. Видимо, какая-то сексуальная практика или поза.

такой большой художественный авторитет, породили в политике так мало достойных этого имени дипломатов.

Кусто: И снова французы пренебрегают своими настоящими достоинствами. Они хотят, чтобы люди говорили, что они гостеприимны и щедры, тогда как их «старичий крестьянский здравый смысл» делает их подозрительными и скупыми. Они провозглашают, что их жёны добродетельны. Они утверждают, что всё изобрели. И они настаивают прежде всего на своём военном гении.

Ребат: Эй! Музыка! Историю нельзя отрицать. Многое можно сказать о битве на Марне. Но десантники, выигравшие её после 400-километрового отступления, бесспорно проявили определённые боевые качества, и даже весьма исключительные качества. Более того, французские солдаты с Марны до 11 ноября 1918 года сделали очень достойные вещи. Несомненно, есть немного преувеличений в надписях о сражениях, сделанных над Триумфальной аркой, но в конце концов верно то, что французы выиграли их все. Мы вправе сказать, что это компенсирует Азенкур, Росбах и Седан. Даже в гротескной войне 1870 года старые полки хорошо сражались и могли продержаться достаточно долго без манёвров маршалов.

Кусто: Ладно, ладно, я не отрицаю, что французы проявили некоторую склонность к драке. Поодиночке они часто бесстрашны, а сражаясь небольшими отрядами, обычно превосходят своих врагов. Но это не выходит за уровень отряда или отделения, отделения 1914–1918 годов в дерьме Вердена, отряда, пусть и большого. К сожалению, как только человек попадает в армейский корпус или в военное училище, это кончается катастрофой. Насколько мне известно, нет людей¹⁰⁹², чьи крупные военные операции проводились хуже. История Франции начинается в Алезии: катастрофа¹⁰⁹³. Наш эпос — «Песнь о Роланде», ещё одна катастрофа¹⁰⁹⁴. Ни у одной нации не

---

¹⁰⁹² Кроме французов.

¹⁰⁹³ Осада Алезии Цезарем, капитуляция галлов.

¹⁰⁹⁴ Гибель арьергарда французов.

было череды более бесполезных военачальников, ни у одной страны не было такого количества захваченных в плен монархов, от Верцингеторикса до двух Наполеонов, включая Иоанна Доброго¹⁰⁹⁵ и Франциска I¹⁰⁹⁶, ни у одной страны не было столько генеральных штабов, застигнутых врасплох изобретениями врага, бомбардами Креси или удушающими газами, никто не применял более абсурдные военные методы, заставляя атаковать бронированную кавалерию в болотах Азенкура или наряжать красные штаны перед немецкими пулемётами. Ни в одной стране, наконец, не было уничтожено столько эскадрилий... Подвиги корсаров? Безусловно! Но каждый раз, когда французские адмиралы выстраивали свой флот перед противником в боевом строю, в тот же вечер французского флота не оставалось. Нет. Военная история Франции ужасна.

Рёбате: Был же всё-таки Наполеон!

Кусто: Этот был исключением¹⁰⁹⁷. Но он пролетел, как метеор. Как правило, французские военачальники не умеют вести войну. Но эта война 1914–1918 годов подтверждает мой тезис. Французы того поколения умели умирать и страдать, но их операции проводились вопреки здравому смыслу с безумной тратой человеческих жизней: почти столько же убитых на удержание от 3 до 400 километров фронта, сколько у немцев на тысячи километров фронта, на восток, запад и юг. И, в конечном счёте, Франция выиграла только потому, что с ней был весь мир.

— Конечно, — сказал Рёбате после некоторого размышления и ворчания, — мы не рассматриваем французский вопрос с одной и той же точки зрения. Ты ищешь постоянные черты француза. Я не утверждаю, что ты ошибаешься. Но для меня история Франции служит прежде всего для постановки своего рода диагноза. Я знаю, что понадобилось несколько великих людей, чтобы снова

---

¹⁰⁹⁵ Пленён англичанами.

¹⁰⁹⁶ Пленён испанцами.

¹⁰⁹⁷ Великий тактик, Наполеон стратегически проиграл всё.

и снова изменить судьбу этой страны. Но я думаю, что сегодня этих великих людей уже не хватило бы, или, точнее, эти великие люди стали невозможны. Они могут родиться, но французские учреждения обрекут их на безвестность, отвергнут из политики. Великие люди — это антитоксины, органические реакции социального организма. Я думаю, в конечном счёте, что Франция — слишком старое тело. Она первая добилась своего единства: это должно быть исчислено для наций подобно дате рождения отдельных людей. Глупо требовать от неё энергии, дерзости, инстинкта покорения молодых стран. У Франции ещё есть определённые качества, свойственные старикам, старым цивилизациям. У неё есть скептицизм, аналитический склад ума, склонность к весёлому пессимизму. Ей посчастливилось сохранить свои архивы, свои музеи, свои соборы, свою столицу, которая является одним из самых приятных уголков мира. Её женщины всегда хороши собой, столы хорошо обставлены, литература остроумна и вкусна. Если бы Франция знала, как смириться со своим упадком, отказаться от предприятий и тартаринадов, которые уже не соответствуют её возрасту, и в то же время излечиться от сартровской, пикассовской или прогрессивной мочи, приближающей час её разложения, она всё ещё могла бы быть очаровательна и иметь завидную репутацию, играть свою роль в этой вселенной кровавых проповедников и механизированных дикарей. Не протестуй: я прекрасно знаю, что это видение абсурдно...

Кусто: Я не протестую. Мечта абсурдна, но привлекательна. И факт, что эта гипотеза приходит тебе на ум, эта гипотеза, которая опять-таки — как и всё, что мы желали и предлагали, — меньшее зло, показывает, что, несмотря на наше объявление вне закона, мы должны быть, ты и я, среди последних французов, обладающих чем-то вроде французского смысла.

Рёбате: Это, к сожалению, правда! Но именно такой патриотизм, единственно мудрый и полезный, заставил бы быть профессиональных патриотов. (Рёбате не-

сколько раз обошёл стол с тяжёлым звуком сабо.) Есть постоянная характеристика французов, которую ты забываешь: непреодолимая потребность плохо говорить о своей стране. Что заставило бы меня сказать, что ты самый француз из французов.

Кусто был тронут. Но он по-спортивному отбил удар.

Кусто: Эх! Конечно, несмотря на решение суда, я не полностью денационализирован. Я так иногда говорю, но это неправда. Если я честно исследую себя, я вынужден признать, что остаюсь французом по вкусу, по темпераменту. Это непросто... Я знаю, что многими фибрами души я остаюсь привязанным к этому шестиугольнику, я знаю, что я во многих отношениях похож на всех остальных французов... В то же время меня ужасает почти всё, что им дорого, и почти по каждому пункту я не согласен со всей страной. Единственные французы, с которыми мне нравится общаться, это те, кто восстаёт против официальных французских ценностей, но я предпочитаю этих мятежных французов любым иностранцам... И единственные французские писатели, которых я читаю с удовольствием, — это еретики — я думаю об «Уране» Марселя Эме, «Королевстве» Мишеля Морта — но эти французские писатели-еретики мне дороже самых привлекательных иностранных писателей. Нет, ты видишь, это непросто...

*Пьер-Антуан Кусто, Люсьен Рёбате,
библиотека тюрьмы Клерво (Франция), декабрь 1950.*

*Перевод: Владимир Лорченков,
муниципальная библиотека Кот-Сен-Люк (Квебек),
ноябрь 2022.*

КОНЕЦ

СЛОВАРЬ

Les Décombres («Развалины») — книга Рёбате, ставшая бестселлером во время Оккупации, с критикой масонства, Республики, евреев и Церкви. За эту историю падения Третьей Республики Рёбате судили в 1944 году.

Je Suis Partout («Я повсюду») — издание французских «правых», в годы Оккупации сотрудничало с немцами, после крушения режима нацистов закрыто.

Ино — тюрьма во Франции.

Клерво — тюрьма в здании аббатства. Там отбывал наказание Кропоткин, и там проводит своё пожизненное заключение известный террорист Карлос «Шакал».

Санте — тюрьма в Париже (открыта в 1867 году), режим Санте считается одним из самых строгих в стране.

Френ — тюрьма, открытая в 1898 году, находится в Париже.

«Аксьон Франсэз» (Action Française) — консервативное движение конца XIX века, в 1905 году ставшее партией. В 30-е годы XX века становится профашистской, сотрудничает с немцами в годы Оккупации, в 1944 году ликвидирована, но в 1947 году восстановлена.

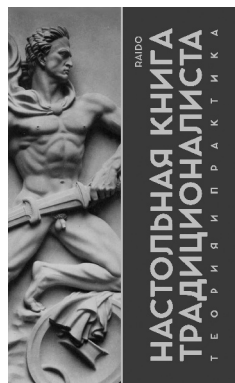
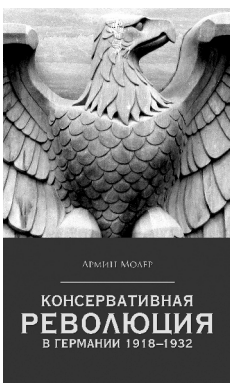
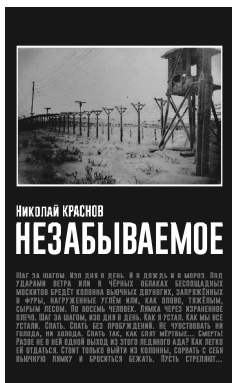
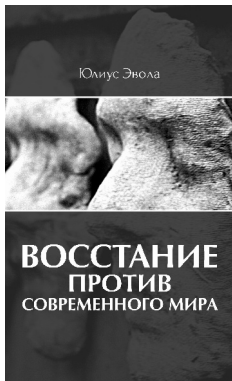
«Интеллидженс Сервис» (The Secret Intelligence Service (SIS)) — группа секретных служб Великобритании, порой дублирующих друг друга и фактически друг другу не подчинённых.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal blue or grey ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are approximately 20 lines visible. The paper has a slight shadow on the right side, suggesting it's part of a bound notebook. There is no handwriting or other markings on the page.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal blue or grey ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

**ЧИТАЙ ПРАВИЛЬНЫЕ КНИГИ
НА TOTENBURG.ORG**

ТОТЕНБУРГ

